

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ  
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ  
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

# ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

---

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ

БИБЛИОТЕКА  
СУДЕБНОГО  
ЭКСПЕРТА

---

**БЭ**

№ 4 (12) 2008

---

# “ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ”

№ 4 (12) 2008

## Учредитель издания:

государственное учреждение Российский федеральный центр  
судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации  
Адрес: 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 15

## Редакционный совет

**Председатель совета:** Ю.П. Яковлев, директор Департамента правового регулирования, анализа и контрольной деятельности подведомственных федеральных служб Минюста России

**Заместитель председателя совета:** Т.П. Москвина, к.х.н.

**Ответственный секретарь совета:** Н.Н. Лобанов, к.ф.-м.н.

**Главный редактор:** А.И. Усов, д.ю.н.

**Заместитель главного редактора:** В.Н. Цветкова, к.ю.н.

**Ответственный секретарь:** Н.М. Крайнюкова

**Художественный редактор:** Д.И. Ларичев

## Редакционная коллегия

**Агаева Л.Н.**, зав. отделом судебно-экономических экспертиз

**Бутырин А.Ю.**, зав. лаб. судебной строительно-технической экспертизы, д.ю.н.

**Воронков Ю.М.**, зав. лаб. криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий, к.х.н.

**Градусова О.Б.**, зав. лаб. судебно-почвоведческих и биологических экспертиз

**Григорян В.Г.**, зав. лаб. судебной автотехнической экспертизы, к.т.н.

**Замиховский М.И.**, зав. филиалом РФЦСЭ по Московской области, к.ю.н.

**Каганов А.Ш.**, зав. лаб. криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей, к.т.н.

**Карпухина Е.С.**, вед. эксперт лаб. судебной компьютерно-технической экспертизы

**Кондратьев В.В.**, зав. лаб. судебной взрывотехнической экспертизы, к.т.н.

**Микляева О.В.**, Ученый секретарь, к.ю.н.

**Омельянюк Г.Г.**, зав. отд. судебно-экологической экспертизы, д.ю.н.

**Панова Р.Х.**, вед. эксперт лаб. судебно-почерковедческой экспертизы, к.ю.н.

**Самарина Т.М.**, зав. лаб. судебно-трасологических экспертиз, к.ю.н.

**Секераж Т.Н.**, зав. лаб. судебной психологической экспертизы, к.ю.н.

**Сонис М.А.**, зав. лаб. судебно-баллистических экспертиз, к.т.н.

**Таубкин И.С.**, зав. отд. исследований пожаров и взрывов, к.т.н.

**Селиванов А.А.**, зав. отд. судебно-товароведческой экспертизы

**Устюхина Т.И.**, вед. эксперт лаб. судебно-почерковедческой экспертизы

**Федянина Н.В.**, зав. лаб. криминалистической экспертизы волокнистых материалов

**Черткова Т.Б.**, зав. лаб. судебно-технической экспертизы документов, к.ю.н.

**ISBN 978-5-91133-047-7**

© Государственное учреждение Российский федеральный  
центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции  
Российской Федерации, 2008

Свидетельство о регистрации средства массовой информации  
ПИ N ФС77-22228 от 28 октября 2005 года, выдано Федеральной  
службой по надзору за соблюдением законодательства в  
сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

**Адрес редакции:** 109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2,  
РФЦСЭ при Минюсте России, редакция журнала  
„Теория и практика судебной экспертизы“  
Телефон/факс: (495) 916-38-42  
e-mail: journal@sudexpert.ru

**Перепечатка или иное воспроизведение материалов  
допускается только с согласия редакции**

---

# СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

<b>Колонка редакции</b>	7	<b>Енгальчев В.Ф.</b> О подготовке экспертов-психологов в Калужском государственном педагогическом университете им. К.Э. Циолковского	54
<b>Теоретические вопросы судебной экспертизы</b>		<b>В помощь следователю, судье, адвокату</b>	
<b>Холопова Е.Н.</b> Судебно-психологическая экспертиза мотива преступного деяния: проблемы теории и практики	10	<b>Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н.</b> О развитии судебной психологической экспертизы в России и перспективах межведомственного взаимодействия	60
<b>Шипшин С.С.</b> Перспективы развития судебно- психологической экспертизы несовершен- нолетних на современном этапе	15	<b>Южанинова А.Л.</b> Определение научной обоснованности судебно-психологического экспертного заключения в системе его общей оценки	72
<b>Касьянюк Т.Н., Шипшин С.С.</b> К вопросу об инвективной функции нормированной («неоскорбительной») лексики как предмета судебно-лингвистической экспертизы (психолого-лингвистические аспекты)	24	<b>Колонка следователя, судьи, адвоката</b>	
<b>Баранов А.Н.</b> Имплицитные части семантики высказывания в лингвистической экспертизе текста	29	<b>Скабелина Л.А.</b> Об использовании психологических познаний в практике уголовного судопроизводства	78
<b>Нормативная правовая база судебно-экспертной деятельности</b>		<b>Экспертная практика</b>	
<b>Горошко Е.И.</b> Правовое регулирование Интернета: попытка рефлексии	40	<b>Гусева О.Н., Сафуанов Ф.С., Смирнова Т.А., Ткаченко А.А., Филатов Т.Ю.</b> Беспомощное (беззащитное) состояние потерпевших по делам о мошенничестве: клинико-психологические механизмы	82
<b>Вопросы подготовки судебных экспертов в вузах России</b>		<b>Лавринович А.Н.</b> Разработка психологических экспертиз (на примере социально-психологической экспертизы публикаций в прессе)	92
<b>Енгальчев В.Ф.</b> Научно-исследовательский центр судебной экспертизы и криминалистики (НИЦСЭиК)	52	<b>Кроз М.В., Ратинова Н.А.</b> Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти	100
		<b>Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н.</b> Об организации производства межведомственных комплексных психолого-психиатрических экспертиз	107

---

---

<b>Онищенко О.Р.</b> Криминальное манипулирование при мошенничестве	114	<b>Бердников Д.В.</b> Метод исследования акцентуаций свойств темперамента	168
<b>Степанов В.Н.</b> Провокативное речевое воздействие в экстремистских текстах как предмет лингвистической экспертизы	121	<b>Шипшина О.С.</b> Возможности применения методов структурированной оценки риска совершения повторного правонарушения несовершеннолетним в судебно-психологической экспертизе	177
<b>Методики, методические рекомендации, информационные письма</b>		<b>Белянин В.П.</b> Авторский смысл эмоционально- отмеченного текста и проблема реконструкции личности автора	181
<b>Дмитриева Т.Б., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Морозова М.В.</b> Комментарий к проведению комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних обвиняемых в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ	130	<b>Липская Л.П.</b> Грамматический и прагматический аспект анализа императивных высказываний в лингвистической экспертизе	185
<b>Секераж Т.Н.</b> Вопросы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе (о психологических критериях сделокспособности)	135	<b>Архарова Д.И., Изотова Т.М.</b> К вопросу о лингвистической методике построения дефиниций юридических понятий	189
<b>Бердников Д.В., Калинина А.Н., Шипшин С.С.</b> (Информационное письмо) Возможности судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда		<b>Судебная экспертиза за рубежом</b>	
	143	<b>Секераж Т.Н.</b> Переводы рефератов статей из зарубежных журналов	196
<b>Голощاپова Т.И.</b> О методике лингвистической экспертизы текстов, содержащих рекламу и пропаганду наркотических средств и психотропных веществ	150	<b>Конференции, семинары, круглые столы по судебной экспертизе</b>	
<b>Методы и средства судебной экспертизы</b>		<b>Шипшин С.С.</b> Об участии экспертов системы СЭУ Минюста в работе IV съезда Российского психологического общества	202
<b>Шипшин С.С.</b> Опосредованная ретроспективная диагностика психического состояния	154	<b>Гончаров Д.В.</b> О Всероссийском научнопрактическом семинаре «Роль судебно-автороведческой и лингвистической экспертизы при рассмотрении уголовных и гражданских дел»	204

---

---

**Смирнов А.А.**

III Международный Конгресс  
исследователей русского языка  
“Русский язык: исторические  
судьбы и современность”,  
Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г. 207

**Секераж Т.Н.**

О десятом Европейском Конгрессе  
по Психологии 209

**Рубцова И.И., Ермолова Е.И.**

Первый семинар по автороведению  
«Автороведение – современное состояние и  
перспективы развития. Теория и практика»  
(Москва, ЭКЦ МВД, 25-26 июля 2007) 211

**Дискуссии****Нахабедян С.А., Шипшина О.С.**

Как далеко может завести специалиста  
«независимость»? 214

**Желтухина М.Р., Кисляков В.П.**

О проблеме исследования продуктов  
речевой деятельности в рамках  
психолингвистической  
судебной экспертизы 219

**Диссертации по проблемам  
судебной экспертизы****Микляева О.В.**

Диссертации по проблемам  
судебной экспертизы 226

**Новые книги по судебной экспертизе****Фетисенкова Н.В.**

Новые отечественные книги  
по судебной экспертизе 254

Зарубежные книги по судебной экспертизе 257

**Требования к авторским оригиналам** 260

---





**Усов Александр Иванович,**  
заместитель директора  
Российского федерального центра  
судебной экспертизы  
при Министерстве юстиции  
Российской Федерации, профессор,  
доктор юридических наук

Уважаемые читатели!

Предлагаем Вашему вниманию очередной номер журнала «Теория и практика судебной экспертизы», который посвящен двум актуальным направлениям в судебной экспертизе — судебной психологической и судебной лингвистической экспертизе.

В системе судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России оба эти направления относятся к числу новых. Не так давно они получили свой официальный статус и нормативную базу, регулирующую их проведение. В связи с экономическими преобразованиями в стране, развитием гражданского общества и усилением состязательности судебного процесса оба направления интенсивно развиваются и сегодня находятся на переднем рубеже защиты прав граждан. Каждое из этих направлений представляет собой самостоятельный род судебных экспертиз, и при этом «зону пересечения», смежные знания.

Судебная психологическая экспертиза начала свое становление в СЭУ Минюста России в 80-х годах XX столетия и на сегодняшний день прочно вошла в экспертную практику. На всех этапах, с конца 60-х годов, развитие судебной психологической экспертизы в стране во многом было обусловлено состоянием общества, экономическими и правовыми процессами. Публикации настоящего выпуска журнала отражают вопросы как традиционных, сложившихся, методологически обоснованных видов судебной психологической экспертизы, так и новых направлений, остро востребованных юридической практикой. Ряд статей посвящен проблематике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), позволяющей интегрировать знания психологов и психиатров в реализации междисциплинарного подхода: ее теоретическим основам, методологии, практике, вопросам межведомственного взаимодействия.

Сегодня существенно расширилась практика использования специальных знаний в лингвистике при решении задач уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства, все

---

## Колонка редакции

в большем количестве стали ставиться задачи по исследованию текстов, задевающих честь, достоинство и деловую репутацию конкретных лиц и сообществ, общественную нравственность, национальные и религиозные чувства, текстов, содержащих пропаганду и рекламу запрещенных объектов и идей. Указанные направления отражены в материалах наших авторов.

В последние годы значительное число судебных экспертиз и исследований назначается по делам, связанным с расследованием преступлений, предусмотренных статьями 280, 282 УК РФ, а также по делам, рассматриваемым в связи с нарушением федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Большой раздел журнала посвящен решению этих задач, разрабатываемому как в рамках лингвистической экспертизы, так и комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

В разделе «Методы и средства судебной экспертизы» читатели найдут информацию об интересных методах психодиагностики, апробированных и внедренных в экспертную практику, лингвистических методах исследования материалов. Вашему вниманию предложены практические разработки и интересные случаи из экспертной практики. В «Дискуссиях» предлагаем читателям поразмышлять о проблеме компетентности и независимости эксперта, этических нормах профессиональной деятельности.

Надеемся, что читателей заинтересуют также разделы, в которых рассказывается о различных форумах по психологии и лингвистике, о состоявшемся первом в системе СЭУ Минюста России семинаре по проблемам судебной лингвистической экспертизы, новые отечественные и зарубежные публикации по основным и смежным темам номера.

Редакция благодарит всех авторов, принявших участие в подготовке этого выпуска журнала, и приглашает к дальнейшему сотрудничеству ученых и практиков.

Главный редактор журнала  
*А.И. Усов*



# Теоретические вопросы судебной экспертизы

---



**Холопова Елена Николаевна,**  
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Калининградского пограничного института ФСБ России, эксперт-психолог ГУ Калининградской ЛСЭ Минюста России, кандидат психологических наук, доктор юридических наук

## **Судебно-психологическая экспертиза мотива преступного деяния: проблемы теории и практики**

---

Принципиальное положение правового государства и отечественного уголовного права о виновной ответственности требует при анализе субъективной стороны преступления помимо вины учитывать мотивы, цели, разнообразные эмоциональные проявления, которые обуславливают общественно-опасные деяния субъектов преступления. Значительное число ошибок правоохранительных органов связано с недооценкой вины, мотивов и целей преступного поведения: это и неправильная квалификация, невыяснение или игнорирование подлинных мотивов преступления, назначение необоснованных наказаний, неточное применение иных положений Общей части уголовного права, нарушения принципов субъективного вменения, социальной справедливости и т.д.

Мотив – важнейшая характеристика содеянного. Описание мотивов и целей появилось и во многих нормах Особенной части УК, в которых оно ранее не существовало. По каждому уголовному делу мотив относится к обстоятельствам, подлежащим доказыванию п. 2 ст. 73 УПК РФ.

Ежегодные обзоры кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ свидетельствует о том,

что суды стабильно испытывают трудности в определении мотива преступления по ряду уголовных дел. В качестве доказательств установления мотива используются показания обвиняемого, потерпевшего и свидетелей, нередко противоречивые и неполные.

Пробел в доказательственном материале можно было восполнить в ряде случаев, назначив судебно-психологическую экспертизу на предмет исследования мотивов преступного поведения.

В отечественной литературе свыше двадцати лет ведется дискуссия о возможности установления экспертом-психологом мотива преступного поведения.

Противники решения вопроса о выявлении мотива преступления с помощью судебно-психологической экспертизы утверждают: «Установление психологических элементов совершенного преступления в соответствии с законом полностью охватывается сферой деятельности следователя и суда; мотив и цель, будучи вопросами права, не могут представлять собой объект исследования судебно-психологической экспертизы».<sup>1</sup> Аналогичного мнения придерживаются В. Зимарин, И.

<sup>1</sup> Шишков С. Специальные познания и здравый смысл // Законность № 6, 2000. С. 27.

Попов<sup>2</sup>, Селиванов Н.<sup>3</sup> и другие. Вместе с тем, стоит согласиться с теми исследователями<sup>4</sup>, которые считают, что установление психологических компонентов мотивов преступных действий не только возможно, но и необходимо по отдельным категориям уголовных дел.

Необходимость использования результатов судебно-психологической экспертизы мотивов преступного поведения обуславливается следующими факторами:

– во-первых, значимостью влияния мотива преступного поведения лица на степень его вины. В действующем уголовном законе мотив того или иного уровня предусмотрен в качестве признака основного состава преступления, в результате чего содеянное переходит на иной качественный уровень по сравнению с базовым преступлением путем изменения объекта преступления и ужесточения наказания за его совершение; в качестве признака основного состава преступления и позволяет отграничивать преступление от иных правонарушений; в качестве квалифицирующего признака состава преступления, привилегированного состава преступления, в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства, так же мотивами конкретного преступления могут быть любые мотивы за исключением определенного, указанного в законе, в результате чего преступления имеют иное содержание. Более того, мотив может быть не предусмотрен в статьях УК РФ, но правоприменитель, используя возможность признания любого обстоятельства смягчающим ответственность либо используя возможности ст. 60 УК РФ, учитывает мотив при назначении наказания;

– во-вторых, сложностями процесса установления и доказывания признаков субъективной стороны преступления, в том числе и мотива. чаще всего суду и следствию не удается раскрыть мотивы преступления, в том числе и по той весьма распространенной причине, что данному вопросу они попросту

не придают никакого значения. Это одна из веских причин того, что подавляющее большинство преступников считают приговор и наказание несправедливыми, а себя не признают действительным источником общественно-опасных последствий. Они искренне убеждены, что действительными виновниками являются потерпевшие, свидетели, жизненные трудности и иные обстоятельства, признают же себя виновными лишь формально. Понятно, что при таком отношении трудно рассчитывать на осмысление содеянного, раскаяние, стремление исправиться;

– в-третьих, ошибочным установлением работниками правоохранительных органов, судами мотивов преступного деяния, что приводит к неправильной квалификации преступления и как следствие, к отмене или изменению приговора в виду неправильного применения уголовного закона. Удельный вес подобных ошибок достигает 40-50% в общей массе судебных ошибок<sup>5</sup>;

– в-четвертых, пониманием того, что мотив – это, прежде всего психофизиологическое понятие которое превратилось в юридическое потому, что заняло необходимое место в уголовном законе. Вследствие того, что мотив «пришел» в юриспруденцию из психологической науки, поэтому и анализировать его нужно начиная с позиции этой науки. Так же изучению этого уникального феномена психологией отводится самое пристальное внимание, чем другими науками (криминологией, уголовным правом и др.). Все вышеизложенное может свидетельствовать об актуальности такой экспертизы, необходимостью разработки объекта, предмета, задач такой экспертизы, использовании её при доказательстве субъективной стороны преступления.

Использование результатов судебно-психологической экспертизы при доказательстве мотива преступного деяния возможно, так как преступление является одной из разновидностей внешнего произвольного поведения человека. Выделение преступления как особой категории произвольного поведения в отдельную группу обусловлено существованием в обществе определенных норм. В связи с этим, как считает С.В. Скляр<sup>6</sup> общие поня-

<sup>2</sup> Зимарин В., Попов И. Проведение психологической экспертизы // Советская юстиция, 1974. № 5. С. 18.

<sup>3</sup> Селиванов Н. О необходимости усиления правовых гарантий соблюдения принципов судебной экспертизы // Социалистическая законность, 1986. № 3. С. 56-58.

<sup>4</sup> Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. Справочное пособие. М., Юристинформ. 2000. С. 23-24; Ситникова А.Е., Ермолин А.В. Представленность в сознании структуры мотива как предмет судебно-психологической экспертизы: Монография: СПб. изд. РГПУ им. А. Герцена и др.

<sup>5</sup> Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Из-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 11.

<sup>6</sup> Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб.: Из-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 57.

тия мотивов преступного поведения и мотивов нормативного произвольного поведения не имеют принципиальных различий. Оценка мотивов поведения как мотивов преступления зависит, прежде всего, от того, признается ли обществом данное поведение преступным или правомерным и сознает ли это субъект, совершающий данное деяние. Поэтому представляется невозможным чисто правовое определение мотивов преступного поведения. Рассмотрение вопроса о сущности мотивов преступного поведения должно осуществляться только при психологическом анализе произвольного поведения в целом.

Современный этап развития судебно-психологической экспертизы мотивов преступного деяния характеризуется противоречивым отношением к ней как юристов, так и психологов, а так же проблемами, связанными с её назначением и производством в силу неразработанности её теоретических основ. Одной из существенных проблем является отсутствие единства в понимании мотива, что приводит к тому, что в качестве мотива понимаются самые различные психологические феномены. Как писал А.Н. Леонтьев<sup>7</sup>, работы по проблемам мотивации почти не поддаются систематизации – до такой степени различны те значения, в которых употребляется термин «мотив», в связи с чем это понятие превратилось как бы в большой мешок, в который сложены самые различные вещи. Вместе с тем, несмотря на имеющуюся разногласию Е.П. Ильин<sup>8</sup> выделяет несколько точек зрения на понимание мотива как реального психологического феномена: мотив как побуждение, как намерение, как сложное интегральное психологическое образование. Немало споров и в юридической литературе вызывает проблема классификации мотивов преступления<sup>9</sup>. В юридической литературе предпринимаются попытки классификации в зависимости от цели изучения мотива, существуют различные подходы: психологический, уголовно-право-

вой, криминологический, криминалистический и т.д. Не обсуждая частные недостатки той или иной классификации мотивов преступного поведения, что неоднократно делалось в научных трудах, следует все же остановиться на одном из них – общем для всех. Все авторы, фактически относя мотивы преступления к той или иной группе используют для этого единое основание – социальную оценку действий совершенных преступником, и последствий этих действий. Кроме того, классифицируя мотивы преступлений, авторы исходят из содержания потребностей, лежащих в основе действия лица, хотя сущность собственно мотивов поведения заключается в возможности выбора человеком между различными вариантами действия, направленного на удовлетворение одной и той же потребности. Уголовно-правовая классификация мотивов должна быть не только связана с квалификацией преступления в тех случаях, когда мотив входит в число обязательных признаков основного или квалифицированного составов преступления, но и, главным образом, преследовать цели индивидуализации ответственности за совершенное преступление, в частности, способствовать решению вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности или наказания, а в противном случае – об определении меры уголовного наказания. Классификации мотива преступлений, существующих в юридической литературе, практически невозможно использовать для решения вопроса об индивидуализации ответственности лица, совершенного преступления. Поэтому С.В. Складов считает, что классификация мотивов индивидуального преступного поведения должна отвечать следующим требованиям<sup>10</sup>:

– отражать процесс формирования у человека мотивов, лежащих в основе совершенных им преступных действий (бездействия), что важно для теоретического изучения различных видов мотивов, в том числе и психологией;

– отражать взаимосвязь субъективных и объективных причин актуализации или возникновения мотива, что позволит отнести различные мотивы индивидуального преступного поведения к нейтральным или антисоциальным и дифференцировать их внутри этих групп;

<sup>10</sup> Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения – СПб.: Из-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 113.

<sup>7</sup> Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.

<sup>8</sup> Ильин Е.П. Сущность и структура мотива // Психологический журнал. Том 16. № 2. 1995. С. 27-41.

<sup>9</sup> См, например: Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 194-199; Тарорухин С.А. Установление мотива и квалификация преступлений. Киев, 199. С. 16-26. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 34-38. Харозишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 50-52.

- отражать роль мотивов в процессе мотивации преступного поведения;
- иметь определенное уголовно-правовое, криминологическое петенциорное значение.

Исходя из вышеизложенного, он считает, что конкретное поведение человека (в том числе и преступное) побуждают мотивы трех порядков:

- целевой мотив, представляющий собой осознанную потребность (потребности), определяющую общую цель поведения, к достижению которой стремится человек, и выступающую источником возникновения процесса мотивации и источником физической активности индивида для достижения этой цели;

- ориентирующий мотив (мотив в узком смысле слова), представляющий собой устойчивое психическое образование, присутствующее у человека в потенциальном состоянии, которое в результате актуализации побуждает его конкретизировать общую цель и выбрать той или иной тип поведения в рамках удовлетворения одной и той же потребности (потребностей);

- технический мотив, представляющий собой ситуативное психическое образование, возникающее в результате взаимодействия субъективных особенностей личности и объективных условий ситуации, побуждающее человека выбрать конкретный объект и (или) конкретный способ действия (бездействия) в рамках избранного им типа поведения и четко определить конечную цель поведения.

В каждой группе мотивов С.В. Скляр так же выделяет подгруппы соответствующих мотивов. Такой подход сочетает в себе и психологическое содержание мотива и юридическое, так как в основе лежит определение мотива, как предмет удовлетворения потребности, а классификация мотивов (мотиваций) приводимых в юридической литературе представляет собой не что иное, как классификацию потребностей человека по их содержанию. Законодатель, формулируя нормы уголовного закона, использует потребности в качестве обязательного признака состава преступления или указывает на них как на обстоятельства, учитываемые при назначении наказания в весьма ограниченных случаях. Отсутствуют единая основа и логика включения тех или иных потребностей в нормы уголовного законодательства. По-

этому построить систему потребностей, так или иначе отраженных в нормах уголовного закона, в настоящее время невозможно. В связи с этим классификация С.В. Склярова представляется актуальной и определяет направления разработки экспертного понятия «мотив преступного поведения», что является необходимым для разработки теоретических основ производства судебно-психологической экспертизы мотива преступного деяния. Одной из существенных проблем так же является наличие разных мнений о том, что должен устанавливать эксперт-психолог. Анализ практики производства судебно-психологической экспертизы показывает, что отдельные эксперты устанавливают «осознание структуры мотива криминального поступка»<sup>11</sup>, другие особенности мотивационной сферы личности, психологические мотивы преступного деяния<sup>12</sup>, мотивировку и т.д.

Однако большинство психологов и философов, изучающих проблемы личности, полагают, что подлинные мотивы осознаются далеко не полностью и не всегда, во всяком случае, во время совершения действий. Содержательная сторона мотива не всегда адекватно отражается в сознании, а иногда и вовсе в нем не фиксируется. Для того чтобы обеспечить внутренний душевный комфорт, люди предпочитают не замечать подлинных мотивов своего поведения, объясняя его себе и другим (т.е. формируя) «благородными» побуждениями. Мотив в этом случае является мотивировкой, что не одно и то же. Человек иногда склонен оправдывать или неверно обосновывать мотивы своих поступков.

Некоторые специалисты высказывают сомнения в обоснованности назначения судебно-психологических экспертиз, касающихся психологических мотивов юридически значимых действий. По их мнению, расширение за счет профессиональных знаний и здравого смысла сферы применения специальных знаний в следственной и судебной практике чревато ослаблением самостоятельности следствия и суда, сужением границ их компетенции при установлении фактических обстоятельств

<sup>11</sup> Ситникова А.Е., Ермолин А.В. Представленность в сознании структуры мотива как предмет судебно-психологической экспертизы: Монография. – СПб.: Из-во РГПУ им. А. Герцена.

<sup>12</sup> Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. Справочное пособие. М.: ООО Из-во «Юрлитинформ», 2000.

дела и даже снижением их профессиональной квалификации. Конечно, нельзя призывать работников следственных и судебных органов, столкнувшись с трудностями в установлении мотива преступления немедленно назначать судебно-психологическую экспертизу. В подобных случаях нередко бывает достаточно более детальное проведение допросов обвиняемых, свидетелей, потерпевших, более скрупулезого анализа имеющихся доказательств. Однако следует признать, что изложенные проблемы в определенных случаях объективно требуют расширения традиционных рамок судебно-психологической экспертизы.

«Если же эксперт-психолог, – пишет М.М. Коченов, – не выходя за пределы своей компетенции, устанавливает психологические мотивы конкретного поступка, анализирует особенности мотивационной сферы испытуемого, такого рода исследования не противоречат общим принципам судебной экспертизы. Поэтому нельзя отрицать принципиальной возможности проведения судебно-психологической экспертизы для определения психологических мотивов преступления»<sup>13</sup>.

---

<sup>13</sup> Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Диссертация в форме научного доклада. М.: Академия МВД СССР. 1991.



**Шипшин Сергей Сергеевич,**  
заместитель начальника Южного РЦСЭ  
Минюста России, доцент, кандидат  
психологических наук

## **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

---

История современной судебно-психологической экспертизы (СПЭ) насчитывает три десятилетия – в 1977 году вышла книга Коченова М.М. «Судебно-психологическая экспертиза», ставшая краеугольным камнем в системе психологической экспертизы в России и ближнем зарубежье. Она поставила точку в затяжной дискуссии о правомерности использования специальных знаний в области психологии и, в то же время, положила начало повсеместному внедрению СПЭ в практику следствия и суда. Если сегодня зайти в Интернет в любую русскоязычную поисковую систему, то мы увидим тысячи ссылок на публикации, посвященные проблемам СПЭ (например, поисковая система Yandex предлагает 308 страниц ссылок, информацию о 131 сайте, посвященных СПЭ, система Google – более 1000 ссылок на материалы по СПЭ).

С самого начала одним из приоритетных направлений СПЭ была экспертиза в отношении несовершеннолетних правонарушителей, выделенная в самостоятельный вид СПЭ. При внимательном рассмотрении системы СПЭ становится ясно, что психика именно несовершеннолетнего является центральным объектом исследования при проведении экспертизы в отношении потерпевших

по делам о половых преступлениях и зачастую – при проведении экспертизы потерпевших и свидетелей.

Это связано с тем, что ребенок<sup>1</sup> в силу незавершенности процесса его физиологического, психического и личностного развития является особым объектом защиты его прав. Принятие в последние 10 лет целого ряда законов и законодательных актов<sup>2</sup>, внесение изменений в уголовное и гражданское законодательство свидетельствуют о том, что проблема защиты прав ребенка становится крайне значимой для нашей страны. На практике это проявляется, в том числе и во внедрении в правосудие в отношении несовершеннолетних принципов «ювенальной юстиции». Следует отметить, что, несмотря на различные взгляды на ювенальную юстицию, с одной стороны, уже это позволяет не только изменить отношение к процессу пред-

---

<sup>1</sup> Ребенком по российскому и международному праву считается лицо, не достигшее 18 лет.

<sup>2</sup> Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (№120-ФЗ от 24.06.1999, с последующими дополнениями и изменениями); Концепция Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007-2011 годы, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 4 августа 2006 года. №1082-р

варительного следствия и судебного разбирательства, но также более эффективно осуществлять процесс ресоциализации подростка, вступившего в конфликт с законом. При таком подходе из сферы внимания правоохранительных и правоприменительных органов не уйдут те правонарушители, которые в силу возраста не являются субъектом ответственности либо совершили незначительные (с точки зрения уголовного, гражданского и административного законодательства), но уже правонарушения. Следует отметить, что внедрение принципов ювенальной юстиции также тесно связано и с применением восстановительного подхода в правосудии, что позволяет сфокусировать внимание не только на субъекте ответственности (обвиняемом, подсудимом), но и на потерпевшем как объекте защиты его прав (прежде всего, в тех случаях, когда потерпевший является ребенком). Иными словами, принципы ювенальной юстиции позволяют одновременно рассматривать ребенка как особый субъект ответственности, и как особый объект защиты его прав.

Подобное положение ставит новые задачи и перед СПЭ. Анализ работ по проблемам судебно-психологической (а также комплексной судебной психолого-психиатрической) экспертизы (В.В.Романов, 1996; Ф.С.Сафуанов, 1998; И.А.Кудрявцев, 1999; О.Д.Ситковская, Л.П.Коньшева, Коченов М.М. 2000; В.В.Нагаев, 2000; И.И.Мамайчук, 2002; О.Д.Ситковская, Л.П.Коньшева, 2002; Е.Г.Дозорцева, 2004; И.А.Горьковая, 2005 и др.) свидетельствует, что в представлениях о системе СПЭ в том или ином виде воспроизводятся положения, разработанные М.М.Коченовым<sup>3</sup>, согласно которым экспертиза несовершеннолетних обвиняемых выделяется в качестве самостоятельного вида.

Однако в настоящее время существующая система СПЭ уже не охватывает всего многообразия вопросов, возникающих в сфере правоотношений и относящихся к предмету экспертного исследования. В конце восьмидесятых – середине девяностых годов появились работы по проблемам СПЭ в гражданском процессе (Т.В.Сахнова, 1989, 1998; В.Ф.Енгальчев, С.С.Шипшин, 1997; В.В.Нагаев, 2000); уже с начала двухтысячных годов психологическая экспертиза в гражданском процессе рассматривается как

новая ветвь в системе СПЭ (Ф.С.Сафуанов, 2004; Т.Н.Секераж, 2004; Е.Н.Холопова, 2005); появились и первые публикации о возможности использования СПЭ в административном процессе (Е.Н.Холопова, 2003).

Внедрение ювенальных технологий в судопроизводство в отношении несовершеннолетних ставит на повестку дня вопрос о расширении системы СПЭ и выделении психологической экспертизы в «ювенальной юстиции» в качестве самостоятельного направления, в котором центральным объектом исследования является психика ребенка (как в тех случаях, когда он сам вступил в конфликт с законом, так и тогда, когда нарушены его права). Очевидно, что использование в обозначении экспертизы словосочетания «ювенальная юстиция» в настоящее время условно, поскольку до сих пор нет единого мнения о том, является ли ювенальная юстиция только особой формой отправления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей или ювенальная юстиция представляет собой более широкую систему, призванную решать те или иные задачи, связанные с молодежной политикой, обеспечением прав несовершеннолетних, борьбой с подростковой преступностью и т.п.

При этом следует подчеркнуть, что проблема СПЭ в ювенальной юстиции не является плодом только лишь теоретических упражнений, она стала действительно актуальной, равно как и проблема внедрения принципов ювенальной юстиции в российское правосудие. Как известно, в течение последних лет ряд территорий в стране является экспериментальными площадками для апробации ювенальных технологий. Что касается Ростовской области, то там уже сейчас функционируют три «ювенальных» суда (два городских и один сельский), специализирующихся на рассмотрении уголовных и гражданских дел, участниками которых являются несовершеннолетние. Кроме того, непосредственно в Ростове-на-Дону и ряде районов области в судах общей юрисдикции правосудие в отношении несовершеннолетних осуществляется «ювенальными» судьями, специализирующимися на рассмотрении дел подобных категорий.

Возвращаясь к СПЭ в ювенальной юстиции, необходимо отметить, что главным является то, что данное направление психологической экспертизы позволит объединить

<sup>3</sup> Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. – М., 1977



уже существующие и развивающиеся в настоящее время виды СПЭ с целью максимального обеспечения соблюдения прав детей (как вступивших на путь конфликта с законом, так и пострадавших от нарушения их прав).

Кроме того, выделение психологической экспертизы в ювенальной юстиции в отдельное направление обусловлено специфичностью (даже в рамках психологической экспертизы) объекта экспертного исследования – *динамично и неравномерно развивающейся психики ребенка, обуславливающей своеобразие психической деятельности, прежде всего вследствие объективно и субъективно ограниченных возможностей к осознано-волевой регуляции своего поведения*. Объективность ограниченных возможностей связана с незавершенностью процесса психического и личностного развития подростка в возрасте, с которого наступает виновная ответственность. На это указывает и достаточно небольшой перечень преступлений, за совершение которых подросток может быть привлечен к ответственности уже с 14-летнего возраста (всего 20 составов). К субъективным ограничениям может быть отнесена индивидуальная вариабельность психического развития детей, как в рамках нормы, так и связанная с отмечающимся в последнее время ростом психических расстройств различного генеза.

Также необходимо подчеркнуть, что принципы ювенальной юстиции ставят перед судебно-психологической экспертизой и новые задачи. Так, традиционно СПЭ (в том числе и несовершеннолетних) носит ретроспективный характер и главной задачей является установление факта психической жизни субъекта в прошлом, в юридически значимой ситуации (например, способности и возможности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер своих противоправных действий и руководить ими в момент совершения преступления или способности и возможности несовершеннолетнего свидетеля адекватно воспринимать обстоятельства дела в момент, когда он стал очевидцем криминального события и т.п.). Ресоциализирующий характер ювенальной юстиции предполагает решение СПЭ иного рода задач – *проспективных*: установление вероятности риска рецидива, выявление факторов, способствующих успешной ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя. В случае экспертизы несовершеннолетних жертв преступлений, детей, чьи права были нарушены, проспективность СПЭ может быть реализована установлением глубины причиненного психологического вреда, наличия и выраженности дезадаптации, ее связи с фактом нарушения прав, а также перспектив изживания негативных последствий, что

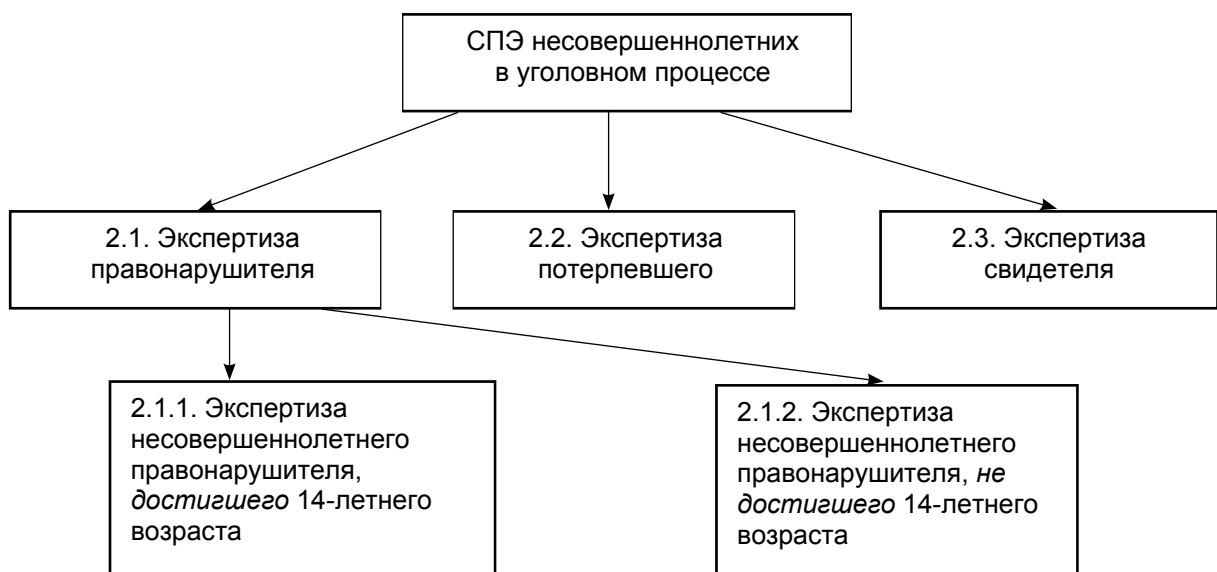


Рис. 1. СПЭ в уголовном процессе

позволит следствию и суду оценить тяжесть преступного посягательства, и будет иметь квалифицирующее значение.

К числу новых задач следует отнести и экспертное исследование в отношении лиц, совершивших правонарушения, но не достигших возраста виновной ответственности. В данном случае наибольшее юридическое значение будет иметь решение задачи вероятности риска рецидива, что позволит уже на ранних этапах осуществлять эффективные меры ресоциализирующего характера.

Необходимо подчеркнуть, что СПЭ в ювенальной юстиции предполагает решение задач, возникающих при нарушении норм не только уголовного, то также и гражданского и административного права. Поэтому, исходя из процессуального положения несовершеннолетнего, выделяется 3 вида судебно-психологической экспертизы:

1. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего, нарушившего закон (права), т.е. экспертиза правонарушителя.

2. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего, чьи права были нарушены, т.е. экспертиза потерпевшего.

3. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего свидетеля нарушения закона (прав).

Рассмотрим, какова будет специфика этих трех видов экспертиз в уголовном, гражданском и административном процессе.

### **1. СПЭ несовершеннолетних в уголовном процессе**

Схематически СПЭ несовершеннолетних в уголовном процессе может быть представлена в следующем виде (рис. 1).

Остановимся подробнее на каждом виде СПЭ несовершеннолетних в уголовном процессе.

#### **1.1. Психологическая экспертиза правонарушителя**

##### **1.1.1. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего, нарушившего закон (права), достигшего 14-летнего возраста**

Назначается при совершении подростком общественно опасного деяния, подпадающего под требования ч.2 ст.20 УК РФ, т.е.

при совершении таких деяний, как убийство (статья 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (статья 112), похищение человека (статья 126), изнасилование (статья 131), насильственные действия сексуального характера (статья 132), кражу (статья 158), грабеж (статья 161), разбой (статья 162), вымогательство (статья 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166), умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 167), террористический акт (статья 205), захват заложника (статья 206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (статья 207), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 213), вандализм (статья 214), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267).

Заключение судебно-психологической экспертизы имеет значение для определения способности несовершеннолетнего нести ответственность, особенно в тех случаях, когда выявляются признаки отставания в психическом развитии, как связанного, так и не связанного с психическим расстройством.

**Предметом** СПЭ данного вида является ситуативная способность несовершеннолетнего правонарушителя осознавать фактический характер своих противоправных действий и/или руководить ими в юридически значимой ситуации (обусловленная как индивидуально-психологическими особенностями несовершеннолетнего, так и особенностями исследуемой ситуации).

Исследование носит как ретроспективный характер (установление фактов психической жизни, относящихся к криминальному событию), так и проспективный характер (в плане установления риска рецидива правонарушения), что является новацией, вызванной к жизни внедрением ювенальных технологий в правосудие.

Поскольку одной из главных экспертных задач является выявление признаков отставания в психическом развитии, не связанного

с психическим расстройством<sup>4</sup>, предпочтительнее назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) несовершеннолетнего правонарушителя. Это связано с тем, что сходные признаки отставания в психическом развитии могут быть обусловлены как психическим расстройством, так и нахождением ребенка в трудной жизненной ситуации и/или в социально опасной ситуации. Нередко можно встретить случаи, когда отставание в психическом развитии связано с обеими группами факторов.

### **1.1.2. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего, нарушившего закон (права), но не достигшего 14-летнего возраста**

Так же, как и 2.1.1. назначается при совершении малолетним общественно опасного деяния, подпадающего под требования ч.2 ст.20 УК РФ. При этом возможно назначение подобной экспертизы и при совершении других правонарушений (ответственность за которые наступает с 16 лет), но свидетельствующих о наличии серьезных проблем в формировании личности подростка (например, уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, ст. 243 УК РФ; надругательства над местами захоронения, ст. 244 УК РФ; жестокое обращение с животными, ст.245 УК РФ и т.п.). Мы выделяем исследование несовершеннолетнего, не достигшего минимального возраста уголовной ответственности в качестве подвида экспертизы правонарушителей по следующим причинам.

Как показывает практика, в отношении подростка, достигшего 14-летнего возраста и совершившего преступление, в настоящее время проводится психологическая «экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого», но если подросток не достиг минимального возраста виновной ответственности, то в таком случае проводится «экспертиза свидетеля». Если исходить из процессуального статуса такого несовершеннолетнего, то формально все правильно. Однако если исходить из задач, предмета психологической экспертизы свидетеля, то, как будет показано ниже, вряд ли целесообразно назначение именно СПЭ свидетеля, т.к. мы имеем дело не с очевидцем преступления, но с его участником, иной раз его организатором. Подумаем, на-

сколько целесообразно назначение экспертизы свидетеля, с постановкой вопросов о способности несовершеннолетнего адекватно воспринимать криминальную ситуацию, запоминать обстоятельства дела и давать о них правильные показания в том случае, если этот, например, 12-летний «свидетель», имеющий лидерские черты, выраженную анти-социальную направленность, неоднократно совершал действия сексуального характера в отношении двоих первоклассников, и при этом вовлек в это «занятие» двоих 14-летних подростков (один из которых был явно ведом, подчиняем, инертен).

Вероятно, будет дискуссионным вопрос, каким образом целесообразнее с процессуальной точки зрения использование в подобных случаях специальных психологических знаний – назначением экспертизы (ст. 57 УПК РФ) или привлечением специалиста (ст.58 УПК РФ), тем не менее, возможности психологии позволяют определить предмет исследования (эксперта или специалиста) и круг решаемых вопросов.

**Предмет** – факторы (индивидуально-психологические, социально-психологические), свидетельствующие о случайности/закономерности совершенного правонарушения или обуславливающие вероятность рецидива; «защитные» факторы, способствующие успешной ресоциализации.

Ввиду того, что несовершеннолетний, не достигший 14 лет, не является субъектом уголовной ответственности, решаются «актуальные» задачи (связанные с исследованием актуального уровня психического и личностного развития подростка, с оценкой случайности/закономерности происшедшего) и перспективные задачи (установление риска рецидива правонарушения).

Представляется необходимым остановиться и на вопросах, которые могут быть поставлены перед психологом при решении этих задач:

- Имеются ли у несовершеннолетнего индивидуально-психологические особенности, свойства личности, позволяющие судить о закономерности или о случайности содеянного им?

- Имеются ли у несовершеннолетнего индивидуально-психологические особенности, свойства личности, негативно влияющие на способность к регуляции поведения?

<sup>4</sup> Это вытекает из требований ст.421 УПК РФ и ч.3 ст.20 УК РФ

- Оказала ли влияние на совершение правонарушения несовершеннолетним социально-психологическая ситуация, в которой он находится? Каков конкретно характер этого влияния?

- Имеются ли у несовершеннолетнего индивидуально-психологические особенности, свойства личности, а также ситуационные факторы, значимые для прогноза опасности рецидива и определения программы коррекционного воздействия?

Очевидно, что могут быть дополнительно поставлены вопросы:

- о возможном отставании в психическом развитии;

- о понимании несовершеннолетним внутреннего (смыслового) содержания произошедшего.

## **1.2. Психологическая экспертиза потерпевшего**

В данном случае речь идет **о психологической экспертизе несовершеннолетнего, чьи права были нарушены**

Назначается в тех случаях, когда несовершеннолетний становится жертвой преступления. Назначение подобной экспертизы целесообразно в случаях, когда преступлением ребенку явно причиняется (либо может быть причинена) психическая травма. Практика свидетельствует о том, что чаще всего психологическая экспертиза потерпевшего назначается по фактам совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст.ст. 131-135 УК РФ). Реже назначаются экспертизы потерпевших по фактам преступлений против жизни и здоровья (ст.ст. 111-119, ст.ст. 121-122 УК РФ). Только в последнее время стали назначаться экспертизы при расследовании и судебном разбирательстве дел по фактам совершения преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (ст.ст. 230, 240, 242.1 УК РФ). Практически никогда не назначаются психологические экспертизы по фактам совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних, что напрямую связано с проблемами, решаемыми ювенальной юстицией (ст.ст. 150 – 151, ст.ст. 155-156 УК РФ).

**Предметом** экспертизы потерпевшего, в тех случаях, когда ребенок становится *жертвой сексуального насилия*, является способность понимать характер и значение со-

вершавшихся с ними действий и способность к оказанию сопротивления. Если потерпевший является малолетним и в силу возраста уровень его психического развития недостаточен для понимания характера и значения, действий, имеющих сексуальную направленность (в возрасте до 8 – 9 лет), предметом экспертизы является способность к адекватному восприятию и сохранению юридически значимой информации, к отражению внешней стороны исследуемых событий, а также способность к адекватному воспроизведению этой информации.

В случаях, когда несовершеннолетний является *потерпевшим по ст. 240 УК РФ (вовлечение в занятие проституцией), ст. 242.1 УК РФ (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних)*, предметом СПЭ является способность потерпевшего к пониманию характера и значения происходящего, т.е. его внутреннего содержания, что является основой для свободного волеизъявления при принятии решения.

Когда речь идет об экспертизе *потерпевших от преступлений против здоровья, против семьи и несовершеннолетних*, предметом также является способность потерпевшего к пониманию характера и значения правонарушения, т.е. внутреннего содержания произошедшего, а также выявления последствий для психического и личностного развития несовершеннолетнего.

Как правило, при необходимости решения вышеуказанных задач назначаются однородные психологические экспертизы. КСППЭ целесообразно назначать только в тех случаях, когда имеется информация из медицинской документации о том, что потерпевший состоит на учете у психиатра или невролога, когда подросток явно отличается от большинства сверстников, выявляет признаки инфантильного поведения либо страдает серьезным непсихическим (соматическим) заболеванием, которое может обуславливать отставание в психическом развитии, а также в тех случаях, когда преступление повлекло изменения в психике ребенка.

На разрешение экспертизы целесообразно ставить следующие вопросы:

- Имеются ли у несовершеннолетнего потерпевшего признаки отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством? Если да, то в чем они выражаются?

- Учитывая уровень психического развития, психическое (эмоциональное) состояние, конкретные особенности исследуемой ситуации, мог ли несовершеннолетний понимать (и в какой мере) характер и значение действий обвиняемого?

- Учитывая уровень психического развития, психическое (эмоциональное) состояние, конкретные особенности исследуемой ситуации, мог ли несовершеннолетний оказывать сопротивление? *(если речь идет о сексуальных преступлениях)*

- Учитывая уровень психического развития, психическое (эмоциональное) состояние, конкретные особенности исследуемой ситуации, мог ли несовершеннолетний адекватно воспринимать и запоминать обстоятельства дела, давать правильную информацию о них? *(если речь идет о малолетних потерпевших)*

- Имеются ли признаки неблагоприятных последствий действий обвиняемого для психики, психического и личностного развития несовершеннолетнего? Если да, в чем конкретно они выражаются?

### 1.3. Психологическая экспертиза свидетеля

**Психологическая экспертиза несовершеннолетнего свидетеля нарушения закона (прав)** назначается в тех случаях, когда показания свидетеля характеризуются неполнотой, внутренней противоречивостью либо противоречат большинству других показаний, собранных по делу, и могут быть вызваны как причинами психологического порядка (невысокий либо недостаточный уровень психического развития вследствие возраста или отставания в психическом развитии; особенности познавательной деятельности, в том числе обусловленные недостатками сенсорных систем; экстремальное эмоциональное состояние и т.д.), так и неблагоприятными условиями восприятия. Следует отметить, что противоречивость в показаниях может быть вызвана и социально-психологической атмосферой, которая складывается вокруг расследования преступления, ее влиянием (чаще негативным) на несовершеннолетнего.

**Предметом** экспертизы свидетеля является способность несовершеннолетнего к адекватному восприятию, запоминанию и воспроизведению юридически значимой информации.

Очевидно, что заключение СПЭ позволит следствию или суду оценить показания свидетеля с позиции их достоверности и иной раз (до сих пор!) на разрешение экспертов ставится вопрос о достоверности показаний свидетеля (или потерпевшего). Необходимо подчеркнуть, что вопрос о достоверности показаний не входит в компетенцию экспертов-психологов. Ряд ведущих специалистов предлагает ввести понятие «психологическая достоверность» (О.Д.Ситковская). Предлагается, учитывая сложившуюся судебную практику, уровень психологической компетентности следователей, судей и адвокатов, это может приводить к неправильной оценке заключений СПЭ. Более продуктивным является подход, который был предложен М.М.Коченовым: эксперт-психолог может выявить факторы психологического порядка, которые могут свидетельствовать как в пользу показаний несовершеннолетнего, так и против них, в то время как оценка достоверности показаний, основанная, в том числе, и на результатах экспертного исследования, остается целиком и полностью в компетенции суда.

## 2. СПЭ несовершеннолетних в гражданском процессе

### 2.1. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего, нарушившего закон (права)

Назначается в случае необходимости выявления способности несовершеннолетнего нести ответственность за причиненный им вред (ст.1078 ГПК РФ) как при наличии признаков отставания в психическом развитии, так и при наличии экстремального эмоционального состояния.

Как и при назначении экспертизы обвиняемого по уголовным делам целесообразна постановка следующих вопросов:

- Имеются ли у несовершеннолетнего правонарушителя признаки отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством? Если да, то в чем они выражаются?

- Учитывая уровень психического развития и особенности ситуации совершения правонарушения, мог ли несовершеннолетний в момент совершения инкриминируемого ему деяния в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность

своих действий, предвидеть наступление негативных последствий?

- Учитывая уровень психического развития и особенности ситуации совершения правонарушения, в какой мере мог несовершеннолетний руководить своими действиями?

- Не находился ли несовершеннолетний правонарушитель в экстремальном эмоциональном состоянии, которое могло существенно повлиять на его сознание и психическую деятельность?

## **2.2. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего, чьи права были нарушены (либо могут быть нарушены)**

Экспертиза может назначаться в случаях, когда рассматривается вопрос о лишении или ограничении родительских прав (п.1 ст. 70 и п.1 ст.73 СК РФ), а также при разрешении споров о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ); об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ); об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК РФ).

### **2.2.1. По делам о лишении или ограничении родительских прав целесообразна постановка следующих вопросов (в отношении несовершеннолетних):**

- Учитывая уровень психического развития, психическое (эмоциональное) состояние, конкретные особенности исследуемой ситуации, мог ли несовершеннолетний адекватно воспринимать и запоминать обстоятельства дела, давать правильную информацию о них?

- Учитывая уровень психического развития, психическое (эмоциональное) состояние, конкретные особенности исследуемой ситуации, мог ли несовершеннолетний понимать (и в какой мере) характер и значение действий обвиняемого?

- Имеются ли признаки неблагоприятных последствий действий родителей (родителя) для психики, психического и личностного развития несовершеннолетнего? Если да, в чем конкретно они выражаются?

- Выявляет ли несовершеннолетний негативное отношение к своим родителям (лицам, их заменяющим)? Если да, в чем это выражается и с чем связано?

### **2.2.2. По делам о спорах относительно места проживания ребенка, о праве на его воспитание отдельно проживающим родителем, рекомендуется ставить следующие вопросы:**

- Каковы уровень и особенности психического развития ребенка?

- Каковы индивидуально-психологические особенности ребенка?

- Каково психологическое отношение ребенка к своим родителям, другим участникам семейного конфликта (бабушкам, дедушкам, новым членам семьи)?

- Выявляет ли ребенок признаки негативного эмоционального состояния, обусловленного затяжным семейным конфликтом?

В случае наличия информации о психическом или неврологическом заболевании ребенка, остроте реакции на семейный конфликт может возникнуть необходимость назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). В таком случае целесообразно, помимо перечисленных, поставить вопросы<sup>5</sup>:

- Не страдает ли ребенок каким-либо психическим расстройством (нарушением психического развития)?

- Имеются ли у ребенка психические расстройства, обусловленные семейным конфликтом?

Решение экспертами перечисленных вопросов, несомненно, даст существенную информацию суду о ребенке, его состоянии, однако этого будет недостаточно для собственно судебного разрешения вопросов о том, с кем из родителей следует постоянно проживать ребенку, может ли негативно повлиять на ребенка общение с отдельно проживающим родителем или, наоборот, - отсутствие такого общения и т.п. Полную картину сложившейся ситуации, выявление «подводных камней», всегда существующих в таких делах, даст экспертное обследование родителей ребенка (особенно в тех случаях, когда формально оба родителя положительные люди, декларирующие исключительную заботу об интересах ребенка, однако не сумевших или не пожелавших в силу глубоких обид самостоятельно, без участия сторонних лиц (в данном случае суда), конструктивно

<sup>5</sup> Сафуанов Ф.С. Материалы всероссийского научно-практического семинара «Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе» - Ростов-на-Дону, ЮРЦСЭ, 2006.

разрешить семейный конфликт).

Перед экспертами в таких случаях следует ставить вопросы:

- Каковы индивидуально-психологические и личностные особенности отца (матери)?

- Каковы система ценностей, родительских установок, психологическое отношение к ребенку отца (матери)?

- Каковы психологические взаимоотношения между отцом и матерью?

- Могут ли индивидуально-психологические и личностные особенности отца (матери, другого фактического воспитателя) оказать негативное влияние на психическое состояние и особенности психического и личностного развития ребенка?

Когда в материалах дела имеется информация о том, что родитель страдает психическим расстройством либо неврологическим или тяжелым соматическим заболеванием, выявляет неадекватное поведение, совершал суицидальные попытки (в том числе неоднократно, в период, когда у него уже был ребенок), в отношении него следует назначать КСПЭ и дополнительно к вышеперечисленным ставить такие вопросы, как:

- Не страдает ли отец (мать) каким-либо психическим расстройством?

- Могут ли особенности психического состояния родителя/воспитателя (если есть психические расстройства, неврологические или серьезные соматические заболевания, суицидальные попытки) оказать негативное влияние на психическое состояние и особенности психического и личностного развития ребенка?

### **3. СПЭ несовершеннолетних в административном процессе**

#### **3.1. Психологическая экспертиза несовершеннолетнего, нарушившего закон**

Может быть назначена в отношении несовершеннолетнего правонарушителя в возрасте от 16 до 18 лет.

Если исходить из ч.2 ст.2.3. КоАП («с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о лице, совершившем административное правонарушение в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав

указанное лицо может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних»), предметом СПЭ в данном случае могут являться факторы (индивидуально-психологические, социально-психологические), обуславливающие вероятность рецидива; «защитные» факторы, способствующие успешной ресоциализации.

При назначении психологической экспертизы по административным делам целесообразно ставить вопросы, указанные в разделе 1.1.2., а именно:

- Имеются ли у несовершеннолетнего индивидуально-психологические особенности, свойства личности, позволяющие судить о закономерности или о случайности содеянного им?

- Имеются ли у несовершеннолетнего индивидуально-психологические особенности, свойства личности, негативно влияющие на способность к регуляции поведения?

- Оказала ли влияние на совершение правонарушения несовершеннолетним социально-психологическая ситуация, в которой он находится?

- Имеются ли у несовершеннолетнего индивидуально-психологические особенности, свойства личности, а также ситуационные факторы, значимые для прогноза опасности рецидива и определения программы коррекционного воздействия?

**Таким образом**, выделение СПЭ несовершеннолетних в самостоятельный вид психологической экспертизы, с одной стороны, позволит более полно удовлетворять потребности следственной и судебной практики в специальных психологических знаниях, позволит расширить круг решаемых задач, что, в конечном счете, внесет свою лепту в профилактику преступности несовершеннолетних. С другой стороны, это потребует специализации экспертов (экспертная практика свидетельствует о назревающей потребности в этом) и в перспективе приведет к появлению новой экспертной специальности в рамках уже существующей 20.1, являющейся «всеохватывающей» – от исследования несовершеннолетних до обстоятельств аварий и катастроф.



**Касьянюк Татьяна Николаевна,**  
эксперт Южного РЦСЭ Минюста  
России, доцент кафедры гуманитарных,  
социально-экономических и  
естественнонаучных дисциплин  
Ростовского филиала ГОУ ВПО  
«Российская академия правосудия»,  
кандидат социологических наук



**Шипшин Сергей Сергеевич,**  
заместитель начальника Южного РЦСЭ  
Минюста России, доцент, кандидат  
психологических наук

## **К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕКТИВНОЙ ФУНКЦИИ НОРМИРОВАННОЙ («НЕОСКОРБИТЕЛЬНОЙ») ЛЕКСИКИ КАК ПРЕДМЕТА СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Рассматривая проблемы инвективного функционирования современного русского языка, необходимо отметить, что его инвективный потенциал может реализовываться не только при помощи собственно бранных слов и выражений, но и посредством нормированной, не оскорбительной по своей природе лексики, выступающей в инвективной функции.

Под термином «инвективный» имеем в виду производное от существительного «инвектива» (от лат. *invectivus* – бранный, ругательный), что обозначает «резкое выступление против кого-, чего-л., оскорбительная речь»<sup>1</sup>. На наш взгляд, лингвистический термин «ин-

вективная лексика» может быть заменен дефиницией «оскорбительная лексика» и в широком смысле обозначать понятие «вербальная форма выражения проявлений агрессии и насилия»<sup>2</sup> над личностью с целью унижить, опозорить, оскорбить адресата, причинить ущерб его чести, достоинству, деловой репутации». Введение подобного термина в терминологический аппарат эксперта-лингвиста внесет определенную ясность в понимание экспертной задачи органами, назначающими экспертизы и исследования, и самим экспертом.<sup>3</sup>

<sup>2</sup> Языковая агрессия и языковое насилие.

<sup>3</sup> Опыт показывает, что сегодня при решении одних и тех же экспертных задач наблюдается смешение таких понятий, как «неприличная форма выражения», «оскорбительные слова и выражения», «неприличные слова и выражения», «инвективная лексика» и др.

<sup>1</sup> Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2006, с.391.



Последнее время в рамках лингвистической экспертизы все чаще решается вопрос о характере оценки использования той или иной лексики в адрес конкретного лица (в частности по обвинению в оскорблении по ст. 130 УК РФ). В таких случаях при квалификации преступления («оскорбление») предусматривается наличие «неприличной формы выражения».

Как известно, в законодательстве и в лингвистической литературе нет четкого и ясного определения понятия «неприличная форма выражения». Если исходить из лексического значения слова «неприличный» («не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона, непристойный»)<sup>4</sup> и комментариев юристов (например, «Неприличная форма рассчитана на то, чтобы вызвать у потерпевшего чувство обиды и унижения, она противоречит общепризнанным правилам поведения людей в обществе. При решении вопроса о том, выражена ли отрицательная оценка в неприличной форме, суд исходит из норм нравственности общества, а не из ее восприятия самим потерпевшим, ибо он может обладать повышенным самолюбием и любые критические высказывания в свой адрес считать оскорбительными»<sup>5</sup>), то под «неприличной формой выражения» следует понимать лексику инвективного функционирования в любой степени проявления инвективной функции (разными средствами выражения инвективной функции).

Лингвистический экспертный опыт показывает, что слова (или выражения), которые чаще всего становятся объектами исследования при решении вопросов по обвинению в оскорблении, зафиксированы как в толковых словарях русского языка прошлого столетия («академических»), так и в современных изданиях словарей, а следовательно, употребление этих слов в том или ином значении и с учетом имеющихся смысловых оттенков устойчиво в русском языке и свойственно его современному положению. В этом

случае такая лексика, например, как «мразь», «сволочь», «тварь» является допустимой к употреблению, а значит – «приличной формой выражения»..?

С другой стороны, возвращаясь к дефиниции юридического понятия «неприличная форма выражения», «неприличным» будет и употребление слов, которые, например, в учебнике «Современный русский литературный язык» под редакцией Н.М. Шанского<sup>6</sup> относятся к тематической группе, обозначающей действия и состояние людей, *с отрицательной окраской* (с точки зрения эмоционально-стилевого значения слов): в частности, эмоционально отрицательные слова – «презрительные или с оттенком ненависти общеразговорные»<sup>7</sup> (*проходимец, хам, дурак, наглый, нахал*); «повышенно презрительные или с повышенным оттенком ненависти разговорно-вульгарные»<sup>8</sup> (*мерзавец, мурло, осел*) и др.

Таким образом, пока введенный юристами термин «неприличная форма выражения» не получит ясного и четкого определения, эксперты-лингвисты будут находиться в затруднительном положении при оценке степени проявления инвективности, выраженной *нормированной (не оскорбительной по своей природе) лексикой*, с позиции понятия «неприличная форма выражения».

В рамках поднятой проблемы при решении вопроса, касающегося определения наличия «неприличной формы выражения», предлагаем рассмотреть **лингвистический подход с позиции инвективного функционирования современного русского языка**.

С позиции инвективного функционирования выделяем две группы лексики – **внелитературная инвективная лексика** (собственно инвективная, оскорбительная, «запретная») и **литературная инвективная лексика** (лексика нормированная, не оскорбительная по своей природе).

1. Наблюдаемая последнее время активность обценной лексики и фразеологии (**внелитературная инвективная лексика**, «запретная») не только в разговорной речи, но и в условиях современной общественной речевой коммуникации, в книжной и устной публичной речи повлияла на восприятие язы-

<sup>4</sup> Неприличный – не соответствующий, противоречащий правилам приличия (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ООО «Издательский Дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003, с.521; не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона, непристойный (Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2006, с.407)

<sup>5</sup> Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Изд. 3-е, переработанное и дополненное / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В.Сверчкова. – Юрайт-Издат, 2006.

<sup>6</sup> Современный русский язык / Под редакцией Н.М.Шанского. Л., 1988, с. 48-55.

<sup>7</sup> Там же, с.54.

<sup>8</sup> Там же, с.54.

ковой агрессии, нацеленной на оскорбление, как на детабуированное действие (явление).

Широкое использование в условиях межличностной коммуникации неприличной («чисто инвективной») лексики как привычного элемента речи способствует тому, что у современного носителя русского языка сформировалось нейтральное отношение к данному пласту лексики, т.е. не вызывающее негативных ассоциаций и ощущений оскорбленности. Сегодняшнее молодое поколение не реагирует на подобную лексику так остро, как старшее, для которого язык остается продуктом и выразителем личностной культуры. Тем не менее снижение так называемого «порога допустимости» использования таких языковых форм в устной и письменной речи не устраняет характера непристойности, грубости и цинизма, отличающих их семантику и экспрессию, и ассоциаций, вызываемых у адресатов в связи с их употреблением.

При производстве лингвистической экспертизы вопрос о характере оценки использования подобной лексики в адрес какого-либо лица раскрывается через понятие «приличная/неприличная форма». Следовательно, будучи обращенным к конкретному адресату, при расследовании факта оскорбления использование бранных слов как неприличной формы выражения является одним из главных признаков оскорбления и обычно не вызывает трудностей в его квалификации. В таких случаях решение вопроса о неприличной форме выражения возможно даже без привлечения специалистов в области лингвистики, так как образованному носителю русского языка вполне достаточно общих лингвистических знаний, чтобы отличить обценную лексику от допущенной нормой к употреблению. Например, носитель русского языка одинаково поймет смысл таких фраз, как «*Да пошла ты на х...*», «*Вы меня, бл...и, заеб...*» или «*Вылупилась бл..., корова*» и вправе почувствовать себя оскорбленным.

Обычно **внелитературная инвективная лексика**, состоящая из бранной и выполняющая функцию оскорбить, унижить в резкой форме, отличается такими признаками, как:

- 1) резко негативной, циничной оценкой конкретного лица;
- 2) грубо вульгарной экспрессивной окраской;
- 3) принадлежностью к просторечию, жаргонам и т.п.;

4) фиксированием в словарях стилистическими пометами «бранное», «вульгарное», «грубо-прост.».

Таким образом, при исследовании «чисто инвективной» лексики достаточно указать на наличие *формальных лингвистических признаков*, чтобы говорить о неприличной форме выражения.

**2. Особую трудность** вызывает так называемая **литературная инвективная лексика**, определение степени оскорбительности которой будет зависеть от контекста и речевой ситуации. Этот лексико-фразеологический разряд слов отличает «аморфность» и «диффузность»<sup>9</sup> значений, что обусловлено экспрессивным характером<sup>10</sup> составляющих его языковых единиц. Как правило, такая лексика наделена при этом эмоционально-оценочной коннотацией и встречается в аффективной (эмоционально напряженной) устной или письменной речи.<sup>11</sup> Оценочные рамки значения у таких слов очень подвижны, и экспрессивно-оценочное содержание может быть как положительным, так и отрицательным: «Ах ты, **мерзавец**, Дениска. Такое дело сделал! Даешь... Молодец!» или «Вот дураки, дармоеды, **мерзавцы**, подонки, бл...!»). Следовательно, несмотря на то что слова типа «мерзавец», «дармоед», «подлец», «дурак», «негодяй», «тунеядец», «кретин», «мразь», «крыса» и т.п. относятся к словарным единицам, которые в своей семантике уже содержат обобщенное значение отрицательной оценки, уровень их эмоционально-оценочного содержания, экспрессивной окраски может определить только анализ контекста или речевой ситуации. «Данное обстоятельство создает известные трудности в определении границы между собственно бранными, в том числе и инвективными, единицами и эмоционально-экспрессивными образованиями»<sup>12</sup>, которые передают в речи эмоциональное состояние говорящего без особых агрессивных интен-

<sup>9</sup> То есть наблюдается нечеткость, неопределенность, расплывчатость смысла.

<sup>10</sup> Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд / Под ред. А.К.Симонова и М.В.Горбаневского. – М.: Медея, 2004, с.76.

<sup>11</sup> Там же, с.79.

<sup>12</sup> Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд / Под ред. А.К.Симонова и М.В.Горбаневского. – М.: Медея, 2004, с.79.

ций унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить в как можно более резкой, грубой или циничной форме.

Кроме того, при оценке такого социокультурного явления, как слова-инвективы на предмет оскорбительности требуется также учитывать действие схемы «порождение-восприятие» и проводить анализ данной инвективы и с позиции инвектума (оскорбляемого) и его реакции на данную инвективу.

Таким образом, практика и экспертный опыт показывает: чтобы определить степень проявления инвективности, выраженной нормированными, допустимыми нормами к употреблению словами («литературной инвективной лексикой»), необходимо учитывать лингвистические, ситуативные и личностно-значимые признаки, которые должны быть выявлены из контекста или речевой ситуации с учетом формы проявления языковой агрессии, интенции адресанта и восприятия адресата.

К **лингвистическим** признакам относим:

1) семантический признак с учетом характера оценки (положительная оценка/ отрицательная оценка циничного, пренебрежительного, презрительного характера и т.п.);

2) экспрессивную характеристику, т.е. характер экспрессивно-эмоциональной оценки (бранное, вульгарное, неодобрительное, презрительное и т.п.);

3) социально-функциональную характеристику (разговорная, вульгарно-просторечная, жаргонная лексика и т.п.).

*Лингвистические признаки* определяются по словарям и специальной справочной литературе с учетом лексического значения, совокупности стилистических помет и их анализа.

**Ситуативные** признаки:

1) характер ситуации конкретного речевого акта:

- а) место и обстоятельства действия;
- б) социальное положение и социальная роль адресата и говорящего;
- в) публичность/непубличность речи;
- г) сфера (обстановка) речи (аффективная, эмоционально повышенная или напряженная, грубо-фамильярная, оскорбительная, угрожающая и т.п.);

2) особенности речи и контекста речевой ситуации (официальная (литературная)/

обиходная (разговорная) речь; диалог/монолог; подготовленная/неподготовленная (спонтанная) речь; тип и характер выражений, реплик, их место в контексте; смысловая завершенность фраз с учетом контекста; интонационное оформление, наличие/отсутствие уничижительных невербальных средств и т.п.);

3) интенции (намерения) говорящего (пишущего), понятные из речевой ситуации и контекста в целом.

**Личностно-значимые** признаки:

1) характер оценочного суждения: что конкретно оценивается – лицо как личность («*Жаль, но ты – идиот*» («больной на голову человек»)) или его поступки, действия, поведение, из которых следует, что данное лицо ведет себя как-то не так («*Ты – идиот*»: т.е. ты ведешь себя по-идиотски);

2) природа эмоционально-отрицательного оценивания: с целью демонстрации бесполезности, «никчемности», аморальности конкретного лица или с целью выражения негативного отношения к адресату или отрицательного эмоционального состояния говорящего (пишущего), вызванного поведением, действиями, поступками адресата («*Удали меня из зала! Слышишь ты? Удали меня из зала! Привезешь только на приговор! У меня уже нет терпения слушать всю эту х..! Удали меня из зала!*» – «*Ты что, не понял, козел воющий? Удали меня из зала до приговора!*» – «*К тебе обращаюсь! Ты что тупой?!*», «*Пусть меня удалят!*» – «*Да, пошел ты, сраная рожа! Хоть десятое замечание!*»);

3) функция нормированных (неоскорбительных) словоупотреблений в данной речевой ситуации:

а) оскорбить, унижить, опорочить конкретное лицо: в этом случае говорящий (пишущий) дает оценку лицу как личности (с позиции его личностных качеств (нравственных, этических и т.п.), черт характера, общественной значимости, профессионализма и т.п.); («*Я такой скотины еще не видела*», «*Ну и сволочь*», «*Вы зверь*»; «*Ты, соплячка, уселась на закон, я навел про тебя справки, ты, соплячка*»);

б) выразить презрение, пренебрежение и, как следствие, отрицательное субъективное отношение к адресату: в этом случае дается оценка поступкам, поведению, действиям адресата («*Ты – дурак*», потому что поступил «по-дурацки»; «*Адвокат – мерзавец*», потому что поступил подло, нечестно и т.п.);

в) выразить отрицательное эмоциональное состояние, вызванное поступками, поведением, действиями адресата («Я Вам не угрожаю. Я Вас просто предупреждаю, что обжалую Ваше решение. Я на этом не остаююсь и не только обжалую Ваше решение, но и размажу Вас по стенке! Урод...»); «Вот видишь, вот подлюка какая. Вот вообще удивительно, конечно, вообще, конечно, удивительно. Подлюка ты редкостная» – «Подлюка ты редкостная, конечно..., ты м-м а-а по большому счёту затянул людей своей подлостью, своим предательством» – «...Не в кабинете ставить, да? Ах ты подлюка, ах ты подлец, а? Вонючий. Ах ты подлец Дениска, а? Ну разговор, разговор у нас с тобой не состоялся за твою подлость да? Вот, как бы я знаю, кто ты, вот, ну и слава богу, что я знаю, кто ты. Вот, поэтому, конечно, с тобой я работать не хочу. И работать я с тобой не буду. Понял, да?»)

Учитывая вышеназванные признаки нормированных по своей природе языковых единиц и методику экспертного подхода, при определении степени проявления инвективной функции слов и выражений первостепенное значение будут иметь *личностно-значимые признаки*, но с учетом *лингвистических и ситуативных* в качестве второстепенных.

Проведенный анализ экспертных исследований, в которых рассматривались случаи проявления инвективного функционирования языка, позволяет говорить о том, что степень оскорбительности слов и выражений условно можно оценить относительно, например, такой шкалы инвективности, как: **0** – нейтральная, **1** – низкая степень оскорбительности (выражение неодобрения, осуждения, порицания, разочарования и т.п.), **2** – средняя степень оскорбительности (выражение презрительности, пренебрежения, унижения<sup>13</sup>); **3** – высокая степень оскорбительности (оскорбить, обругать в грубой, резкой форме).

При этом каждой из степеней будут соответствовать определенные признаки, способствующие проявлению функции инвективности у нормированной лексики (не оскорбительной по своей природе в восприятии современного носителя русского языка).

<sup>13</sup> От «уничжать» – унижать, оскорбляя чье-либо достоинство или умаляя, принижая заслуги: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2006, с. 1390.

Тогда, учитывая речевую ситуацию и контекст, литературные инвективные слова и выражения, у которых условно определены 1 или 2 степени инвективности, не могут быть квалифицированы как оскорбительная лексика, но могут вызвать у адресата чувство обиды и оскорбленности и умалять его честь и достоинство. В то время как слова, условно отнесенные к 3 степени оскорбительности, формально не являясь «неприличными», могут быть квалифицированы экспертом как оскорбительная лексика и как неприличная форма выражения.

Таким образом, авторы данной работы, учитывая тот факт, что на данный момент в современной науке критерии определения статуса инвективности/неинвективности не являются достаточно четкими для формирования представлений о пределах функционирования инвективной парадигмы, считают, что предложенный ими психолого-лингвистический подход к решению вопросов инвективного функционирования слов и выражений, находящихся в пределах литературной нормы, поможет экспертам при производстве судебных экспертиз и исследований.

#### Литература:

1. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Изд. 3-е, переработанное и дополненное / Под ред. А.А.Чекалина, В.Т. Томина, В.В.Сверчкова. – Юрайт-Издат, 2006.
2. Коряковцева А.В., Головачева О.В. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // «Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права»: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, АГУ, 2006.
3. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд / Под ред. А.К.Симонова и М.В.Горбаневского. – М.: Медея, 2004.
4. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы// «Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права»: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, АГУ, 2006.



**Баранов Анатолий Николаевич,**  
заведующий лабораторией экспериментальной  
лексикографии Института русского языка  
им. В.В. Виноградова РАН, профессор,  
доктор филологических наук

## ИМПЛИЦИТНЫЕ ЧАСТИ СЕМАНТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

---

### 1. Имплицитное как часть семантики языковых форм

В современной семантической теории содержание предложения и текста рассматривается как сложный феномен, напоминающий по структуре строение слоеного пирога (часто в этой связи и говорят о гипотезе «Слоеного пирога»). Мир смысла многомерен, однако высказывание, речевой акт упорядочены по временной оси. Иными словами, произнося высказывание, говорящий вынужден определенным образом «упаковывать» многомерное содержание в линейную структуру речевого акта. Это приводит к тому, что некоторые «слои» плана содержания, семантики оказываются более эксплицитными и явными (т.е. очевидными для адресата), а какие-то «слои» погружаются ниже<sup>1</sup>. Самой эксплицитной частью семантики высказывания считается пропозиция (ассерция), а имплицитных слоев довольно много. К ним относятся, например, пресуппозиции, импликации, следствия и пр. Распределение семантической информации по «слоям» плана содержания оп-

ределяется отчасти грамматикой и лексикой языка, а отчасти речевым искусством говорящего. Собственно, «слоистая» структура плана содержания является одной из важнейших предпосылок речевого воздействия<sup>2</sup>.

Можно предложить такую аналогию: собираясь в дорогу, мы упаковываем множество вещей в сумку или чемодан. При этом опытный путешественник положит то, что ему может понадобиться в первую очередь, в самую верхнюю часть багажа – поближе к верхней крышке чемодана, а то и в боковые отделения. Что не нужно в дороге, вообще можно положить на дно. Так и в семантике высказывания: пропозиция отвечает за соответствие действительности и тем самым относится к наиболее важной части коммуникации. Эта часть передаваемого содержания и должна быть наиболее эксплицитной, ясной и легко определяться адресатом. Прочее пускается в более глубокие слои плана содержания.

Как известно, информация (план содержания языковых выражений) может быть представлена в тексте в виде утверждений, предположений и мнений. Поскольку план

---

<sup>1</sup> Ср. концепцию «упаковки» (packaging) информации, сформулированную У. Чейфом в [Chafe 1974; Chafe 1976].

<sup>2</sup> См. подробнее [Баранов 2007: 174 и далее].

содержания высказывания состоит из нескольких различных слоев, различающихся по степени эксплицитности, то утверждение может быть как **явным (эксплицитным)**, так и **скрытым, неявным (имплицитным)**. К **эксплицитным** относятся такие утверждения, содержание которых можно установить из поверхностной формы высказывания, не проводя дополнительных смысловых преобразований, которые могут основываться как на значении слов, входящих в это высказывание, так и на значении контекста. К **скрытым утверждениям** относятся такие утверждения, которые выявляются на основе дополнительного анализа значения выражений, входящих в высказывание, и на значении контекста употребления этого высказывания. Несколько перифразируя, можно также сказать, что явные (эксплицитные) утверждения прямо отражаются в лексико-синтаксической структуре предложения, а скрытые (имплицитные) – нет.<sup>3</sup> Важно отметить, что иллюкативная составляющая скрытых утверждений, то есть коммуникативная цель передаваемой информации, практически исчезает. Вместо компонента 'вербально передаваемая ком. информация', присущего эксплицитным утверждениям, появляется компонент смысла 'подразумеваемая информация' или 'информация, разделяемая и говорящим и адресатом'.

## 2. Характеристики имплицитного: обязательность vs. факультативность и вербализуемость vs. невербализуемость

Имплицитная (скрытая) информация может быть и **обязательной**, и **факультативной**. Так, различные коннотации, культурно обусловленные ассоциации слов, устойчивых словосочетаний относятся к факультативной части содержания текста: они могут восстанавливаться адресатом, а могут и оставаться нераскрытыми.

Разграничение эксплицитной и имплицитной части семантики высказывания и текста, а в последней – обязательной и факультативной информации существенно важно для лингвистической экспертизы текста. В Постановлении пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 в определении поро-

<sup>3</sup> О различении эксплицитных и имплицитных слоев плана содержания см., например, [Кобозева 2000: 214 и далее].

чащих сведений говорится об утверждениях, но вид утверждений – явные (эксплицитные) или скрытые (имплицитные) – никак не оговаривается:

Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

Между тем, существенная часть смысла высказывания и текста приходится именно на имплицитные слои плана содержания. Имплицитная семантика имеет долгую историю изучения, восходящую к герменевтической традиции истолкования сакральных текстов. В общелингвистической традиции – прежде всего в литературоведении – имплицитная часть текста и речевого поведения часто называется «подтекстом».<sup>4</sup> Так, В.А. Кухаренко интерпретирует подтекст как составную часть художественного метода автора: «Подтекст – это сознательно избираемая автором манера художественного представления явлений, которая имеет объективное выражение в языке произведений» [Кухаренко 1974: 79]. В языкознании эта категория также обсуждается довольно широко, получая весьма разнообразные осмысления – вплоть до одного из уровней системы языка. Так, в концепции В. Скалички язык состоит из текста, контекста и подтекста [Skalička 1961].

Хотя никто этого специально не считал, но очевидно, что имплицитная составляющая семантики языкового выражения существенно больше, чем эксплицитная, поскольку пос-

<sup>4</sup> Е.А. Шипова в дипломной работе, посвященной семантике намека [Шипова 2006], отмечает, что к проблеме подтекста обращались и известные деятели театра. Так, Е.В. Вахтангов следующим образом объяснял смысл феномена «подтекст» своим студентам: «Если кто-нибудь спрашивает у вас, который час, он этот вопрос может задавать при различных обстоятельствах с различными интонациями. Тот, который спрашивает, может быть, не хочет ... знать, который час, но он хочет, например, дать вам понять, что вы слишком засиделись и уже поздно. Или, напротив, вы ждете доктора, и каждая минута... дорога..., необходимо искать подтекст каждой фразы» [Беседы о Вахтангове: 140].

ледняя чаще всего ограничена только пропозицией<sup>5</sup>, а к имплицитной составляющей относится множество разнообразных категорий – см. ниже. Иными словами, если исключить имплицитную часть плана содержания, то из сферы анализа выпадает булыжная часть семантики высказывания и текста, что вряд ли имелось в виду в Постановлении. Рассмотрим следующий пример:

Данное обстоятельство [получение Международного сертификата системы качества. – А.Б.] вызвало у нас непонимание: как может заранее несостоятельная строительная компания, зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны, получить право на участие в тендерах (в том числе международных) на строительство гражданских объектов?

К эксплицитной части семантики приведенной фразы можно отнести только следующие части смысла: 1) 'Получение строительной компанией Международного сертификата системы качества вызвало у автора фрагмента непонимание'; 2) 'автор фрагмента спрашивает, каким образом заранее несостоятельная строительная компания, зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны, может получить право на участие в тендерах (в том числе международных) на строительство гражданских объектов'.

В приведенном примере имеются, однако, и другие компоненты смысла, которые прекрасно осознаются носителями языка, но которые формально нельзя признать эксплицитной информацией. К ним относятся, в частности, следующие смысловые блоки, которые можно сформулировать в виде утверждений: 3) 'автор фрагмента не согласен с присвоением обсуждаемой строительной компании Международного сертификата системы качества'; 4) 'автор фрагмента относится отрицательно к присвоению обсуждаемой строительной компании Международного сертификата системы качества'; 5) 'обсуждаемая строительная компания является заранее несостоятельной'; 6) 'обсуждаемая строительная компания зарекомендовала

себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны'; 7) 'очевидно несостоятельная строительная компания (об этом было известно «заранее»), зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны, не имеет права на участие в тендерах (в том числе международных) на строительство гражданских объектов'.

Компоненты смысла 3 и 4 выводятся как следствие из семантики анализируемой фразы, прежде всего из фрагмента *Данное обстоятельство (получение Международного сертификата системы качества - специалист) вызвало у нас непонимание*. Компонент 5 «упакован» в определении к существительному *компания – заранее несостоятельная строительная компания*, а компонент 6 в свернутом виде представлен в причастном обороте *зарекомендовавшая себя на строительном рынке недвижимости исключительно с отрицательной стороны*. Компонент 7 представляет собой скрытое утверждение, которое вводит риторический вопрос *как может заранее несостоятельная строительная компания...* Из проведенного весьма поверхностного семантического анализа видно, что наиболее существенные для лингвистической экспертизы части семантики сосредоточены в рассматриваемом случае в имплицитной, скрытой части плана содержания языковых форм.

Тем не менее понятно, что далеко не вся имплицитная часть семантики языковых выражений может реально соотноситься с категорией утверждения, а именно эта категория упоминается в Постановлении. Возникает вопрос, как выражаются скрытые, имплицитные утверждения в тексте?

Имплицитная информация, как было отмечено выше, может быть обязательной и факультативной, но, кроме этого важного противопоставления, есть еще одно: имплицитная информация может быть **вербализуемой** и **невербализуемой**. Под вербализацией имеется в виду возможность достаточно правдоподобного воспроизведения скрытого смысла в виде высказывания, содержащего пропозицию, которая передает скрытое содержание. В рассмотренном выше примере была приведена именно вербализуемая информация. Однако вполне возможна ситуация, когда нечто в имплицитной части семантики языкового выражения есть, но вер-

<sup>5</sup> Как следует из сказанного выше, в ряде случаев эксплицитно выражается, например, и иллюкативная сила высказывания. Это происходит, например, во фразах, содержащих эксплицитную перформативную формулу: *Я утверждаю, что никакого отношения к провокационным заявлениям некоторых СМИ не имею*.

ИмPLICITная информация	Вербализуемость	Невербализуемость
Обязательность	(i) Обязательная и вербализуемая информация	(ii) Обязательная и невербализуемая информация
Факультативность	(iii) Факультативная и вербализуемая информация	(iv) Факультативная и невербализуемая информация

бализовать это в явной форме невозможно. Типичный случай – использование некоторых приемов речевого воздействия, например, приема «введения в оценочно окрашенный контекст или ассоциативный ряд» (см. подробнее [Баранов 2007: 179 и далее]). Вариант этого приема – постановка в негативно окрашенный ассоциативный ряд – широко представлен в политической рекламе. Так, известный лозунг *Голосуй или проиграешь!* предвыборной кампании Б. Ельцина сопровождался изображением наручников или арестантской куртки в непосредственной близости от слова *проиграешь*. Очевидно, что *проигрыш* в этом рекламном слогане интерпретировался как что-то явно отрицательное, но не обязательно имелось в виду реальное тюремное заключение. Это можно было интерпретировать и как ограничения гражданских свобод, и как полицейское государство, и как обобщенно (даже символически) передаваемую идею опасности. Иными словами, негативный компонент содержания присутствует, но точно вербализовать и выразить его суть невозможно. Аналогичными свойствами обладает метафора: метафорические номинации могут влечь негативную оценку, но и в этом случае часто (впрочем, не всегда) точная вербализация негативной составляющей затруднена, ср. кличку *Паша-мерседес* одного из бывших министров обороны РФ или номинацию Линдона Джонсона как антигероя игры в дартс (т.е. представление его в виде мишени, в которую бросают нечто вроде маленьких дротиков). К числу феноменов, вводящих невербализуемую скрытую информацию, относится также истинный намек, или намек в точном смысле (см. [Баранов 2007: 205-221; Шипова 2006]).

Практически невербализуемы многие культурные ассоциации (см. по этому поводу [ИмPLICITность в языке и речи 1999: 43-57]). Несколько больше повезло в этом смысле культурным и социальным стереотипам.<sup>6</sup>

<sup>6</sup> Вдохновляющие примеры разбора культурных стереотипов, в том числе языковых, представленных в

Сочетание указанных двух параметров – обязательность vs. факультативность, вербализуемость vs. невербализуемость – задает следующие возможные комбинации, характеризующие скрытую информацию (см. табл. 1)

Очевидно, что факультативная информация не может рассматриваться в экспертизах по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Действительно, факультативные части плана содержания индивидуальны в том смысле, что разные носители языка по-разному восстанавливают для себя эту область семантики языковых выражений. Следовательно, и сам факт наличия порочащих сведений в таких случаях достоверно доказать невозможно. Некоторую полезную информацию могут дать социологические опросы, однако этот инструментарий находится за пределами собственно лингвистического исследования. Впрочем, лингво-психологическая и лингво-социологическая экспертиза в подобных ситуациях вполне уместна.

Проблематично опираться в делах о защите чести и достоинства на обязательную, но точно не вербализуемую информацию<sup>7</sup>. Причины те же, что рассматривались выше: невозможность точной вербализации скрытого смысла затрудняет или вообще делает невозможным доказательство наличия в тексте порочащих сведений. Опять-таки опросы здесь вполне допустимы, но они должны проводиться в рамках лингво-психологических или лингво-социологических исследований.

**Таким образом, скрытые, или имPLICITные, утверждения должны быть обязательной и вербализуемой частью имPLICITной части плана содержания языкового выражения.**

Укажем некоторые типичные способы выражения скрытых, или имPLICITных, утверждений.

СМИ и массовой культуре, собраны в заметках Р. Барта «Мифологии» [Барт 1996].

<sup>7</sup> Впрочем, в экспертизах о товарных знаках анализ обязательной, но плохо вербализуемой информации может оказаться довольно важным.



### 3. Виды имплицитного

Степень эксплицитности-имплицитности компонента содержания языкового выражения, очевидно, не бинарна, а градуальна. Естественно начать с наиболее эксплицитных феноменов. К таковым в первую очередь относятся **эллиптические предложения**, а также **утверждения, содержащие анафорические местоимения**. Такие формы восстанавливаются из контекста или ситуации общения. Так, предложение *Потом лично отвечал за то, чтобы не вернули кредит государству* представляет собой эллипсис фразы *Потом Дикой лично отвечал за то, чтобы не вернули кредит государству*. Это легко выявляется из ближайшего контекста, в котором говорится о деятельности Дикого.

Случаи конвенционального эллипсиса и анафорических замен настолько близки к эксплицитной форме подаче информации, что их можно относить к эксплицитным способам выражения утверждения.

Однако не все случаи эллипсиса сопоставимы с эксплицитными способами представления информации. Так, к случаям эллипсиса близок способ указания на пропозицию, основывающийся на использовании макроструктуры текста. Например, помещение текста, описывающего некоторое событие, в тематической рубрике «Мошенничество» указывает на утверждение вида «В следующем ниже тексте описывается мошенничество». Аналогично рубрика «Скандал» отсылает к утверждению вида «В следующем ниже тексте описывается скандал». Это обязательный компонент смысла текста, однако степень его вариативности выше, чем в случае обычного эллипсиса (ср. «Здесь говорится о мошенничестве/скандале», «Тема последующего текста – мошенничество/скандал» и т.п.). В этих случаях можно говорить о скрытом утверждении.

**Актуальное значение фразеологизма** также формирует такой слой плана содержания, который фактически идентичен эксплицитному слою – пропозиции. Действительно, фраза *Петров вышел сухим из воды* понимается как «Петров избежал заслуженного наказания за какой-то проступок».<sup>8</sup> Имен-

но это и оказывается пропозицией рассматриваемой фразы. Единственная проблема в том, что пропозициональная составляющая, в которой реализуется актуальное значение, реализуется не автономно, а на фоне внутренней формы, которая хорошо осознается носителем языка. Именно поэтому актуальное значение – это фактически эксплицитный слой, а не просто эксплицитный слой. Более корректно квалифицировать актуальное значение фразеологизма как скрытое (имплицитное) утверждение.

Несколько иная ситуация с идиомами, внутренняя форма которых не осознается как живая современным носителем русского языка. Актуальные значения идиом *не видно ни зги* («ничего не видно»), *испокон веков/веку/века* («всегда»), *не хухры-мухры* («что-то, что нельзя рассматривать как неважное») более эксплицитны, поскольку не «подавляются» семантикой легко осмысляемой внутренней формы. В таких идиомах актуальное значение можно квалифицировать как эксплицитный способ передачи информации.

**Пресуппозиции** образуют такой компонент плана содержания высказывания, который предполагается известным участникам ситуации общения или является основой осмысленности высказывания – оценки его как истинного или ложного. На шкале степени имплицитности разные типы пресуппозиций занимают различное положение. Впрочем, степень эксплицитности-имплицитности пресуппозиций различных типов изучена в лингвистической семантике явно недостаточно. По-видимому, это оказалось причиной противоречивой квалификации данного феномена и как эксплицитной, и как имплицитной информации авторами монографии об имплицитности в языке [Имплицитность в языке и речи 1999]. Так, на стр. 33 указанной работы отмечается, что «неотрицаемая информация [т.е. пресуппозиция. – А.Б.] никак не может быть признана имплицитной». В то же время на стр. 83 пресуппозиции существования отнесены к «пропозитивным имплицитным смыслам»: *Сашин магнитофон сломался – имплицитный смысл «У Саши есть магнитофон»*. Отметим,

опасной ситуации, во многом (а то и полностью) обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила, что становится известным, избежать наказания за сделанное в результате собственных усилий или действия посторонних факторов, уподобившись человеку, способному сделать невозможное и противоречащее известным физическим законам».

<sup>8</sup> Ср. толкование идиомы *выйти сухим из воды* как «избежать заслуженного наказания» в издании *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А.И. Молоткова. СПб: Вариант, 1994. Точнее семантику этого фразеологизма следовало бы описать следующим образом: *Выйти сухим из воды* = «оказавшись в

что отнесение пресуппозиций существования к имплицитной части плана содержания противоречит принятому в обсуждаемой монографии пониманию имплицитного в языке. Согласно данному там определению, основным признаком имплицитной информации является «необязательность ее получения при понимании, несто процентность ее восстановления слушающим» (с. 32). Понятно, что пресуппозиция существования является обязательной частью смысла языкового выражения. В противном случае высказывание становится семантически аномальным. Однако такое определение имплицитной информации приводит к тому, что понятие коммуникативной организации знания, лингвистической «упаковки» содержания в речевом сообщении теряет смысл. Получается, что и утверждение, и пресуппозиции, и обязательные следствия оказываются эксплицитными. Иными словами, эффект навязывания пресуппозиций и использование других феноменов из инструментария приемов скрытого речевого воздействия, основанный на имплицитном, неявном введении некоторой информации в дискурс как общеизвестного, очевидного для участников ситуации общения, должен объясняться с каких-то иных позиций. Принятая авторами указанной монографии трактовка имплицитного имеет и другие неприятные теоретические последствия: возникают дополнительные сложности в разграничении центральной и периферийной части толкования слова, требуют существенного переосмысления категории коммуникативной организации смысла высказывания и т.д. Впрочем, при интерпретации конкретных примеров авторы уходят от теоретических построений, ориентируясь на здравый смысл.

Типичный пример использования пресуппозиции для введения скрытого утверждения обнаруживается в следующей фразе:

*Компания ООО “Рациональная логистика” с пониманием относится к тяжелому финансовому положению ОАО “Питательный завтрак”, хотя и считает незаконным уклонение от предоставления информации акционеру.*

Один из типов пресуппозиций формирует условия для оценки высказывания как истинного или ложного. Например, утверждение вида *Суд посчитал правонарушение Петрова незначительным и назначил условное наказание* содержит условие осмысленности ‘Петров совершил правонарушение’.

Если Петров не совершал правонарушения, то приведенное утверждение становится семантически аномальным: его нельзя считать ни истинным, ни ложным<sup>9</sup>. Часто в качестве критерия выделения пресуппозиции используется постановка предложения в контекст общего отрицания, при этом отрицается только утверждение (самая явная, эксплицитная часть семантики), а пресуппозиция не попадает в сферу общего отрицания (см. подробнее § 4 главы 3). Так, введение общего отрицания в приводившийся выше пример дает следующий результат: *Неверно, что суд посчитал правонарушение Петрова незначительным и назначил условное наказание*, т.е. компоненты смысла ‘суд не посчитал правонарушение незначительным’ и ‘суд не назначил условное наказание’ относятся к утверждению данного высказывания. А компонент смысла ‘Петров совершил правонарушение’ не отрицается, образуя пресуппозицию расматриваемой фразы.

Используем тест на общее отрицание для выделения пресуппозиции в спорной фразе. Поскольку вопрос непосредственно касается первой части обсуждаемого предложения, уступительное придаточное предложение *хотя и считает незаконным уклонение от предоставления информации акционеру* в тесте можно опустить. Получаем следующее:

*НЕВЕРНО, что компания ООО “Рациональная логистика” с пониманием относится к тяжелому финансовому положению ОАО “Питательный завтрак”* ‘Компания ООО “Рациональная логистика” без понимания относится (или “не относится с пониманием”) к тяжелому финансовому положению ОАО “Питательный завтрак”’.

Иными словами, при общем отрицании спорной фразы компонент смысла ‘ОАО «Питательный завтрак» находится в тяжелом финансовом положении’ не отрицается и тем самым образует пресуппозицию. Выявленный компонент обязателен, поскольку является условием осмысленности анализируемой фразы. Поскольку пресуппозиция предполагается истинной, то по модальности это утверждение, но скрытое, имплицитное.

Введение пресуппозиций (и тем самым скрытых утверждений) может осуществляться различными языковыми формами. В частности, вопросами. Так, вопрос *Почему наш*

<sup>9</sup> О понятии пресуппозиции см., в частности, [Падучева 1981; Падучева 1985: 48–82].

банк входит в десятку лучших банков России? включает пресуппозицию 'Банк (о котором идет речь) входит в десятку лучших банков России'. Риторический вопрос *Да неужели я буду унижаться перед ним?* содержит пресуппозицию 'Я не буду унижаться перед ним'.<sup>10</sup> Альтернативный вопрос *Итак, убил Петров или Иванов?* обнаруживает пресуппозицию 'Убил Петров или Иванов'.<sup>11</sup>

Пресуппозиции, по крайней мере семантические пресуппозиции, образуют обязательную часть плана содержания. Это следует из определения семантической пресуппозиции как условия осмысленности высказывания. Иными словами, в рамках лингвистической экспертизы текста они должны квалифицироваться как скрытые (имплицитные) утверждения.

**Следствия**, как и пресуппозиции, относятся к имплицитной части плана содержания высказывания и текста. В отличие от пресуппозиций, следствия далеко не всегда являются обязательными. Так, из фразы *Белинский писал об авторе «Евгения Онегина», что он любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества* выводится следствие 'Белинский писал об А.С. Пушкине, что тот любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества'. Это следствие обязательно, поскольку оно должно рассматриваться как условие правильного понимания текста. Если данное следствие не выводится читателем, то нельзя говорить о правильном понимании приведенной фразы.

Степень имплицитности следствий, как и различных типов пресуппозиций, неодинакова. Следствия, которые выводятся из семантики на одном или двух шагах рассуждения находятся ближе к поверхностной, эксплицитной части семантики (см. пример выше), а следствия, требующие длинной цепочки вывода, будут располагаться на самых глубинных слоях плана содержания, причем даже не высказывания, а текста в целом. Довольно высока вероятность, что такие следс-

<sup>10</sup> Риторический вопрос – «фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию риторической формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон и т.п.» [Ахманова 1969].

<sup>11</sup> Альтернативный вопрос – «вопрос, предлагающий слушателю подтвердить одну из допускаемых возможностей; подсказывающий один из двух возможных ответов» [Ахманова 1969]. См. подробнее по этому поводу [Баранов, Кобозева 1983].

ствия окажутся факультативными<sup>12</sup>. Показателен в этом смысле следующий пример. В интервью с предпринимателем И. Поплавским обсуждалась деятельность известного финансиста С. Прибыткова, который, предположительно, использовал незаконные методы для присвоения акций предприятий. На это указывал целый ряд реплик И. Поплавского:

**Поплавский.** Мы начали вводить западные методы, докупали контрольные пакеты, должны были переходить на единую акцию. Но потом вышел кризис. И господин Прибытков списал с реестра завода акции. Акции перепродали два раза – получился добросовестный приобретатель. По закону, если ты украл и кому-то перепродал, он честно отдал деньги – он собственник.

<...>

**Журналист.** Так вы столкнулись с методами конкурентной борьбы?

**Поплавский.** Не было никакой конкурентной борьбы. Конкурент – это тот, с которым ты конкурируешь. Вот Siemens – это конкуренты. А если у тебя воруют – ты с кем конкурируешь?

<...>

**Журналист.** В результате вы потеряли контроль над предприятиями?

**Поплавский.** При чем здесь потеряли? Потеряли – это если бы я шел и потерял. А у нас украли.

После обсуждения некоторых других проблем в интервью возникла тема перспектив бизнеса И. Поплавского:

**Журналист.** А не боитесь, что опять кто-нибудь отнимет?

**Поплавский.** Ну, опыт уже какой-то есть. Мы же не глупее всех.

В приведенной последовательности реплик представлена фраза *опять кто-нибудь отнимет*. Это означает, что ранее шла речь о том, что у интервьюируемого (И. Поплавского) что-то ранее отняли. Глагол *отнять* имеет здесь значение 'взять у кого-л. силой, вопреки его желанию, отобрать' [МАС]. Из приведенного толкования следует, что и здесь речь идет о ситуации воровства (*воровать* – 'похищать, принадлежащее другим, красть' [МАС]). Использование глагола *отнимать* в рассмат-

<sup>12</sup> Аналогичное соображение содержится в уже упоминавшейся монографии об имплицитности: «<...> регулярные выводы из лексического значения, <...> включаясь в цепочку, становятся существенно менее вероятными» [Имплицитность в языке и речи 1999: 37].

риваемом значении актуализует ситуацию воровства акций, ответственность за которую ранее уже была возложена на С. Прибыткова. Иными словами, семантический анализ приведенного фрагмента в контексте всего интервью позволяет получить следствие вида 'Ранее С. Прибытков уже отнял/украл акции завода'. Данное следствие выводится, однако, не прямо, а в несколько этапов, с помощью достаточно сложных рассуждений: *опять кто-нибудь отнимет* → 'ранее уже отнимали' → глагол *отнять* в данном контексте по смыслу близок глаголу *украсть* → 'ранее речь шла о краже акций завода' → 'С. Прибытков несет ответственность за эту кражу' → 'С. Прибытков ранее уже отнял/украл акции'. Сложность цепочки вывода ставит под сомнение его обязательность. Иными словами, далеко не всякий читатель будет в состоянии провести такое рассуждение. Тем самым следствие вида 'Ранее С. Прибытков уже отнял/украл акции завода' из данного фрагмента можно считать факультативным.

Факультативное следствие, т.е. необязательная, но вербализуемая имплицитная информация, хотя и имеет форму утверждения, не может рассматриваться в делах о защите чести и достоинства именно в силу своей факультативности. В определенном смысле за факультативное следствие несет ответственность сам адресат – читатель, слушатель и зритель. Факультативные следствия непредсказуемо разнообразны, поскольку не в последнюю очередь определяются моделью мира адресата, его ожиданиями и коммуникативными намерениями в данный конкретный момент времени. Они порождаются в силу испорченности или, наоборот, благонаравия адресата.

Факультативные компоненты плана содержания высказывания не мешают пониманию текста: если читатель не восстановит факультативную часть семантики предложения, то это не должно вести к семантической аномальности текста или его фрагмента. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент статьи «Исчезнувший налог»:

Именно тогда П. Семакин и предпринял поход во власть. Сначала он, как мы уже говорили, стал депутатом местной думы – и получил искомую неприкосновенность. После чего стремительно начал искать союзников в структуре, от которой зависело очень многое, – в налоговой полиции. Были простимулиро-

ваны соответствующие чины – и в октябре 1998 года якобы по инициативе ФСНП появляется Ассоциация производителей и дистрибьюторов натурального спирта. Президентом Ассоциации становится Петр Семакин.

Глагол *стимулировать* в данном контексте означает 'дать стимул к чему-н.; заинтересовать в чем-н.' [Ожегов и Шведова 1992]. В начале данного фрагмента речь идет о том, что П. Семакин стал искать союзников в налоговой полиции. Непосредственно после этого использована пассивная конструкция с глаголом *простимулировать*, причем субъект действия при глаголе *простимулировать* опущен: *Были простимулированы соответствующие чины <...>*. Поскольку из содержания приведенного фрагмента следует, что в инициативе со стороны налоговой полиции для организации «Ассоциации производителей и дистрибьюторов натурального спирта» был заинтересован П. Семакин, а также поскольку субъектом действия сказуемого предшествующего предложения является Семакин (<...> *стал искать союзников <...>*), то высоковероятно, что субъектом действия, описываемого предложением *Были простимулированы соответствующие чины <...>*, является сам П. Семакин. Иными словами, в рассматриваемой фразе содержится информация 'Семакин чем-то, что не названо, заинтересовал чиновников ФСНП в том, чтобы они выступили инициаторами создания указанного Союза'. Выбор довольно странного для данного контекста глагола *стимулировать* с широкой семантикой склоняет читателя к предположению, что это эвфемизм для выражения *дать взятку* или какого-то другого выражения, аналогичному ему по смыслу. Во всяком случае, под глаголом *стимулировать* в данном контексте имеется в виду не вполне законный способ воздействия на чиновников (*чинов*). Информация о не вполне законном способе воздействия на чиновников при организации «Ассоциации производителей и дистрибьюторов натурального спирта» характеризует П. Семакина отрицательно. Но возникает вопрос, является ли этот имплицитный компонент смысла обязательным? Очевидно, что нет, поскольку не удастся однозначно восстановить, кто «стимулировал» чиновников: это может быть П. Семакин, а могут быть и связанные с ним лица либо кто-то еще. В силу этого данное следствие не является обязательным, хотя и высоковероятным в общем контексте

рассматриваемой статьи. Если читатель не восстановит информацию 'Семакин чем-то, что не названо, заинтересовал чиновников ФСНП в том, чтобы они выступили инициаторами создания указанного Союза', то текст не потеряет связности и не станет аномальным.

Факультативные следствия, в которых представлена факультативная, но вербализуемая информация, близки по своим свойствам предположениям, поскольку они, как и предположения, вероятностны, хотя и в несколько разных смыслах: предположения описывают положения дел, которые с определенной долей вероятности имеют (имели, будут иметь) место, а факультативные следствия соответствуют той части плана содержания высказывания и текста, которая с определенной долей вероятности (своей для каждого случая, но не «сто процентной») будет реконструирована («понята») адресатом. Именно в этом смысле факультативные следствия (и, соответственно, импликации) следует рассматривать как аналоги выражения предположения.

Обязательные следствия противоположны факультативным: их понимание необходимо для осмысленности текста. Именно в силу этого они могут рассматриваться в лингвистической экспертизе как скрытые (имплицитные) утверждения.

### Литература:

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007.

Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория

установки) // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка, 1983, № 3.

Барт Р. Мифологии. М., 1996.

Беседы о Вахтангове. М.–Л., 1940.

Имплицитность в языке и речи / Под ред. Е.Г. Борисовой, Ю.С. Мартемьянова. М., 1999.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной речи (на материале прозы Э. Хемингуэя) // Филологические науки, 1974, № 1.

МАС – Малый академический словарь. Толковый словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I-IV. М., 1985-1988.

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1992.

Падучева Е.В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981, № 11.

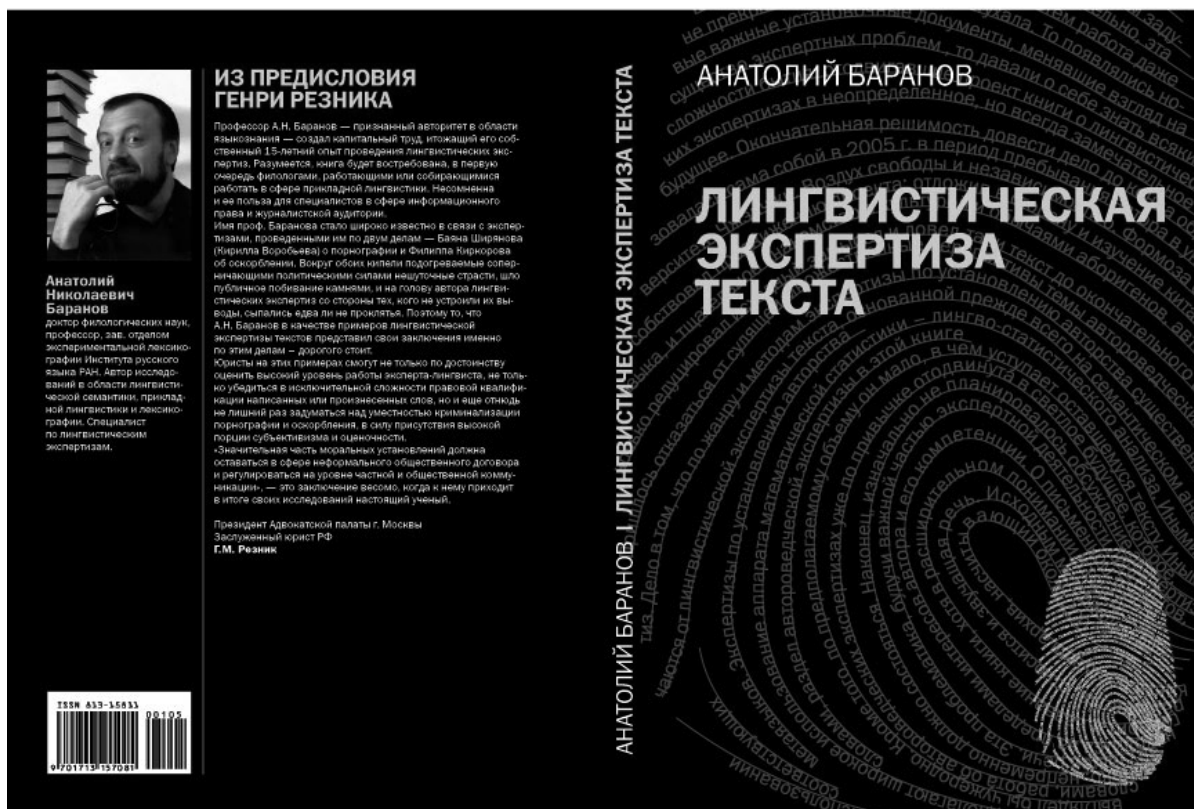
Падучева Е.В. Высказывание и его соотношение с действительностью. М., 1985.

Шипова Е.А. Классификация, семантические и прагматические функции намека в дискурсе российской публицистики. М.: филологический факультет МГУ, 2006 [рукопись дипломной работы].

Chafe W.L. Language and consciousness // Language, 1974, v.50, № 1, p. 110-133.

Chafe W.L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // C.N. Li ed. Subject and topic. N.Y.: Acad.Press, 1976, p. 25-55. [русский перевод: Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982, с. 277-316]

Skalička V. Text, Kontext, Subtext. "Slavia pragensia", III – Philologica, 3, 1961.



**А.Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007.**

Книга посвящена лингвистической экспертизе текста - новому направлению в прикладной лингвистике, в котором разрабатываются методы, позволяющие анализировать содержание текста, определяя, что говорится и что подразумевается, а также представлять его в явной (эксплицитной) форме. Особое внимание уделяется понятиям, лежащим в основе теории лингвистической экспертизы: утверждению, предположению, мнению, оценке, призыву, категории негативной информации.

Разбираются примеры анализа феноменов языка и речи, становящихся предметом спора в судах и тем самым важных для экспертизы текстов СМИ. Разбираются примеры использования метафор, фразеологизмов, стилистических особенностей организации текста. Анализируются и обсуждаются часто используемые приемы манипулирования сознанием.

Книга иллюстрирована языковым материалом, основанным на картотеке экспертиз по делам о защите чести и достоинства, разжигании межнациональной розни, оскорблениях, по делам в сфере товарных марок и патентоведения, собранной автором на протяжении его многолетней экспертной работы в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Подробно разбираются экспертизы, вызвавшие широкий общественный резонанс (дело Баяна Шириянова и дело "Арьян против Киркорова").

Книга предназначена для филологов, работающих в области лингвистических экспертиз, для юристов, занимающихся правовым обеспечением деятельности СМИ и публичной политики, а также для журналистов, реально сталкивающихся с проблемой подачи в публикациях негативной информации о конкретных людях, фирмах, партиях и государственных институтах. Она будет интересна и тем, кто интересуется функционированием современного русского языка.

# Нормативная правовая база судебно-экспертной деятельности

---



**Горошко Елена Игоревна,**  
заведующая кафедрой межкультурной  
коммуникации и иностранного языка НТУ  
“Харьковский политехнический институт”,  
профессор, доктор филологических наук

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА: ПОПЫТКА РЕФЛЕКСИИ**

---

Социальные, культурные, экономические и прочие последствия современного технологического переворота, происходящие в мире по пути к информационному обществу, начинают осознаваться и изучаться только тогда, когда они проявляются на уровне повседневности, уровне обычной жизни. Не будучи теоретически осмыслены, социальные и культурные процессы, связанные с информатизацией и «интернетизацией», во многом остаются вне поля видимости, и мы сталкиваемся только с их последствиями. Поэтому столь важно попытаться осмыслить феномен Интернета именно сейчас, когда по своей значимости и влиянию на развитие общества и научно-технического прогресса он стал знаковым символом нашего времени – эпохи наступающего информационного общества и культуры постмодерна.

Никто уже не оспаривает тот факт, что основу информационной революции нашего века составляют беспрецедентные по скорости и объему передачи информации высокие технологии. Это было обусловлено всем развитием средств массовой информации (СМИ) и их многовековой эволюцией, которые и подготовили почву для возникновения Интернета (Расскладкина 2006, с.74). В 2005 году эксперты из Массачусетского технологического института (MIT) составили топ-список

25 важнейших изобретений человечества за последние два десятилетия: среди них Интернет занял первое место, а такое его приложение как электронная почта – пятое (Там же).

На настоящий момент считается, что Интернет представляет собой сложную социотехническую систему, не имеющую географических границ. Информация в этой системе представлена в виде большего количества веб-данных, мультимедиа, трехмерных изображений и прочее. Эта система является нестабильной и постоянно меняющейся средой, которая функционирует 24 часа в сутки. И к этой системе идет постоянно активное подключение, а темпы роста и размеры этой сети поражают воображение не только теоретиков информационного общества. Так, на сегодня только информационно-поисковая система Гугль «ищет» слово «Интернет» примерно среди 224 000 000 веб страниц, а среднестатистическая аудитория Сети к 1 июля 2007 года составила 1,154,358,778 человек. Ежедневно объем информационных интернет-ресурсов увеличивается на 7 млн. страниц (Смолян и др., 2004, с.113). Если эти цифры сопоставить с количеством жителей на земле сейчас (чуть-чуть более 6.5 миллиардов), то примерно каждый шестой землянин уже стал пользователем Сети. Интернет прирастает в среднем на 18% в год: на декабрь 2005 года



количество пользователей сети было около миллиарда человек. Второй миллиард аудитория Сети должна достигнуть к 2015 году. Третий миллиард набрать будет уже труднее и, по прогнозам специалистов, к своему третьему миллиарду Интернет должен приблизиться в 2040 году. Наиболее быстро Сеть развивается в Азии. Самый большой прирост пользователей Интернетом происходит в Китае. Однако если вспомнить, что Интернет начался в 1969 году с двух, связанных в сеть компьютеров, то эти цифры впечатляют. Так, «...телефону, который впервые был представлен на Всемирной выставке в Филадельфии, потребовалось 55 лет для того, чтобы количество его пользователей достигло 50 млн. человек. Телевидение вышло на аналогичный уровень пользователей за 13 лет. Интернету понадобилось для этого всего три года» (Вершинин 2001, с.65). Ряд ученых такой рост популярности Интернета и собственно его возникновение объясняют через понятие «чудо» (Докторов 1999). В 1999 году папа римский Иоанн Павел II учредил всемирный День Интернета. Покровителем Интернета был избран Святой Исидор – епископ Севильи, известный трудом *Этимология*. Этот манускрипт представлял собой рукописный словарь в двадцати томах, который содержал информацию о различных видах искусства. Фактически это была первая база данных в мире о всех накопившихся к тому времени сведениях в этой предметной области. Именно составитель первой в мире базы данных и был выбран покровителем всемирной информационной Супермагистрали. Исидор принял мученическую смерть 4 апреля 636 года, и именно этот день стал всемирным днем Сети.

А каков же он сейчас, современный Интернет?

Хочу сразу же отметить, что глобальное осознание того, во что со временем превратилась американская военная сеть ARPANET, потребовало на свое осмысление четверть века. Поэтому и первое точное определение термина Интернет<sup>1</sup> было дано лишь на 26-м

году существования Сети, а именно в октябре 1995 г. Федеральным Сетевым Советом США после консультаций с рядом сетевых экспертов и специалистов по информационно-коммуникативным технологиям (ИКТ). В этом определении подчеркивалось, что: «Интернет - это часть глобальной информационной системы, которая: логически связана с ней унитарным адресным пространством, основанном на IP-протоколе или на его перспективных расширениях/последователях; может поддерживать коммуникации, используя Transmission Control Protocol/Internet Protocol (TCP/IP) или его расширения/последователи и/или IP-совместимые протоколы; предоставляет, использует или делает доступными (для всех или конфиденциально) сервисы высокого уровня, основанные на коммуникациях и связанной с ними инфраструктуре, здесь определенной» (Голышко 2001, с.3). В 2001 году в опубликованном проекте нового интернет-законодательства США Internet Freedom and Broadband Deployment Act of 2001 было дано еще одно определение этого термина: «“Интернет” означает совокупность неограниченного числа компьютеров и различных телекоммуникационных составляющих, включая оборудование и управляющее программное обеспечение, которые, будучи соединенными, составляют всемирную сеть, которая, в свою очередь, использует протоколы TCP/IP (или какие-либо предыдущие или последующие их версии) для передачи информации любым образом посредством кабелей/проводов или радио» (Там же).

А.С.Биккулов, изучая определения Интернета, указывает, что наиболее часто Интернет рассматривается как суперсеть или же соединение сетей. Это определение обусловлено тем, что Интернет объединяет десятки тысяч компьютерных сетей (частных, коммерческих, академических, правительственных) более чем в 100 странах мира. Однако в последнее время появилась заинтересованность в подсоединении к Интернету сетей, которые не используют протокол IP. Разработаны методы подключения этих «чужих» сетей к Интернету. Сначала эти подключения, названные шлюзами, предназначались прос-

<sup>1</sup> С момента своего возникновения слово «Интернет» претерпело в русском языке ряд изменений. Первоначально его писали латинскими буквами и с большой буквы как результат непосредственного транслитерирования его английского эквивалента. Словарь русского языка Российской академии наук под редакцией В. В. Лопатина сейчас рекомендует написание слова с прописной буквы: Интернет (род. падеж — Интернета) (Словарь русского языка 2006). Написание со строчной буквы используется в сложных

словах, таких как «интернет-портал» и «интернет-магазин». Некоторые издания (Яндекс, РОЦИТ, «Коммерсантъ» и др.) считают, что собственное имя Всемирной сети уже стало нарицательным, и пишут «интернет» с маленькой буквы подобно названиям других средств коммуникаций (радио, телеграф, телефон) (Смолян и др., 2004, с.4).

то для пересылки электронной почты между двумя сетями, но некоторые из них выросли до возможности обеспечения и других услуг на межсетевой основе (Биккулов 2003, с.27). Закономерно возникает вопрос: «Являются ли они частью Интернета?» Как полагает Биккулов, и да, и нет — все зависит от того, хотят ли они того сами. Если какая-нибудь сеть принимает регламентацию Интернета и подсоединится к ней как ее составная часть, то она действительно будет являться таковой. Если нет, то она останется внешней сетью, имеющей ограниченный обмен информацией и услугами с сетью Интернет (Кролл 1995, с.36; Биккулов 2003, с.27).

Как видно по приводимым определениям, в них, прежде всего, подчеркивается технологическая составляющая Сети. Однако существуют и более «гуманитарные» определения и подходы к видению и осмыслению феномена Интернета. Проведенный мною анализ литературных источников в этой области показал, что в научном знании существует большое разнообразие в определениях, даваемых Сети: «Интернет - это цепь компьютерных сетей, которые можно рассматривать как самое простое и дешевое средство обмена электронной информацией между бизнесом и всем остальным миром» (Муртазин 1999, с.30). «Интернет - глобальная сильно децентрализованная сеть, не имеющая единого управляющего органа. Составляющие Интернет физические сети образуют иерархию, верхний уровень которой занимают высокоскоростные магистральные сети» (Кролл 1995, с.21). Если же на Интернет смотреть с точки зрения пользователя, то Интернет представляет собой глобальное средство обмена информацией - некая «информационная супермагистраль» (Путилова 2004, с.37). При этом «Всемирная сеть похожа на паутинку из лесных тропинок, где каждый может забрести в самые дебри и делать там то, что ему заблагорассудится» (Биккулов 2003, с. 52; Путилова 2004, с.37-38).

Интернет образует глобальное информационное пространство, служа физической основой для Всемирной паутины (веба) и множества систем (протоколов) передачи данных. Однако на обыденном уровне под Интернетом чаще всего подразумевается Всемирная паутина и доступная посредством её информация, а не собственно физическая реальность сетей и проводов (Давыдов 2005).

В гуманитарной парадигме знания определения Интернета выстраиваются на основе его функций. Считается, что Интернет - это глобальный коммуникативный канал, обеспечивающий во всемирном масштабе передачу мультимедийных сообщений (коммуникативно-пространственная функция). Он представляет общедоступное хранилище информации (всемирную библиотеку, архив, информационное агентство (коммуникативно-временная функция)). Одновременно он выступает как вспомогательное средство социализации и самореализации личности или социальной группы путем общения с заинтересованными партнерами, являясь своеобразным клубом по интересам (Соколов 2002, с.208).

Исходя из функций Интернета, А. В. Соколов дает обобщенное определение этого термина: Интернет представляет собой глобальную социально-коммуникативную компьютерную сеть, предназначенную для удовлетворения личностных и групповых коммуникативных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий. Ученый считает также, что Интернет эффективно и в глобальном масштабе обеспечивает движение смыслов в социальном пространстве и времени.

И от достаточно технологичного определения Интернета по мере его роста исследователи всё чаще начинают говорить о растущем значении Интернета как базы развития информационного общества, как некой особой информационной среды, «...своеобразного всемирного форума, позволяющего объединить усилия на пути к прогрессу» (Путилова 2004, с.38). Эд Кролл (автор одного из самых известных учебников по Интернету) в предисловии к этой книге замечает, что если попытаться определить Интернет одним словом, то это слово будет «общение». «Общение между отдельными людьми и целыми народами без вмешательства правительства» (Кролл 1995, с.5). Собственно Кролл несколько иначе «означил» мысли отцов-основателей Сети Винта Сёрфа: «Интернет – это место, это среда, состоящая из людей и мириады их взаимодействий. Это не просто технология, а новый способ сотрудничества, участи и заботы», а также Тима Бернерса-Ли о том, что Интернет – «...это пространство, заполненное информацией» (цит. по Биккулов 2003, с.30).

И ученые, изучающие социальные и иные последствия и влияние Интернета на

общество, все чаще, анализируя его содержательную сторону, говорят о том, что Интернет является одновременно и средой и каналом распространения информации, а интернет-пространство — это не некое «виртуальное», мифическое пространство в стиле трехмерных компьютерных игр, а вполне реальная система отношений и связей: индивидов друг с другом и с информационными ресурсами, индивидов с техническими устройствами-посредниками и самих этих устройств. Последнее предполагает ряд специфических технологий передачи данных и многообразие способов их трансляции.

Если рассматривать содержательную сторону Сети, то обычно к ней относятся сервисы Интернета - определенные услуги, предоставляемые Сетью. При этом в основе их классификации лежат не только технологические факторы (правила и особенности обмена данными (протоколы)), но и социальные потребности пользователей Сети, ради которых они создавались и развивались. К наиболее популярным сервисам Интернета относятся:

- электронная почта (e-mail) - наиболее используемый сервис Интернета, предназначенный для подготовки, пересылки и получения сообщений.

- списки рассылки (mailing list) - периодическая рассылка информации по определенной теме подписавшимся на данную рассылку людям. Список рассылки может быть авторским или коллективным. Когда автор рассылки (или любой участник коллективного списка рассылки) отправляет сообщение через список рассылки, его получают в виде писем по электронной почте все подписчики. Впоследствии на их базе возникли форумы, которые стали довольно популярным средством общения в сети, позволяя его участникам видеть одновременно сообщения всех остальных субъектов этого общения.

- сетевые новости или телеконференции (Usenet) — технологии обмена мнениями по какой-либо теме довольно большого количества людей, которым эта тема интересна (также происходит по подписке, но несколько отличается от списков рассылки).

- файлообменники или передача файлов по протоколу FTP и распределенная база данных файлов, доступных для загрузки с помощью этой системы (FTP-service). Система представляет собой распределенный депозитарий, архив текстов, программ, фильмов,

графических изображений, музыкальных записей и т.д., хранящихся в виде файлов на различных компьютерах по всему миру с добавлением особого протокола и клиентской программы доступа к ним;

- гипертекстовая информационная система, знакомая всем как Всемирная паутина (веб, World Wide Web, WWW). С помощью веба можно свободно ориентироваться в Интернете, переходя от одного вопроса к другому одним нажатием кнопки «мыши». Сейчас слова «Интернет» и «WWW» являются практически синонимами.

- технология удаленного доступа к компьютеру через Интернет (Telnet), которая позволяет связываться с удаленным компьютером и работать с ним практически так, как будто это ваш компьютер.

- информационно-поисковые системы (Gopher и WAIS);

- система IRC (Internet Relay Chat - беседа через Интернет) - непосредственное общение с помощью текста в реальном времени. Наиболее известные применения чата – программы мгновенных мессенджеров типа ICQ, которые позволяют общаться с одним или несколькими собеседниками. Собственно чат – это общение в Интернете, когда разговор ведется в реальном времени. Содержание чата существует только "здесь и сейчас".

- интернет-телефония - в отличие от обычной телефонной связи здесь сигнал передается в цифровом виде через Интернет, а не через телефонную систему.

- видеоконференции, предоставляющие возможность видеть друг друга на экране монитора в процессе обсуждения, т.е. этот сервис обеспечивает аудиовизуальное общение в реальном времени.

- поисковые системы Интернета (Google, Rambler, Yahoo, Meta, Yandex, Rambler), включая мета системы поиска по базам данных Сети (Exquick).

- виртуальные игры (on-line казино, многопользовательские игры через Интернет, виртуальные миры Moods, Muds, и т.д.);

- электронные платежи через Интернет, включая недавно появившиеся интернет-магазины и аукционы;

- интернет-радиостанции и интернет-телевидение, передающие в реальном времени (т.е. без задержек; сообщения передаются практически мгновенно, так называемые стриминговые или айпод технологии).

- с развитием рынка сотовой связи появился сервис WAP-доступа к ресурсам Интернета (для этого они, наряду с обычной HTML-страницей должны иметь WAP-страницы, ориентированные на маленький размер экрана сотового телефона);

- блоги (сокращенное от веблог) представляют собой достаточно часто обновляемую веб-страницу, состоящую из датированных записей (комментариев), расположенных в обратном хронологическом порядке. Как коммуникативный сервис блоги (или сетевые дневники) являются самой новой и популярной «услугой» сети (Горошко 2007).

- вики-проекты, включая знаменитую Википедию — многоязычную общедоступную свободно распространяемую энциклопедию, публикуемая в Интернете. Создаётся на многих языках мира коллективным трудом добровольных авторов, использующих вики-технологии. Википедия – это громадная гипертекстовая энциклопедия, которую может обновлять, пополнять и переписывать практически любой пользователь Сети.

Число доступных ресурсов Internet постоянно пополняется. В последнее время крайне популярными становятся технологии RSS, используемые для чтения фидов, блогов, новостных сайтов и другой регулярно обновляемой сетевой информации. RSS - это файл, который экспортирует новости и последние обновления сайта (блога). Чтобы не перегружать этот файл, в него, как правило, включают заголовки и один-два абзаца статьи, новости или записи блога. Технология RSS дает возможность каждому сформировать собственное информационное пространство, информационный блок, доступный не только его владельцу, но и всем пользователям данной RSS (Биккулов 2003, с.58).

Уже первое перечисление и краткое описание сервисов Интернета показывает его неоднородность и способность выполнять различные функции в качестве частного социального института. Последнее время с экспоненциальным ростом Сети всё чаще говорят о том, что Интернет – это своеобразный мир, среда существования. Причем понятие «интернет-среды» постепенно из обычного повседневного дискурса переходит в научный лексикон: например в социологии Интернета считается, что «...среда Интернета - это совокупность технических, функциональных, информационных, социальных, экономических,

юридических компонентов, обеспечивающих существование, формирование и деятельность индивидуальных и групповых пользователей, составляющих аудиторию Интернет» (Путилова 2004, с.39). По мнению Е. А. Путиловой, эта среда состоит из ряда компонентов: технического, функционального, информационного, социального, экономического и юридического (Там же, с.39-40).

Так, к техническому компоненту относится телекоммуникационная инфраструктура Сети: серверы, компьютеры, модемы, линии связи, технологии построения сетей на уровне каналов связи, сетевых устройств и т.д. Этот компонент «ответственен» за технический доступ к Сети, обеспечивая качественный уровень и скорость коммуникационных процессов, передачи данных, составляя материально-техническую базу функционирования Сети.

Функциональный компонент включает сетевое программное обеспечение серверов, клиентских станций, протоколы построения сетей, совокупность сервисных служб Интернета, обеспечивая деятельность в сети Интернет индивидов и социальных групп, которые составляют его «аудиторию».

Информационный компонент среды «отвечает» за информационную насыщенность Сети, всё сущностное наполнение передаваемой, размещаемой и, предлагаемой в ней информации (контент).

К социальному компоненту среды относятся пользователи Сети – его аудитория, интернет-сообщества - и социальные свойства сети Интернет: интеграционные и коммуникационные.

Экономический компонент интернет-среды включает платежные системы, системы расчетов, электронный бизнес, торговые площадки и т.д. В настоящий момент глобальный информационный рынок, реализуемый посредством Сети, значительно расширил способы обмена товарами, услугами и идеями, существенно увеличивая возможности выбора для индивидов и социальных групп при потреблении, трудовой деятельности, инвестировании, проведении свободного времени и т.д.

Юридический компонент интернет-среды раскрывает правовые основы функционирования Сети, нормы сетевого этикета, основы авторского права. Он затрагивает непосредственно такие проблемы как размещение

и распространение детской порнографии в Сети, международного терроризма и многое другое, определенным образом регламентируя деятельность людей в сетевом пространстве. Следует подчеркнуть, что правовая регламентация Интернета на настоящий момент является одной из самых серьезных проблем: как юридически грамотно применить действующие правовые системы к Интернету и модернизировать правовые нормы с учетом его глобального распространения и воздействия на всё мировое сообщество? (Там же, с.41).

По настоящий момент этот вопрос для постсоветского пространства остается открытым (Васильев 2006). В странах, где интернет-технологии наиболее развиты (США, Канада, Япония, страны Европейского Союза), она близка к завершению, и в этих странах практически вся деятельность Интернета протекает в правовом поле. В ряде стран её осмысливание только начинается, но не оспорим тот факт, что по мере развития Всемирной паутины именно правовая регуляция Сети и её связь с «демократичностью» всей интернет-среды, практически выведенной из-под государственного и централизованного контроля, будет на первом месте.

Ряд исследователей интернет-пространства, замечает, что «...социальный контроль в нём может осуществляться как в форме ясно выражаемого насилия или угрозы применения насилия (в качестве примера можно привести официальные запреты на доступ к тем или иным информационным ресурсам, сопровождаемые уголовными или административными санкциями), так и в форме контроля над соблюдением легитимированных самим сетевым социумом или государством норм поведения» (Бондаренко 2004, с.182-183). При этом необходимо учитывать, что усиление социального контроля вызвано не столько объективными процессами развития социальных отношений в Сети, сколько целенаправленной деятельностью государственных институтов, использующих все имеющиеся в их распоряжении средства для формирования соответствующих ценностей. Накладываемые же государством ограничения и осуществляемые им меры социального воздействия могут варьироваться от неприкрытого принуждения до гораздо более тонких форм достижения общественного согласия (достаточно вспомнить Постановле-

ние Кабинета Министров Узбекистана от 12 октября 2002 г. О децентрализации доступа к международным компьютерным сетям).

Независимо от механизмов осуществления социального контроля, сама проблема саморегулирования в системе социальных коммуникаций в Сети, без сомнения, является одной из наиболее актуальных для развития общества. Действительность уже доказала, что в сфере межличностной коммуникации все попытки государственного регулирования оказываются не эффективными (Там же). Сложность решения этой проблемы вызвана и тем, что меры социального контроля должны, с одной стороны, носить жесткий и однозначный характер, а с другой - обеспечивать субъектам правового регулирования определенную свободу действий, не препятствуя процессам трансформации социальной структуры Сети.

Проведенный анализ литературных источников по проблемам правовых основ интернет-коммуникаций и особенностей регулирования Сети показал, что на настоящий момент можно выделить следующие проблемные области:

- собственно разработка основ этого регулирования в контексте как международного, так и национального права, включая регулирование распространения информации в период выборов через Интернет.
- вопросы сетевой безопасности, включая проблемы спама, хакерства и вирусов;
- кибертерроризм;
- нарушение прав интеллектуальной собственности,
- распространение информации, оказывающей негативное влияние на социальное здоровье общества,
- бесконтрольное распространение оскорбительных и непристойных материалов, представляющих особую опасность для детей,
- распространение обманной и недобросовестной рекламы,
- проведение мошеннических коммерческих операций и построение пирамидальных мошеннических структур,
- несанкционированный доступ к приватной информации коммерческого, политического и государственного типа,
- нарушение прав личности в процессе информационного обмена, в том числе вторжение в частную жизнь (Смолян и др., 2004, с.108).

Правовой аспект регулирования отношений в Сети необходимо осмысливать и учетом того, что постепенно Интернет образует принципиально новую область социального взаимодействия, влекущую изменения в реальных областях жизни человека. При этом основными функциями Интернета в обществе являются информационная, формирование общественного мнения, социализация и манипуляция (Путилова 2004, с.105). В связи с этим проблема правового регулирования Сети встает крайне остро, т.к. оборот незаконных юридических операций, реализуемых с помощью интернет-технологий, растет с геометрической прогрессией. Так, в последнее время увеличился рост количества экономических преступлений: случаи кражи электронной идентичности, проведение незаконных банковских операций, мошенничество с электронными платежами, покупками и прочее занимают первые места в рейтинге самых опасных криминальных преступлений (Burnett & Marshall, 2003).

Крайнестораживает информация и о всё учащающихся случаях распространения материалов детской порнографии в Сети. Интернет всё чаще и чаще становится удобной приманкой в руках громадного количества асоциальных элементов и лиц, которые, играя на доверчивости пользователей Сети (включая детей и подростков), уже в реальной, а не виртуальной жизни совершают разнообразные преступления в сфере личности.

Если коснуться таких животрепещущих проблем как борьба с терроризмом и экстремизмом, то тут также крайне актуальной становятся задачи не только предотвращения кибертерроризма, хакерства и прочее, а осмысление того, что, как и когда может сделать современный террорист, используя описываемые технологии. Т. Л. Томас, анализируя использование Сети террористическими группировками, замечает, что Интернет крайне удобен для осуществления таких преступных целей, как:

- сбор подробной информации о предполагаемых целях, включая изображение их местонахождения и характеристики (например, Военное ведомство США скупает постоянно все права на фотографии Афганистана, производимые спутником "Иконос" компании "Спейс имиджинг инкорпорейтед", который способен фотографировать наземные объек-

ты из космоса с разрешающей способностью в 1 квадратный метр на поверхности земли).

- сбор финансовых средств для поддержки какого-либо движения или манипулирование ценными бумагами с тем, чтобы обогатиться на них после осуществления террористического акта.

- быстрый и эффективный сбор различных социальных групп по определенным идентификационным признакам, а также объединение субъектов, поддерживающих какую-либо определенную идею или цель, которые благодаря Сети постоянно могут находиться в тесном контакте друг с другом. С помощью сайта в Интернете можно давать указания о времени и месте проведения встречи, формах протеста или объектах для изучения, т. е. в данном случае Интернет начинает играть объединительную, консолидирующую роль для определенной асоциальной группы.

- целенаправленное информационное воздействие на определенную личность или группу, включая распространение слухов, компрометирующих и лживых сведений и материалов и прочее.

- эффективные рекламные и PR-коммуникации, направленные на продвижение как своего собственного имиджа, так и целей определенных группировок. С помощью Интернета можно мгновенно обратиться как к массовой аудитории по всему миру, так и к отдельным лицам (записи обращений Усамы бен Ладена, транслируемые, в т.ч. и через Интернет). Террористы могут оставлять сообщения о любых своих действиях и намерениях на страницах сайтов или рассылать их по электронной почте, а также могут придавать широкой гласности свою ответственность за совершение того или иного террористического акта практически мгновенно и из любого места (Томас 2001).

Сеть представляет собой уникальный объект с точки зрения права. На настоящий момент Интернет может регулироваться на национальном уровне. Международные соглашения отсутствуют, правила использования Сетью в разных странах существенно различаются, споров и конфликтных ситуаций становится все больше, судебная практика разрешения этих ситуаций формируется медленно, а прецедентное право разделяется отнюдь не всеми правовыми субъектами (Смолян и др. с.80-110). Помимо сказанного, существуют и геополитические интересы

различных стран, в силу которых отдельные субъекты международного права стремятся использовать национальную законодательную систему для разрешения сетевых конфликтов.

Поэтому основной задачей, по мнению ведущих специалистов в области правовых аспектов функционирования Интернета, является согласование наиболее продвинутых национальных законодательств в информационной сфере, обеспечивающих наилучшие правовые решения для Интернета с точки зрения общепринятого международного права (Там же, с.80).

Дополнительную правовую проблему вызывает отнесение Интернета к средствам массовых коммуникаций (СМК): с одной стороны, правовое регулирование Сети должно осуществляться аналогично традиционных СМК, а с другой стороны, включать дополнительные положения, которые бы регулировали те аспекты применения Интернета, которые отличают его от традиционных медиа (телевидения, радиовещания, газет). Например, одной из таких отличительных черт является то, что Интернет функционирует одновременно и как средство публикаций, и как средство коммуникаций, что требует отдельного правового осмысления.

Анализ юридической литературы по данной теме показал, что в странах постсоветского пространства по сей день Интернет функционирует как бы не в правовом поле, поскольку все, что с ним связано (авторы, провайдеры, услуги хостинга, сетевые операторы и пр.) являются субъектом национального, а не международного права. Мировое сообщество еще не разработало механизмов проведения в жизнь даже наиболее назревших норм, призванных регулировать связанную с применением Интернета деятельность организаций в Сети.

Однако не всё выглядит так мрачно. Например, в России уже создана определенная законодательная база регулирования информационного обмена, но все же применительно к Сети выявляются некоторые особенности (Васильев 2006; Монахов 2003; Наумов 2002; Смолян и др. 2004). Так, российскую правовую базу, обеспечивающую функционирование сети Интернет, составляют следующие законодательные акты (по наиболее общим вопросам правового режима функционирования информационных сетей и их государственного регулирования): Конституция РФ,

Гражданский кодекс РФ, Федеральные законы (ФЗ) «Об информации, информатизации и защите информации», «Об участии в международном информационном обмене», «О связи» и «О средствах массовой информации».

По вопросам охраны исключительных прав в отношении информационных объектов Интернета относятся следующие ФЗ: «Об авторском праве и смежных правах», «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных», «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», «О государственной тайне», «О федеральных органах правительственной связи и информации», «О рекламе», «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», а также Уголовный кодекс РФ и Патентный закон РФ (Там же, с.87-88).

Предполагается, что с целью создания режима коллективной информационной безопасности должен быть разработан рамочный закон об Интернете, который должен оговаривать:

- условия для равноправного и безопасного международного информационного обмена на основе общепризнанных норм и принципов международного права;
- меры предотвращения использования ИКТ, включая Интернет, в террористических и других преступных целях;
- разработку процедуры взаимного уведомления и предотвращения трансграничного несанкционированного информационного воздействия;
- положения по развитию системы международного взаимодействия правоохранительных органов по предотвращению и пресечению правонарушений в мировом информационном пространстве;
- выявление слабых мест в существующих системах обеспечения информационной безопасности;
- поддержка существующих инициатив, направленных на снижение уровня преступности во Всемирной сети;
- улучшение общих принципов управления системами информационной безопасности;
- сотрудничество с международными организациями, которые занимаются вопросами разработки стандартов обеспечения сетевой безопасности.

В целом, обобщая этапы правового регулирования отношений в Сети, А. Белоусов

описывает возможные направления и шаги разрешения законодательных проблем в этой сфере права. Они включают в себя:

1. Применение действующего законодательства. При таком расширении сферы применения известных законов реализуется важнейший принцип аналогии права и закона, однако однозначное толкование существующих правовых норм всеми субъектами правоотношений сопряжено со значительными сложностями преодоления правовой инерции.

2. Особое (специальное) правовое регулирование рассматриваемых отношений. Однако ряд правоведов и юристов не считают такой способ самым эффективным, так как он связан с необходимостью дублирования значительного числа норм действующего законодательства. При этом такое дублирование, даже если оно будет реализовано, потребует «размножения» законодательных актов не только по областям применения (охрана интеллектуальной собственности, реклама, налогообложение, конфиденциальная информация и т. д.), но и по сферам ИКТ (интерсети, общедоступные базы данных, внедряемые в продукцию микрочипы и т. д.).

3. Модификацию действующего законодательства и принятие новых (адаптированных) нормативных актов с учетом специфики тех общественных отношений, которые преимущественно используют достижения в сфере ИКТ.

4. Принятие «рамочного» нормативного акта (закона), закрепляющего основы правового регулирования рассматриваемых отношений (Белоусов 2004; Александров 2003).

Суммируя сказанное, хочется также отметить, что по влиянию как на общество, так и на скорость происходящих на социальном (включая правовой) уровне изменений, искусственная коммуникативная среда Интернета давно «обогнала» по скорости и эффективности воздействия влияние таких мощнейших факторов как глобализационный или же фактор трансформации мировой социальной системы. И эти явления также требуют своего научного осмысления с позиций всего социального знания (философского, лингвистического, социологического, психологического, правового и прочее).

### Библиографический список:

1. Расскладкина М. К. Интернет как средство реализации информационно-политического пространства России. - Дис. канд. полит. Наук. - М., 2006.
2. Смолян Г. Л., Цыгичко В. Н., Хан-Магомедов Д. Д. Интернет в России. Перспективы развития. - М.: Эдиториал УРСС, 2004.
3. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. - СПб.: Изд-во Михайлова, 2001.
4. Словарь русского языка (под. ред. В. В. Лопатина). - М.: ИРЯ РАН, 2006.
5. Голышко А. В. Как обустроить электронную Россию // Вестник связи. - 2001. - №6. Интернет-публикация: [http://www.hse.ru/prensa/vest\\_sv/2002061.htm](http://www.hse.ru/prensa/vest_sv/2002061.htm). Проверено 10.10.2007.
6. Биккулов А. С. Интернет как средство массовой коммуникации. - Дис. канд социол. наук. - СПб, 2003.
7. Кролл Эд. Все об Интернет: Пер. с англ. - СПб; Киев: Торгово-издательское бюро ВНУ, 1995.
8. Муртазин Э.В. Интернет. - М.: ДМК, 1999.
9. Путилова Е. А. Интернет как фактор формирования информационного общества. - Дис. канд социол. наук. - Тюмень, 2004.
10. Давыдов А. А. Системный подход в социологии. Новые направления, теории и методы анализа социальных систем. - М.: URSS, 2005.
11. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. - СПб.: СПбГУ, 2002.
12. Горошко Е. И. Блогосфера Уанета в контексте развития информационного общества в Украине // Вісник національного університету ім. В.Н. Каразіна, серія «Соціологія». - №761. - 2007 - с.172-178.
13. Васильев В. А. Проблемы развития законодательства в сфере борьбы с киберпреступностью // Crime.vl.ru. - Интернет-публикация: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1026&more=1&c=1&tb=1&pb=1>. - (2006). Проверено 10.10.2007.
14. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. - Дис. докт. соц. наук. - Ростов-на-Дону, 2004.
15. Burnett, R., Marshall, D. Web Theory: An Introduction. - London-New York: Routledge, 2003.



16. Томас Т. Л. Терроризм и Интернет: проблемы взаимодействия // Право и безопасность. – 2001. - №1. – Интернет-публикация: [http://www.dpr.ru/pravo/pravo\\_1\\_9.htm](http://www.dpr.ru/pravo/pravo_1_9.htm). Проверено 10.10.2007.

17. Монахов В. Н. СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования. – М.: Экспринт, 2003.

18. Наумов В. Б. Право и Интернет. Очерки теории и практики. – М.: МГУ, 2002.

19. Белоусов А. Правовое регулирование отношений в области Интернет-технологий. - Интернет-публикация: <http://www.crimere-search.ru/articles/Belous0304/2>. - (2004). Проверено 10.10.2007.

20. Александров Д. К. Интернет-праву быть. Интернет-публикация: [http://www.sbcinfo.ru/articles/doc/st/i\\_law.htm](http://www.sbcinfo.ru/articles/doc/st/i_law.htm). - (2003). Проверено 10.10.2007



Вопросы  
подготовки судебных экспертов  
в вузах России

---



**Енгальчев Вали Фатехович,**

директор Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики (НИЦСЭиК), заведующий кафедрой общей и юридической психологии КГПУ им. К.Э. Циолковского, профессор, доктор психологических наук

## **НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И КРИМИНАЛИСТКИ (НИЦСЭиК)**

---

Научно-исследовательский центр судебной экспертизы и криминалистики (НИЦСЭиК) является структурным хозяйственным подразделением Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского. Он создан в 2007 г. на базе Лаборатории судебно-психологических исследований, которая функционировала в университете с 1996 г.

Необходимость преобразования лаборатории была обусловлена непрерывно расширяющейся географией и номенклатурой заказов на судебные экспертизы и исследования. Начав с судебно-психологических экспертиз, ныне НИЦСЭиК выполняет также судебно-лингвистические, судебно-экологические, судебно-искусствоведческие, судебные программно-технические, судебно-строительные экспертизы, другие виды экспертиз, а также десятки видов комплексных экспертиз.

Сотрудники НИЦСЭиК также разрабатывают новые виды экспертиз и экспертных исследований, в том числе с участием полиграфа. В составе НИЦСЭиК работают высококвалифицированные кадры, получившие профильное образование, специальную подготовку по экспертологии и стажировавшиеся в ведущих экспертных центрах страны.

Возглавляет НИЦСЭиК Енгальчев Вали Фатехович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и юридической психологии, член Научно-методического совета по судебно-психологической экспертизе при РФЦСЭ, автор более чем 150 научных работ по юридической и судебной психологии, юридической и судебной психолингвистике, судебно-психологической экспертизе, один из ведущих экспертов-психологов РФ с 15-ним стажем практической работы.

Запросы на проведение экспертиз и экспертных исследований поступали в НИЦСЭиК из Москвы, Санкт-Петербурга, Тулы, Смоленска, Брянска, Волгограда, Казани, Нижнего Новгорода, Тюмени, Якутска, других населенных пунктов страны. Работа сотрудников Лаборатории, а теперь и Центра, отмечена многими благодарностями и положительными отзывами правоохранительных органов, в том числе Калужской областной прокуратуры, Калужского областного управления внутренних дел, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Калужской области и других.

В частности, по направлению судебно-психологической экспертизы НИЦСЭиК про-

водит следующие виды экспертиз по уголовным делам:

1. Установление состояния аффекта и иного эмоционального состояния обвиняемого (подсудимого) в момент совершения преступления.

2. Определение индивидуально-психологических особенностей личности обвиняемого (подсудимого), которые могли повлиять на его поведение в момент совершения преступления.

3. Установление способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать характер и значение своих действий и руководить ими в момент совершения преступления.

4. Установление возможного лидерства в преступной или какой-либо иной группе.

5. Установление способности свидетелей и потерпевших воспринимать, запоминать и воспроизводить важную для дела информацию.

6. Выявление индивидуально-психологических особенностей и психического состояния потерпевших от сексуального насилия, а также установление их способности осознавать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивление.

7. Установление эмоционального состояния жертвы в период, предшествовавший суициду, а также установление причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и психическим состоянием погибшего (при подозрении на доведение до самоубийства).

8. Экспертизы по выявлению признаков психологического воздействия на лиц:

- давших, с их слов, вынужденные признательные показания в процессе проведения следственных действий;
- участвовавших в деятельности т.н. «информационных семинаров», а также других объединений, имеющих признаки построения финансовых пирамид;
- явившихся объектами совершения мошеннических действий;
- подвергшихся сексуальному насилию.

#### **Виды экспертиз по гражданским делам:**

1. Экспертиза по делам о возмещении морального вреда.

2. Экспертиза по выявлению порока воли при заключении сделок (по ст. 177, 178, 179 ГК).

3. Экспертиза по делам, связанным со свободой волеизъявления завещателя.

4. Экспертиза по делам, связанным со спорами родителей о праве на воспитание детей (о месте проживания ребенка, о порядке участия в воспитании ребенка отдельно проживающего родителя, по делам, связанным с лишением родительских прав).

5. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан.

#### **Виды экспертиз по административным правонарушениям:**

1. Экспертизы по выявлению признаков пропаганды и рекламы наркотических средств;

2. Экспертизы по выявлению признаков продукции порнографического характера.

#### **Комплексные экспертизы с участием психолога:**

- психолого-лингвистические экспертизы по признакам разжигания национальной или религиозной вражды;

- психолого-искусствоведческие экспертизы по установлению признаков продукции порнографического характера.

Сотрудники НИЦСЭиК обладают опытом психологического сопровождения оперативно-следственной деятельности соответствующих структур правоохранительных органов путем организации оперативно-психологических исследований, проведения консультаций, работы специалистами в процессе оперативно-следственных действий.

Кроме того, сотрудники НИЦСЭиК участвуют в процедурах психологического изучения сотрудников различных организаций, тестирования при вступлении в должность и при прохождении очередной аттестации, в том числе с использованием полиграфа.

## О ПОДГОТОВКЕ ЭКСПЕРТОВ-ПСИХОЛОГОВ В КАЛУЖСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

---

В большинстве развитых стран существуют строгие правила в отношении профессионального образования, аттестации и деятельности судебных экспертов, в том числе и экспертов-психологов. Профессиональная деятельность судебного эксперта-психолога здесь оговорена множеством специфических требований. Потенциальный эксперт должен иметь университетское психологическое образование, обладать ученой степенью не ниже Ph.D., успешно пройти ряд стажировок, подтвержденных соответствующими сертификатами и свидетельствами, получить высокие результаты при сдаче квалификационных экзаменов и тестов на должность. Продуманная система подготовки и отбора судебных психологов гарантирует профессиональную компетентность экспертов, что, в свою очередь, способствует всестороннему и объективному рассмотрению дел, поддержанию доверия общества и граждан к судебной системе (Carper, 1991; Dufлот, 1999).

В нашей стране проблема профессиональной компетентности судебных экспертов-психологов еще далека от своего разрешения. Согласно законодательству, к производству экспертизы может быть привлечено фактически любое лицо, обладающее т.н. «специальными познаниями», причем формы и содержание этих «специальных познаний» не регламентированы. Отсюда экспертом-психологом может быть назначен человек, который в вузе изучал в некотором объеме психологию; либо выпускник коммерческого вуза, где контроль за качеством образования мог быть заметно снижен, или отсутствовал вообще; либо «психолог», ставший таковым после окончания курсов профессиональной переподготовки. К тому же за последние годы было выпущено значительное количество практических психологов, программа подготовки которых заметно обеднена в сравнении с фундаментальным университетским образованием.

Все это приводит к ошибкам, просчетам, а то и прямым нарушениям формы, про-

цедуры и содержания производства судебно-психологической экспертизы, искажениям в деятельности юридической системы в целом.

Решением этой проблемы, с нашей точки зрения, является использование концепции профессиональной компетентности эксперта-психолога, основы которой были изложены в ряде более ранних публикаций (Енгальчев, 2004; 2005; 2006; Енгальчев и соавт., 2007).

Исходя из определения профессиональной компетентности как системного соответствия формируемых в процессе профессиональной подготовки профессионально важных качеств, специальных знаний, умений и навыков, а также профессиональной мотивации специалиста объективным требованиям профессии, следует, что основным звеном формирования профессиональной компетентности является обучение эксперта-психолога (Енгальчев, 2004).

В России естественным путем сложилось несколько систем формирования профессиональной компетентности судебных психологов-экспертов.

Первая система – Министерства юстиции. В каждом регионе страны, как правило, располагается базовая лаборатория судебных экспертиз, проводящая различные экспертные исследования. В 19 из них на сегодняшний день имеются эксперты-психологи. В Минюсте разработан определенный порядок их подготовки: для того, чтобы получить т.н. «право подписи» заключений однородных психологических и комплексных экспертиз, эксперт-стажер должен иметь высшее психологическое образование и не менее года проработать в составе комиссии экспертов на соответствующей должности. Кроме этого он должен предъявить несколько самостоятельно проведенных экспертиз, выполненных под руководством наставника, и сдать квалификационный экзамен по соответствующей программе экспертной подготовки (Шипшин и соавт., 2004). В результате он получает квалификационное удостоверение судебного

эксперта-психолога. Правами учреждения, обладающего правом сертификации психологов, здесь наделены Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России и Южный региональный центр судебной экспертизы Минюста России. Количество часов, отводимых на самостоятельную подготовку эксперта-психолога, нормативно не определено.

В системе Министерства здравоохранения такая постдипломная подготовка экспертов-психологов осуществляется кафедрой социальной и судебной психиатрии факультета последипломного профессионального образования Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова на базе Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Ранее один раз в год, а теперь, с учетом выездных сессий, и несколько раз в год, проводится цикл тематического усовершенствования «Медицинская и судебная психология» для медицинских и судебных психологов, работающих в области судебной экспертизы. Продолжительность обучения 60 часов. Целью обучения является совершенствование теоретических знаний и практических навыков в области организационных и правовых аспектов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, современных проблем патопсихологии и психодиагностики. По его окончании выдается свидетельство о прохождении повышения квалификации в области медицинской и судебной психологии (Сафуанов, 1998, С. 42-44).

Еще одной системой, где уже несколько лет ведется подготовка судебных экспертов-психологов, является Министерство образования. Но и здесь действуют две региональные модели подготовки экспертов-психологов.

Исторически первая из них была апробирована на Психологическом специальном факультете Санкт-Петербургского государственного университета, где подготовка экспертов велась в форме очной 40-часовой программы повышения квалификации на базе Лаборатории судебно-психологических исследований СПбГУ. Руководителем этой лаборатории до недавнего времени являлся профессор А.А. Реан, научно-методическое обеспечение осуществляла кафедра социальной адаптации и психологической коррекции личности под руководством профессора Б.Д. Лыскова. К повышению квалификации

допускались дипломированные психологи, уже обладающие, как правило, опытом производства экспертиз.

Другая региональная модель во многом соответствует обозначившейся в последнее время тенденции осуществлять углубленную подготовку по новым экспертным специальностям, сопряженную с профессиональным образованием в рамках высшей школы (Росинская Е.Р., 2005, Галяшина Е.И., 2006).

Эта модель была разработана на кафедре общей и юридической психологии факультета психологии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского. На сегодняшний день именно эта система представляется одной из самых эффективных по следующим основаниям.

Во-первых, система обучения будущих экспертов-психологов построена на базе целостной концепции образовательной подготовки юридических психологов, что приводит к появлению в ней множества внутренних и внешних системных связей, придающих системе подготовки логичность, связанность и прочность (Енгальчев, 2004; 2006).

Во-вторых, речь идет о фундаментальной пятилетней образовательной университетской программе<sup>1</sup>. Будущие психологи в полном объеме изучают разнообразные психологические дисциплины, овладевают современным психодиагностическим инструментарием и адекватным методическим сопровождением профессиональной деятельности.

В-третьих, помимо освоения общепсихологических дисциплин, будущие эксперты-психологи проходят обучение согласно учебного плану специализации «юридическая психология» (объем аудиторной нагрузки – 770 часов), где углубленно изучают различные предметы психолого-правового поля, такие, как «правовая психология», «криминальная психология», «психология расследования», «судебная психология», «основы судебной психиатрии» и др.

В-четвертых, в Калужском университете – единственном вузе страны – ведется многолетняя подготовка именно судебных экспертов-психологов. Теоретико-практическое обучение экспертов включает в себя

<sup>1</sup> В связи с присоединением Российской Федерации к Болонскому соглашению, в настоящее время разрабатывается новая, двухступенчатая модель подготовки психолога.

такие предметы, как «судебно-психологическая экспертиза», «практикум по судебно-психологической экспертизе», «психологический анализ материалов уголовного дела», «юридическая психоллингвистика для психологов», ряд других, обязательное участие в качестве стажеров в деятельности Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики<sup>2</sup> (первый и второй курсы – пассивная практика, начиная с третьего – активная). В обязательном порядке курсовые и дипломные работы студентов имеют целью решение реальных задач в юридической психологии, и, в частности, судебно-психологической экспертизе.

В-пятых, Калужский университет связан договорами с Калужской лабораторией судебной экспертизы Минюста России и Южным региональным центром судебной экспертизы Минюста России, согласно которому будущие судебные эксперты-психологи после освоения соответствующего этапа образовательной программы в университете проходят стажировку на рабочем месте эксперта (Енгальчев, Шипшин, 1997, С.45-46; Енгальчев, 2006).

В-шестых, программа подготовки экспертов-психологов и формально и содержательно курируется сразу двумя УМО: Отделением по психологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию (координационный центр – МГУ им. М. Ломоносова) и Учебно-методическим объединением образовательных учреждений профессионального образования (координационный центр – СЮИ).

В-седьмых, как деятельность судебных экспертов-психологов, так и подготовка студентов, будущих экспертов, постоянно находятся в поле внимания секции юридической психологии Российского Психологического общества. Профессиональное сообщество, разрабатывает стандарты профессиональной деятельности, формы и методы их оценки, стремится к постоянному повышению уровня профессионализма во всех отраслях юридической психологии.

В-восьмых, программа подготовки экспертов-психологов включает в себя важные элементы образовательных программ ведущих зарубежных научных школ в сфере практической юридической психологии: нор-

мативные материалы, учебники, методики, анализ кейсов<sup>3</sup>, другие, что способствует улучшению взаимопонимания и сближению позиций отечественной и зарубежной судебно-психологической теории и практики.

Таким образом, профессиональная компетентность претендента на деятельность в области судебно-психологической экспертизы защищена университетским дипломом психолога, специализацией «юридическая психология» и сертификатом о прохождении специальной подготовки по судебно-психологической экспертизе.

Концептуально организованная и долговременная система подготовки судебных экспертов-психологов приводит к тому, что уровень их профессиональной компетентности оказывается адекватным высоким стандартам профессиональной деятельности, поскольку закладывает профессиональные знания и умения, совершенствует навыки, формирует профессиональную мотивацию, а также профессионально важные качества специалиста и эксперта.

#### Литература:

1. Галяшина Е.И. Специальные знания в области лингвистики и речеведения: вопросы профессиональной подготовки судебных экспертов // Теория и практика судебной экспертизы, № 2 (2), Июль 2006, С. 52-61.
2. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство для следователей и экспертов. Калуга-Обнинск-Москва, 1997. Изд-е 2-е, испр. и доп. – 190 с.
3. Енгальчев В.Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. – М.: Высшая школа психологии, 2004. – 434 с.
4. Енгальчев В.Ф. Компетентностный подход к обучению специалистов в юридической психологии. // Материалы конференции по юридической психологии, посвященной памяти М.М. Коченова. Часть вторая. – М.: МГППУ, 2005 г. – С. 37-39.
5. Енгальчев В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии. Авт. докт. дисс., СПб, 2006. – 44 с.
6. Енгальчев В.Ф., Калашников А.Н.,

<sup>2</sup> Структурное подразделение КГПУ им. К.Э. Циолковского.

<sup>3</sup> От английского case studies – ситуационное моделирование и анализ конкретного случая.



Морозова Т.А. Модель профессиональной компетентности юридического психолога // Вестник Волгоградской юридической академии, № 1, 2007. – С. 118-126.

7. Россинская Е.Р. Проблемы развития новых судебных экспертиз и подготовки экспертных кадров: Закон, № 6, 2005. – С. 100-105.

8. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. – М.: Гардарика-Смысл, 1998. – 192 с.

9. Шипшин С.С., Секераж Т.Н. Жакова Т.М. Программа подготовки экспертов по экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека». – М.: РФЦСЭ, 2004. – 24 с.

10. Carper D.L., Shoemaker T.E., Mietus N.J., West B.W. Understanding the Law. NY. West Publishing Co., 1991. – 536 p.

11. Dufлот С. L'expertise psychologique: Procedures et methods. Dunod, Paris, 1999. – 200 p.



В ПОМОЩЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ,  
СУДЬЕ, АДВОКАТУ

---



**Секераж Татьяна Николаевна,**  
заведующая лабораторией  
судебной психологической  
экспертизы РФЦСЭ при Минюсте  
России, кандидат юридических  
наук



**Сафуанов Фарит Суфиянович,**  
руководитель лаборатории судебной  
психологии Государственного  
научного центра социальной и  
судебной психиатрии  
им. В.П.Сербского, профессор,  
доктор психологических наук

## **О РАЗВИТИИ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

---

### **1. Этапы развития судебных экспертиз с участием психолога**

Судебная экспертиза с применением психологических знаний имеет еще довольно короткую историю – около 35 лет. Первоначально проблема необходимости использования психологических познаний в форме судебной экспертизы была сформулирована не психологами, а юристами еще в 50-60-е годы (Миньковский Г.М., 1959; Рогачевский Л.И., 1964; Ратинов А.Р., 1967, Экмекчи А.С., 1968 и др.), и возникла под влиянием, прежде всего, запросов судебной практики.

В конце 60-х годов в секторе психологических исследований НИИ Прокуратуры

СССР благодаря усилиям А.Р. Ратинова и, главным образом, М.М.Коченова с сотрудниками, были начаты работы по исследованию возможностей судебно-психологической экспертизы (СПЭ) в уголовном процессе (Коченов М.М., 1971; 1974). Немногим позже – в начале 70-х годов – был поставлен вопрос о комплексном применении психологических и психиатрических знаний в судебной экспертизе в форме комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСП-ПЭ). Эта проблема стала разрабатываться в НИИ общей и судебной психиатрии им. В.П.Сербского (Фелинская Н.И. Станишевская Н.Н., 1971; Фелинская Н.И., Печерникова

Т.П., 1973; Печерникова Т.П., Станишевская Н.Н., 1974; 1975).

Именно на этот период приходится четкое осознание недостаточности узко психиатрических исследований для полных, глубоких и всесторонних судебно-экспертных оценок психической деятельности подэкспертных лиц. Осмысление необходимости применения психологических знаний при экспертной оценке широкого круга явлений: непатологических эмоциональных реакций («физиологического аффекта») при экспертизе обвиняемых с пограничными формами психической патологии; ограничения способности понимать значение своих действий и руководить ими, обусловленного умственной отсталостью, не связанной с психическим заболеванием, при экспертизе несовершеннолетних обвиняемых; способности осознавать характер и значение насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление посягателю при экспертизе малолетних и несовершеннолетних потерпевших, не обнаруживающих выраженной психической патологии; способности малолетних и несовершеннолетних свидетелей правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания.

Нарушения перечисленных юридически значимых способностей подэкспертных лиц, как показали и практика судебно-психиатрической экспертизы, и исследования, проводимые в рамках изучения компетенции судебно-психологической экспертизы, могут быть обусловлены не только психопатологическими факторами («медицинским критерием» судебно-психиатрической экспертной оценки), но и чисто психологическими – личностными, возрастными – причинами (Коченов М.М., 1977, 1980; Судебная психиатрия, 1977).

Основным итогом *первого этапа*, наряду с признанием, в первую очередь, со стороны практики возможности комплексного применения психиатрических и психологических познаний в экспертизе стало выделение предметных видов комплексной психолого-психиатрической экспертизы, ассимилировавшей достижения судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертизы. Характерно, что в «орбиту» КСППЭ были втянуты те виды судебно-психологической экспертизы, которые имели очевидные аналоги

в судебно-психиатрической экспертизе. В отношении свидетелей и потерпевших их объединяла одинаковая формулировка так называемого «юридического критерия» экспертных оценок, тогда как по наличию или отсутствию «медицинского» критерия можно было различать компетенцию психолога и психиатра (Метелица Ю.Л., 1990). В отношении несовершеннолетних обвиняемых общей точкой соприкосновения была диагностика «умственной отсталости», с одновременной дифференциацией природы отставания в психическом развитии – связанной или не связанной с психическим расстройством. При экспертизе совершеннолетних обвиняемых ассимиляция проблематики экспертной оценки «физиологического» аффекта определялась постоянной необходимостью дифференциальной диагностики «нормального» и «патологического» аффекта (или других временных болезненных расстройств психической деятельности).

Другим фактором, структурировавшим круг вопросов, решаемых в рамках КСППЭ, являлось наличие четких и недвусмысленных оснований проведения именно этих видов экспертизы, содержащихся в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР.

**Второй этап** становления и развития СПЭ и КСППЭ – охватывает исследования от начала 80-х годов до 1997 года, т.е. до введения в действие нового Уголовного кодекса Российской Федерации. С этим периодом можно связать бурное развитие разнообразных проблем СПЭ и КСППЭ, быстро отразившееся на экспертной практике и вызвавшее рост назначаемых экспертиз с участием психолога. Этот этап характеризуется активизацией исследований различных аспектов теории судебно-психологической экспертизы (проблемы объекта, предмета исследования эксперта-психолога, границ его профессиональной компетенции), методологии психодиагностической судебно-экспертной деятельности, организационно-правовых проблем производства судебной экспертизы, а также проведением фундаментальных психологических исследований, актуальных для разработки судебно-психологических экспертных критериев оценки психической деятельности подэкспертных лиц.

Наиболее важной проблемой в это время было определение комплексности

при производстве судебной экспертизы. Производство любой судебной экспертизы регулируется Уголовно-процессуальным и Гражданским процессуальным кодексами. Ранее процессуальное законодательство не содержало понятия комплексной экспертизы. Проблема комплексности была осязана Пленумом Верховного суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам». В данном документе, а также в вышедших впоследствии в свет работах по общей теории судебной экспертизы (Корухов Ю.Г., 1985; Шляхов А.Р., 1985; Кудрявцев И.А., 1988), в Инструкции об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР от 1986 г. (утвержденной Минюстом, Генпрокуратурой, МВД и Минздравом СССР) отмечалось, что экспертное исследование является комплексным, если для ответа на вопрос используются специальные знания, составляющие основу профессиональной подготовки представителей различных отраслей науки, техники, производства, в том числе экспертов разных специальностей или разных профилей подготовки в рамках одной специальности. Таким образом, в качестве основного признака комплексной экспертизы рассматривалось формирование общего вывода экспертами, обладающими отличными друг от друга специальными познаниями.

В то же время реальная практика в области КСППЭ показывала, что большинство вопросов, по которым назначалась комплексная экспертиза, например, о физиологическом аффекте, об индивидуально-психологических особенностях обвиняемых, могло быть решено путем проведения последовательных судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз. Кроме того, в рамках УК РСФСР судебно-следственные органы имели мало возможностей задавать вопросы, решение которых действительно требовало совместного применения психологических и психиатрических знаний. Возникло определенное противоречие между теорией и практикой: следователи и судьи стали назначать КСППЭ, опираясь не на представление о необходимости «интегративных» выводов экспертов разных специальностей, а во всех случаях, когда их интересовали вопросы, относящиеся и к компетенции психиатров, и к компетенции психологов.

Рост количества назначаемых КСППЭ в анализируемый период времени был связан не столько с теоретическими достижениями, сколько с прагматическими соображениями: 1) вместо последовательного проведения двух экспертиз проведение КСППЭ существенно повышало рентабельность и экономичность производства экспертизы и сокращало сроки следствия; 2) практически не существовало государственных бюджетных судебно-психологических экспертных учреждений; 3) КСППЭ в отличие от однородной судебно-психологической экспертизы, позволяла обследовать подэкспертного в стационарных условиях, что повышало надежность диагностических оценок.

Введение в действие нового УК РФ с 1 января 1997 г., а вслед за этим, обновление законодательства во всех отраслях судопроизводства, принятие Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.005.2001 № 73-ФЗ дали толчок **третьему этапу** развития СПЭ и КСППЭ.

Важным нововведением стало определение процессуального статуса КСППЭ. УПК РФ, введенный в действие с 1 июля 2002 г. фактически закрепил установившуюся практику назначения и производства КСППЭ. В ст. 201 УПК РФ указывается, что «судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной»<sup>1</sup>. Следует обратить внимание, что в этой статье отсутствует признак обязательного формулирования интегративного общего вывода экспертов, обладающих различными знаниями, более того, подчеркивается, что «в заключении экспертов... указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам он пришел», и соответственно, «каждый эксперт... подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность».

Таким образом, процессуальный статус КСППЭ позволяет в экспертном заключении формулировать как интегративные (синте-

<sup>1</sup> В «Положении о производстве КСППЭ в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского», утвержденном 14 мая 1998 г. содержалось аналогичное определение: «КСППЭ назначается в случаях, когда при производстве по уголовному или гражданскому делу в рамках одной экспертизы требуются специальные познания в психологии и психиатрии».

зирующие) выводы, так и выводы эксперта одной специальности. В первом случае, как указывается в Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.08.2003 № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе», формулируются выводы комплексного экспертного исследования, входящие в совместную компетенцию экспертов разных специальностей, а во втором – выводы, которые входят в компетенцию эксперта лишь одной специальности.

На данном этапе актуальными стали следующие проблемы:

- возникла необходимость видоизменения некоторых традиционных видов экспертизы (аффекта, индивидуально-психологических особенностей обвиняемых и др.) в связи с новой редакцией уголовного законодательства и изменившимися правовыми последствиями результатов экспертизы этих видов,

- потребовалась разработка новых видов экспертизы в связи с ведением таких уголовно-правовых норм как ограниченная вменяемость, возрастная невменяемость, психическое состояние матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка и др.,

в связи с изменением социально-экономических условий и гражданского законодательства появились новые виды СПЭ и КСППЭ в гражданском процессе, требующие своей научно-практической разработки (способность к совершению сделки, защита интересов ребенка при разводе родителей, компенсация морального вреда и т.п.).

## 2. Основные формы применения психологических знаний в судебной экспертизе

В настоящее время специальные психологические знания используются в судопроизводстве в двух основных формах – в виде **комплексной** судебной психолого-психиатрической экспертизы и так называемой **«однородной»** судебно-психологической экспертизы.

КСППЭ проводится в судебно-психиатрических экспертных учреждениях Министерства здравоохранения и социального развития (МЗСР) России. Согласно Положению о производстве КСППЭ в Государственном научном центре социальной и су-

дебной психиатрии им. В.П.Сербского (ГНЦ ССП им В.П. Сербского, 1998) однородные судебно-психологические экспертизы в Центре не проводятся. Аналогичным образом они не проводятся и в территориальных судебно-психиатрических экспертных учреждениях (СПЭУ).

До недавнего времени судебно-психологическая экспертиза во большинстве регионов выполнялась в основном негосударственными экспертами из числа сотрудников НИИ, вузов, учреждений здравоохранения и т.п., которым орган, ведущий производство по делу, поручал производство экспертизы.

В государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (СЭУ) психологическая экспертиза начала свое становление в 1980-х гг. и на сегодняшний день прочно вошла в практику, обрела правовой статус. В мае 2002 г. Ученым советом Российского федерального центра судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Минюсте России было принято решение о включении СПЭ в структуру судебных экспертиз, выполняемых в СЭУ Минюста России. В 2003 году СПЭ включена в Перечень родов экспертиз, выполняемых в СЭУ Минюста, введена экспертная специальность 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека», по которой предоставляется право самостоятельного производства экспертизы (утв. приказом министра юстиции № 114 от 14.05.2003), утверждена программа подготовки.

Таким образом, в настоящее время существует три типа участия психологов в производстве судебных экспертиз.

1. Медицинские психологи, работающие в судебно-экспертных учреждениях МЗСР РФ выступают в качестве судебных экспертов при проведении КСППЭ.

2. Эксперты-психологи, работающие в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, проводят судебно-психологические экспертизы.

3. Судебно-психологические экспертизы проводятся психологами, не являющимися сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, по поручению следователей (судов).

Такое положение дел не противоречит действующему законодательству (ст.41 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»).

### **3. Инфраструктура профессиональной деятельности судебных экспертов-психологов**

Должность медицинского психолога согласно Приказу Минздрава № 165 от 19.05.2000 г. («О медицинском психологе в судебно-психиатрической экспертизе») введена во все судебно-психиатрические экспертные учреждения системы МЗ РФ. Штатные нормативы предусматривают 1 должность медицинского психолога на 250 амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз, проводимых комиссией в год (для экспертизы несовершеннолетних – на 200) и 1 должность медицинского психолога на 15 коек при стационарной экспертизе. Таким образом, согласно этому Приказу, в идеале существует около 1200 ставок медицинских психологов, участвующих в экспертизе. В реальности, по нашим оценкам, физическими лицами занято чуть больше половины таких ставок.

В системе СЭУ Минюста России психологи занимают должности от эксперта до ведущего эксперта. На сегодняшний день экспертные ставки введены только в 27 региональных учреждениях системы Минюста. СЭУ, где работает 39 экспертов. Ведомственные нормативы по штатному расписанию экспертов-психологов в системе Минюста отсутствуют.

### **4. Ведомственная регуляция профессиональной деятельности психологов, участвующих в проведении судебных экспертиз**

В системе МЗСР РФ такая регуляция осуществляется следующими документами. Приказ МЗ РФ № 401 от 12.08.2003 регламентирует форму «Заключения комиссии экспертов» при производстве КСППЭ (Отраслевая учетная форма № 100/у-03). «Протоколы ведения больных» (2005) обосновывают методологическую и экономическую составляющие проведения КСППЭ. «Положение о производстве КСППЭ» (1998) и «Стандарты судебно-психиатрических экспертных исследований» (2001) обеспечивают организационно-правовые и методологические основы КСППЭ.

В системе Минюста деятельность экспертов-психологов обеспечена документами более широкого регистра (относящимися к производству всех родов судебной экспертизы): Инструкцией по организации

производства судебных экспертиз в СЭУ Минюста России и Методическими рекомендациями по производству судебных экспертиз в государственных СЭУ системы Минюста России.

### **5. Объем судебно-экспертных исследований**

Различная степень развития инфраструктуры отражается и на объеме судебно-экспертных исследований, проводимых медицинскими психологами МЗСР и экспертами-психологами Минюста. За последний отчетный 2005 год проведено по стране 44 189 КСППЭ (что составляет более 20 % от всех судебно-психиатрических экспертиз, проводимых в стране за год) и немногим более тысячи СПЭ. И в системе Минздрава, и в системе Минюста наблюдается тенденция увеличения не только ставок психологов-экспертов, но и количества проводимых ими экспертиз.

Точное число проводимых по поручению следователей (судов) экспертиз психологами, не являющимися сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, неизвестно (нет официальных данных), но судя по всему, рост количества СПЭ, проводимых экспертами Минюста, сопровождается уменьшением количества частных судебно-психологических экспертиз.

### **6. Подготовка экспертов-психологов**

Следует отметить, что в системе Минюста сложилась стройная и четкая система постдипломной подготовки экспертов всех специальностей, которая применяется и к экспертам-психологам. В частности подготовка по программе по специальности «20.1 – Исследование психологии и психофизиологии человека» рассчитана на 1 год, после чего следует квалификационная аттестация на право производства судебных экспертиз в Центральной экспертно-квалификационной комиссии РФЦСЭ при Минюсте РФ. Кроме того, повышение квалификации экспертов осуществляется посредством участия в школах, семинарах, конференциях и пр.

В системе Минздрава подготовка экспертов-психологов сегодня ограничивается двухнедельным тематическим усовершенствованием по медицинской и судебной психологии. Такое положение дел не соответствует в полной мере требованиям ч. 3 ст. 13



ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», согласно которым к производству судебной экспертизы допускаются лишь лица, имеющие высшее образование и прошедшие последующую подготовку по конкретной экспертной специальности.

Поэтому в июне 2004 г. на межведомственном совещании с участием представителей МЗСР и Минюста России было принято решение создать систему подготовки экспертов-психологов МЗСР для производства КСППЭ по аналогии с системой подготовки экспертов-психологов Минюста, но с учетом специфики работы на должности медицинского психолога.

Разработаны проекты следующих Приказов и Положений, призванных регулировать подготовку медицинских психологов СПЭУ МЗСР РФ по экспертной специальности.

- «Об утверждении Положения об аттестации медицинских психологов на право самостоятельного производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в судебно-психиатрических экспертных учреждениях системы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации».

- «Об утверждении Положения об аттестации медицинских психологов на право самостоятельного производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в судебно-психиатрических экспертных учреждениях системы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации».

- «Положение об организации деятельности медицинского психолога государственного судебно-психиатрического экспертного учреждения».

- «Требования к аттестации на квалификационные категории медицинских психологов, работающих в государственных судебно-психиатрических экспертных учреждениях Министерства здравоохранения и социального развития РФ».

- «Программа подготовки медицинских психологов, работающих в штате судебно-психиатрических экспертных учреждений, для производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в качестве эксперта».

В настоящее время ведется работа по внедрению этих документов.

## 7. Виды судебных экспертиз с участием психолога (по категории предмета)

Судебно-психологическая экспертиза назначается, когда для установления истины по делу необходимо решение вопросов о психической деятельности человека, в следующих случаях:

1) в отношении подэкспертного лица заведомо не возникает сомнения в его психическом здоровье;

2) проведена судебно-психиатрическая экспертиза, в результате которой:

- у подэкспертного лица не обнаружено каких-либо психических расстройств,
- у подэкспертного лица обнаружено психическое расстройство пограничного уровня, которое не повлияло на юридически значимые способности (например, у обвиняемого – на способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, у свидетеля – на способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания).

В остальных случаях, когда необходимо решение вопросов, входящих в компетенцию психологов и психиатров, или в их совместную компетенцию, назначается комплексная судебная экспертиза (согласно ст.23 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ст.201 УПК РФ, ст.83 ГПК РФ).

Исторически круг вопросов, решение которых входит в компетенцию судебного эксперта-психолога, был определен в рамках судебно-психологической экспертизы. КСППЭ на первом этапе своего развития ассимилировала достижения судебно-психологической экспертизы.

В итоге, на сегодняшний день можно выделить общие для СПЭ и КСППЭ предметные виды экспертизы в уголовном и гражданском процессах. Современная теория судебной психологической экспертизы (Сафуанов Ф.С., 2003) выделяет в качестве предмета судебно-экспертного исследования **экспертные понятия**, которые имеют юридическое значение и влекут определенные правовые последствия. Они должны рассматриваться как **уголовно-правовые понятия, наполненные определенным психологическим содержанием**.

Экспертные понятия (Винберг А.И., Маляховская Н.Т., 1979) возникают в результате трансформации общепсихологических категорий, они занимают промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Эти понятия не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь судебно-психологической экспертизы с психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат информации об их юридической значимости, о том, какие правовые последствия могут последовать из их диагностики. В то же время «экспертные» судебно-психологические понятия нельзя признать и полностью правовыми – они носят междисциплинарный характер и представлены в основном в виде юридических критериев. Эти критерии, будучи уголовно-правовыми, сформулированы в психологических понятиях, которые, как отмечал М.М. Коченов (1991), раскрывают наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения. Поэтому юридическое значение имеют не диагностируемые экспертом общепсихологические явления (например, «аффект» или «личность» в собственно общепсихологическом смысле), а экспертные судебно-психологические понятия, соотносимые с нормами уголовного права.

С этой точки зрения выделяются следующие виды судебных экспертиз в уголовном процессе.

*В отношении обвиняемого (подозреваемого, подсудимого):*

1) Экспертиза **аффекта**. Юридическое значение диагностики аффекта заключается в возможности судебной квалификации (при наличии совокупности всех других признаков преступления) ст. 107 («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») и ст. 113 («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта») Уголовного кодекса (УК) РФ. Судебно-психологическое экспертное понятие аффекта включает выраженные эмоциональные реакции, которые отличаются следующими признаками (Дмитриева Т.Б., Макушкин Е.В., ред., 2004).

• *Возникают внезапно.* Соответственно, этот юридически значимый признак (внезапный переход качества и интенсивности эмоционального состояния на новый уровень, а затем выход из этого уровня) с позицией

общей психологии определяет характерную для уголовно-релевантных эмоциональных реакций и состояний *трехфазность* развития течения. Поскольку возникновения аффекта в новом УК РФ связывается и с длительной психотравмирующей ситуацией, внезапность в большей мере относится к субъективному генезу аффекта, и не всегда означает непосредственность наступления аффективной реакции сразу после неправомерных действий потерпевшего.

• *Вызываются:*

- единичным (разовым) психотравмирующим воздействием поведения потерпевшего;

- или длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего.

• *На высоте своего развития резко ограничивают способность обвиняемого к осознанно-волевой регуляции своих криминальных действий.*

2) Экспертиза **индивидуально-психологических особенностей и их влияния** на криминальное поведение. Юридическое значение экспертизы личности заключается прежде всего в том, что она дает возможность суду решать вопрос об индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Научно обоснованная оценка личности может выступать в качестве предпосылок установления обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, в первую очередь – смягчающих обстоятельств (ч.2 ст.61 УК РФ), а также способствовать правильному решению вопроса о назначении вида наказания (ч.3 ст.60 УК РФ). При судебной оценке конкретного преступления в качестве значимых для индивидуализации уголовной ответственности и наказания свойств личности могут выступать такие, которые в момент совершения инкриминируемого ему деяния ограничивают способность обвиняемого к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. снижают возможность осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию.

В экспертизе такое влияние личности на поступок освоено через экспертное понятие **«существенное влияние индивидуально-психологических особенностей на поведение»**. Следует подчеркнуть, что простое отражение в поведении человека его особен-

ностей нельзя смешивать с существенным их влиянием, так как они не приводят к нарушениям осознания и регуляции действий, а только оформляют поведение, определяют способы достижения цели.

3) Экспертиза **психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного** в условиях психотравмирующей ситуации. Юридическое значение данного вида экспертизы определяется возможностью квалификации судом ст. 106 УК РФ («Убийство матерью новорожденного ребенка»). В данной статье УК, наряду с убийством матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, речь идет и об аналогичном убийстве в условиях психотравмирующей ситуации. Предметом исследования судебного эксперта-психолога при КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка, является экспертное понятие **«повышенная эмоциональная (психическая) напряженность, вызванная психотравмирующей ситуацией»**. Соотношение данного экспертного понятия с общепсихологическими заключается в том, что оно устанавливается у матерей, находящихся во время родов в состоянии стресса, фрустрации и внутриличностного конфликта (Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С., 2001).

*В отношении свидетеля и потерпевшего.*

Экспертиза **способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания** (Морозова М.В., 2005). Этот вид экспертизы регулируется ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, согласно которой назначение и производство экспертизы обязательно, в частности, когда необходимо установить психическое состояние при сомнениях в указанной способности.

*В отношении потерпевшего по половым преступлениям.*

Экспертиза **способности понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление** (Морозова Н.Б., 2005). Диагностика нарушения данной способности позволяет суду установить «беспомощное состояние» потерпевших (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 4 от 22.04.1992), что, в свою очередь, необходимо для квалификации изнасилования (ст. 131 УК РФ) или насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ).

*В отношении лица, совершившего самоубийство.*

Экспертиза психического состояния суицидента в период, предшествующий самоубийству, и возможной причинно-следственной связи возникновения и развития этого состояния с действиями обвиняемого (Сафуанов Ф.С., 1998). Служит для возможности судебной квалификации ст. 110 УК РФ («Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего») или для определения обстоятельства, отягчающего ответственность обвиняемого: согласно п. «б» ст. 63 УК РФ одним из таких отягчающих обстоятельств признается «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления». Как показывает практика, чаще всего объектом экспертного исследования становятся потерпевшие по делам об изнасиловании, совершающие впоследствии суицид, – а самоубийство потерпевшей является одним из тяжких последствий преступления.

В гражданском процессе общими (для КСППЭ и СПЭ) являются следующие предметные виды судебных экспертиз.

1) Экспертиза по делам о признании сделки недействительной.

Наиболее распространенным является назначение КСППЭ или СПЭ при рассмотрении дел о статье 177 ГК РФ («Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими»). В данном случае нарушение юридического критерия не определяется каким-либо медицинским критерием – причиной расстройства осознанной регуляции своих действий в момент совершения сделки выступает, по формулировке закона, **«такое состояние, которое...»**. Экспертно-психологическим критерием, требующим определения, будет выступать **«нарушение способности к осознанному принятию решения и его исполнению»**.

В отличие от ст. 177 ГК РФ, в ст. 178 ГК РФ говорится о недействительности сделки, совершенной под влиянием **заблуждения**. Юридическое значение имеет экспертное определение **«нарушения понимания существа сделки вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации»**.

Еще одна норма ГК РФ – статья 179 («Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств»). В качестве предмета психологического исследования в этом случае выступает **«нарушение свободы выбора под влиянием психотравмирующих обстоятельств»**.

2) Экспертиза по спорам, связанным с защитой интересов ребенка и правом на воспитание ребенка при раздельном проживании родителей.

Объектом комплексного судебного психолого-психиатрического или судебно-психологического экспертного исследования являются споры, связанные с правом на воспитание детей при раздельном проживании родителей (ст.24,65 СК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»).

Можно выделить три этапа экспертного исследования (Сафуанов Ф.С., 2005). На первом этапе осуществляется *индивидуальная диагностика членов семьи*, включающая установление индивидуально-психологических особенностей отца, матери, ребенка, определение уровня и особенностей психического развития ребенка, а также (в рамках КСППЭ) диагностику у них возможного психического расстройства. На втором этапе осуществляется *ситуационная диагностика семейных отношений*: экспертная диагностика взаимоотношений ребенка с отцом и с матерью, а также отношения ребенка к каждому из родителей, а также к другим членам семьи. На заключительном этапе экспертного исследования дается *прогностическая клиничко-психологическая оценка психического развития ребенка*. Экспертная прогностическая диагностика особенностей психического развития ребенка с учетом личностных особенностей каждого из родителей, особенностей их стиля воспитания, а также с учетом индивидуально-психологических особенностей ребенка, уровня и характера психического развития, его отношения к каждому из родителей соподчинена судебному установлению возможности каждого из родителей «создания ребенку условий для воспитания и развития» (ч.3 ст.65 СК РФ). Согласно

ст.57 СК РФ, при подобных семейных спорах «учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам». В связи с этим еще одной задачей заключительного этапа экспертного исследования является диагностика способности ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений.

3) Экспертиза по делам, связанным с компенсацией морального вреда.

Для того, чтобы суд мог в соответствии со ст. 151 ГК РФ учесть «при определении размеров компенсации морального вреда степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред», эксперты-психологи (в КСППЭ – совместно с экспертами-психиатрами) должны определить следующие обстоятельства (Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Дозорцева Е.Г. и др., 2005): психическое состояние подэкспертного (в том числе психического расстройства), индивидуально-психологические особенности подэкспертного, степень выраженности изменений психической деятельности, динамические особенности изменений психической деятельности (стойкость – обратимость, длительность), причинно-следственная связь между причинением вреда (психотравмирующим воздействием) и возникновением и развитием психических изменений.

В рамках КСППЭ сложился круг вопросов, которые невозможно решить без комплексного использования психиатрических и психологических знаний (например, экспертиза «ограниченной вменяемости» в соответствии со ст.22 УК РФ, определение у несовершеннолетних обвиняемых отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, которое обуславливает во время совершения правонарушения ограничение способности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий или к руководству ими, в соответствии с ч.3 ст.20 УК РФ и т.д.).

С другой стороны, наряду с вопросами, которые являются общими и для СПЭ, и для КСППЭ, в общепризнанную компетенцию комплексной экспертизы не вошел, и до сих пор не входит, целый ряд значимых для судебно-психологической экспертизы проблем, связанных в основном с необходимостью

тью комплексирования знаний психологов с психофизиологами или с психолингвистами и пр., т.е. знаний различных отраслей в рамках одной общей науки или междисциплинарных знаний.

Таким образом, вопросы, решаемые СПЭ и КСППЭ, пересекаются лишь частично. Данное обстоятельство, наряду с постоянной заинтересованностью правоохранительных органов в производстве КСППЭ, определяет все возрастающую их потребность в проведении и однородных судебно-психологических экспертиз и комплексных экспертизах с участием психологов и экспертов иных, немедицинских специальностей (лингвистов, политологов, искусствоведов, автотехников, почерковедов, прочих). Это является одной из главных причин развития инфраструктуры судебно-психологических экспертиз в системе Минюста.

В последнее время мы сталкиваемся с настойчивыми попытками ввести в рамки судебных экспертиз с применением психологических знаний новые предметные виды экспертиз, которые, с нашей согласованной точки зрения, на сегодняшний день не имеют строгой научной основы. Это использование в экспертизе полиграфа (детектора лжи) для определения причастности подозреваемого к совершенному преступлению или достоверности показаний, это экспертизы по определению признаков порнографии в произведении, а также экспертизы по определению психологического воздействия со стороны допрашивающего на допрашиваемого. Весьма сомнительна экспертиза достоверности показаний, мотива противоправного действия.

**8. Цели и перспективы межведомственного взаимодействия.** Очевидно, что основной проблемой, требующей безотлагательного решения, является выработка единообразных критериев экспертной оценки психической деятельности подэкспертных при производстве судебной экспертизы в уголовном и гражданском процессах, а также проблемы определения границ компетенции экспертов-психологов при проведении отдельных предметных видов судебной экспертизы и разработки унифицированных и стандартизированных методов судебно-психологического экспертного исследования.

В настоящее время поставленные задачи частично уже решаются.

Эксперты-психологи, работающие в системе МЗСР РФ и в системе Минюста России, с 2003 года активно сотрудничают по следующим направлениям:

- научно-методическая работа (в составе секции судебно-психологической экспертизы Научно-методического совета РФЦСЭ при Минюсте России);
- аттестация кадров (в составе Центральной экспертно-квалификационной комиссии по аттестации экспертов СЭУ Минюста России);
- повышение квалификации экспертов-психологов СЭУ Минюста России на курсах тематического усовершенствования в ГНЦ СиСП им. В.П.Сербского;
- взаимное рецензирование учебных программ, методических рекомендаций, пособий.
- совместное участие в ведомственных конференциях и совещаниях Минздравсоцразвития РФ, СЭУ Минюста России.

Важным шагом для повышения эффективности взаимодействия судебно-психологических экспертных служб Минздрава и Минюста явилось создание в 2004 году **специализированной секции по судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертизе при Федеральном межведомственном координационном методическом совете по проблемам экспертных исследований**. В рамках данной секции обсуждаются актуальные вопросы организации производства судебно-психиатрической, судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, проблемы подготовки экспертов-психологов, взаимодействия экспертов-психологов.

Дальнейшие перспективы межведомственного взаимодействия, наряду с продолжением работы по очерченным выше направлениям, мы связываем с теоретическим экспертологическим анализом новых актуальных видов СПЭ и КСППЭ, выработкой единообразных критериев судебно-психологической экспертной оценки и границ компетенции экспертов-психологов при экспертизе в первую очередь в гражданском процессе. На очереди решение методологических вопросов – разработка единых (унифицированных) стандартов судебно-психологического экспертного исследования при производстве отдельных предметных видов экспертиз. На-

чена разработка этического кодекса судебного эксперта-психолога. Продолжается совместная подготовка и издание методических рекомендаций и пособий, научных работ.

### Литература:

1. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1979.
2. Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка: Руководство для врачей и психологов. М., 2001.
3. Дмитриева Т.Б., Макушкин Е.В., (ред.) Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: Пособие для врачей. М., 2004.
4. Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР (Министерство юстиции, Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения СССР) от 1986 г.
5. Корухов Ю.Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.
6. Коченов М.М. О судебно-психологической экспертизе // Состояние научных исследований по судебной психологии. М., 1971.
7. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза физиологического аффекта // Труды. Высшая школа МВД СССР. М., 1974.
8. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.
9. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дис. докт. психол. наук. М., 1991.
10. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988.
11. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М., 1990.
12. Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М., 1959.
13. Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности давать показания // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Дмитриевой Т.Б., Сафуанова Ф.С. М., 2005.
14. Морозова Н.Б. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевших // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Дмитриевой Т.Б., Сафуанова Ф.С. М., 2005.
15. Москвина Т.П. (ред.) Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. М., 2004.
16. Печерникова Т.П., Станишевская Н.Н. Некоторые вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Вопросы судебно-психологической экспертизы. М., 1974.
17. Печерникова Т.П., Станишевская Н.Н. Вопросы организации судебной комплексной психиатрической экспертизы // Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы. М., 1975.
18. Положение о производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского. М., 1998.
19. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам».
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей».
21. Протокол ведения больших «Судебно-психиатрическая экспертиза» // Проблемы стандартизации здравоохранения. № 8, 2005.
22. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.05.2000 г. № 165 «О медицинском психологе в судебно-психиатрической экспертизе».
23. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.08.2003 № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе».
24. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
25. Рогачевский Л.И. О судебно-психологической экспертизе // Вопросы криминалистики. М., 1964.
26. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998.

27. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М., 2003.
28. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Дмитриевой Т.Б., Сафуанова Ф.С. М., 2005.
29. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Дозорцева Е.Г. и др. Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сборник № 43. М., 2005.
30. Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
31. Стандарты судебно-психиатрических экспертных исследований Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им.В.П.Сербского / Под ред. Дмитриевой Т.Б., Макушкина Е.В.. М., 2000.
32. Судебная психиатрия. М., 1977.
33. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 № 73-ФЗ.
34. Фелинская Н.И., Печерникова Т.П. Компетенция комплексных судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз // Социалистическая законность. 1973. № 12.
35. Фелинская Н.И., Станишевская Н.Н. Использование психологических знаний в уголовном процессе // Советская юстиция. 1971. № 7.
36. Шляхов А.Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.
37. Экмекчи А.С. О судебно-психологической экспертизе // Советская юстиция. 1968. № 6.



**Южанинова Алла Леонидовна,**  
заместитель заведующего кафедрой  
правовой психологии и судебной  
экспертизы ГОУ ВПО «Саратовская  
государственная академия права»,  
доцент, кандидат психологических наук

## **ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ОБОСНОВАННОСТИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЕГО ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ**

---

Судебно-психологическая экспертиза определяется как особое процессуальное действие, как институт доказательственного права, как род судебной экспертизы и самостоятельное звено в ее общей теории, а также как научное исследование, проводимое на основе специальных знаний в области психологии<sup>1</sup>. Сложность и междисциплинарный характер природы психологической экспертизы должны определять и особенности оценки следователем, дознавателем, прокурором, судьей заключения эксперта психолога. Такая оценка может быть охарактеризована как многокомпонентная и многоуровневая система.

В соответствии с принципом системности общую оценку заключения следует определять интеграцией парциальных оценок. Качество выполненной судебно-психологической экспертизы как процессуального действия зависит от соответствия ее назначения, проведения и оформления экспертного заключения процессуальным требованиям,

соотнесенности поставленных вопросов компетенции экспертов и названию экспертизы, выбора количества экспертов и т.д. Как доказательство заключение эксперта психолога оценивается в соответствии со ст. 88 УПК РФ с точки зрения относимости, допустимости, достаточности и достоверности. Оба названных аспекта оценки заключения эксперта обеспечиваются известными для практикующих юристов профессиональными знаниями.

Оценка заключения как документа, отражающего особенности выполненной судебно-психологической экспертизы, определяется научной обоснованностью примененной экспертной методики в данном конкретном случае. Для работников правоохранительных органов решение этого вопроса представляется непростым, поскольку они не являются специалистами в области юридической психологии. Как отмечает Е. Р. Россинская, сведения о рекомендуемой в определенных условиях методике и возможных результатах ее применения они получают из многочисленной справочной и методической литературы. Эта литература постоянно обновляется, а разра-

---

<sup>1</sup> Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 11.



ботка и совершенствование научно-методического обеспечения экспертной практики приводит к тому, что новые методики зачастую противоречат ранее опубликованным. Методические указания, касающиеся производства экспертиз и выпускаемые разными ведомствами, нередко плохо согласуются. Апробация и внедрение методик пока еще недостаточно часто производятся на межведомственном уровне. Все эти обстоятельства существенно затрудняют оценку научной обоснованности примененной экспертной методики<sup>2</sup>.

Согласно данным, полученным Е.Н. Холоповой, 58% опрошенных следователей и судей считают, что оценить научную обоснованность выводов эксперта-психолога невозможно. Трудности вызывает терминология, отсутствие собственных психологических знаний, а также убеждение в том, что выводы не соответствуют другим доказательствам по делу<sup>3</sup>.

Работникам правоохранительных органов в качестве общих рекомендаций предлагается проведение логического анализа экспертного заключения, выяснение состоятельности примененных методов исследования, определение правильности научных положений, которыми руководствовался эксперт, установление достаточности выделенных признаков для определенного вывода, выявление соответствия исследовательской части заключения и выводов и пр.<sup>4</sup>. Перечисленные признаки определяют научную обоснованность судебно-психологической экспертизы с точки зрения состоятельности проведенного исследования. Думается, что профессиональные знания следователей, судей позволяют произвести оценку заключения эксперта в отношении некоторых традиционных криминалистических экспертиз. Что же касается судебно-психологической экспертизы, то можно предположить, что решение таких задач юристами в лучшем случае осуществимо не по всем ее видам, а лишь по хорошо известным, неоднократно описанным в справочной и методической литературе. Оценка научной состоятельности выполненных новых видов психологических экспертиз, методика

которых находится на стадии становления и не получила должного теоретического осмысления и апробации, по силам только специалистам в области юридической психологии и судебно-психологической экспертологии.

В литературе встречаются рекомендации работникам правоохранительных органов при анализе заключения психологической экспертизы самим выяснять сугубо специальные вопросы: достаточно ли ретроспективно изучены психическое состояние и поведение подэкспертного, не сделан ли акцент на психическое состояние в момент проведения экспертизы, достаточно ли подробно исследована управляемость поведения в криминально значимой ситуации?<sup>5</sup>. На наш взгляд, квалифицированное решение подобных вопросов возможно только путем привлечения лиц, сведущих в области психологии. Для этого в случаях необходимости возможны назначение повторной или дополнительной экспертизы, обращение к специалисту с целью получения консультации или заключения о научной обоснованности выполненной экспертизы.

А.Р. Белкиным высказана идея о фактическом существовании особого вида экспертизы – «мета-экспертизы», или «экспертного исследования других экспертных исследований»<sup>6</sup>. Действительно, такой вид работы довольно широко применяется на практике, хотя процессуально оформляется не как экспертиза, а как заключение специалиста. «Такое исследование не является ни дополнительной, ни повторной экспертизой, ибо не рассматривает исходных материалов первичной экспертизы, а отвечает на вопросы, насколько адекватны методы, использованные экспертом, насколько обоснованы сделанные выводы, можно ли указать на допущенные экспертом ошибки и пр. ... Заключение такого специалиста, являясь полноценным источником доказательств, может в существенной степени способствовать адекватной и объективной оценке экспертного заключения»<sup>7</sup>.

Психолог, выполняющий работу по определению научной состоятельности представленной экспертизы в качестве специалиста, по существу решает задачу оценки надеж-

<sup>2</sup> Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2006. С. 270, 271.

<sup>3</sup> Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 29.

<sup>4</sup> См.: Справочник следователя. М., 1992. С. 24.

<sup>5</sup> См.: Гецманова И.В. Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе. М. – Воронеж, 2006. С. 166-167.

<sup>6</sup> См.: Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 365-366.

<sup>7</sup> Белкин А.Р. Там же.

ности проведенного экспертного исследования. Это, в свою очередь, предполагает, что в самой экспертизе требования надежности и достоверности проводимого научного исследования были учтены. Вместе с тем, мало кто из практикующих экспертов-психологов осознает существование этой проблемы, а потому данный аспект как самостоятельный не бывает включен в исследовательскую программу конкретной экспертизы. Впрочем, игнорирование вопросов надежности экспертного исследования можно встретить и в «мета-экспертизах».

Любое научное исследование направлено на получение достоверных результатов. Особенно важна надежность исследовательских выводов судебной экспертизы, поскольку они могут быть положены в основу следственных или судебных решений. Несмотря на очевидность теоретической и практической значимости данной проблемы, должного научного осмысления она не получает.

Судебно-психологическая экспертиза как научное исследование направлена на выявление психических особенностей конкретного человека и его поведения в определенных юридически значимых обстоятельствах. Само исследование необходимо для того, чтобы отыскать ответы на те конкретные вопросы, которые поставлены перед экспертами. По существу, единичность случая, уникальность, неповторимость предмета и объектов свидетельствует о том, что судебную экспертизу следует относить к «индивидуализирующему методу» (В. Виндельбанд, В. Дильтей, Г. Зиммель) научного познания<sup>8</sup>.

Проблема качества нового знания, полученного средствами судебно-психологической экспертизы, приобретает свою специфику в связи с её индивидуализирующим характером. Здесь не пригодны способы, усиливающие надежность, принятые в номотетических (В. Виндельбанд)<sup>9</sup> исследованиях, направленных на установление общих закономерностей путем использования универсальных переменных и большого количества испытуемых. Нельзя повысить исследовательский результат и за счет расширения объема выборки. Невозможно также защитить свои

выводы изощренными статистическими приемами. В судебно-экспертном исследовании в связи с принципом индивидуализации особую роль приобретают содержательные доказательства, получаемые на каждом из его стадий: определения предмета предстоящего исследования; создания его общей теоретической схемы; отбора параметров, которые будут измеряться; создания исследовательской программы; реализации программы; получения результатов; их интерпретации; формулирования окончательных выводов, являющихся ответами на поставленные эксперту судебными или следственными органами вопросы. На каждой из перечисленных стадий должны решаться проблемы надежности, но, в силу принципа индивидуализации, специфическим образом.

Хотя предмет экспертизы задан специально сформулированными экспертными вопросами, для психолога в каждом случае он всё же определен не явно. Индивидуальность конкретного дела всегда привносит нечто особенное в методику исследования, даже если алгоритм экспертизы по данной категории дел отработан. В этом состоит специфика судебно-психологического экспертного исследования. Перед психологом стоит задача перевода содержания экспертных вопросов в теоретическую схему предмета исследования, а также выделения психических параметров, которые будут измеряться. Создание теоретической схемы исследования обусловлено методологическими принципами науки психологии.

Если теоретическая плоскость исследования определяется его содержательной целью (что должно быть проанализировано?), то методологическая – средствами её достижения (каким образом поставленная цель может быть достигнута?). Однако между двумя этими сторонами не может быть проведена демаркационная линия. В любом корректно построенном исследовании методологическое и теоретическое составляют органическое единство. Методологический принцип, являющийся подлинным «нормативом» исследования, определенным образом ориентирует всю исследовательскую практику для решения конкретных содержательных задач<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> См.: Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество. Проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М., 1984. С. 98.

<sup>9</sup> См.: Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е.Ф. Губского. М., 2000. С. 68.

<sup>10</sup> См.: Андреева Г.М. Методологические проблемы и практика социально-психологических исследований // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977. С. 3-21.

Данные положения справедливы и для судебно-психологической экспертизы<sup>11</sup>. Достоверность конечных результатов экспертизы будет зависеть от того, насколько методологически обоснована общая теоретическая концепция ее предмета. Здесь речь идет о содержательной валидности исследования.

Так, опыт нашей работы в качестве специалиста по оценке научной обоснованности судебно-психологических экспертиз психического воздействия, применяемого в деятельности финансовых пирамид, показал, что в теоретических схемах исследований экспертами не учитывался методологический принцип детерминизма. Согласно этому принципу все внешние воздействия преломляются сквозь призму внутреннего, психического. Исходя из этого принципа при ответе на вопросы, было ли оказано психическое воздействие на граждан и повлияло ли оно на их состояние и поведение, эксперты должны были выявить наличие признаков влияния на психику людей и, учитывая их индивидуально-личностные особенности, обнаружить в их психических и поведенческих структурах присутствие следов воздействия. На деле факт воздействия экспертами устанавливался, а индивидуальная восприимчивость к нему не исследовалась. Однако еще М.М.Коченов писал, что «результат психического воздействия нельзя прямо соотносить с его интенсивностью. Существует, безусловно, некоторый индивидуально-изменяемый «порог» устойчивости к психическому воздействию.»<sup>12</sup> В анализировавшихся нами экспертизах на основании выявленных признаков воздействия эксперты делали категоричный вывод о том, что оно повлияло на психику людей. На наш взгляд, используемая экспертами теоретическая схема исследования позволяла прийти к выводу лишь о предпринятой попытке оказать психическое воздействие. Вывод же об осуществленном влиянии на психику людей при выбранном алгоритме экспертной методики должен был быть не категоричным, а вероятностным.

Таким образом, принятый за методологический норматив, принцип задает конкретную схему судебного экспертно-психо-

логического исследования. Непонимание же исследователем определяющего значения методологии в конкретных экспериментах оборачивается их теоретической и методологической несостоятельностью, что приводит к формированию научно не обоснованных экспертных выводов.

На этапе подбора психодиагностических приемов и методов проблемы качества научно-экспертного исследования решаются иными средствами. Важное требование здесь – использование надежных и апробированных методик. Оно, как правило, в конкретных экспертизах выполняется. Однако существует и другая важная задача – использование техник, соответствующих предмету исследования. Здесь идет речь об обоснованности, или валидности методики, определяемой тем, что методы должны быть адекватны предмету измерения, и что с их помощью измеряют вполне определенное свойство или признак, не смешивая его с другими. Качественный и количественный состав используемых методов отвечает требованиям уместности, адекватности, необходимости и достаточности.

Приведем пример из нашей практики по составлению заключения специалиста, направленного на оценку научной обоснованности судебно-психологической экспертизы преступной группы. В анализировавшемся нами случае следователем перед экспертами были поставлены задачи выявления лидера группы и распределения ролей при совершении групповых преступлений. Для их решения психологи провели избыточно широкую серию тестов по определению уровня интеллекта, памяти, внимания, организаторских способностей у членов группы. В то же время для определения групповой структуры использовалась единственная методика – социометрия. Уже по количественному составу примененных методов ясно, что за основу определения выполняемой групповой роли принимались способности и склонности к деятельности, а не реальное поведение. Методическая несостоятельность исследования привела к тому, что лидером и исполнителями экспертами были названы лица, имеющие личностные предрасположенности к такому ролевому поведению. Вопрос же реализации склонности в совершенных преступлениях экспертами не рассматривался. Для того чтобы был получен достоверный экспертный вывод, необходимо было дополнительно использовать метод

<sup>11</sup> См.: Южанинова А.Л. Методологические проблемы судебно-психологического экспертного исследования // Проблемы психологической науки в XXI веке. Саратов, 2006. С. 168-171.

<sup>12</sup> Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. С. 65.

психологического анализа материалов уголовного дела по изучению ролевого поведения участников группы в момент совершения преступлений, а также при их подготовке. Выбор методических средств экспертизы, их количественный и качественный состав не был адекватен поставленным перед психологами задачам, поэтому экспертные выводы не могли считаться обоснованными<sup>13</sup>.

Валидность методики исследования достигается разными способами. Одно измерение должно контролироваться дополнительными измерениями или сведениями, полученными другими путями. Согласованность данных, полученных из разных источников, свидетельствует о валидности результатов. К примеру, в деле имеются противоположенные по содержанию свидетельские показания о состоянии подэкспертного в некий период времени. Однако записями в медицинской документации объективируются только определенные свидетельские показания. Именно их и можно рассматривать как валидные данные. Кроме того, по нашему мнению, исследовательская часть заключения должна содержать взвешенный анализ не одной, а всех конкурирующих исследовательских гипотез.

На этапе интерпретации полученных данных и формулировании выводов надежность обеспечивается правильно выбранным контекстом апробированных теоретических положений судебно-психологической экс-

пертологии, а также учетом согласованности мнений нескольких экспертов.

Как видим, научная обоснованность конкретного судебно-психологического экспертного исследования определяется многими составляющими. К их числу относим: **методологическую состоятельность**, определяемую реализацией научных принципов психологии; **теоретико-содержательную валидность**, проявляющуюся в построении методологически обоснованной теоретической схемы исследования и выборе измеряемых параметров, адекватных поставленным перед экспертами вопросам, а также корректной интерпретации полученных исследовательских результатов и формулировании обоснованных экспертных выводов; **методическую состоятельность**, характеризующуюся использованием апробированных методов, адекватных экспертным задачам, необходимых и достаточных в количественно-качественном отношении. Ошибки, допущенные на любом из названных уровней системной модели научной обоснованности судебно-психологического экспертного исследования, неизбежно приводят к его оценке как научно не состоятельного.

Предлагаемая модель системного определения оценки конкретного экспертного заключения, а также такого ее компонента, как научная обоснованность проведенного исследования, может быть использована не только в следственной, судебной и экспертной практике, но и при создании методик новых видов экспертиз, при подготовке методических рекомендаций для практикующих экспертов психологов и юристов, а также учитываться при их профессиональном обучении.

<sup>13</sup> См.: Южанинова А.Л. Проблемы исследования преступной группы при производстве судебно-психологической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Уфа, 2003. С. 269 – 271.

Колонка следователя,  
судьи, адвоката

---



**Скабелина Лариса Александровна,**  
доцент кафедры адвокатуры и нотариата  
Российской академии адвокатуры,  
кандидат психологических наук

## **ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ В ПРАКТИКЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

---

Следователи, судьи, адвокаты, имея дело с человеком и анализом его поведения, нередко сталкиваются с необходимостью решать вопросы психологического содержания. Решение таких вопросов юристами не всегда возможно, так как часто для этого требуется использование специальных научных познаний или применение научных методов исследования. В таких случаях помощь следствию и суду может оказать привлечение психологов для проведения специального исследования.

Данные психологии могут быть использованы юристами в различных формах: от единичной внепроцессуальной консультации по частному вопросу до строго регламентированной экспертизы, заключение которой выступает в качестве доказательства при установлении истины по делу. На сегодняшний день процессуально закреплено две формы применения специальных, в том числе психологических, познаний: участие специалиста и проведение судебной экспертизы. На них и хотелось бы остановиться подробнее.

Между специалистом и экспертом гораздо больше сходства, нежели отличия. Специалисты, как и эксперты, – это лица, во-первых, обладающие специальными познаниями в различных областях знаний (кроме

юридических), во-вторых, не заинтересованные в исходе дела. Поэтому не случайно закон требует, чтобы до начала следственного или иного процессуального действия дознаватель (следователь) удостоверился не только в его компетентности, но и выяснил его отношение к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему (ст. 168 УПК РФ). Ему может быть заявлен отвод по тем же основаниям, что и эксперту (ст. 70 УПК РФ)<sup>1</sup>. Важно, чтобы специалист-психолог или эксперт-психолог был компетентен именно в той области психологии, к которой относятся интересующие юриста вопросы.

Профессиональный критерий не позволяет отграничить специалиста и эксперта. Специалист по профессиональному критерию – лицо, обладающее специальными знаниями и навыками их применения. Это может быть сотрудник экспертно-криминалистического подразделения следственных органов (органов дознания) либо частное лицо, привлекаемое к участию в производстве по уголовному делу по инициативе дознавателя

---

<sup>1</sup> Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 2004. С. 143.

(следователя) или защитника в случае необходимости. В то же время этой категории лиц может быть поручено производство экспертного исследования, а значит, они могут быть и экспертами.

Специалиста отличает от эксперта процедура вовлечения в уголовный процесс. Эксперт назначается в порядке, установленном УПК РФ. Для привлечения специалиста не требуется постановление следователя или решение суда. Например, адвокат самостоятельно, без согласования своих действий со следователем или судом, может обратиться к помощи специалиста-психолога. В нашей практике неоднократно со стороны адвокатов были запросы на выполнение заключения специалиста-психолога к суду. Предполагалось, что заключение будет положено в основу ходатайства о назначении экспертизы. На деле же суд, ознакомившись с заключением специалиста-психолога, включающем в себя проведение исследования и аргументированные выводы, в ряде случаев не считал необходимым проведение экспертизы по этому же вопросу.

Так, например, в психолого-медико-социальном центре «ОЗОН», специализирующемся на оказании помощи детям, пострадавшим от насилия, психологами было проведено обследование пятилетней девочки, отец которой подозревался в совершении с ней развратных действий. Было организовано несколько встреч с ребенком, во время которых использовался комплекс методик, включающих беседы, сюжетно-ролевые игры, рисуночные тесты, тест Люшера, методика Рене Жиля и др. Анализ данных проведенного обследования позволил в заключении специалиста указать на наличие у ребенка индивидуально-психологических особенностей, характерных для детей, пострадавших от сексуального насилия. В том числе, повышенный уровень тревожности, выраженную потребность в безопасности, элементы сексуализированного поведения, не соответствующие возрасту, амбивалентное отношение к отцу, страхи общения с отцом, темноты, кошмарных сновидений и т.п. Данное заключение специалиста-психолога было предъявлено защитой в суде. Кроме того, психологи центра проводили психотерапию с девочкой, готовили ее к даче показаний, сопровождали в суде, делали все возможное, чтобы минимизировать последствия происшедшего с ней.

В литературе нет однозначного мнения по поводу того, может ли специалист, отвечая на вопросы, поставленные перед ним, проводить исследование.

По мнению В. Быкова, специалист, давая заключение, не проводит, в отличие от эксперта, полного и всестороннего исследования объекта с использованием специальных познаний, а ограничивается, как правило, осмотром представленных ему объектов, используя специальные познания лишь для формирования суждения о признаках объектов.<sup>2</sup>

Другой позиции придерживается И. Овсянников. Он полагает, что употребление законодателем термина «исследование» только применительно к эксперту (ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ) не означает, что специалист не имеет права на исследование. Это означает лишь то, что в заключение специалиста содержание проведенного исследования излагать необязательно. При необходимости информация о проведенных исследованиях может быть получена в ходе последующего допроса этого специалиста.<sup>3</sup>

Закон не обязывает, но и не запрещает специалисту описывать в своем заключении проведенные им исследования. В связи с этим, по нашему мнению, наличие описания исследований в заключение специалиста-психолога не только возможно, но и желательно, так как облегчает оценку его обоснованности и правильности, способствует ускорению уголовного или гражданского судопроизводства.

Отличительная особенность заключения специалиста-психолога, так же как и заключения эксперта-психолога – в том, что в нем содержится и имеет доказательственное значение выводное знание, т.е. новое знание, полученное путем логических умозаключений. Причем именно логические выводы с использованием специальных познаний – главная и необходимая часть такого доказательства.

Процессуальное положение специалиста и эксперта во многом схоже. Однако перечень прав и обязанностей эксперта гораздо шире, этот участник процесса имеет право знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспер-

<sup>2</sup> См.: Быков В. Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. С. 21–24.

<sup>3</sup> См.: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 32.

тизы; ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов; участвовать с разрешения дознавателя (следователя), прокурора и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету экспертизы, давать заключение в пределах своей компетенции и т.п. Специалист же остается едва ли не самой бесправной фигурой уголовного процесса, несмотря на все позитивные нововведения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в пункте 3.1 части второй статьи 74 допускает в качестве доказательств по уголовному делу заключение и показания специалиста и в то же время не предусматривает в качестве самостоятельного следственного действия допрос специалиста. Отсутствует на сегодняшний день и детальный механизм придания полученной от специалистов информации установленной законом формы. В ряде случаев заключение специалистов, полученное адвокатом, суд отказывается приобщить к материалам дела.

Вместе с тем следует признать, что специалист является не менее важной фигурой в доказывании, чем эксперт. При анкетировании 250 сотрудников правоохранительного блока таможенных органов Москвы и Московской области установлено, что в процессе оперативно-розыскной деятельности и дознания 217 из них (87%) обращались за помощью, справкой и профессиональной консультацией именно к специалисту, поскольку считают такой способ более приемлемым, результативным и ускоренным по времени,

нежели получение экспертного заключения и последующий допрос эксперта<sup>4</sup>.

Совершенствование практики уголовного судопроизводства требует более активного использования накопленных психологией знаний. Не умаляя достоинств судебно-психологической экспертизы, необходимо мобильнее подходить к выбору той или иной формы использования психологических познаний в уголовном судопроизводстве. Потенциал знаний и навыков специалиста-психолога, консультанта может быть востребован на всех стадиях процесса. Только в этом случае можно вести речь о надлежащей научной и организационно-правовой организации процесса доказывания, а также реализации принципа состязательности в российском уголовно-процессуальном праве.

#### Литература:

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. / Под ред. В.М.Лебедева. М.: Спарк, 2004.
2. Быков В. Заключение специалиста // Законность. 2004. №9.
3. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. №7.
4. Константинов А.В. Процессуальные и организационные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования. Диссертация на соискание ученой степени канд. юр. наук. М., 2006.

<sup>4</sup> Анкета опроса должностных лиц по проблемным вопросам участия специалиста в уголовном судопроизводстве в рамках проведения диссертационного исследования прилагается (приложение 1).



# Экспертная практика

---



**Сафуанов Фарит Суфиянович,**  
руководитель лаборатории судебной  
психологии ГНЦ ССП им. В.П. Сербского,  
профессор, доктор психологических наук



**Ткаченко Андрей Анатольевич,**  
руководитель Отдела судебно-  
психиатрической экспертизы в уголовном  
процессе ГНЦ ССП им. В.П. Сербского,  
профессор, доктор медицинских наук

---

**Смирнова  
Татьяна Алексеевна,**  
ст.н.сотр. Группы по разработке  
основ судебно-психиатрической  
экспертизы свидетелей и  
потерпевших в уголовном  
процессе ГНЦ ССП  
им. В.П. Сербского, кандидат  
медицинских наук

**Филатов  
Тарас Юрьевич,**  
аспирант Отдела судебно-  
психиатрической экспертизы  
в уголовном процессе  
ГНЦ ССП им. В.П. Сербского

**Гусева  
Оксана Николаевна,**  
медицинский психолог  
Отделения психологии  
ГНЦ ССП  
им. В.П. Сербского

---

## **БЕСПОМОЩНОЕ (БЕЗЗАЩИТНОЕ) СОСТОЯНИЕ ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ: КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ**

---

В последнее время отмечается повышение интереса к роли потерпевшего в ситуации преступления, в том числе его способности по своему психическому состоянию действовать адекватно ситуации и противостоять преступнику в момент совершения в отношении него противоправного деяния. Однако подавляющее число работ, обсуждающих вопросы судебно-психиатрической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) потерпевших, посвящено

исследованию их беспомощного состояния при сексуальных правонарушениях. В уголовном праве понятие беспомощного состояния потерпевшего при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера раскрывается через формулировку «неспособность понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному лицу вследствие своего физического или психического состояния». Судебно-экспертная оценка данной

юридически значимой неспособности может использоваться судом для квалификации ст. 131 или 132 УК РФ.

В то же время гораздо меньше внимания уделяется судебно-экспертной оценке потерпевших по иным категориям общественно опасных деяний. В этих случаях беспомощное состояние уже не является квалифицирующим признаком состава преступления, но может выступать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Согласно п. «з» ст. 63 УК РФ, таким обстоятельством является «совершение преступления в отношении . . . беззащитного или беспомощного лица».

Беспомощность (или беззащитность) может быть связана с физическим или психическим состоянием жертвы (малолетний или престарелый возраст, физические недостатки, психическое расстройство, сильная степень наркотического или алкогольного опьянения и др.). В контексте СПЭ и КСППЭ понятия беспомощности и беззащитности выступают как своеобразные юридические критерии и могут быть раскрыты через психологическое понятие неспособности к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения в конкретной ситуации. Данные юридические критерии могут быть связаны с медицинским критерием – наличием какого-либо психического расстройства (хронического, временного, слабоумия или иного болезненного состояния). Неспособность же оказывать осознанное сопротивление виновному лицу у психически здоровых лиц обусловлена, как правило, уровнем психического развития (у малолетних потерпевших), индивидуально-психологическими особенностями либо эмоциональным состоянием потерпевшего, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующим характером самой криминальной ситуации. Как видно, клинко-психологические механизмы возникновения беспомощности и беззащитности достаточно разнообразны. Обсуждению некоторых их вариантов, встречающихся в экспертной практике, и посвящена данная работа.

Основанием для назначения обсуждаемой в нашей статье экспертизы послужило то обстоятельство, что большинство потерпевших, проходящих по одному и тому же уголовному делу, связанному с совершением в отношении их мошеннических действий, в ходе следствия заявляло, что в юридически значи-

мый период они находились в «необычном» состоянии, действовали не характерным для себя образом и не могли объяснить свое поведение. При этом они высказывали предположения, что в тот период подвергались гипнотическому воздействию, «одурманиванию» либо на них было оказано «психологическое воздействие», «какое-то влияние». Одна из потерпевших считала, что в отношении нее были применены психоактивные вещества. Таким образом, из двенадцати потерпевших по данному уголовному делу, на амбулаторную судебную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в ГНЦ им. В. П. Сербского были направлены семь – те, кто отмечал у себя в юридически значимый период «особое» состояние и при проведении следственных действий опознал хотя бы одну из двух женщин, привлеченных по уголовному делу в качестве обвиняемых.

На разрешение экспертов были поставлены следующие вопросы: 1. Может ли потерпевшая быть подвержена воздействию гипноза, если да, то применялось ли к потерпевшей гипнотическое воздействие, и если да, то оказало ли это, или может вызвать в будущем, какое-либо вредное последствие для здоровья потерпевшей? 2. Страдала ли потерпевшая каким-либо психическим расстройством в период совершения в отношении нее преступления, если да, то каким именно? 3. Страдает ли потерпевшая каким-либо психическим расстройством в настоящее время, и если да, то каким именно? 4. Способна ли потерпевшая правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания? 5. Может ли потерпевшая по своему психическому состоянию участвовать в судебно-следственных действиях? 6. Имеется ли у потерпевшей такие индивидуальные особенности, которые могли повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации, в момент совершения в отношении нее преступления? 7. Не имеет ли потерпевшая повышенной склонности к фантазированию? 8. Страдает ли потерпевшая алкоголизмом, наркоманией? 9. Причинен ли вред здоровью потерпевшей от действий обвиняемых, если да, то какой степени?

Все подэкспертные являются потерпевшими в уголовном деле по обвинению Л. и П., которые в различных районах г. Москва, путем обмана и злоупотребления доверием подэкспертных, завладев их денежными средствами

и личными вещами (драгоценности, мобильные телефоны и пр.), причинили им значительный материальный ущерб. Действия Л. и П. квалифицировались следственными органами как мошенничество с причинением ущерба в особо крупном размере, им инкриминировался п.4 ст. 159 УК РФ.

Из представленных материалов уголовного дела следует, что к подэкспертным на улице подходила ранее незнакомая им женщина и, задав один или несколько нейтральных вопросов о том, как пройти к определенной улице или где находится названное ей учреждение, представлялась «целительницей», «ясновидящей» (называя себя различными именами, в том числе и «Лилианой»). После этого она говорила, что на семье подэкспертной «лежит порча». Называя конкретного члена семьи (как правило, одного из родителей), она заявляла, что его в скором времени ждет смерть, активно предлагала свою помощь в «снятии порчи». Через некоторое время к ним подходила другая женщина, которая просила о помощи «ясновидящую», со слезами на глазах рассказывая историю «своего несчастья» (чаще всего – «неизлечимой болезни дочери»). В последующем «ясновидящая» объясняла, что порча лежит на деньгах и драгоценностях, в результате чего все потерпевшие выносили из дома деньги, украшения и собственноручно, без применения в отношении них какого-либо физического насилия (кроме одной из потерпевших), отдавали их мошенницам для совершения ритуала «снятия порчи». Это происходило следующим образом. Соучастница, передав «ясновидящей» свои деньги и украшения, уходила достаточно далеко в указанное ей место для выполнения какой-либо процедуры, якобы необходимой для снятия порчи (произнести заклинание, дважды набрать в рот «святой воды» и выплюнуть и т.п.), потом возвращалась. После этого тот же ритуал предлагали выполнить потерпевшей. Подэкспертные, передав «ясновидящей» свои деньги и драгоценности, выполняли задание, но, возвратившись на место, ни Л., ни П. там уже не обнаруживали.

В целом, мошенницы действовали со всеми потерпевшими достаточно однотипно, по хорошо отработанному алгоритму и сценарию. Вместе с тем следует подчеркнуть, что потерпевшие в своих показаниях и при настоящем клинико-психологическом обследовании отмечали, что в ходе разговора об-

виняемая, занимавшая роль «ясновидящей», задавала ряд простых вопросов, на которые потерпевшие могли ответить только утвердительно, смотрела им в глаза и требовала, чтобы потерпевшие также смотрели ей в глаза, брала их за руку, вела под руку, гладила по голове, обнимала, успокаивала, иногда даже целовала, водила «кругами», читала «молитвы», давала выпить «святой воды». Во время ходьбы Л. и П. ставили потерпевшую между собой, просили идти с ними в ногу, предлагали подышать на сверток с деньгами и т.д.

Психологический анализ действий, описанных выше, позволил нам придти к выводу, что в юридически значимый период мошенницами были использованы различные манипулятивные психологические техники (в основном заимствованные из нейролингвистического программирования: раппорт с «присоединением», «подстройкой» и «закреплением» подсознательного доверия между инициатором и адресатом, использование трюизмов и вопросов-команд и т.п.), что облегчило включение девушек в процесс коммуникации с преступницами и привело к развитию криминальной ситуации.

По всем семи случаям экспертная комиссия пришла к заключению, что до юридически значимых событий никто из потерпевших каким-либо психическим расстройством не страдал. Признаков гипноза – видоизменения обычного сна, искусственно вызванного с помощью специальных приемов, у подэкспертных в период совершения в отношении них противоправных деяний не отмечалось. Также были даны заключения, что по своему психическому состоянию в настоящее время все потерпевшие могут правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания, могут участвовать в судебно-следственных действиях. Клинических признаков алкоголизма, наркомании, а также признаков повышенной (патологической) склонности к фантазированию они не обнаруживали.

В шести случаях эксперты пришли к выводу, что потерпевшая не могла понимать характер и значение действий обвиняемых и оказывать сопротивление, при этом в одном случае – вследствие временного психического расстройства, в остальных пяти – вследствие выраженного эмоционального напряжения. Однако влияние выраженного эмоционального стресса на формирование

беспомощного состояния оказалось неоднородным и протекало по трем близким друг другу, но различным механизмам. В отношении одной из потерпевших был сделан вывод о том, что она могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий и оказывать сопротивление.

Рассмотрим клинико-психологические механизмы беспомощного (беззащитного) состояния потерпевших подробнее.

### **1. Беспомощность вследствие временного психического расстройства**

**Наблюдение 1.** У Ч., 1984 г.р., передавшей мошенницами деньги на сумму 150 тыс. долларов, ювелирные украшения, документы, в криминальной ситуации отмечалось выраженное сужение сознания с доминированием и фиксацией на внушенных ей субъективно значимых для нее негативных переживаний, сопровождавшихся эмоциональным напряжением, страхом, нарушением полного осознания окружающего, ориентировки во времени, нетипичным, противоречащим ее личности поведением, снижением произвольного контроля своего поведения с расстройством критической оценки происходящего, выраженными соматическими и нейровегетативными проявлениями. Указанные нарушения дали основание комиссии экспертов<sup>1</sup> прийти к заключению, что в период совершения в отношении Ч. противоправных действий у нее отмечалось временное психическое расстройство в форме диссоциативного (конверсионного) расстройства – психогенной спутанности (по МКБ-10: F44.8) и что вследствие этого она не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий, а также оказывать сопротивление. После происшедшего Ч. перенесла пролонгированную депрессивную реакцию, обусловленную расстройством адаптации (по МКБ-10: F43.21), что было расценено как легкий вред здоровью.

### **2. Беспомощность вследствие выраженного эмоционального напряжения**

Анализ индивидуально-психологичес-

ких особенностей личности подэкспертных и особенностей их ценностно-смысловой сферы позволил выделить ряд значимых черт, характерных для всех испытуемых, которые нашли отражение в их поведении в криминальной ситуации.

Так, четверым подэкспертным на момент совершения в отношении них правонарушения было от 17 до 22 лет. Все они были не замужем, проживали в родительских семьях, которые можно охарактеризовать как «благополучные». Внутрисемейные отношения характеризовались взаимопониманием, уважением, повышенным почитанием своих родителей, выраженной эмоциональной привязанностью к матерям и отцам вплоть до симбиотической связи с ними. При имеющихся чертах личностной незрелости, обусловленной, с одной стороны, возрастом, а с другой – выраженной родительской опекой, жизненный опыт подэкспертных, их ориентированность в различных жизненных ситуациях (тем более сложных и субъективно неожиданных) были в целом ограничены. Лишь одна подэкспертная в юридически значимый период находилась в «зрелом» возрасте, к тому моменту она уже 14 лет состояла в браке и была матерью двух детей. Однако, несмотря на это, она также обнаруживала черты незрелости, которые были обусловлены структурой ее личности (тревожностью, мнительностью, нерешительностью, ранимостью и впечатлительностью, конформностью, неуверенностью и зависимостью от авторитетных лиц). Обладая такими индивидуально-психологическими особенностями, она заняла свою «нишу» в семье в качестве верной и любящей жены, где главой семьи был лидирующий муж, который опекал ее, заботился о ней и детях, ограждал ее от всех жизненных перипетий и неприятностей, зарабатывал на жизнь, всегда сам принимал важные решения, а она вела домашнее хозяйство, создавая уют в доме и выполняя все общепринятые «женские» обязанности. Таким образом, несмотря на свой возраст, эта подэкспертная также обнаруживала признаки незрелости с ограниченностью жизненного опыта, неумением конструктивно разрешать сложные жизненные ситуации. Для данной подэкспертной также была характерна повышенная субъективная значимость внутрисемейных отношений, повышенная привязанность к членам своей семьи, однако объектом этой

<sup>1</sup> Кроме авторов, в данном случае в составе членов комиссии при производстве КСППЭ в качестве эксперта выступал и проф. Вандыш-Бубко В.В.

привязанности были уже не родители, а в первую очередь, муж и дети. Личностная незрелость практически у всех потерпевших сочеталась с чертами аффективной ригидности (со склонностью к застреванию на негативных переживаниях, трудностями переключения внимания с субъективно значимых для них моментов).

У всех подэкспертных психологами была выявлена просоциальность установок с повышенной значимостью для них таких качеств как честность, добропорядочность, правдивость, нетерпимость к лицемерию, лжи в межличностном взаимодействии. Для них было характерно стремление строить свои отношения с окружающими с учетом перечисленных выше ценностных ориентаций и, соответственно, на фоне имеющихся у них черт личностной незрелости с отсутствием жизненного опыта (о чем было сказано выше), ожидать со стороны других людей такого же отношения и к себе.

Следует особо подчеркнуть, что все подэкспертные этой группы обнаруживали повышенную внутреннюю готовность к восприятию информации, носящей мистический, оккультный характер, при этом для них была свойственна ориентированность на различные суеверия, приметы, гадания и т. п.

Все подэкспертные были разделены нами на 3 типологические группы на основании выделения различных психологических механизмов развития у них состояния эмоционального напряжения.

**Первую группу** составили 2 экспертных случая, где основным фактором включения в ситуацию взаимодействия с преступниками и развития повышенной эмоциональной напряженности явились описанные выше индивидуально-психологические особенности личности и ценностно-смысловой сферы потерпевших.

**Наблюдение 2.** Подэкспертная С., 1984 г.р., передала обвиняемым денежные средства и личные вещи на общую сумму 80 тыс. рублей. В начале беседы П. сказала потерпевшей, что «порча» лежит на матери, и она может умереть. После этих слов она испугалась, обеспокоилась и удивилась, так как мать действительно периодически жаловалась на слабость и головные боли. Вместе с тем, вначале у нее были сомнения, которые исчезли после того, как в беседу подключилась еще одна женщина, которой П. сказала:

«Не беспокойся, у твоей сестры рака нет», а также после того, как П. на глазах у подэкспертной показала, что иголка, которую на время дали потерпевшей подержать в руках, изменила свой цвет, что доказывает наличие «порчи». У подэкспертной стало усиливаться беспокойство за мать, возникло сильное волнение, желание «поскорее все завершить». Вынесла из дома сумку с деньгами и драгоценностями, отдала ее «ясновидящей» и по указанию П., дойдя до соседнего подъезда, выполнила все манипуляции. Когда, придя обратно, увидела, что женщин нет, сначала подумала, что они зашли за угол, но когда их там не обнаружила – сразу поняла, что ее обманули.

Как показал психологический анализ, такие индивидуально-психологические особенности подэкспертной, ее ценностно-смысловой сферы как особая субъективная значимость внутрисемейных отношений при повышенной эмоциональной привязанности к матери, чувствительность, ранимость, просоциальная направленность личности с повышенной значимостью таких качеств как честность, правдивость, нетерпимость к лицемерию, лжи в межличностном взаимодействии, стремление строить отношения с окружающими с учетом перечисленных выше ценностных ориентаций при ожидании со стороны других такого же отношения и к себе, признаки некоторой личностной незрелости с ограниченностью жизненного опыта, а также повышенная готовность к восприятию информации, носящей мистический, оккультный характер привели в условиях межличностного взаимодействия со встретившейся, незнакомой ей ранее, женщиной к развитию состояния эмоционального напряжения, обусловленного, в первую очередь, страхом, беспокойством за жизнь и здоровье матери. На фоне появившихся переживаний предьявляемая обвиняемой информация о «скорой смерти» матери воспринималась подэкспертной в тот период без должной критической оценки; последующие манипуляции с иголкой со стороны обвиняемой (с изменением ее цвета) при внутренней готовности подэкспертной к принятию информации мистического характера привели к резкому подъему уровня ситуативной тревоги, в результате чего подэкспертная стала легко внушаемой, ведомой, подчиняемой своим собеседникам. В тот период ее состояние характеризовалось выраженным

эмоциональным напряжением, сопровождавшимся частичным сужением сознания с доминированием и фиксацией на значимых переживаниях («скорая смерть матери»), стремлением как можно скорее разрешить эту ситуацию при охваченности идеей «снятия порчи», фрагментарным восприятием окружающей действительности (полная концентрация внимания на обвиняемой без учета происходящего вовне), полной подчиняемостью указаниям обвиняемой. О частичном сужении сознания в юридически значимый период свидетельствует и отсроченное по времени осмысление произошедшего. Таким образом, в юридически значимый период С. находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое не носило болезненного характера (его развитие было обусловлено психологическими механизмами), но лишало ее способности в тот период критически оценивать происходящее, понимать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий, т.е. понимать направленность и смысловое содержание действий обвиняемой и других соучастниц юридически значимой ситуации, прогнозировать последствия собственных поступков, в связи с чем она не могла и оказывать сопротивление.

**Вторая группа** (2 экспертных случая) характеризовалась присоединением к описанному выше механизму развития состояния выраженного эмоционального напряжения элементов эмпатии, сочувствия и сопереживания потерпевшей одной из участниц криминальной ситуации, а также влиянием на развитие криминальной ситуации таких качеств личности как повышенная ответственность за собственные поступки, предъявление к себе высоких требований, что также нашло свое отражение в поведении потерпевших в период, интересующий следствие, и оказало немаловажную роль в их включение в криминальную ситуацию.

**Наблюдение 3.** Подэкспертная Х., 1986 г. р., передала обвиняемым денежные средства и личные вещи на общую сумму 8 млн. 650 тыс. 400 рублей. Обвиняемая П. представилась ясновидящей Лилианой и сказала, что семье Х. «грозит опасность», над отцом «плохая аура», «висит гроб», что «отец в этот же день попадет в автомобильную аварию и погибнет». В этот момент она вспомнила, что где-то слышала имя «Лилиана», у

нее появилось волнение, страх за свою семью. После таких слов у нее «перед глазами» возникла неприятная картина, как «все происходит», при этом у нее усиливался страх, испуг, снизилось настроение. Первоначально у нее были какие-то сомнения, недоверие, которые исчезли после того, как к ним подошла женщина, которая, представившись Наташей, обратилась к «Лилиане», просила помочь «спасти» ее больную, прикованную к кровати, дочь. После этого стала переживать также и за дочь Наташи, в то же время появилась уверенность в том, что «Лилиана» может помочь снять «порчу» и спасти ее отца. Для «подтверждения наличия порчи» «Лилиана» им обеим давала нитку «из церкви» и просила завязать узлы. Исчезновение узлов на нитке после манипуляций П. ее сильно удивило и убедило в правдивости слов «Лилианы». Вместе с тем, постоянно были мысли о родителях, особенно об отце, она волновалась, «хотела, чтобы он был спасен». При общении с «Лилианой» ей становилось как-то легче, появлялась уверенность. По настоятельному указанию мошенницы сказала по телефону матери, что «сломала ногу», чтобы, воспользовавшись отсутствием матери, поехавшей к ней на указанное ею место, взять дома деньги, драгоценности. При этом была возбужденной, испытывала одновременно и тревогу, и радость. После вручения денег П. и выполнения необходимого «ритуала», не обнаружила женщин на месте. Только через некоторое время поняла, что ее обманули. Попыталась искать их, но безуспешно.

Как показывал психологический анализ, свойственные Х. индивидуально-психологические особенности, ее ценностно-смысловой сферы (особая субъективная значимость внутрисемейных отношений при повышенной эмоциональной привязанности к родителям, повышенная чувствительность, ранимость, мнительность, признаки личностной незрелости с отсутствием жизненного опыта при просоциальной направленности личности с повышенной значимостью таких качеств как честность, правдивость людей, нетерпимость к лицемерию, лжи в межличностном взаимодействии, стремление строить отношения с окружающими с учетом перечисленных выше ценностных ориентаций при ожидании со стороны других такого же отношения и к себе, склонность к реакциям растерянности с тенденцией ориентироваться на мнение

более авторитетного человека при возникновении сложных, субъективно неожиданных для нее ситуаций, а также повышенная готовность к восприятию информации, носящей мистический, оккультный характер) в криминальной ситуации оказали влияние на ее поведение и привели в условиях межличностного взаимодействия со встретившейся ей мошенницей к развитию состояния эмоционального напряжения, обусловленного страхом, беспокойством за жизнь отца. Такие индивидуально-психологические особенности личности подэкспертной как эмпатия, высокая способность к сочувствию, пониманию и сопереживанию другим людям и повышенная ответственность за собственные поступки и действия также нашли отражение в исследуемой ситуации и обусловили, в свою очередь, на фоне имевшихся сомнений, включение подэкспертной в ситуацию взаимодействия со встретившимися ей женщинами. В результате развившегося высокого уровня тревоги, сопровождавшегося и чувством собственной ответственности за жизнь и здоровье отца, предъявляемая женщиной, позиционирующей себя как «ясновидящая Лилиана», воспринималась подэкспертной без должной критической оценки, подэкспертная стала легко внушаемой, ведомой, подчиняемой своим собеседницам. В тот период ее состояние характеризовалось выраженным эмоциональным напряжением, сопровождавшимся частичным сужением сознания с доминированием и фиксацией на значимых переживаниях («скорая смерть отца»), стремлением как можно скорее разрешить эту ситуацию, охваченностью идеей «снятия порчи» при полной ведомости, подчиняемости указаниям преступницы. О частичном сужении сознания в юридически значимый период свидетельствуют также и измененное (ускоренное) восприятие времени, совершение поступков, не характерных для подэкспертной и противоречащих ее ценностным ориентациям (обман матери для свободного выноса денег и драгоценностей), а также отсроченное по времени осмысление произошедшего. Таким образом, в юридически значимый период Х. находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое не носило болезненного характера (его развитие было обусловлено психологическими механизмами), но лишало ее способности в тот период критически оценивать происходящее, пони-

мать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий, т.е. понимать направленность и смысловое содержание действий обвиняемой и ее соучастницы, прогнозировать последствия собственных поступков, в связи с чем она не могла и оказывать сопротивление.

**Третью группу** представляет одна из потерпевших, которая обнаруживала признаки частичной идентификации с одной из участниц криминальной ситуации. Исследование, проведенное Ф.С. Сафуановым и Е.В. Макушкиным (1995) на основе анализа модели индуцированных психических расстройств, позволило выделить 3 стадии идентификации. На первой стадии еще не наблюдается конкретного отождествления реципиента с индуктором, однако четко выделяется предрасположенность к идентификации в виде эмпатии, сочувствия, стремления понять и разделить его проблемы. Вторая стадия характеризуется выраженной перестройкой практически всех сфер психики. В первую очередь, это относится к аффективным процессам: эмпатия сменяется сопереживанием (т.е. уже переживанием тех же чувств, которые испытывает другой). Таким образом, «реципиент, не осознавая того, погружается в эмоциональные переживания индуктора», при этом «регуляция поведения на данном уровне идентификации включает элементы мотивации доминантного лица». Третья фаза включает в себя тотальное бессознательное отождествление с индуктором во всех сферах психической деятельности: аффективной, когнитивной и поведенческой.

В основе идентификации потерпевших с лицами, которые ситуативно становятся субъективно значимыми, лежит, на наш взгляд, аналогичный механизм. Отличия касаются, в первую очередь, роли психических расстройств. Субъективно значимое лицо, в отличие от душевнобольного индуктора, осуществляет не бессознательное воздействие, а осознанное. Идентификация с ним также происходит с большей степенью осознания, и включает не только эмпатию, но и осознанный интерес к его системе взглядов и переживаний. Самое важное отличие касается глубины идентификации – у психически здоровых лиц и лиц с пограничными психическими расстройствами идентификация не доходит до третьей стадии – полного отождествления с субъективно значимым лицом. Но при диа-



гностике второй стадии – частичной идентификации, мы можем говорить о наличии механизма воздействия на формирование виктимности и беспомощности.

**Наблюдение 4.** В данном экспертном случае (А., 1972 г.р., передала обвиняемым денежные средства на сумму 140 тыс. рублей, 3 тыс. евро и 3 тыс. долларов) было дано заключение, что подэкспертная в юридически значимый период находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения. Вместе с тем механизм развития эмоционального состояния этой потерпевшей был более сложным, чем описанные выше. Обращение мошенницы к А. С указанием на тяжелую болезнь ее матери явилось пусковым моментом криминальной ситуации – мать А. в это время находилась в больнице в связи с актуальной необходимостью оперативного вмешательства по поводу онкологического заболевания. В то же время, при развитии криминальной ситуации на фоне сомнений в честности и откровенности мошенниц, внутренней готовности в любой момент прекратить общение, у подэкспертной в ситуации межличностного взаимодействия стремительно развилось чувство эмпатии, сочувствия и сопереживания одной из участниц криминальной ситуации – соучастнице «ясновидящей», которая назвалась Наташей и, со слезами на глазах обратившись к П., стала рассказывать, что никак не может родить ребенка, так как все время случается выкидыш. Данная проблема была знакома А., так как у нее были трудности при планировании рождения второго ребенка. Наташа говорила, что давно хотела с П. встретиться, поскольку от своей подруги знала, что только она может снять с нее «порчу». П. сказала, что сможет помочь снять «порчу» с ее семьи и с Наташи, но для этого они должны быть вместе, иначе ничего не получится. В результате схожести предъявляемых последней «проблем» с ее собственными, А. (которая, кстати, в это время гуляла со своим младенцем) начала идентифицировать себя с женщиной, назвавшейся Наташей. Вследствие этого ее способность критически оценивать происходящие события резко снизилась, она, вспоминая свои прежние переживания, стала испытывать те же чувства, эмоции, которые искусно изображала обвиняемая. В результате чего возникла полная ведомость в ситуации правонарушения, ее поведение и действия явились повто-

рением манипуляций, проделываемых «Наташей», которая явилась для нее в тот период объектом идентификации. При этом состояние А. характеризовалось выраженным эмоциональным возбуждением, проявлявшимся в эмоциональном подъеме, воодушевлении, радости за «возможное исцеление» «Наташи». Вместе с тем, на фоне уже имеющегося у нее состояния эмоционального возбуждения в тот период у нее отмечалось расширение диапазона страхов (появился страх «наведения порчи» на ребенка), что, в свою очередь, обусловило развитие состояния выраженного эмоционального напряжения. Анализ динамики аффективного фона А. показывает, что в криминальной ситуации ее эмоциональное состояние характеризовалось попеременной сменой возбуждения и напряжения с преобладанием выраженного эмоционального напряжения.

В отношении А. комиссией экспертов был также сделан вывод, что она находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое не носило болезненного характера (его развитие было обусловлено психологическими механизмами), но лишало ее способности в тот период критически оценивать происходящее, понимать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий, т.е. понимать направленность и смысловое содержание действий мошенниц в юридически значимой ситуации, прогнозировать последствия собственных поступков, в связи с чем она не могла и оказывать сопротивление.

### **3. Отсутствие беспомощности на фоне эмоционального напряжения**

**Наблюдение 5.** Последний экспертный случай, где по итогам КСППЭ был сделан вывод о способности подэкспертной О., 1984 г. р., осознавать действия обвиняемых и оказывать сопротивление, качественно отличается от всех, описанных выше. Отличие заключается как в механизме развития эмоционального состояния, наблюдавшегося у подэкспертной в юридически значимый период, так и в глубине его выраженности и, соответственно, в степени влияния эмоциональной напряженности на способность потерпевшей правильно понимать характер и значение совершаемых в отношении нее действий и оказывать им сопротивление. Так, при психологическом исследовании О. выявлено, что в отличии от

прочих подэкспертных у нее не было исходной готовности к восприятию информации, носящей мистический характер. На фоне имеющихся признаков личностной незрелости, повышенной чувствительности и тревожности, эмоциональной ригидности, с одной стороны, и повышенной эмоциональной привязанности к матери, просоциальности установок, с другой, у подэкспертной в результате межличностного взаимодействия с обвиняемыми развилось состояние эмоционального напряжения, которое, однако, по своей глубине и выраженности не оказывает существенного влияния на ее способность критически оценивать происходящие события. Пусковым механизмом ее включения в криминальную ситуацию послужило развитие внутриличностного конфликта и борьбы мотивов между нежеланием подчиняться требованиям обвиняемых и повышенной значимостью благополучия членов ее семьи при повышенной ответственности за собственные поступки. При том, что она вынесла из дома денежные средства в сумме 1 млн. 800 тыс. рублей, ювелирные украшения и личные вещи (всего на сумму 2 млн. рублей), О. в кульминационный момент криминальной ситуации отказалась передать обвиняемым сверток с деньгами и драгоценностями. После этого мошенницы, сорвав с нее шубу и выхватив из рук сверток с деньгами и украшениями, запрыгнули в припаркованную рядом автомашину и уехали.

При обсуждении проведенных КСППЭ по одному и тому же делу следует отметить два обстоятельства. Во-первых, все же, по видимому, самую многочисленную группу среди тех, кого хотели обмануть П. и Л., составляют лица, которые не стали вступать с ними в контакт и тем самым избежали участи пострадавших. Во-вторых, безусловно, что приведенная в статье типология потерпевших по делам о мошенничестве не претендует на завершенность. Не исключено, что при более масштабном изучении аналогичных случаев мы увидим, что механизмы виктимного поведения и возникновения так называемых беспомощных состояний более вариативны. Последнее обстоятельство четко высвечивает проблему исследования психологических факторов, определяющих виктимность и риск оказаться жертвой подобных преступлений.

Анализ проведенных экспертиз показывает, что в группе потерпевших, не обнаруживающих психических расстройств в предкри-

минальной ситуации, явно выделяются индивидуально-психологические особенности, играющие непосредственную роль в механизме виктимного поведения. Прежде всего – это повышенная готовность к восприятию мистической информации и осознанию ее как реальной. Познавательная деятельность подэкспертных в ситуации взаимодействия с мошенниками напоминает описанное еще Л. Леви-Брюлем (1930) «пралогическое (первобытное, мифологическое) мышление», подчиняющееся закону «партиципации», т.е. допускающее анимизм, субъективную активность неодушевленных вещей, передачу магических свойств на расстоянии, через прикосновение, через фетишизируемые предметы и т.д. Исследования в области возрастной психологии (Piaget J., 1983; Субботский Е.В., 1989) показывают, что в процессе онтогенеза представления о феноменально-магической причинности не сменяются полностью представлениями о «естественнонаучной» причинности. Они у современного человека сосуществуют одновременно при значительном преобладании рационального восприятия предметных отношений.

Архаичные формы мышления в обычных условиях «прорываются» лишь в фантазиях, воображении, играх и т.п. Однако можно выделить как внешние условия, так и личностные факторы, повышающие вероятность актуализации магических представлений.

Среди внешних условий сами подэкспертные отмечали решающую роль ближайшего семейного окружения, в котором допускалось восприятие мистических представлений и суеверий как реальных, а также широкое обсуждение подобных идей в средствах массовой информации.

Личностные особенности, способствующие проявлению дологического мышления в поведении, на уровне практических действий, заключаются в основном в сочетании личностной незрелости с аффективной ригидностью. Проявления инфантильности мы можем наблюдать в широком диапазоне: это и «детская» позиция в социально-психологических взаимоотношениях, и недостаточная сформированность жизненного опыта, и повышенная впечатлительность и ранимость, и неумение находить конструктивные выходы в стрессовых ситуациях. Следует отметить, что личностная незрелость практически не коррелирует с уровнем интеллекта и харак-

тером профессиональной деятельности. Так, все потерпевшие либо имели высшее образование, либо учились на старших курсах высших учебных заведений. Обращает на себя внимание и избранные ими специальности: среди подэкспертных было трое девушек с юридическим образованием, одна работала (в то время, когда она стала жертвой преступления) судебным экспертом-криминалистом, и еще одна училась на дипломата-международника. Личностная незрелость в определенных ситуациях определяет «прорыв» инфантильных форм мышления, которые занимают ведущее, доминирующее место в сознании, вытесняя рациональные представления о причинности, уже вследствие высокого уровня аффективной ригидности, склонности к застреванию на личностно значимых переживаниях.

Повышенная виктимность человека определяет, в свою очередь, высокую вероятность формирования у него состояния беспомощности (беззащитности) в условиях оказываемого на него психического манипулятивного воздействия. Описанный выше личностный симптомокомплекс виктимности в подавляющем числе случаев определяет у потерпевших возникновение повышенной эмоциональной напряженности, которая мо-

жет достигать уровня, лишаящего жертву преступления способности оказывать осознанно-волевое сопротивление.

Анализ проведенных КСППЭ позволяет очертить направления дальнейших исследований виктимности и беспомощности потерпевших от мошеннических действий – в частности, в ходе психодиагностического обследования становится возможным выделять «группы риска» и осуществлять своевременную профилактическую работу с ними, преимущественно с использованием когнитивно-бихевиоральной психотерапии.

#### Литература:

1. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М., 1930.
2. Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. Социально-психологический анализ индуцированных психических расстройств в судебно-психиатрической практике // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева. 1995. № 4. С.192-202.
3. Субботский Е.В. Развитие у ребенка представлений о причинности // Вопросы психологии. – 1989. - № 3. С.158-166.
4. Piaget J. The child's conception of the world. Totowa, New Jersey. – 1983.



**Лавринович Андрей Николаевич,**  
кандидат психологических наук

## **РАЗРАБОТКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПУБЛИКАЦИЙ В ПРЕССЕ)**

---

Привлечение научных знаний для обеспечения «объективности» и «надежности» следственных и судебных решений является одним из важных направлений развития юридической практики. Однако добиться повышения «объективности» и «надежности» проводимых экспертных исследований и разрабатывать новые виды психологических экспертиз возможно только в случае методологически грамотного привлечения психологических знаний в юридическую практику.

В настоящей публикации рассказывается об одном случае разработки психологической экспертизы, которая ранее практически не проводилась или, по крайней мере, не являлась «типовой» экспертизой, которая «стандартно» назначалась судебно – следственными органами, а именно о социально – психологической экспертизе публикаций в прессе, направленных на возбуждение национальной вражды и розни<sup>1</sup>.

Эта экспертиза, по мнению автора, может заслуживать интерес по двум причинам:

---

<sup>1</sup> Статья была написана в 1995 г., когда данный вид экспертизы являлся скорее исключением, чем правилом в судебно-следственной практике (Прим. – ред.).

1. Разработка этой экспертизы была осуществлена в соответствии с методологией построения психологических экспертиз, которая к концу 80-х годов была «намечена» сотрудниками психологической лаборатории ВНИИ ОСП им. В.П.Сербского /к коим относился и автор/.

2. Наиболее важным основанием для построения этой методологии послужили работы глубокоуважаемого М.М.Коченова; именно в его работах по экспертизе эмоциональных состояний в периоды совершения правонарушений наряду с понятием «физиологический аффект» было введено представление о «существенном влиянии эмоционального состояния на сознание и поведение обвиняемого»; введение этого понятия и дало главный толчок для выделения в психологической лаборатории ВНИИ ОСП им. В.П.Сербского новой группы понятий – «экспертных понятий» (Лавринович, Голев, 1989).

Необходимость введения этой группы понятий была продиктована тем, что и юридическая практика и научная психология являются двумя самостоятельными и независимыми видами деятельности, каждая из которых имеет свои цели, средства, необходимые знания,

методы и операции, позволяющие достигать конечных результатов, свой язык описания. Вместе с тем, в юридической практике уже общепринятым стало привлечение «специальных знаний» из различных научных дисциплин для решения практических вопросов.

Для того чтобы психологические знания, данные психологической науки могли быть использованы в юридической практике, для того, чтобы они могли стать средствами деятельности юридической практики необходимо соблюдение 2-х условий:

- предметом экспертизы должны становиться именно те явления или события, о которых «идет речь» в законе; например, для юридической практики критически важно, чтобы экспертами исследовалось и, соответственно, констатировалось наличие или отсутствие «внезапно возникшего сильного душевного волнения обвиняемого», а не просто наличие эмоционального состояния; для этого явления или события должны быть «обозначены» как предмет экспертного исследования, но на языке, понятном той научной дисциплине, на разрешение которой поставлены вопросы;

- результаты экспертного исследования конкретного явления, события, которые интересуют судебно – следственные органы должны быть обобщены именно под конкретный вопрос судебно – следственных органов и представлены в языке описания, понятном для юридической практики.

Именно с этой целью было предложено (Лавринович, Голев, 1989) разработать и использовать для взаимодействия психологической науки и юридической практики особую группу понятий – «экспертные понятия», которые могут выполнять функцию обобщения научных знаний под юридическую задачу, служить терминологической основой оформления экспертных выводов.

### Постановление

В 1994 г. группе экспертов на экспертизу были представлены несколько номеров одной из местных газет, и на разрешение был поставлен вопрос о том «Как влияют на психологию людей материалы, представленные на исследование, и способствуют ли они разжиганию национальной вражды или розни?».

В соответствии с «намеченной» в психологической лаборатории ВНИИ ОСП им. В.П.Сербского методологией проведения

судебных психологических экспертиз вопрос должен был быть сформулирован в «экспертных понятиях», однако, поскольку к тому времени у экспертов не было разработанных экспертных понятий для этого вида экспертизы, которые они могли бы «предложить» юристам для формулировки вопросов, то в постановлении о назначении экспертизы вопросы были поставлены в юридической формулировке.\*

\* (примечание автора.: аналогичный путь в свое время «был пройден» и экспертизой эмоциональных состояний; на первоначальных этапах становления этой экспертизы в постановлениях о назначении экспертиз встречались формулировки как «чисто» юридические, например, «находился ли гражданин № в момент совершения правонарушения в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, так и «чисто» психологические, например, «находился ли гражданин № в момент совершения правонарушения в состоянии фрустрации»; и только значительно позже возникли и вошли в «постоянную» практику такие экспертные понятия как «физиологический аффект» и «существенное влияние эмоционального состояния на сознание и поведение»).

### Методологические основания разработки социально - психологической экспертизы

В соответствии с этой же «намеченной» методологией построения психологических экспертиз, эксперты поставили перед собой следующие задачи:

1. Выработать экспертное понятие, которое по своему содержанию было бы эквивалентно юридическому понятию «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды».

2. Выбрать какой-либо из существующих научных подходов, или разработать научную концепцию или модель, в рамках которой могло быть реконструировано и проанализировано событие/явление представленное на экспертное исследование и ему должна быть дана соответствующая квалификация.

3. В соответствии с выбранным теоретическим подходом или моделью найти или разработать методику анализа представленных на экспертное исследование материалов.

4. Провести социально – психологическую экспертизу и подготовить акт с ответами

на вопросы следствия в выработанных экспертных понятиях.

### Выработка экспертного понятия

В качестве экспертного понятия эквивалентного по содержанию юридическому понятию «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» экспертами было разработано следующее: «Формирование образа большой социальной группы, вызывающего у окружающих стойкое негативное эмоционально – смысловое отношение к ней и способствующего осуществлению в отношении нее агрессивных действий».

Данное экспертное понятие было выработано по следующим причинам:

- Теория социальной перцепции утверждает, что поведение строится человеком на основании того образа окружающей действительности, которое у него имеется; соответственно, возбуждение национальной и т.д. вражды в первую очередь должно проявляться в направленном формировании у окружающих определенного социально – психологического образа группы; поэтому в экспертное понятие было включено представление о формировании образа субъекта отношения;

- В юридической формулировке указывается на такие группы, которые традиционно в социальной психологии и социологии получили название больших групп, а именно нации и национальности, расы и религиозные объединения; поэтому в экспертное понятие включена формулировка «большая группа»;

- Поскольку в статье 282 УК РФ идет речь о «возбуждении...вражды», то в экспертное понятие было введено представление о том, что у окружающих формируется стойкое негативное эмоционально – смысловое отношение к членам социальной группы;

- Однако если руководствоваться смыслом 282 статьи УК РФ, то «криминальным» является не только и не столько просто формирование негативного отношения к той или иной социальной группе, сколько то, что это негативное отношение способствует проявлению в поведении агрессии, насилия по отношению к данной группе; поэтому в экспертное понятие была добавлена формулировка о том, что это стойкое негативное отношение, способствующее осуществлению в отношении социальной группы агрессивных действий со стороны окружающих.

Косвенным подтверждением адекватности именно такой трактовки юридического понятий «возбуждение национальной и т.д. розни» может служить определение, данное в словаре С.И.Ожегова понятию «национальной вражды» - им оно определяется как «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью».

В УК РФ в статье 282 «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»\* указано несколько юридических формулировок, по которым может быть возбуждено уголовное дело, а именно: «действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации...».

\* (примечание ред.: в действующем УК РФ статья сформулирована как «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Перед экспертами в рамках данной экспертизы были поставлены только вопросы, касающиеся «разжигания национальной вражды и розни», поэтому эксперты не занимались выработкой экспертных понятий по отношению к другим юридическим формулировкам статьи 282 УК РФ. Однако по нашему мнению по аналогичному принципу могут быть выработаны экспертные понятия, раскрывающие для социально – психологической экспертизы и другие юридические формулировки.

В частности, если обратиться к словарю С.И.Ожегова понятие «честь» определяется им как «общественно – моральное достоинство, то, что вызывает и поддерживает общее уважение, чувство гордости»; понятие «достоинство» определяется как «совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также создание этих свойств и уважения к себе». Уже на основании этих определений можно предположить, что создание у окружающих социально – психологического образа определенной социальной группы как лишенной общечеловеческих ценностей или общечеловеческой морали может являться основанием для «унижения национального достоинства» и т.д.

Таким образом, экспертами в рамках данной экспертизы была установлена содержательная идентичность юридического и экспертного понятия.

### **Научный подход (модель), в рамках которой проводилось экспертное исследование**

Современные все более жесткие требования к научной обоснованности выводов экспертиз, проводимых в рамках судебно – следственных действий, фактически превращают экспертизу в специальное научное исследование единичного события. Соответственно, достоверность и качество получаемых экспертных выводов в определяющей степени зависит от правильности выбранного для использования научного подхода или научной модели.

Более того, выбираемые для проведения экспертизы подход или модель должны позволять провести на основании представленных на экспертизу материалов реконструкцию единой непротиворечивой и достоверной картины происшедших «событий или явлений», которая и становится в конечном итоге «логическим» основанием для осуществления экспертных выводов. А в нашем случае должна была воссоздать в рамках выбранного когнитивного представления, модели личности или иной психологической или социально – психологической модели «картину» влияния публикаций в прессе на формирование образа определенной социальной группы.

И здесь необходимо отметить, что далеко не все существующие научные подходы и разработанные модели позволяют решать поставленные перед экспертами задачи и это само по себе может являться мощным стимулом развития психологической науки.

В частности, примерами, на которых можно отчетливо видеть «развивающий» характер практической деятельности по проведению экспертиз по отношению к психологической теории, являются работы сотрудников психологической лаборатории ВНИИ ОСП им В.П.Сербского Ф.С.Сафуанова (1986), М.Б.Симоненковой (1986), А.Н.Лавриновича (1987), Е.Г.Дозорцевой (1988), а также работа Ф.С.Сафуанова «Комплексная судебная психолого – психиатрическая экспертиза обвиняемых в криминально – агрессивных действиях (психологический аспект)» (Ф.С.Сафуанов,

2001). В последней из упомянутых публикаций автору для решения задач экспертной практики «пришлось» разработать несколько новых подходов и моделей: разработать многомерную психологическую типологию криминальной агрессии, а также ряд «частных теоретических концепций, раскрывающие роль алкогольного опьянения в механизме агрессивных действий, влияние идентификации членов группового...взаимодействия на регуляцию агрессивного поведения...» (Ф.С.Сафуанов, 2001, с. 9).

Для проведения настоящей экспертизы было выбрано наиболее общее представление об основных структурных компонентах любой деятельности, обеспечивающих процесс ее организации и регуляции, а именно:

- сам субъект деятельности,
- установки и мотивы, ценности и ценностные ориентации, определяющие смысловой план деятельности субъекта,
- цели деятельности, которые субъект ставит перед собой,
- конкретные действия субъекта по достижению целей, способы и результаты его действий.

Настоящий подход был выбран потому, что именно эти структурные компоненты деятельности в обобщенной, но достаточно полной степени смогут «раскрыть» создаваемый образ определенной группы людей, то, как окружающими «видится» сам субъект и его деятельность.

Данное представление также позволяло использовать наиболее распространенный метод изучения текстовой информации, а именно метод «контент – анализа», что позволяло ответить на 3-ий из стоящих перед экспертами вопросов.

### **Методика экспериментального изучения представленных на экспертизу материалов**

В качестве методики анализа представленных на экспертное исследование материалов – ряда публикаций в одной из газет – экспертами был выбран метод контент - анализа, который является одним из основных и наиболее распространенных методов изучения текстов различного содержания.

Адекватность для проведения исследования метода контент – анализа по мнению экспертов определялась следующими основаниями:

- он давал возможность по определенным правилам осуществлять перевод текстовой информации в количественные показатели, следовательно, процедура исследования являлась информативной и доказательной

- он давал возможность в существенной степени «объективизовать» результаты исследования и сделать их независимыми от мнения эксперта, который разрабатывал кодировочную инструкцию, проводил интерпретацию результатов и формулировал выводы экспертного исследования, за счет использования при исследовании кодировочной инструкции и привлечения для кодировки лиц, не заинтересованных в получении заранее заданного результата.

- он позволял «свободно» выбирать категории, под изучение которых строилось исследование текстовой информации, а, следовательно, позволял определить на какие стороны образа и «параметры» деятельности определенной социальной группы делается акцент автором, какое эмоционально – смысловое отношение к образу субъекта деятельности является наиболее часто встречающимся в тексте, т.е. какой именно образ социальной группы формируется текстом.

Именно об этой направленности контент – аналитического исследования писали, в частности, Богомолова Н.Н. и Данилин К.Е.: «Главная задача, которая решается посредством контент – анализа, состоит в том, чтобы выяснить связь текста с некоторой «внетекстовой реальностью», так или иначе продуцирующей этот текст. Под внетекстовой реальностью понимаются не только реальные события, факты, отношения, о которых идет речь в тексте, но и настроения, чувства, установки, позиции, интересы и другие социально – психологические характеристики коммуникатора, реципиента и сам процесс коммуникации...» (Богомолова Н.Н. и Данилин К.Е. Спецпрактикум по социальной психологии. М. МГУ 1979).

Как известно, суть методики контент – аналитического исследования заключается в том, что для изучения содержания и формируемого отношения к объекту описания в тексте выделяются определенные объекты изучения, которые обозначаются понятиями «категории».

В соответствии с теоретическим подходом, изложенным ранее, в качестве основных были взяты следующие категории:

- «субъект деятельности, действий, поведения», которому просвещен текст,
- «основные цели деятельности» этого субъекта,
- «ведущие ценностные ориентации» этого субъекта,
- «способы и конкретные действия, по достижению целей, результаты действий» этого субъекта.

Для того чтобы изучить характер формируемого у читателя образа для всех основных категорий были разработаны подкатегории, которые позволяли выявить «фокус внимания» авторов текстов, а именно, на какие «аспекты» направлялось внимание читателя.

После пилотажной кодировки представленных на экспертизу текстов были выделены следующие подкатегории для каждой из категорий:

1. для субъекта деятельности были выделены подкатегории:
  - a. единичный субъект
  - b. небольшая группа лиц
  - c. большая группа лиц или вся нация в целом
2. для описания основных целей деятельности были выделены следующие подкатегории:
  - a. создание какого – либо результата или продукта
  - b. достижение уже созданного кем-то результата
  - c. разрушение сделанного кем – то результата
3. для описания ведущих ценностных ориентации (далее по тексту ЦО) были выделены подкатегории:
  - a. ЦО, характерные для определенной национальности
  - b. ЦО, характерные для всех национальностей, проживающих на территории России
  - c. ЦО, характерные для тех или иных зарубежных или транснациональных групп
  - d. общечеловеческие ЦО
  - e. отсутствие общечеловеческих ЦО
4. для описания способов и конкретных действий, по достижению целей, результатов действий были выделены следующие подкатегории:
  - a. сотрудничество как достижение совместных интересов
  - b. независимость как самостоятельные действия, не затрагивающие интересы



других национальностей и с ними не сочетающиеся

- c. открытая конфронтация как уничтожение, подавление и установление зависимости, когда действия выполняются без учета и вопреки интересам других социальных групп
- d. манипуляция как действия со скрытой корыстной целью без учета интересов других социальных групп

Для выявления формируемого у читателей эмоционально – смыслового отношения к «объектам изучения» - категориям и подкатегориям - экспертами по контексту реконструировался характер эмоциональных оценок – позитивных, негативных или нейтральных.

В соответствии с нормами проведения контент – аналитических исследований в кодировочной инструкции были описаны **индикаторы** категорий и подкатегорий, которыми являлись фрагменты текста – отдельные слова, словосочетания, суждения, состоящие из нескольких слов, возможно отдельные краткие предложения.

**Единицей контекста** в данном исследовании была выбрана публикация – статья, стихотворение, письмо или подборка писем, другие целостные самостоятельные по содержанию и смыслу тексты.

**Частота упоминания** была выбрана терминологическая, т.е. подсчитывалось каждое упоминание в тексте отмеченных выше категорий и подкатегорий.

**Выборка.** На исследование экспертам были представлены более 10 номеров одной из местных газет.

В целях достижения объективности исследования выборка публикаций для контент – аналитического исследования была случайной - из номера газеты выделялась одна полоса, и анализировались все публикации по данной теме только на этой полосе. Т.е. в № 1 материалы анализировались только с 1-ой полосы, в № 2 со 2-ой, в № 3 с 3-ей и т.д.

При таком построении выборки исключалась тенденциозность в подборе экспертами материалов и для контент – аналитического исследования бралось 12.5 % от общего объема информации, представленной в газете, что соответствует критериям репрезентативности при анализе средств массовой информации.

Таким образом, использование методики контент – анализа позволило экспертам

провести анализ формируемого у читателей газеты образа большой социальной группы и зафиксировать характер эмоционально – смыслового отношения к различным «аспектам» формируемого образа.

### **Основные результаты, полученные при контент – аналитическом исследовании**

Результаты количественного и качественного исследования публикаций представленной на изучение газеты показали следующие основные результаты:

1. Характер представления о субъекте деятельности:

- Почти в 60 % случаев в текстах публикаций авторы в качестве субъекта называли большую группу или нацию в целом,
- Из них более чем в половине случаев эмоционально – смысловые оценки этой группы носили негативный характер и только в 3 % случаев позитивный характер,
- Чуть больше чем в 30 % случаев в текстах субъекты упоминались как единичные, отдельные лица,
- Из них в 66 % случаев они имели нейтральные, а в 30% случаев негативные оценки.

2. Характер представления о целях деятельности:

- Практически в 90 % случаев цели деятельности представлялись как «захват», «завладение» или «разрушение»,
- Соответственно из них в 60 % случаев характеристики целей носили ярко выраженный негативный эмоционально – смысловой характер.

3. Характер представления о ЦО:

- По характеру ЦО в 65 % случаев представители этой группы были ориентированы только на интересы своей группы, и почти в 50 % из них они носили эмоционально – негативный характер,
- Чуть больше чем в 20 % случаев ориентация членов этой группы происходила на интересы транс – национальных и международных организаций,

4. Характер представления о способах и результатах действий:

- Почти в 90 % случаев действия членов этих групп описывались как ориентированные на управления другими национальностями, их подавление или манипулятивные действия, направленные на

достижение своих корыстных интересов независимо, а иногда и вопреки интересам других групп,

- Из этих 90 % почти в половине случаев действия описывались как открытая конфронтация, агрессия, подавление или уничтожение и хотя по контексту негативные эмоционально – смысловые оценки этих действий реконструировались только в 40 % случаев, но сам по себе «характер предпринимаемых действий» создавал эмоционально – негативное к ним отношение у читателя.

Таким образом, полученные числовые данные, а также результаты качественного анализа позволяли сделать следующие выводы:

- Авторами публикаций субъект деятельности представлялся в основном как большая группа – как национальность в целом и ей давалась, как правило, негативная эмоционально – смысловая оценка, в то время как отдельные члены этой группы чаще представлялись нейтрально,
- И цели деятельности, и ее результаты характеризовались авторами как «захватнические», активные, агрессивные, часто разрушительные для членов других социальных групп, создавая, по мнению экспертов, у читателя субъективные условия для открытого проявления в поведении агрессии в адрес членов этой группы - по аналогии с тем, что могут позволить себе участники анализируемой группы,
- Среди ЦО на первом месте оказались ЦО анализируемой группы, на втором месте интересы транснациональных групп, в то время как интересы других национальностей практически оказались «неучтенными» этими людьми при организации ими своих действий.

Таким образом, результаты контент – аналитического исследования представленных на экспертизу материалов прессы позволили экспертам сделать вывод о том, что авторами публикаций у читателей формируется образ большой социальной группы, вызывающей у окружающих стойкое негативное эмоционально – смысловое отношение к ней и способствующий осуществлению в отношении нее агрессивных действий.

## Выводы

Разработанная экспертиза показала, что следование указанной выше методологии построения взаимодействия юридической практики и психологической науки позволяет эффективно привлекать научные знания для решения практических задач, разрабатывать новые, ранее не известные виды психологических экспертиз.

Ключевую роль в построении этого взаимодействия играет правильная выработка экспертных понятий, которые должны быть по описываемому ими содержанию идентичными понятиям из юридической практики, однако формулироваться на языке той дисциплины, которая используется для проведения экспертизы.

Не менее важной составной частью экспертного исследования является правильный подбор или разработка научного подхода (модели, концепции), в рамках которой может быть адекватно изучено представленное на исследование события или явление и дана ему адекватная квалификация.

Представленная в настоящей публикации методика анализа материалов СМИ нуждается в развитии и доработке. Однако, по мнению экспертов разработанные в рамках данной экспертизы экспертное понятие и теоретический подход могут с успехом быть применимы в регулярной практической работе.

## Литература:

1. Богомолова Н.Н. и Данилин К.Е. Спец-практикум по социальной психологии. – М.: МГУ, 1979.
2. Дозорцева Е.Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых (психологический аспект). Автореф.дис.канд.психолог. наук. – Ленинград, 1986.
3. Лавринович А.Н., Голев А.С. Экспертные понятия в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы/Юридическая психология: Тез. докл. к VII съезду Общества психологов СССР. М. 1989.
4. Лавринович А.Н. Эмоциональная и рефлексивная регуляция мышления у психопатических личностей. Автореф.дис.канд.психолог.наук. – М., 1987.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1968.

6. Сафуанов Ф.С. Эмоционально-смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей истеро-возбудимого круга. Автореф. дис. канд. психол. наук. – М., 1986

7. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в криминально – агрессивных дейс-

твиях (психологический аспект). М., 2001.

8. Симоненкова М.Б. Некоторые механизмы нарушения критичности у психопатических личностей. Автореф. дис. канд. психолог. наук. – Л., 1986.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 1996; М.: Эксмо, 2007.



**Кроз Михаил Владимирович,**  
ведущий научный сотрудник  
Научно-исследовательского института  
Академии Генеральной прокуратуры  
РФ, старший советник юстиции



**Ратинова Наталия Александровна,**  
старший научный сотрудник  
Научно-исследовательского института  
Академии Генеральной прокуратуры РФ,  
советник юстиции

## **ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ ВРАЖДЫ И НЕНАВИСТИ**

---

В последние годы во всем мире отмечается заметный рост экстремистских проявлений. Не избежало этого и наше государство, которое остро нуждается в организации эффективного противодействия этому негативному явлению.

Одной из наиболее активно распространенных в последние годы в России форм криминального экстремизма является возбуждение национальной, расовой, религиозной, социальной вражды, унижение человеческого достоинства с помощью средств массовой информации (СМИ), иной печатной, аудиовизуальной продукции, Интернета, а также в публичных выступлениях политиков, общественных, религиозных деятелей. Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

У правоприменителей зачастую возникают значительные сложности при предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел данной категории.

Эти сложности обусловлены, в частности, недостаточной разработанностью уголовно-правовой теории применительно к данной норме закона. Сказанное относится и к другим правовым дисциплинам: уголовному процессу, криминалистике, теории судебных экспертиз и пр.

Однако во многом трудности порождаются самой специфической природой преступлений такого рода. Эти деяния совершаются в подавляющем большинстве посредством устной или письменной речи, путем использования продуктов речевой деятельности, то есть рукописной, печатной, аудиовизуальной продукции (а также невербальных средств коммуникации). Никаких иных объективных поведенческих признаков преступного деяния, как это имеет место, например, при посягательствах на жизнь или чужое имущество здесь не возникает.

В самой публичной речи или публикации заключены объективные признаки преступления. Именно текст и невербальные компоненты обнародованных материалов являются главным предметом исследования

и основным источником доказательств по делам рассматриваемой категории. При этом определение смысловой направленности спорного текста является предварительным и непременным условием юридической оценки деяния как противоправного. В результате доказательства зачастую базируются лишь на материалах и выводах судебных экспертиз, в которых анализируется смысловая направленность спорных материалов СМИ, публичных выступлений.

Проблема оценки смысловой направленности спорных материалов СМИ, публичных выступлений изучалась юристами и психологами отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ и в теоретическом, и в практическом плане в течение последних пятнадцати лет. К настоящему времени разработана теория, методология и методика анализа подобных материалов в рамках судебной экспертизы, внепроцессуального консультирования правоприменителей. В настоящей статье кратко приводятся основные положения данного подхода<sup>1</sup>.

**Объектом** экспертного исследования здесь выступает *сообщение СМИ, материалы публичного выступления, а предметом* – *смысловая направленность этого материала*, поскольку эксперту необходимо определить и обосновать, используя при этом специальные познания, направлен ли данный материал на разжигание вражды по отношению к той или иной указанной в норме закона группе: расовой, религиозной и пр.

В качестве **критериев оценки**, позволяющих выявить смысловую направленность таких текстов, А.Р. Ратиновым была предложена система *признаков возбуждения национальной, расовой и религиозной вражды и нетерпимости*<sup>2</sup>. В современном виде эта

классификация выглядит следующим образом.

**1) Ложная идентификация** – формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии путем:

- переноса различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую или религиозную группу;
- приписывания всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать древним обычаям, верованиям, традициям, негативно оцениваемым современной культурой;
- утверждения о врожденном или историческом превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других.

**2) Ложная атрибуция** – приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой-либо нации, расы, религии по отношению к другим путем:

- возложения вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую или религиозную группу;
- утверждения об изначальной враждебности определенной нации, расы, религии по отношению к другим;
- утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной этнической или религиозной группы с интересами других;
- утверждения о наличии заговора, тайных планов одной национальной или религиозной группы против других;
- объяснения бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых и религиозных групп.

**3) Мнимая оборона** – побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии путем:

- поощрения, оправдания геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии;
- требования вытеснить из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности;
- требования ограничить права и свободы

<sup>1</sup> Более подробно методология и методика судебных экспертиз данного вида описана в книгах: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. – М.: Юрлитинформ, 2005; Кроз М.В., Ратинова Н.А. Участие психолога в прокурорских проверках и расследовании преступлений о возбуждении национальной, расовой, религиозной, социальной вражды. Научно-методическое пособие. – М.: 2006.

<sup>2</sup> См.: Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о нарушении средствами массовой информации национального, расового и религиозного равноправия», № 7/4-1-1557/95 от 09.12.95. С. 7-8.

граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку;

- высказывания угроз и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по признаку религиозной принадлежности.

Эта классификация в последние годы все более активно применяется на практике как правоприменителями, так и экспертами при проведении исследований материалов СМИ, направленных на возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды, она зарекомендовала себя как валидный и надежный инструмент для выявления смысловой направленности продукции масс-медиа подобного рода. Данные критерии могут быть использованы и для оценки смысловой направленности сообщения масс-медиа, публичного выступления на унижение национального, расового или религиозного достоинства человека. Кроме того, большая часть признаков применима и для определения смысловой направленности текстов, возбуждающих вражду к различным социальным группам<sup>3</sup>.

Указанный выше предмет экспертного исследования определяет и **профессиональную компетенцию** специалистов, привлекаемых для ее производства. Подобные экспертизы должны проводиться специалистами-психолингвистами, филологами и социальными психологами, специализирующимися в области изучения средств массовой информации. Экспертизу может проводить как единолично специалист, профессионально владеющий знаниями и методами психолингвистики и социальной психологии, так и комиссия из специалистов в области социальной психологии и лингвистики. В этом случае назначается проведение *комплексной экспертизы*.

Учитывая малочисленность ученых, обладающих специальными познаниями одновременно и в социальной психологии и в психолингвистике, и отсутствие у многих из них опыта производства судебных экспертиз по делам указанной категории, более целесообразным представляется проводить именно *комплексные психолого-лингвистические*

<sup>3</sup> Ограниченный объем данной статьи не позволяет остановиться на специфике экспертной оценки материалов, направленных на возбуждение социальной вражды и ненависти.

*экспертизы*, привлекать для совместного исследования, с одной стороны, специалистов по социальной психологии, имеющих достаточную подготовку в области изучения массовых коммуникаций, психологии пропаганды, межгрупповых, в частности, межнациональных, отношений, а с другой стороны – филологов, владеющих научным аппаратом лингвистики и семантики, специальными методами исследования продуктов речевой деятельности.

В целом следует отметить, что проблема компетенции специалистов, привлекаемых для производства экспертиз смысловой направленности ксенофобских материалов, является наиболее сложной и дискуссионной. Так, при необходимости к проведению наиболее сложных комплексных экспертиз могут привлекаться представители и других наук – религиоведы, этнологи, искусствоведы различного профиля и др.

Применяемый при проведении судебных психолингвистических экспертиз или научных консультаций **основной метод** исследования – *качественный критериально ориентированный социально-психологический и психолингвистический анализ сообщения СМИ* (его содержания, структуры, языка, невербальных компонентов, и др.). При этом признаки возбуждения вражды и ненависти, как уже отмечалось, выступают в качестве ведущих критериев оценки смысловой направленности материала. При необходимости в качестве **дополнительного метода** может использоваться *качественно-количественный анализ (контент-анализ)* материалов СМИ и публичных выступлений.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным в общем виде определить данный вид экспертиз как **психолингвистическую экспертизу смысловой направленности материалов СМИ и публичных выступлений**.

Назначение судебной психолингвистической экспертизы по уголовным делам осуществляется в порядке, определенном статьей 195 УПК РФ. Экспертиза может назначаться лицом, проводящим расследование по делу и судом. В постановлении о назначении экспертизы указываются: основания назначения судебной экспертизы; фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза; ма-

териалы, предоставляемые в распоряжение эксперта; а также вопросы, на которые должен ответить эксперт.

Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными познаниями. При решении вопроса о привлечении того или иного специалиста к исследованию правоприменитель должен заранее выяснить его компетентность в области знаний, необходимой для производства экспертизы (психолингвистике, социальной психологии, лингвистике, искусствоведении и т.д.)

Обязанности и права эксперта приводятся в статье 57 УПК РФ. Согласно ей эксперт вправе знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы; ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо к привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов; давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не сформулированным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету судебной экспертизы; отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения. Таким образом, основной обязанностью эксперта является своевременное представление всестороннего, полного и объективного заключения (в пределах своей компетенции), отвечающего на все поставленные перед ним следователем или судом вопросы. При этом эксперт несет личную ответственность за исполнение этих обязанностей.

Остановимся несколько подробнее на праве эксперта ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов. В некоторых случаях данное право выступает как прямая обязанность эксперта. Так, крайне важно, чтобы психолог или лингвист, оценивающий смысловую направленность сообщения СМИ, имел полное представление о том, в каком контексте был опубликован данный материал (в какой газете напечатана анализируемая статья, частью какой книги является изучаемая глава и пр.).

Эти требования диктуются чисто практическими соображениями. Так, весьма не-

редки случаи, когда содержательно нейтральный текст сопровождается броским заголовком, фотографиями, иллюстрациями (или подписями под ними), которые в значительной степени (а иногда и полностью) изменяют восприятие смысла сообщения читателями. В ряде ситуаций подобный эффект оказывает пространственное расположение текста анализируемой публикации по соседству с другими крайне острыми материалами, написанными на ту же или сходную тематику. При этом на оценку и интерпретацию аудиторией влияет «эмоциональное эхо» от прочтения предыдущей публикации.

Подобные моменты необходимо учитывать правоприменителю, поэтому недопустимо предоставлять специалисту для анализа, например, лишь ксерокопию фрагмента печатного текста без точного и подробного указания его выходных данных. Исследуя изъятые из общего смыслового контекста сообщения, можно упустить крайне важные для оценки его смысловой направленности моменты. В подобных случаях специалист должен обращаться к лицу, назначившему производство экспертизы, и требовать дополнительных материалов, необходимых для анализа.

Основным результирующим документом при проведении экспертизы согласно ст. 204 УПК РФ является заключение эксперта. Оно должно включать три основные части: вводную, исследовательскую и выводы. Во вводной части излагаются все необходимые реквизиты заключения.

В исследовательской части дается характеристика материалов СМИ, направленных на экспертизу, указываются использованные при производстве экспертизы методы, приводится подробный анализ содержания и смысловой направленности указанного сообщения. Для этого эксперту необходимо сопоставить различные разделы сообщения, выделить его ключевые компоненты, установить в отдельных фрагментах информации общую мысль, контекст сообщения, его латентный смысл, соотношение вербальных и невербальных компонентов сообщения.

Анализ должен вестись на различных структурных уровнях сообщения: на уровне слова, фразы, предложения и на более высоком уровне – целостного текста, подборки статей, газетного выпуска, книги и т.д. Кроме того, необходимо учитывать общественно-политический и культурный контекст, в рам-

ках которого данный материал создавался и подается читателям (зрителям, слушателям). Сопоставление всех полученных таким образом содержательно-смысловых блоков сообщения позволяет установить общую направленность материала.

Маскировка пропагандируемых идей, многократность обращения к ним, разнообразие специальных приемов и средств, используемых для внушения или убеждения аудитории в правильности этих идей, длительность такого рода пропагандистской деятельности чаще всего указывают на целенаправленность организации информационного воздействия и на преднамеренный характер действий коммуникатора (автора сообщения).

В заключительной части экспертизы представляются ответы на поставленные следствием или судом вопросы либо излагаются причины, по которым эксперту не удалось ответить на них. Выводы экспертизы должны формулироваться четко в соответствии с поставленными вопросами. Если это возможно, они должны носить категорический характер – утвердительный или отрицательный. Если же проведенное исследование не позволяет сделать однозначных выводов, эксперту следует специально оговорить это обстоятельство. Необходимо подчеркнуть, что выводы экспертизы должны базироваться на положениях психологической науки и результатах проведенного исследования, а не носить характер психологического эссе или общежитейских рассуждений с элементами морализаторства. Оценочным суждениям вообще не место в экспертном заключении. Изложение некоторой научной информации без специального анализа конкретного случая также не является экспертным исследованием.

Заключение судебной психолингвистической экспертизы (как и любой другой) не имеет заранее установленной силы и не является обязательной для суда. Оно подлежит полной, всесторонней и объективной проверке и оценке наряду с другими доказательствами по делу. Суд оценивает квалификацию, объективность и компетентность эксперта, научную обоснованность, полноту и правильность заключения, включая использованные методы исследования, их адекватность материалу, убедительность выводов и их соответствие исследовательской части заключения, а также проверяет соблюдение

норм процессуального права при назначении и проведении экспертизы. В случаях, когда речь идет о специальных вопросах, суд также оценивает их в меру своего разумения. Подчеркнем, что экспертиза, проведенная с нарушением установленного законом порядка, и заключение эксперта, не отвечающее соответствующим требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ, не имеют доказательственной силы и согласно статье 75 УПК РФ не допускаются как доказательства.

В ряде случаев (при недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств) следствием или судом в соответствии со статьями 207 и 283 УПК РФ может быть назначена *дополнительная судебная экспертиза*, которую поручают провести тому же эксперту. Эти же статьи регламентируют порядок назначения *повторной экспертизы*, проводимой в тех случаях, когда у следственных или судебных органов возникают сомнения в обоснованности заключения эксперта, обнаруживаются противоречия в содержании экспертного заключения или между различными экспертными заключениями, либо противоречия экспертизы иным материалам дела. В этих случаях проведение судебной экспертизы поручается другому эксперту или экспертам.

Центральное место в постановлении о назначении судебной психолингвистической экспертизы занимают **вопросы, поставленные перед экспертами**. Именно они определяют содержательную направленность психолингвистической экспертизы, ракурс анализа экспертами представленного материала.

В соответствии с требованиями УПК РФ вопросы формулируются правоприменителем, однако на практике этому часто предшествует либо их обсуждение с лицом, назначаемым в качестве эксперта, либо проведение предварительной внепроцессуальной научной консультации по ксенофобскому материалу. В ходе таких консультаций, как правило, определяется список вопросов, которые следует ставить перед экспертами, уточняются их формулировки.

Представляется, что по делам данной категории перед экспертами целесообразно ставить следующие вопросы.

1. Выражают ли использованные в данном материале словесные (изобразительные) средства унижительные характеристики,



отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной, социальной группы (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей?

2. Содержится ли в данном материале информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии, социальной группы (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей?

3. Использованы ли в данном материале специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против какой-либо нации, расы, религии, социальной группы или отдельных лиц как ее представителей?

В зависимости от типа изучаемого материала, его объема, особенностей содержания, формы подачи и др., правоприменитель, назначивший проведение судебной психолингвистической экспертизы, может задавать и иные, дополнительные вопросы, существенные для определения смысловой направленности исследуемого материала. Так, возможна, например, постановка следующих вопросов.

- Могут ли высказывания, содержащиеся в данном материале, оказывать влияние на формирование или изменение массового сознания и служить мировоззренческой основой для ультрарадикальных социальных, религиозных или националистических устремлений (каких именно)?

- Может ли содержание данного материала оказать влияние на сознание аудитории путем формирования или подкрепления негативных стереотипов, предвзятых представлений о тех или иных нациях, расах, религиях, социальных группах, возбуждения чувства враждебности, неприязни по отношению к ним?

- Содержатся ли в данном материале положения (какие именно), оправдывающие либо доказывающие правомерность применения насилия в межнациональных, межрасовых, межрелигиозных, социальных отношениях, либо способствующие формированию таких установок в сознании людей?

Естественно, что именно особенности материала задают необходимость в тех или иных дополнительных вопросах, ответы на которые являются существенными для юриста при правовой оценке деяния. Так, например,

вопрос о влиянии ксенофобского материала на формирование или изменение массового сознания, мировоззрение аудитории целесообразно задавать в случаях, когда на психолингвистическую экспертизу направлено крупное художественное или публицистическое произведение (роман, драма, художественный фильм, цикл теле- или радиопередач, серия печатных публикаций). Но этот и подобные ему вопросы вряд ли стоит ставить, если речь идет об анализе короткой газетной заметки, информационного сообщения в новостной радио- или телепередаче.

В настоящее время, к сожалению, наблюдается острый дефицит квалифицированных специалистов, способных на достаточно высоком научном уровне проводить психолингвистические экспертизы, давать теоретически обоснованные и методически грамотные заключения, отвечать на поставленные перед ними вопросы, оставаясь в рамках собственной профессиональной компетенции. Привлечение в качестве экспертов для проведения судебной психолингвистической экспертизы лиц, компетентных в своей предметной области, но не обладающих знаниями в сфере судебной экспертологии, нередко приводит к нарушениям требований закона при производстве экспертиз. Специалисты-психологи и филологи, не занимающиеся экспертной практикой, зачастую не информированы в вопросах, касающихся правового регулирования экспертной деятельности. Более того, они зачастую не имеют представления и о том, что подобные ограничения вообще существуют.

В связи с этим на лицо, назначающее экспертизу, накладываются дополнительные обязательства по правовому информированию специалистов, привлекаемых в качестве экспертов, обо всех процессуальных требованиях к проведению и оформлению заключения экспертизы. В противном случае качественно проведенное экспертное исследование может быть отвергнуто судом на основании того, что осуществлялось или оформлялось с нарушением процессуальных норм. При этом ценная информация, полученная психологом и значимая для справедливого разрешения дела, не будет принята во внимание судом, либо может быть назначена повторная или дополнительная экспертиза.

Сказанное в первую очередь относится к экспертизам, проводящимся вне эксперт-

ных учреждений, сотрудники которых обычно проходят специальную подготовку и являются достаточно сведущими в правовых вопросах. В то же время, как справедливо отмечает А.А. Леонтьев, психолингвистические экспертизы обычно проводятся не в экспертных учреждениях, а осуществляются отдельными крупными специалистами «за письменным столом»<sup>4</sup>, при этом исследования подобного рода до сих пор считаются нетрадиционными.

Подобное положение дел уже не соответствует ни объективной ситуации, ни запросам практики. Рост экстремистских выступлений и ксенофобии в стране вынудил власти и правоохранительные органы признать наличие острого неблагополучия в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Соответственно резко увеличилось и число обращений к ученым с просьбами о проведении анализа и оценки смысловой направленности материалов СМИ и публичных выступлений. В условиях крайнего дефицита специалистов возникла острая потребность в надлежащем научном обеспечении практики, расширении круга специалистов, способных проводить исследования подобного рода, их

обучении, координации, обмену опытом.

Представляется, что сейчас назрела острая необходимость в создании специализированных экспертных советов, как в Москве, так и на местах, способных привлекать квалифицированных специалистов для проведения психолингвистических экспертиз и научных консультаций. Формирование подобных научно-практических центров представляется оптимальным для решения целого ряда задач, к важнейшим из которых относится:

1. Унификация алгоритмов и критериев оценки материалов СМИ и публичных выступлений (как это уже сделано, например, применительно к экспертизе состояния аффекта). При этом свелся бы к минимуму дилетантизм и вкусовщина в оценках и суждениях специалистов, экспертные заключения отвечали бы требованиям научной обоснованности, достоверности и верифицируемости данных.

2. Обучение и лицензирование специалистов, проводящих экспертные исследования. В результате этих мероприятий должен производиться отсев некомпетентных и политически ангажированных лиц, будут сняты претензии к экспертам в небеспристрастности и субъективности выводов.

3. Привлечение при необходимости для проведения комплексных экспертиз и консультаций специалистов – религиоведов, историков, этнологов, искусствоведов, социологов и представителей других наук.

---

<sup>4</sup> Леонтьев А.А. Понятие экспертизы и место психолингвистической экспертизы в системе экспертиз // Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации. Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. – М.: Смысл, 2003. С. 19.



**Секераж Татьяна Николаевна,**  
заведующая лабораторией  
судебной психологической  
экспертизы РФЦСЭ при Минюсте  
России, кандидат юридических наук



**Сафуанов Фарит Суфиянович,**  
руководитель лаборатории судебной  
психологии Государственного  
научного центра социальной и  
судебной психиатрии  
им. В.П.Сербского, профессор,  
доктор психологических наук

## **ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ<sup>1</sup>**

Несмотря на многочисленные исследования в области теории комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), при её проведении судебные эксперты психиатры и психологи сталкиваются с множеством трудностей. Наиболее значимая из них заключается в том, каким образом осуществляется интеграция, и где проходят границы дифференциации психиатрических и психологических знаний в комплексном исследовании. Необходимо отметить, что еще во многих случаях заключения КСППЭ оформляются либо как «механическая» сумма исследований и выводов психиатра и психолога (каждый из которых подписывает только свои ответы на вопросы судебно-следственных

органов без должного учета выводов эксперта другой специальности), либо как «общее» исследование и «общие» выводы, без указания того, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт – психиатр и психолог. Вместе с тем общий, главный вывод, к которому невозможно прийти без комплексирования знаний и совместной оценки полученных результатов, нередко отсутствует.

Согласно ст. 201 УПК РФ, «судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной». Следует обратить внимание на отсутствие признака обязательного формулирования интегративного общего вывода экспертами, обладающими различными

<sup>1</sup> В основу статьи положен доклад, сделанный на XVI Всероссийском рабочем совещании по судебной психиатрии в рамках конференции «Повышение качества деятельности общепсихиатрической и судебно-психиатрической практик» (Сочи, 29-31 мая 2007 г.).

знаниями. Более того, подчеркнуто, что в заключении экспертов «указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам он пришел, и, соответственно, каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность».

В Гражданском процессуальном кодексе содержится более детализированное, по сравнению с УПК РФ, определение комплексной экспертизы: «назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания или с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания» (ст. 82 ГПК РФ).

В то же время в ГПК РФ содержится указание на необходимость формулирования общего вывода экспертами разных специальностей при проведении комплексной экспертизы.

Наиболее удачной представляется формулировка ст. 23 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ, допускающая и отдельные выводы экспертов разных специальностей, и их общие ответы на вопросы судебно-следственных органов.

В целом, процессуальный статус КСППЭ позволяет в заключении экспертов формулировать как интегративные (синтезирующие) выводы, так и выводы эксперта одной специальности. В первом случае, как указывается в Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.08.2003 № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе», формулируются выводы комплексного экспертного исследования, входящие в совместную компетенцию экспертов разных специальностей, а во втором – выводы, которые входят в компетенцию эксперта лишь одной специальности.

Еще в начале 60-х годов при обсуждении актуальных проблем комплексного применения специальных знаний были обозначены четыре формы проведения комплексной экспертизы:

– экспертизу проводит один эксперт, обладающий специальными познаниями в нескольких отраслях науки или техники;

– эксперт, представляющий одну отрасль знания, при составлении заключения использует выводы эксперта, представляющего другую отрасль знания;

– экспертизу проводит комиссия экспертов, обладающих одинаковыми познаниями в нескольких отраслях знания;

– экспертизу проводит комиссия экспертов, обладающих разными специальными познаниями, происходит «взаимное обогащение» экспертов специальными познаниями в ходе самой экспертизы, так что все они вправе подписать одно общее заключение.<sup>1</sup>

Единства понимания комплексной экспертизы в период ее становления достигнуто не было, нет его и сейчас. Продолжает существовать несколько подходов к пониманию комплексной экспертизы и ее практической организации, несколько различных форм реализации комплексного подхода, каждый из которых имеет свое, заслуживающее внимания, обоснование.

В рамках первого подхода имеются два полюса. На одном – мнение, что любое исследование (одновременное либо последовательное) одного и того же объекта разными судебными науками является комплексным<sup>2</sup>. На втором – представление, что в комплексной экспертизе эксперты совместно решают задачи на основе кооперации знаний из разных наук<sup>3</sup>. К этому же подходу принадлежит промежуточная позиция, согласно которой, комплексная экспертиза имеет место тогда, когда результаты предыдущего исследования используются при последующем<sup>4</sup>, либо когда между отдельными самостоятельными исследованиями существует логическая связь<sup>5</sup>. Согласно второму подходу, комплексная экспертиза определяется «необходимостью исследования *единого объекта*, невозможностью или затруднительностью проведения отдельных, самостоятельных экспертиз ввиду нерасчлененности объекта исследо-

<sup>1</sup> См. например, Петрухин, И.Л. Дискуссия о комплексной экспертизе //И.Л. Петрухин //Правоведение. -1962. - № 4. - С. 181 – 183.

<sup>2</sup> Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. – М., 1956, с. 26.

<sup>3</sup> Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. – Иркутск, 1976, с 72–73, 82–83.

<sup>4</sup> Научно-практический комментарий УПК РСФСР. М., 1970, с. 119.

<sup>5</sup> Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М., 1964, с. 146.

вания, возможного его повреждения в ходе исследований или утраты целостного представления об объекте»<sup>6</sup>. В рамках этого подхода определилась методика исследования, согласно которой а) каждый эксперт проводит исследование в пределах своей научной компетенции, б) в заключении отдельно описываются результаты в виде промежуточных выводов, в) все эксперты должны обладать специальными знаниями в общем, предмете исследования<sup>7</sup>. Третий подход заключается в представлении комплексной экспертизы как совокупности методов, взятых из пограничных (смежных) отраслей знания<sup>8</sup>.

Комплексный подход как исследовательская стратегия используется в науке и практике в двух формах — взаимопомощи и взаимообогащения и эффективно выполняет свою гносеологическую функцию только при наличии объединяющего начала, в качестве которого выступает цель исследования<sup>9</sup>. Первая форма имеет две разновидности: комплексно-кооперативное и комплексно-вспомогательное исследование, вторая одну — комплексно-интегративное, т.е. изучение пограничных проблем методами разных наук. Вероятно, только такое исследование отражает существо комплексной экспертизы. Именно межотраслевая интеграция позволяет решать наиболее сложные задачи. Эти особенности и порождают методологические, процессуальные и методические трудности<sup>10</sup>.

Специфика комплексной экспертизы заключается в том, что, во-первых, методы ряда наук применяются в пределах одной методики; а во-вторых, специалисты различных наук принимают участие в оценке результатов исследования, в формулировании общих

выводов. При этом, как отмечал Б.М. Кедров, «комплексность в научном познании – это не простое сложение методов различных наук вместе, не простое следование синтеза за анализом, а слияние наук воедино при изучении общего для них объекта»<sup>11</sup>. В процессе развития комплексных исследований происходит формирование и развитие междисциплинарных (диффузных по Кедрову Б.М.) знаний, владение которыми и позволяет эксперту (экспертам) осмысленно использовать данные, полученные экспертом другой специальности и формулировать конечный вывод.

Учитывая гносеологическую равнозначность понятий «комплексная экспертиза», «комплекс экспертиз», «комплекс исследований в рамках одной экспертизы», допускаются все три формы комплексирования при производстве судебной экспертизы<sup>12</sup>.

При производстве КСППЭ возможны четыре варианта интеграции судебно-психологических и судебно-психиатрических знаний<sup>13</sup>.

**1. Отсутствие интегративных ответов.** Каждый из вопросов, поставленных перед экспертами, входит в компетенцию судебного эксперта только одной специальности. Типичным примером может служить решение экспертов-психиатров об отсутствии у обвиняемого в момент совершения правонарушения психического расстройства и способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, а эксперта-психолога – о наличии у подэкспертного состояния аффекта.

**2. Последовательное комплексирование.** Ответить на вопросы, поставленные перед психологом, невозможно без ссылки на диагностически-экспертное решение психиатра. Наиболее показательным примером такого последовательного комплексирования психологических и психиатрических знаний является ответ на вопросы, имеющие значение для судебной квалификации ч. 3 ст. 20 УК РФ. Установление не связанного с психическим заболеванием отставания в психическом развитии требует обязательного уче-

<sup>6</sup> См.: Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе, ч. III. – М., 1968, с. 59.

<sup>7</sup> См.: Орлов Ю.К. Процессуальные проблемы комплексной экспертизы // Актуальные вопросы теории судебной экспертизы. Сборник научных трудов. № 21 Изд-во ВНИИСЭ – М., 1976. – С. 82-109.

<sup>8</sup> См.: Яковлев Я.М. Комплексная криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза при расследовании преступлений против жизни и здоровья. // В кн.: Проблемы судебной экспертизы. М., 1961, №5, с. 61; Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, с. 147; Рассейкин Д. П. Расследование преступлений против жизни. Саратов, 1965, с. 27 и др.

<sup>9</sup> См.: Корноухов В.Е. О методологии комплексных исследований в судебной практике /В. Е. Корноухов. //Правоведение. - 1981. - № 5. - С. 102 – 106.

<sup>10</sup> Корноухов В.Е. О методологии комплексных исследований в судебной экспертизе/В.Е. Корноухов.// Правоведение. - 1981. - № 5. - С. 102 – 106.

<sup>11</sup> Кедров Б.М.Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. – М., 1985. – С. 52.

<sup>12</sup> Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория. - М., 1997. – С. 294.

<sup>13</sup> Сафуанов Ф.С. Модели интегративного судебно-экспертного психолого-психиатрического заключения // Российский психиатрический журнал. - 2007. – № 1. – С.18-22.

та диагностического и экспертного решения судебно-психиатрического эксперта, такое отставание может быть определено в рамках однородной судебно-психологической экспертизы только в том случае, когда психологической экспертизе предшествовала судебно-психиатрическая.

**3. Последовательно-параллельное комплексирование.** При данном варианте применение познаний в психологии и психиатрии объединено юридическим критерием. Так, при КСППЭ свидетелей нарушение способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, или давать о них показания, может быть обусловлено фактором психического расстройства (его установление относится к компетенции психиатра) или психологическими факторами: особым эмоциональным состоянием, непатологическими особенностями познавательных процессов, уровнем возрастного психического развития (находящимися в компетенции психолога). Это относится также и к способности понимать характер и значение действий сексуального насильника или оказывать сопротивление, нарушению этих способностей и их причинам при КСППЭ потерпевших.

**4. Параллельное комплексирование.** В наиболее явном виде такой вид комплексного использования психиатрических и психологических знаний применяется при оценке ограниченной способности обвиняемого к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости (что имеет значение для применения ч. 1 ст. 22 УК РФ) и его общественной опасности (что является основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, сопряженного с исполнением наказания, в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ).

Два последних варианта комплексирования применяемых знаний и методов и их оценки являются наиболее сложными и отражают сущность *комплексной* экспертизы, требуют от экспертов обеих специальностей высокого профессионализма при решении общей экспертной задачи. Учитывая сложность задач и то, что в формулировании общих выводов (ответов на поставленные вопросы) могут принимать участие не все эксперты, а только компетентные в общем предмете ис-

следования<sup>14</sup>, в контексте анализа качества заключений судебно-психиатрических экспертов профессор Ткаченко А.А. выступил с инициативой предоставления права участия в формулировании общих выводов только тем специалистам (психиатрам), которые обладают достаточной компетентностью (имеют необходимые психологические знания), и в этих целях – повышения квалификации экспертов-психиатров в данном направлении<sup>15</sup>. То же самое можно сказать и о подготовке экспертов-психологов, особенно не имеющих специальности «клинический психолог», необходимости повышения квалификации в этой сфере для психологов, работающих в СЭУ Минюста России.

Однако существующие теоретические модели не всегда правильно реализуются в практической сфере. Даже при проведении КСППЭ в рамках одного судебно-психиатрического экспертного учреждения (СПЭУ) мы видим недостаточное применение этих моделей как при проведении исследования, так и при описании его хода и результатов в заключении.

Эта проблема усугубляется в условиях межведомственного взаимодействия, когда производство КСППЭ поручается двум или более судебно-экспертным учреждениям (СЭУ). Более того, адекватная реализация теоретических моделей часто оказывается невозможной из-за нерешенности практических проблем интеграции психологических и психиатрических знаний при межведомственном взаимодействии в ходе комплексного экспертного исследования. Эти проблемы касаются в первую очередь вопросов организации производства КСППЭ (назначение ведущего судебно-экспертного учреждения, формирование комиссии экспертов, сроки проведения КСППЭ) и оформления заключения комиссии экспертов.

В РФЦСЭ при Минюсте России было проведено обобщение практики производства межведомственных КСППЭ за все время

<sup>14</sup> Такая возможность не противоречит закону (Орлова В.Ф., 2004, с. 62).

<sup>15</sup> Ткаченко А.А. Качество заключений судебно-психиатрического эксперта (по результатам анализа судебно-психиатрической практики субъектов РФ)/ Доклад на XVI Всероссийском рабочем совещании по судебной психиатрии в рамках конференции «Повышение качества деятельности общепсихиатрической и судебно-психиатрической практик» (Сочи, 31 мая 2007 г.).

Таблица. Практика межведомственных КСППЭ в СЭУ Минюста России

	СЭУ	до 2003 г.	2004	2005	2006
1.	Владимирская ЛСЭ	7	4	4	1
2.	Забайкальская ЛСЭ	9	7	6	4
3.	Калининградская ЛСЭ	5	11		1
4.	Краснодарская ЛСЭ		1	1	1
5.	Курская ЛСЭ	5			
6.	Мордовская ЛСЭ	1			
7.	Приморская ЛСЭ	129			
8.	Тамбовская ЛСЭ	1	5		
9.	Читинская ЛСЭ		2	16	14
10.	Чувашская ЛСЭ				
11.	Южный РЦСЭ	>500	80	50	53
	<b>Итого</b>	<b>&gt;657</b>	<b>100</b>	<b>77</b>	<b>74</b>

производства СПЭ в СЭУ Минюста России (в том числе до официального внедрения экспертной специальности в 2003 году)<sup>16</sup>. В таблице представлены данные об опыте взаимодействия судебных экспертов Минздравсоцразвития и Минюста за последние 3 года и суммарные данные до 2003 года. Видно, что количество совместных экспертиз достаточно велико, но в разных региональных СЭУ их число существенно различается. В Южном РЦСЭ (Ростов-на-Дону) и отчасти в Читинской ЛСЭ практику межведомственного проведения КСППЭ можно считать уже сложившейся. В Приморской ЛСЭ (Владивосток), напротив, существовавшая практика производства таких экспертиз в настоящее время прекратилась. В других регионах комплексные судебные межведомственные экспертизы проводятся от случая к случаю.

Обобщение практики межведомственных КСППЭ позволило выделить следующие основные варианты межведомственного взаимодействия:

1) судебно-психиатрические эксперты СПЭУ Минздравсоцразвития + эксперты-психологи СЭУ Минюста<sup>17</sup>;

2) судебно-психиатрические эксперты и медицинские психологи-эксперты СПЭУ Минздравсоцразвития + эксперты-психологи СЭУ Минюста;

3) судебно-психиатрические эксперты и медицинские психологи-эксперты СПЭУ Минздравсоцразвития + психиатры других (государственных и негосударственных) учреждений + в ряде случаев эксперты-психологи СЭУ Минюста;

4) эксперты-психологи СЭУ Минюста + психиатры неэкспертных государственных учреждений.

Последний вариант противоречит ч. 5 ст. 11 ФЗ о ГСЭД, где указано, что судебно-психиатрическая экспертиза не может производиться в учреждениях, не относящихся к ведению федерального органа исполнительной власти в области здравоохранения.

Факторы, определяющие возможность и необходимость межведомственного производства комплексных экспертиз, можно разделить на объективные и субъективные. К объективным относится, прежде всего, ситуация, связанная с отсутствием в определенном судебно-экспертном учреждении эксперта конкретной специальности для выполнения экспертного задания. Это может быть связано с фактическим отсутствием такого эксперта в штате СЭУ, его болезнью или пребыванием в отпуске, с отводом эксперта, а при повторных экспертизах – с тем обстоятельством, что данный эксперт уже принимал участие в первичной экспертизе. Субъективные факторы определяются сложившимся в определенном регионе взаимодействием

<sup>16</sup> Например, в ЮРЦСЭ психологическая экспертиза производится с 1980 года, а до 2003 года производство СПЭ осуществлялось в 15 СЭУ Минюста России.

<sup>17</sup> Такой вариант имеет место в тех случаях, когда 1) в СПЭУ отсутствует эксперт конкретной специальности либо не обладает достаточной компетентностью для решения сложных вопросов комплексной экспертизы – к примеру, по гражданским делам; 2) сроки производства КСППЭ в СПЭУ значительно превышают сроки производства судебно-психиатрической экспертизы.

судебно-экспертных учреждений Минздравсоцразвития и Минюста и отношением к этому судебно-следственным органам, назначающих экспертизу.

Порядок производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях установлен нормами УПК РФ, ГПК РФ и ФЗ о ГСЭД. Руководитель СЭУ, получив постановление (определение) о назначении экспертизы, поручает ее производство конкретным экспертам из числа своих сотрудников. Существует *специальный* порядок производства судебной экспертизы в экспертном учреждении. Если применяется специальная норма, то не применяется общая (право выбора следователем или судом конкретных экспертов)<sup>18</sup>.

Щукиной Е.Я. и Шишковым С.Н. была обоснована позиция, согласно которой, в том случае, когда экспертиза поручается определенному судебно-экспертному учреждению (т.е. в специальном порядке), руководитель данного учреждения не обязан выполнять указание органа или лица, назначившего экспертизу, о привлечении конкретных экспертов из других, чаще всего неэкспертных учреждений<sup>19</sup>.

Справедливо ли данное положение в отношении поручения производства судебной экспертизы нескольким государственным судебно-экспертным учреждениям?

Назначение КСППЭ в нескольких СЭУ реализует специальный порядок производства судебной экспертизы и является обязательным для руководителей этих учреждений. При этом руководитель СЭУ имеет право: 1) ходатайствовать о включении в состав комиссии лиц, не работающих в данном СЭУ, при отсутствии в учреждении лиц, обладающих специальными знаниями для дачи заключения, 2) организовывать производство судебной экспертизы с участием других учреждений, указанных в постановлении или определении о назначении КСППЭ.

Вышеуказанные нормы известны, но они настолько общие, что не раскрывают всех возможных проблем, возникающих при организации КСППЭ с участием разных СЭУ. В ре-

зультате возникают многочисленные ошибки, среди которых типичными, достаточно часто повторяющимися являются: отсутствие ведущего учреждения; дублирующие друг друга обследования подэкспертного последовательно во всех учреждениях, участвующих в КСППЭ, и, как следствие, дублирование составных частей заключения – анамнеза, клинико-психологической беседы, описания психического состояния.

Как избежать подобных ошибок?

На сегодняшний день технология взаимодействия различных, в том числе относящихся к разным ведомствам, судебно-экспертных учреждений регламентирована недостаточно. Упоминание о возможности производства экспертизы разными учреждениями содержится в ст. 15 ФЗ о ГСЭД. Действует Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР, которая в 1986 году была утверждена различными ведомствами (Минюстом, Генпрокуратурой, МВД, Минздравом). В настоящее время в рамках ФМКМС по судебной экспертизе и экспертным исследованиям ведется обсуждение проекта Инструкции об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации (далее – Инструкция).

Исходя из основных положений Инструкции и учитывая сложившуюся практику производства межведомственных КСППЭ, следует обратить внимание на ряд организационных особенностей.

Если производство КСППЭ поручается нескольким СЭУ, в постановлении (определении) должно указываться, какое из них является ведущим. Если это не указано, ведущее учреждение определяется руководителями СЭУ, по согласованию, с учетом объема и задач исследования. Вероятно, по умолчанию ведущим может считаться учреждение, указанное в постановлении (определении) первым либо учреждение, в чей адрес поступили материалы дела.

Постановление (определение) о назначении КСППЭ направляется в каждое из СЭУ, которым поручается её производство. При этом комиссия экспертов формируется руководителем ведущего учреждения совместно с руководителями СЭУ, участвующих в производстве экспертизы. Руководитель ведущего учреждения назначает эксперта-организа-

<sup>18</sup> Орлов Ю.К. Спорные вопросы судебной экспертизы // Российская юстиция. – 1995. – № 1. – С. 13.

<sup>19</sup> Щукина Е.Я., Шишков С.Н. Правовые основы и фактические возможности государственной и негосударственной судебно-психиатрической экспертизы // Российский психиатрический журнал. – 2005. – № 1. – С.33-37.



тора. В случае если ведущим является СПЭУ Минздравсоцразвития, эти функции выполняет врач-докладчик. В случае участия в КСППЭ психологов различных ведомств представляется целесообразным наличие эксперта-организатора по каждой специальности.

КСППЭ регистрируется в каждом СЭУ, т.е. имеет несколько регистрационных номеров. Заключение комиссии экспертов или сообщение о невозможности дать заключение оформляется *ведущим* учреждением (на бланках и по учётной форме, используемой в этом учреждении). Все СЭУ и лица, осуществлявшие производство КСППЭ, должны быть указаны во вводной части заключения (реквизиты всех учреждений на титульном листе заключения не требуются, нарушают форму документа). При этом ход и результаты психологического исследования должны приводиться полностью, не подвергаясь сокращениям только на усмотрение исполнителя текста без ведома составившего эту часть заключения эксперта.

Общий срок производства КСППЭ устанавливается по согласованию между руководителями СЭУ. Этот пункт вызывает определенные проблемы, поскольку в ведомственных нормативных документах по этому вопросу имеются различия. В системе Минюста – согласно Методическим рекомендациям по производству экспертиз в государственных СЭУ – определен 30-дневный срок производства экспертизы, который может быть продлен по уведомлению руководителем СЭУ органа или лица, назначившего экспер-

тизу. В системе Минздрава, согласно ст. 30 ФЗ о ГСЭД и Приказу от 12.08.2003 г. № 401, срок пребывания подэкспертного лица в медицинском стационаре составляет 30 дней и может быть продлен 2 раза по 30 дней только постановлением суда. Срок производства экспертизы, таким образом, должен определяться в соответствии с теми нормативными документами, которые регламентируют его более жестко.

Заключение КСППЭ заверяется печатью ведущего учреждения (а не печатями всех учреждений, как нередко встречается на практике). Заключения изготавливаются в количестве экземпляров, достаточном для направления лицу (органу), назначившему экспертизу, и каждому СЭУ, принимавшему участие в производстве экспертизы.

Приложения к заключению являются его составной частью, подписываются составившими их экспертами и заверяются печатью того учреждения, где они были подготовлены.

Все документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований (т.е. история болезни, протоколы экспериментально-психологического исследования, данные лабораторных исследований и пр.), хранятся в том учреждении, в котором они производились.

Надеемся, что приведенный анализ проблем межведомственного взаимодействия при производстве комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз будет способствовать повышению эффективности дальнейшей совместной работы.



**Онищенко Ольга Романовна,**  
доцент кафедры уголовного права и процесса  
Омского государственного университета  
им. Ф.М. Достоевского,  
кандидат психологических наук

## **КРИМИНАЛЬНОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ ПРИ МОШЕННИЧЕСТВЕ**

---

Количество преступлений против собственности в Российской Федерации неуклонно растет. Несмотря на то, что мошенничество составляет незначительную долю всех регистрируемых в Российской Федерации преступлений, его динамика крайне неблагоприятна: за 10 лет количество этих преступлений, по данным официальной статистики, увеличилось почти в 6 раз. Вместе с тем, необходимо учитывать и высокую естественную латентность мошенничества, которая, в большей степени, обусловлена нежеланием потерпевших предавать гласности свои поступки.

Под манипулированием в общем прочтении понимается вид психологического воздействия, направленный на неявное побуждение другого лица к совершению определенных манипулятором действий. Среди корыстных преступлений, имеющих возможность манипулятивного воздействия на личность, мы выделяем мошенничество, способами совершения которого являются обман и злоупотребление доверием.

Криминальное манипулирование при мошенничестве включает в себя достаточно широкий арсенал средств, оказывающих психологическое воздействие на жертву. Процесс как обыденного, так и криминального манипулирования, может быть относительно простым, «одноактным», с использованием

одного или нескольких способов манипулятивного воздействия. Или, как представлено в финансовых пирамидах, манипулирование может быть растянутым во времени, структурно достаточно сложным, включающим систему разнообразных приемов манипулятивного воздействия, действие которых направлено на различные психологические структуры личности.

Процесс рассматриваемого воздействия чаще осуществляется непосредственно манипулятором. Однако последний может выступать инициатором и организатором сложной психологической манипуляции, использующим для достижения собственных целей третьих лиц, которые не догадываются о своей роли в цепочке.

Исследовать всю обширную группу методов криминального манипулирования при мошенничестве не представляется возможным. Акцентируем внимание на методах, приемах и средствах, которые появились в арсенале преступного мира сравнительно недавно и для профилактики которых обязательны познания в психологии.

Проведенный анализ уголовных дел по ст. 159 УК РФ дает возможность выделить две основные группы методов и приемов криминального манипулирования. Основанием для дифференциации данных групп служит спо-

соб совершения мошенничества. К первой группе отнесем традиционные, классические приемы общеуголовного мошенничества, основанные на обмане и злоупотреблении доверием, которые связаны с контактом и взаимодействием «мошенник-жертва». Чаще подобное взаимодействие осуществляется между одним преступником и одним потерпевшим. Вторая группа представлена приемами, характерными для мошенничества с применением методов и приемов современных психотехнологий. Здесь взаимодействие строится между группой мошенников и одним потерпевшим или группой потерпевших.

Необходимо отметить, что приемы, принадлежащие к обеим группам мошеннических посягательств, взаимосвязаны и переплетены между собою. В некоторых случаях мошенник спонтанно на основе коммуникативного опыта может использовать приемы воздействия, описанные в научной литературе, именуемые, например, трансовыми состояниями, перегрузкой сенсорных каналов и др. Представители же второй группы с легкостью эксплуатируют то, что накопил криминальный мир за столетия, и что почти всегда автоматически срабатывает при обмане жертвы.

Перейдем к более подробному рассмотрению указанных методов, приемов и средств криминального манипулирования. Необходимо отметить, что в конкретном коммуникативном процессе, каким является манипуляция при мошенничестве, используется, как правило, сочетание нескольких методов с применением различных приемов. Манипулятор по наитию, на основе своего коммуникативного багажа или целенаправленно применяет те или иные методы, ставшие его индивидуальным «почерком».

Как иные коммуникативные акты, манипулирование при мошенничестве состоит из нескольких этапов. Мы выделим три основных:

1. Установление психологического контакта с использованием самопрезентации, через элементарные навыки и приемы эффективной коммуникации, первоначальную ориентацию на потенциальную уязвимость жертвы; формирование иллюзии авторитетности собственной личности и т.д.;

2. Инициирование ситуации в соответствии с целями и задачами преступного замысла (обман, дезинформирование, ретуширование действительности в нужном мошен-

нику направлении; эксплуатация психических автоматизмов и др.);

3. Воздействие на процесс принятия решения (форсирование темпа, создание искусственного дефицита времени).

Рассмотрим указанные этапы, иллюстрируя методы и приемы, посредством которых они реализуются в мошеннической деятельности.

На начальном этапе **элементарные навыки и приемы эффективной коммуникации и самопрезентации** могут в исполнении мошенника служить основой для последующего воздействия на жертву. Гибкость, мастерство воздействия, подстройка к актуальному эмоциональному состоянию являются мостиком к реализации преступного замысла. На этом этапе мошенник определяет потенциальную уязвимость жертвы (ее социальный статус, эмоциональное состояние и т.д.).

Неманипулятивные приемы, направленные на формирование *межличностной аттракции*, т.е. процесс формирования предпочтения одних людей другими, взаимной симпатии, внутренние его факторы (физическая привлекательность партнера по общению, определенный стиль общения, фактор сходства между партнерами, выражение личного заинтересованного отношения к партнеру в процессе общения)<sup>1</sup> становятся в исполнении мошенника целенаправленными приемами скрытого психологического воздействия на жертву.

**Использование силы авторитета** широко применяется при манипулировании как общественным сознанием, так и на межличностном уровне взаимодействия мошенник – жертва.

Влияние авторитета достаточно глубоко исследуется в социальной психологии. Классическими признаны эксперименты С. Милгрэма, посвященные повиновению авторитету, дискуссия вокруг которых не утихает до сих пор. Основной вывод, который сделал С. Милграм при интерпретации полученных данных, заключается в том, что «нормальных» людей можно побудить к выполнению деструктивных актов, если использовать давление со стороны легитимного авторитета, или, как высказался сам автор, выявилась «чрез-

<sup>1</sup> См.: Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб., 2001 С. 199-200.

вычайно сильно выраженная готовность нормальных взрослых людей идти неизвестно как далеко, следуя указаниям авторитета»<sup>2</sup>.

Анализируя итоги экспериментов С.Милграма, Л.Росс и Р.Ниссбет указывают на то, что их результаты «представляют собой напоминание о способности отдельных, сравнительно тонких и малозаметных ситуационных сил пересиливать благие диспозиции людей»<sup>3</sup>.

Ситуация, в которую были поставлены участники вышеуказанных экспериментов не идентична ситуации манипулирования при мошенничестве, однако в некоторых случаях слепое ситуационное повиновение силе авторитета делает жертву наиболее податливой и уязвимой.

Говоря о силе авторитета и подчинении, Р. Чалдини указывает на следующие факторы формирования видимости авторитетной личности<sup>4</sup>: титулы, одежда, атрибуты<sup>5</sup>.

Титулы достаточно часто входят в «арсенал» мошенника. Например, преступники используют высшие офицерские звания, документы, награды, представляются медицинскими работниками, сотрудниками социальных служб и др. Вторым компонентом характеристики видимого авторитета, который может заставить автоматически подчиняться, является одежда, в частности, форменная, профессиональная (например, медицинская) и строгая деловая.

Изложенные компоненты формирования авторитета (титулы, одежда, атрибуты) активно эксплуатируются мошенниками при манипулятивном воздействии на жертву.

За последнее время участились случаи, когда мошенники под видом оказания помощи пенсионерам и инвалидам, представляясь социальными или медицинскими работниками, похищают обманом у них материальные ценности. В подавляющем большинстве подобные преступления совершаются женщинами. Преступницы, со слов потерпевших, располагают к общению и не вызывают

подозрений. Приемы обмана в таких случаях достаточно типичны, однообразны и не требуют особой «изобретательности», строятся на излишней доверчивости жертв.

Помимо демонстрации характеристик личного мнимого авторитета и титулов, мошенники через организационные методы (подбор помещения и др.) формируют у потенциальной жертвы видимость законности своей деятельности.

Продолжая реализацию преступного замысла и переходя к следующему этапу, мошенник прибегает к **эксплуатации психических автоматизмов**. Данный метод психологического воздействия широко применяется как при классических способах общеуголовного мошенничества, так и при высокотехнологичных с точки зрения психологии, в частности в финансовых пирамидах по типу закрытых бизнес-клубов. Психический автоматизм – это структурно-динамическое образование психики человека, актуализация которого с высокой вероятностью приводит к стандартному результату, будь то мотивационное напряжение или какое-либо действие. Эксплуатация психических автоматизмов – важный элемент манипулятивного воздействия, принадлежащий к внешней структуре манипуляции.

Как образно отмечает Е.Л. Доценко, «психические автоматизмы выступают в роли передаточных рычагов, благодаря которым энергия желания (воздействия) манипулятора превращается в энергию стремления (или действия) адресата»<sup>6</sup>.

В таком случае используется мотивационное напряжение (стремление к успеху, деньгам, славе и т.д.) «Струнами души» может оказаться любой значимый мотив. Играя подобным на различных интересах и потребностях адресата и одновременно на его опасениях, несвободе, мошенник-манипулятор может довольно длительное время удерживать жертву в пределах своего воздействия.

Мошенники чаще используют элементарное желание и стремление жертв к быстрому материальному обогащению при минимуме затрат, жадность. Следовательно, в мошеннической деятельности одновременно встречаются корыстные мотивы как со стороны преступника так и со стороны потерпевшего, только с одной большой разницей

<sup>2</sup> Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000. С. 150.

<sup>3</sup> Росс Л., Ниссбет Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 2000. С. 118.

<sup>4</sup> Нас в большей степени интересует здесь аспект внешней видимости «авторитетной личности», используемых преступниками, а не истинные характеристики слагаемых авторитета.

<sup>5</sup> Чалдини Р. Психология влияния. СПб., 1999. С.203-209.

<sup>6</sup> См.: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М., 2000. С. 150.

– мошенник, манипулируя, формирует мотивационное напряжение жертвы, усиливает его. Таким образом, оправданное желание минимизировать затраты при оплате услуг, товаров и др. актуализируется мошенником и потерпевший вовлекается в его преступный замысел.

Мошеннический обман реализуется прежде всего через **манипулирование содержанием предоставляемой информации**. Преступник предлагает жертве несуществующий товар, или под видом одной продукции реализует другую и т.д. (способов подобной дезинформации несчетное количество). Манипулятор утаивает значимую информацию, может преподносить ее в пугающей, сенсационной форме или содержательно перегруженной. Также может использоваться мультипликативность (дробление) информации, ее избыточность. При преподнесении чаще всего применяется высокий темп. В некоторых случаях применяется изолирование жертвы от иной информации.

Иногда мошенническая манипуляция предполагает **воздействие на фоновое состояние**. Среди исследуемых уголовных дел по ст. 159 УК РФ выделяется группа мошеннических посягательств, где потерпевшие указывали на наличие так называемого «цыганского гипноза», однако прямых доказательств того, что жертвы в момент совершения преступления находились именно в гипнотическом состоянии не обнаружено, специальных экспертных исследований не проводилось. Схемы поведения мошенниц в таком случае однотипны, алгоритм совершения преступления, несмотря на географический разброс, почти всегда совпадает. Проиллюстрируем двумя наиболее распространенными вариантами.

*9 февраля 2006 г. потерпевшая Г. по дороге в школу встретила К., которая попросила указать расположение улиц. После объяснения К. предложила Г. погадать по руке. Какую информацию сообщала К., потерпевшая не помнит, поскольку речь была быстрой, слова трудно различимы. Чтобы гадание сбылось, К. сообщила, что нужно передать ей имеющиеся золотые изделия, что и сделала потерпевшая<sup>7</sup>.*

*Или, в апреле 2006 г. М. в торговом павильоне познакомилась с К. и Н. Под пред-*

*логом поиска поликлиники прошла вместе с ними до ближайшего здания, где сообщила, что на К. и Н. наложены «порча» и «проклять», и она поможет им излечиться. Для «лечения» необходимы золотые изделия, которые она «заговорит». Взяв золотые изделия К., М. поместила их в бумажный сверток, над которым стала якобы читать молитву. Затем попросила Н. сходить домой и принести яйцо. После ее ухода, она проделала аналогичные действия с К., предложив отдать золотые изделия, но не удалиться домой, а обойти вокруг здания. В результате М. похитила золотые изделия на общую сумму 8 300 рублей<sup>8</sup>.*

Примеров, подобных вышеизложенным, достаточно в любом регионе Российской Федерации, однако объяснить податливость потерпевших пытаются в основном либо представители средств массовой информации, либо авторы популярно-публицистических изданий, посвященных гипнозу<sup>9</sup>. Необходимо отметить, что рассматриваемые преступления интернациональны и совершаются не только гражданами определенной национальности. Мошенницы могут представляться лицами, нуждающимися в медицинской или иной помощи, обращаться с просьбой объяснить расположение улиц или социальных объектов. Их внешние характеристики могут быть усредненными, не отличимыми от большинства окружающих. Для вступления в контакт преступницы, как правило, используют элементы активации страха, технику рассредоточения внимания и перегрузку сенсорных каналов, которые являются подготовительным этапом для введения в трансное состояние. Однако о наличии или отсутствии трансного или глубокого гипнотического состояния утверждать однозначно не представляется возможным, так как судебно-психологических или комплексных судебно-психолого-психиатрических экспертиз по указанным уголовным делам не проводилось, а потерпевшие в силу срабатывания механизмов психической защиты объясняют случившееся исключительно силой оказанного психологического воздействия и ловкого манипулирования их поведением.

Заключительный этап мошеннической деятельности также включает в себя ряд ма-

<sup>7</sup> Архив Ленинского районного суда г. Омска за 2006 г.

<sup>8</sup> Архив Ленинского районного суда г. Омска за 2006 г.

<sup>9</sup> См., напр.: Кандыба В. Криминальный гипноз. СПб., 1999. С. 424-426.

нипулятивных приемов, среди них особая роль принадлежит **созданию искусственно-го дефицита времени при принятии решения**. Преступник, обращаясь к жертве, требует оплатить несуществующую услугу или товар в кратчайший срок или в искусственно смоделированной ситуации происходит включение участника преступной группы, который имитирует стремление опередить жертву в приобретении чего-либо (будь то выигрыш в лотерее или несуществующий товар). В финансовых пирамидах по типу закрытых бизнес-клубов данный прием реализовался через требование организаторов внести денежную сумму до 01 часа ночи следующих суток после семинара-презентации, инициировалось последующее сопровождение жертвы до понимания ею произошедшего.

Ярким примером применения комплекса указанных выше манипулятивных методов и приемов при воздействии на жертву является деятельность организаторов беспроигрышных лотерей (так называемых «лохотронов»). Данные преступления констатируются в большинстве регионов Российской Федерации. Имея местную специфику, их сценарий идентичен, независимо от географического расположения. Несмотря на информирование населения через телевидение, радио, печатные издания подобные преступления продолжают иметь место как в крупных мегаполисах, так и в иных населенных пунктах. Проиллюстрируем сказанное примером из судебной практики Омской области. *Группой лиц был детально отработан способ обман, реализовавшийся по следующему типовому сценарию. Ежедневно, в утреннее время члены группы собирались в заранее определенных местах Торгового города распределяли роли и уточняли детали. Затем в течение «рабочего времени», с 8 до 16 часов, «затягивающие» (используя навыки по отбору граждан), представляясь работниками разных фирм, предлагали участие в розыгрыше призов. При этом гражданам бесплатно вручали приобретенную в киоске «Роспечати» билеты любой лотереи и убеждали, что их можно проверить у другого сотрудника, т.е. члена преступной группы, который исполнял роль «ведущего» (чаще «ведущие» - лица женского пола). «Ведущая», сравнив предъявленный билет с имеющимися таблицами, сообщала о том, что у гражданина выпал выигрышный сектор, и он претендует на любой из призов*

*(аудио-видеотехника.) В это время к ним подходил подставной игрок, который заранее был снабжен крупной денежной суммой. Кроме того жертву окружали другие участники преступной группы, имитирующие случайных прохожих (для убедительности – это были семейные пары, люди разного возраста и социального статуса). В дальнейшем в зависимости от ситуации и поведения жертвы процесс обмана проходил по трем основным сценариям, главной целью которых было вовлечь потерпевшего в азартное «соревнование» с подставным лицом, который изначально располагал более крупной денежной суммой.*

Большинство потерпевших указывали на то, с какой тщательностью мошенники продумывали детали – так подставные игроки всегда ссылались на имеющуюся в наличии небольшую сумму денежных средств, создавали образ «неискушенных сельских жителей», тем самым вселяли уверенность в выигрыше. Окружающие игровую точку иные подставные лица создавали ажиотаж, торопили игроков вносить ставки, подчеркивали преимущество граждан перед соперником (подставным игроком), возбуждая игровой азарт. После того как проигравший уходил, члены преступной группы наблюдали за ним. Одна из основных ролей в преступном замысле принадлежала «ведущей», которая в зависимости от ситуации изменяла план сценария, его направление. Все потерпевшие указывают на особенности речи «ведущей»: - «...она говорила очень убедительно, складно, но очень быстро, заученными словами и не давала возможности обдумать сказанное». Несмотря на утверждения подсудимых о том, что тексты рождались спонтанно, в материалах уголовного дела имеются рукописные тексты трех вариантов ведения игры, в которых использовано большинство известных приемов лингвистической манипуляции. При составлении данных текстов, по нашему мнению, требовались теоретические представления и практические навыки психологического воздействия посредством речи.<sup>10</sup>

Столь подробное изложение содержания уголовного дела направлено на демонстрацию применяемых мошенниками методов и приемов манипулирования поведением потерпевших, среди них - ориентация на

<sup>10</sup> Архив Куйбышевского районного суда г. Омска за 2001г.

потенциальную уязвимость жертвы (отбор), привлечение внимания, особое структурирование информации с высоким темпом ее подачи, имитация естественности ситуации, изолирование жертвы от альтернативной информации, невозможность вступать в контакт с иными лицами кроме членов преступной группы, многоступенчатое скрытое усиление азарта, ситуационное изменение мотивов и установок, последующее за обманом сопровождение жертвы.

Однако, перечень методов, приемов и средств криминального манипулирования не исчерпывается представленными, он пополняется благодаря растущей «изобретательности» мошенника. Следует отметить, что в арсенале мошеннической деятельности содержится большинство известных методов психологического воздействия, которые, имея скрытый характер влияния на личность потерпевшего, при умелом использовании становятся манипулятивно направленными. Изначально, не будучи социально неприемлемыми, подобные методы действуют против жертвы мошенничества.

Следует отметить, что за последнее десятилетие способы воздействия на жертву при мошенничестве дополнились элементами высокотехнологичных методов манипулирования, основанных на современных психотехнологиях (например, НЛП). Растет наукоемкость, с точки зрения психологии, методов и приемов, применяемых в криминальных целях.

Указанные методы активно использовались при вовлечении и удержании жертв финансовых пирамид, выстроенных по типу элитных «закрытых бизнес-клубов». По единой схеме такие преступления совершались в большинстве регионов России. Приведем названия некоторых из них – «Возрождение», «Астран», «Атлантида», «Спейз», «Эрайз», «Эталон», «Антарес», «Эверест».

Изучение уголовных дел позволило выделить в осуществлении манипулятивной деятельности организаторов финансовой пирамиды три основных этапа: 1. подготовительный период (отбор потенциальных вкладчиков, приглашение на семинар); 2. воздействие во время семинара-презентации, получение расписки и требуемого взноса (1900-2100\$ США); 3. привлечение вступившими новыми членами организации («обучение» вступившего манипулятивным приемам вовлечения

в организацию, досуговое сопровождение, имитация благотворительной деятельности и др.).

Проведенный анализ ряда уголовных дел указывает на повышение податливости воздействию и снижение критичности оценки ситуации со стороны потерпевших вследствие применения элементов психотехнологий. В отличие от традиционного манипулирования при общеуголовном мошенничестве в данных случаях процесс манипулирования представлен системой связанных и организационно подготовленных методов и приемов воздействия на жертву. В каждом конкретном случае комплекс мероприятий, предполагающих воздействие на личность, может быть различен, однако в основе психологического давления на потерпевшего лежат следующие приемы:

- манипулирование содержанием предоставляемой информации (скрытые лживые, внешне логичные формулировки целей организации, прибегание к авторитетам, количественным математическим аргументам и др.);

- манипулирование формой подачи информации (усиление эмоциональной вовлеченности достигается через вербальные приемы, например – лингвистическая манипуляция через настойчивую метафоричность, и через невербальное воздействие);

- манипулирование темпом предоставляемой информации (навязывание ускоренного темпа);

- эксплуатация фоновых состояний (на основе психофизиологических приемов, аудиоритмического воздействия, суггестивных лингвистических приемов, длительности мероприятий, повышающей усталость, внушаемость и т.д.);

- эксплуатация психических автоматизмов (воздействие на структурно-динамические образования, актуализация которых с высокой вероятностью приводит к стандартному результату, например, мотивационному напряжению – воздействию на стремление к славе, деньгам, власти);

- эксплуатация группового давления на личность (через механизмы заражения, подражания, внушения; стимулирование конформности, групповое давление при принятии решения и др.).

Включение подобных направленных манипулятивных методов, маскирующих ис-

тинные цели финансовой пирамиды, делает их тем более опасными и психологически деструктивными, чем более они эффективны в технологическом плане.

Таким образом, криминальное манипулирование при мошенничестве включает в себя достаточно широкий арсенал средств,

оказывающих психологическое воздействие на жертву. Их анализ с позиций психологии позволяет расширить понимание способов обмана и сформировать основу для разработки конкретных мер профилактики психического воздействия при совершении преступлений.





**Степанов Валентин Николаевич,**  
эксперт Ярославской ЛСЭ Минюста России,  
профессор кафедры массовой коммуникации  
НОУ ВПО «Международный университет  
бизнеса и новых технологий (институт)»,  
доктор филологических наук

## **ПРОВОКАТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТАХ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

*Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ  
для поддержки молодых российских ученых МД-2366.2007.6*

Возникновение и динамичность формирования новой области лингвистического знания – юрислингвистики – обусловлены рядом *экстралингвистических* факторов, к числу которых следует отнести активизацию макро- и микроэкономических процессов, рост и интенсификацию интернациональных контактов в разных областях общественной жизни России конца XX – начала XXI веков, строительство гражданского общества, интенсивное законодотворчество в открываемых заново сферах экономики, культуры и права России. Интерес к новой науке обусловлен в высокой степени общественным вызовом, перед лицом которого стоит человек, – это прежде всего личная ответственность (в том числе морально-этическая и юридическая) каждого за публично произносимые слова.

Молодая наука смело завоевывает информационное пространство современной культуры. Общественная практика вызвала к жизни новые профессиональные сообщества, к таковым следует отнести, например, гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам и ассоциацию экспертов-лингвистов и преподавателей «Лексис»; действуют веб-сайты общественных организаций [33; 34]; издаются одноименные тематические сборники [28; 29; 30], индивидуальные и коллективные публикации, прямо или косвенно связанные с новой предметной областью [8; 11; 14; 17; 25]. Примерная библиография по данной проблематике составила более семисот источников [33]. Все это свидетельствует об активно формирующейся научной традиции лингвистической экспертизы юридических документов и текстов СМИ. Лингвистов все чаще приглашают выступить в качестве третейских судей в сложных, порой запутанных судебных тяжбах, – вот примета нашего времени. С одной стороны, это указывает на то, что российское право находится на стадии институционализации и нуждается в «поддержке» со стороны исследователей современных культуры и языка. С другой – современные культура и язык сами трансформируются и требуют стандартизации и гармонизации накопленных знаний. Естественным представляется нам тот факт, что юрислингвистика сохраняет преемственность с другими предметными областями, к числу которых

относятся психолингвистика с ее интересом к вопросам порождения и восприятия речи, речевого воздействия, влияния аффекта на речевую способность человека; семиотика и рассматриваемые ею вопросы искажения информации; криминалистика, судебная психология, теория массовой коммуникации, социальная психология, социолингвистика, стилистика. Особое место среди междисциплинарных исследований, к которым примыкает юрислингвистика, занимает исследование *эмотивной* стороны речи и проявления парадоксов интенционального характера общения [2; 17; 19]. Мотивы, движущие поступками людей, подталкивающие их к конфликтам, ищут объяснения с точки зрения социальной, половой или национальной идентификации коммуникантов. Решение об идентификации интенционального состояния автора текста можно принимать только в результате комплексного анализа субъективно-психологических, социально-исторических, гендерных, этнокультурных, коммуникативных и не в последнюю очередь правовых факторов.

Питающей средой юрислингвистики стала *публичная сфера* (термин Макса Хоркхаймера как нельзя лучше отражает пафос диалектики просвещения и господства разума в представлении ученых Франкфуртской школы) как, во-первых, сфера рационального обсуждения проблем; во-вторых, сфера существования общественного мнения; и, в-третьих, идеальная модель демократического устройства общества. Исследования современного состояния публичной сферы позволили заметить, что отличительным признаком публичной коммуникации в конце XX – начале XXI века является преобладание *эмоционированной* аргументации над рациональной и, как следствие этого, целеустановка на формирование *мнения*, а не знания: «убеждение осуществляется преимущественно не логическими способами, а эмоционально-психологическими, с учётом особенностей собеседника и аудитории; при этом ставится задача не столько сформировать знание, сколько сформировать мнение» [23. С. 10]. Следовательно, нарушается баланс между двумя видами информации – предметно-логической (интеллектуальной, дескриптивной, объективной, концептуальной, фактуальной, не связанной с ситуацией и участниками общения) и прагматической (оценочной, субъективной) – в сторону последней [24]. Это с

очевидной закономерностью ведет к повышенному эмоциональному «фону» текстов, обращаясь в публичной сфере, к *эмоциогенности* публичной сферы в целом.

Попробуем сформулировать в первом приближении некоторые элементы методологии юрислингвистики. В качестве предметной сферы юрислингвистики мы предлагаем рассматривать *сферу публичного общения*, в рамках которой человек выступает в совокупности имеющихся у него социальных статусов (объект юрислингвистики). А *коммуникативные намерения говорящих и их речевое оформление в условиях реальных и потенциальных конфликтов*, которые возникают при функционировании языка в коммуникативном пространстве публичной сферы, в первую очередь в СМИ, и по необходимости связаны с разной интерпретацией речевых высказываний (конфликты интерпретации) мы предлагаем квалифицировать как *предмет юрислингвистики*. В теоретико-практическом плане к сфере вопросов, подпадающих под «юрисдикцию» данной отрасли языкознания, относятся вопросы защиты чести и достоинства (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений, неуважение к суду т.д.), толкование текстов закона, спорных документов (договоров), речевое хулиганство (брань, нецензурные выражения), разжигание межнациональной и религиозной розни, лингвокриминалистика (идентификация личности по языковым признакам, идентификация документов), речевое манипулирование (реклама, предвыборные технологии, «околомедицинские» практики), защита авторских прав, конституционное право на имя, конфликты, связанные с русским языком как государственным, конфликты межъязыкового перевода. Высокая эмоциогенность смежной области языка и права требует создания этических механизмов регулирования профессиональной деятельности в этой сфере. По-видимому, разработка *этической* стороны экспертной деятельности, создание кодекса профессиональной этики представляет собой насущную необходимость и позволит упорочить позиции зарождающейся науки.

Предлагаемые к апробации методы лингвистического исследования в целом не выходят за рамки традиционного представления об уровнях языковой системы: семантико-синтаксический и лингвостилистический анализ, логико-грамматический анализ,

семантико-синтаксический анализ, метод авторизации текста [25. С. 74]. Актуальные задачи, стоящие перед экспертами-лингвистами, оказываются шире устоявшихся представлений о границах предметной области традиционной лингвистики. На наш взгляд, необходимо пересмотреть систему лингвистических методов экспертного исследования и дополнить ее. В качестве дополнения мы считаем возможным уточнить состав предлагаемых методов и предложить еще два - методы *жанрового* и *интенционального* анализа высказывания.

Поликодовый характер личности и результатов ее текстовой деятельности позволяет рассматривать эффекты общения сквозь призму *жанров* – типизированных речевых отрезков в совокупности тематических, стилистических, языковых признаков, в форме которых проявляется *речевая воля* говорящего [1]. Случаи из практики автороведческой экспертизы демонстрируют высокую эффективность жанрового анализа текстов различных стилей (см. пример ниже в тексте статьи).

Отдельно в юрислингвистике стоит проблема *речевого воздействия* как предмета лингвистической экспертизы. Имеющиеся исследования позволяют с уверенностью утверждать комплексный характер подобных экспертиз и относительную разработанность методологии собственно лингвистического исследования.

Одним из таких способов является воздействие с целью *заразить* адресата собственным (реальным или искусно симитированным) психологическим состоянием адресанта. Речевую практику, которая позволяет посредством *демонстрации* и *символической локализации* внутреннего состояния *ретранслировать* психологическое состояние адресату и *вызвать* в нем аналогичное, мы предлагаем называть **провоцированием** [20; 21].

Комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, выражающее провокативное намерение адресанта *скорректировать* коммуникативную активность провоцируемого и *вызвать* в нём *демонстрируемое* провоцирующее *психологическое состояние*, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования, получило терминологическое наименование «провокативный дискурс».

Содержанием элементарных и комплексных провокативных речевых жанров является не прямое сообщение о внутреннем состоянии говорящего. Обмен информацией при таком общении имеет косвенный характер, вызывает сильнейший эмоциональный отклик у общающихся и обуславливает предсказуемость и программируемость эффекта речевого воздействия. Понятие провокативной цели необходимо, на наш взгляд, добавить и в классификацию, предложенную И. А. Стерниным [22], который описывает три цели общения: информационную («донести информацию до собеседника, получив подтверждение, что она получена»), предметную («что-либо получить, узнать, изменить в поведении собеседника»), коммуникативную («сформировать определённые отношения с собеседником») [22. С. 67].

Информационной целью провокативных жанров является донести сообщение в определённой жанровой форме, что должно обеспечить полное его узнавание со стороны собеседника и вызвать его ответную реакцию; предметной – изменить его психологическое состояние; коммуникативной – сохранить внешне отношения сотрудничества; провокативной – вызвать у собеседника аналогичное собственному внутреннее состояние – эмоциональное в первую очередь.

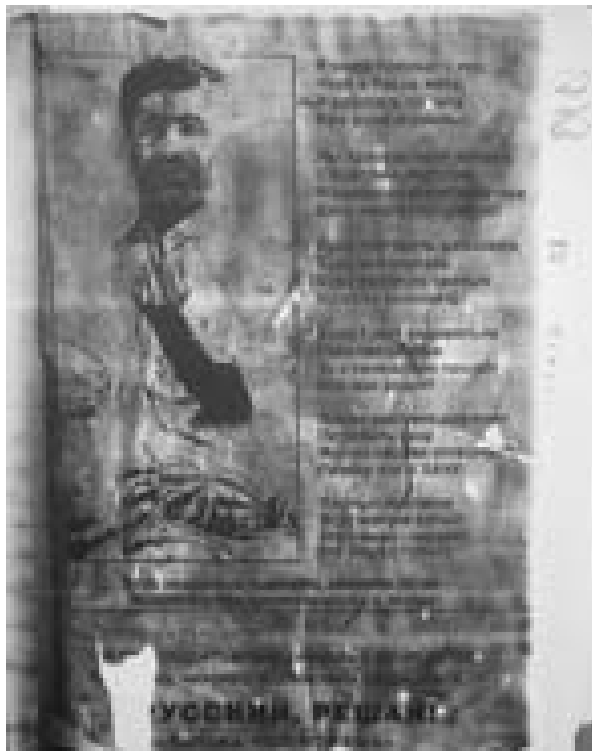
В качестве иллюстрации выдвигаемых положений использованы материалы одного из лингвистических исследований текста политической листовки. На разрешение экспертизы был поставлен один вопрос: содержат ли представленные на исследование объекты тексты, сведения, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?

Ответ на поставленный вопрос потребовал комплексного подхода к анализу уровней текста. «Акме» такого подхода стал анализ речевых форм, которому предшествовали 1) семиотический анализ кинестетических и проксемических знаков и фокуса съёмки на изображении, 2) литературоведческий анализ использованной художественной формы, 3) лингвистический анализ языковых явлений, 4) коммуникативный анализ ситуации, условий общения, участников, их мотивов и

целей, 5) интенциональный анализ психологического состояния автора текста, реконструируемый из анализа текстовых форм.

**Семиотический анализ.** Метод семиотического анализа предполагает изучение знаков невербального поведения человека, изображенных артефактов и композиции текста.

Лист, на котором располагался представленный на рассмотрение эксперта материал, условно можно разделить на три части – две вверху (справа и слева) и одна внизу.



В левой верхней части изображен человек нерусской национальности с характерными антропологическими признаками коренного населения южной этнокультурной зоны (Закавказье, Северный Кавказ, Предкавказье – [7. С. 79]): нос с горбинкой, близко к переносице посаженные глаза, сросшиеся на переносице брови, коротко стриженные волосы, небритые щеки и подбородок, усы. Человек изображен за прилавком с арбузами: торговцы из южной этнокультурной зоны - распространенное явление на рынках в России.

Пальцы руки человека на изображении сложены в характерный оскорбительный (обсценный) жест, который относится к группе модалных жестов-симптомов [12. С. 118]: все пальцы ладони, кроме среднего (который выпрямлен), сложены в кулак, рука вытянута вперед от локтя. Данный жест имеет фалли-

ческое значение, оскорбительный в сексуальном смысле характер, используется как оскорбление [32].

Фокус съемки создает впечатление, что человек на изображении смотрит на зрителя сверху-вниз, а зритель, соответственно, располагается снизу (поза зависимого положения) - это создает зрительный эффект доминирования изображаемого над зрителем, проявление силы и «связано с неосознаваемыми стереотипами восприятия силы или слабости, активности или пассивности, искренности или фальши» [4. С. 117]. Взгляд человека, его жест направлены на зрителя, адресуются ему.

Фокус изображения, таким образом, призван демонстрировать силу изображаемого человека нерусской национальности, оскорбительный жест представляет собой сексуальное оскорбление для зрителя – все это указывает на *оскорбительный* смысл изображения в целом по отношению к зрителю и переключается со смыслом текста в противоположной части листа.

**Литературоведческий анализ.** В стихотворной части текста, расположенной на листе справа, соблюдены основные принципы рифмы и ритма, свойственные стихотворной речи, выявлены нарушения русской орфографии.

В отношении рифмы (композиционно-звуковой повтор преимущественно в конце двух или нескольких стихов, чаще – начиная с последнего ударного слога в рифмуемых словах [6]) можно отметить ее соответствие законам стихосложения на русском языке: данная рифма является по слоговому объему мужской (ударение падает на последний слог, в отличие от так называемых женских рифм, в которых ударение на предпоследнем от конца слоге), по положению в стихе конечной (рифмуются звуки в словах в конце строки), по характеру звучания точной (рифмующиеся звуки совпадают полностью: *жить // кормить, сестрою / пристрою*), по месту в строфе перекрестной (рифмы повторяются через строку) [6; 9].

**Лингвистический анализ.** В отношении лингвистических признаков в тексте отмечается характерная для тюркских языков фонетическая особенность: высокая частота употребления фонемы «э» во всех позициях [10. С. 20]. Например, в следующих словах: *приехал, нэ хачу, мэня, сэшьей, взсь,*

*всэх, дэвшушек, мнэ, мэнтон, зарэзал, звезда.*

Данное фонетическое явление проявляется непоследовательно, о чем свидетельствует присутствие слов с отвечающим нормам русского языка написанием: *всей, сестрою, квартире, шавермой, будет, недовольна, сможет, мешал, неверных, вырежем, Кремлём, месяц.*

В тексте обнаружены и другие случаи непоследовательного употребления лингвистических явлений.

Так, непоследовательно используется принцип так называемого небного притяжения (уподобление звуков по степени подъема [10. С. 210]), когда гласные одного слова могут быть только небными или только ненебными [15. С. 127]: *зарэзал, купыл, убыл, звезда // прописку, мешал, неверных, вырежем, заживём, Кремлём, загорятся, кинжалами, квартире.*

Непоследовательно используется написание буквы «а» в предударном слоге в словах: *хачу, патаму // кормить, однокомнатной, торговать.*

Непоследовательно написание одной-двух согласных «с» в однокорневых словах *Росия, русский.*

В тексте встречается нарушение принятого в русском языке принципа грамматического согласования связанных по смыслу слов, например, по числу: *Мы* (множественное число) *приехал* (единственное число). Других значимых случаев грамматического рассогласования в тексте не обнаружено. Что, по мнению эксперта, указывает на искусственный характер выявленного аграмматизма, имитацию «неродного» русского языка.

**Коммуникативный анализ.** Персонаж, от имени которого ведется повествование, характеризует себя по происхождению (*приехал с гор*), признается в совершенных им негативно оцениваемых, с точки зрения принятых общественной морали и закона, поступках (*Я купыл прописку / Всэх мэнтон купыл / Кто мешал – зарэзал, / Кто мешал – убыл!*) и своих намерениях (*в России жить, работать нэ хачу, В однокомнатной квартире / Вэсь кишлак пристрою, Буду торговать шавермой / Буду все скупать / Буду русский свинью / Из дома выживать, Я всэх русских дэвшушек / Палюбить хачу, Всэх неверных вырежем, заживём тогда - /*), рассказывает об обстоятельствах своего приезда (*мы приехал всей сэмьей / С братом и сестрою*): *Я*

*сюда приехал с гор, Чтоб в России жить, Я работать нэ хачу - / Вам мэня кормить!//* Последнее высказывание в цитате свидетельствует о рассматриваемых им для адресата сообщения зависимой социальной позиции и предназначения кормить тех, кто не хочет работать, и усиливает эффект, возникающий при восприятии изображения в левой части материала. На негативный смысл высказывания указывает и дополнительное коммуникативное значение глагола в неопределенной форме (*кормить*), которое возникает обычно в приказе (тот, кто воспринимает себя в социальном или ситуативном отношении выше другого человека, считает себя в праве приказывать ему): сравните в командах «сидеть», «стоять», «лежать».

В следующем высказывании содержится угроза государственности русских, выраженная через образное соположение символа русской государственности (Кремль) и доминирующих над ним других религиозных и государственных символов (исламские символы месяца и звезды): *Всэх неверных вырежем, заживём тогда - / Загорятся над Кремлем месяц и звезда! //*

Отмеченные лингвистические признаки непоследовательного в орфографическом и грамматическом планах оформления текста позволяют предположить имитационный характер всего текста, в котором с помощью орфографических и грамматических неправомерностей симулируется речь человека, для кого русский язык представлен как неродной, на самом деле писавший имитирует ошибки с определенным умыслом: выставить квазисубъект высказывания в искаженном свете.

**Интенциональный анализ.** *Интенциональность* – это свойство ментальных состояний и событий, в силу которого они направлены на объекты и положения дел в мире. Под *интенциональным состоянием* понимаются такие ментальные состояния, как, например, полагание, желание, направленные на те или иные объекты и положения дел в мире. *Интенция* при таком понимании интенциональности является всего лишь одной из её форм.

**Жанровый анализ.** Жанровый анализ предполагает обращение к анализу речевого потока сквозь призму особой категории – речевого жанра, который мы предлагаем рассматривать как типическую формальную (текстовую) организацию речевой коммуникации в целом и ее единичных проявлений

– коммуникативных ситуаций. Речевой жанр – основная форма речевого общения и организации индивидуального сознания, более того, «речевое мышление имеет принципиально жанровую природу» [16. С. 41].

С помощью речевых жанров человек формирует (создаёт) и передаёт собственный жизненный опыт общения в данном языковом коллективе и воспринимает чужой опыт.

Речевые жанры можно подразделить на две категории по признаку лежащих в их основе интенциональных состояний – с интенциональным состоянием толерантности и с интенциональным состоянием интолерантности.

Слово «толерантность» обозначает терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо [18. С. 510], к чужим мнениям, поведению [3. С. 1327]. Это слово, как показывают современные исследования [5], происходит от латинского глагола *tōlērāre*, имеющего значение «переносить, выдерживать, терпеть» [13. С. 648], а современное английское *tolerance* наряду с «терпимостью» означает также «допуск», «допустимое отклонение от стандартного размера и веса монеты» [31. С. 939]. Соответственно, определение *интолерантности* включает дополнительно модальный оператор отрицания: «нетерпимость к <...>». Корни интолерантности не в недостатке доброй воли, а в собственной ограниченности, т.е. в сведении своей человеческой сущности к весьма ограниченному набору ценностных установок, жёстко локализованных в пространстве и времени [5. С. 9]. Наоборот, *установка толерантного сознания* – на восприятие самого себя как принципиально незавершённого существа, открытого опыту Другого, существа, для которого этот опыт является одним из определяющих моментов в осознании своей целостности.

*Речевые жанры с интенциональным состоянием толерантности* свидетельствуют о готовности говорящего участвовать в общении, в полной мере взаимодействовать с партнёром, уважая его личностные мотивы данной интеракции и принимая его поведение как данность – определённую коммуникативно-прагматическую константу, и выражают это с целью сделать коммуникацию успешной для обоих общающихся.

Наоборот, *речевые жанры с интенциональным состоянием интолерантности* демонстрируют нетерпимость говорящего по отношению к индивидуальной воле партнё-

ра по коммуникации и намерение адресанта навязать адресату такую манеру поведения, которая способна нанести программируемый ущерб той или иной сфере личности адресата.

Текст в нижней части листа на иллюстрации составлен от другого лица (в отличие от стихотворной части) и представляет собой провокативный вопрос, коммуникативное содержание которого скрывает в себе высказывание другого коммуникативного типа.

По форме данное высказывание представляет собой вопрос, о чем свидетельствует пунктуационный знак вопроса в конце. А по смыслу это *укор* – негативная оценка поведения и отдельных действий адресата, который делает вид, что не происходит ничего страшного (ему угрожает опасность), не думает о своих детях (детям угрожает опасность), не является хозяином на своей земле (его социальному положению, государственности, чувству национального самосознания угрожает опасность). На наличие этих смыслов в конце предложения указывают несколько пунктуационных знаков восклицания.

Все отмеченные в высказывании в нижней части материала темы переключаются с содержанием стихотворения в правой части: определяемые здесь условно как нерусские приехали в Россию чтобы выжить русских, считают русских свиньями, отводят им зависимое социальное положение слуги, подкупают представителей органов власти, уничтожают неверных, намерены поместить символы исламского вероисповедания и государственности над символом российской государственности и местом пребывания президента Российской Федерации – Кремлем.

Обращение «русский» в следующем высказывании указывает, что адресат сообщения в нижней части – человек русской национальности. Это высказывание представляет собой *призыв-совет* поступать так, как пишущий считает социально приемлемым в данной ситуации: *русский, решай! (пока еще можешь)*.

Русским предлагается скорректировать свои действия в связи с описанными фактами опасного поведения персонажа нерусской национальности, чьи намерения и поступки представляют угрозу национальному самосознанию русских, их государственности, привычному укладу жизни.

Описанные выше типы высказываний: провокативный вопрос, укор, призыв-совет – относятся к категории провокативных жанров, цель таких жанров - выразить интенциональное состояние говорящего и вызвать аналогичное у адресата речевого воздействия. В данном случае в рассмотренных выше высказываниях демонстрируется интенциональное состояние интолерантности, активного неприятия, в основе которого лежит отношение к человеку или группе лиц по признаку национальности. Провокативная цель данного текста – вызвать неприятие по признаку национальности и вероисповедания представителей южной этнокультурной зоны у адресатов сообщения (русских).

Подводя итог собственным рассуждениям, мы хотим отметить, что экспертная оценка интенционального состояния автора, интолерантного отношения к адресату, реконструируемых с опорой на контекст в экстремистских текстах, возможна на стыке собственно лингвистического и автороведческого подходов в экспертизе.

Анализ многосторонней речевой практики современного человека невозможен без обращения к комплексному анализу, поскольку проявления человеческой индивидуальности отличает поликодовость интенциональной и функциональной природы.

Интенциональный характер публичного общения позволяет проводить параллели с общением межличностным и использовать те же приемы, которые применяются к анализу интерперсонального взаимодействия.

Жанровый анализ опирается на предшествующие ему этапы, среди которых могут быть лингвистический, семиотический, коммуникативный, интенциональный, литературоведческий виды анализа.

### Литература:

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т.5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.
2. Блинов А.Л. Общение. Звуки. Смысл: Об одной проблеме аналитической философии языка. М., 1996.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл.ред.С. А. Кузнецов. СПб., 2001.
4. Геращенко Л. Психология рекламы. М., 2006.
5. Глебкин В. В. Толерантность и проблема понимания: толерантное сознание как ат-

рибут Homo Intellegens // На пути к толерантному сознанию / Отв. Ред. А. Г. Асмолов. М., 2000. С.8-15.

6. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/>

7. Леонтьев А. А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии: Учебно-справочное пособие. М., 2004.

8. Леонтьев А. А., Шахнарович А. М., Батов В. И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.

9. Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929 – 1939. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/>

10. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

11. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты. М., 2004.

12. Петрова Е. А. Знаки общения. М., 2001.

13. Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 1994.

14. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средствах массовой информации. М., 1997.

15. Рогозина Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск, 2001.

16. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов, 2002. С. 40-51.

17. Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики. М., 2004.

18. Словарь иностранных слов. М., 1989.

19. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб., 2000.

20. Степанов В. Н. Провокативный курс социально-культурной коммуникации. СПб., 2003.

21. Степанов В. Н. Провокативный курс массовой коммуникации. Дисс...доктора филологических наук. СПб., 2004.

22. Стернин И. А. Ведение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

23. Стернин И. А. Практическая риторика. Воронеж, 1996.

24. Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). М., 1968.

25. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.

26. Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Berlin / Берлин. 1990. №2. С.20-32.

27. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С.88-98.

28. Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М., 2006.

29. Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2000.

30. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2000.

31. Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2002.

32. Webster's desk dictionary of the English language. Based on The Random House Dictionary. Classic ed. New York, Portland House, 1990.

33. <http://esopedia.ru/Zhesty>

34. <http://lexis-asu.narod.ru/>

35. [www.ruexpert.ru](http://www.ruexpert.ru)



Методики,  
методические рекомендации,  
информационные письма

---



**Дмитриева Татьяна  
Борисовна,**

академик РАМН,  
директор ФГУ  
«Государственный  
научный центр  
социальной и  
судебной психиатрии  
им. В.П. Сербского  
Федерального агентства  
по здравоохранению и  
социальному развитию»



**Макушкин Евгений  
Вадимович,**

заместитель директора  
ФГУ «ГНЦССП Росздрава»  
по научной работе,  
руководитель Отдела  
социальных и судебно-  
психиатрических  
проблем подросткового  
возраста, главный  
детский специалист-  
эксперт психиатр  
Минздравсоцразвития  
России, профессор,  
доктор медицинских наук



**Дозорцева Елена  
Георгиевна,**

руководитель  
лаборатории  
психологии детского  
и подросткового  
возраста ФГУ «ГНЦССП  
Росздрава», доктор  
психологических наук

**Морозова Марина  
Валентиновна,**

руководитель Отделения  
психологии ФГУ «ГНЦССП  
Росздрава», кандидат  
психологических наук

## **КОММЕНТАРИЙ К ПРОВЕДЕНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ СУДЕБНЫХ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ (В СООТВЕТСТВИИ С Ч. 3 СТ. 20 УК РФ)**

Психологи и психиатры, участвующие в проведении комплексных судебных экспертиз несовершеннолетних обвиняемых, хорошо знают, что этот вид экспертного исследования, нередко неформально называемый определением «возрастной невменяемости», связан с массой проблем методологического характера. Формула ч. 3 ст. 20 УК РФ, на основании которой назначается подавляющее большинство таких экспертиз, содержит категории, интерпретируемые по-разному как

исследователями, так и экспертами-практиками. Неоднозначность понятий, противоречия с формулировками других статей (в частности, ст. 22 УК РФ), отсутствие указаний на принятие каких-либо мер к несовершеннолетним, освобождаемым от уголовной ответственности, – все это недостатки ч. 3 ст. 20 УК РФ, приводящие к серьезным негативным последствиям, наименьшими из которых можно, пожалуй, признать неоправданные затраты на повторные судебные экспертизы.

В последнее время специалистами обсуждаются возможности изменения формулировки статьи с учетом существующих в связи этим проблем.

Вместе с тем интересы практической экспертной работы требуют выработки определенных принципов, которые позволили бы избежать противоречий в рамках действующего законодательства. Ниже мы представляем разработку некоторых методологических вопросов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых, назначаемой в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ. Она была выполнена на основе многолетней научно-практической экспертной деятельности ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию» и направлялась в качестве информационного письма руководителям государственных экспертных судебно-психиатрических учреждений субъектов Российской Федерации.

\* \* \*

В Уголовном кодексе РФ одно из основных положений, касающихся уголовной ответственности несовершеннолетних, определяется частью 3 статьи 20. Она гласит, что несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, не подлежит таковой, если он *«вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»*. Эта правовая норма стала юридическим основанием для назначения и проведения большого числа экспертиз несовершеннолетних обвиняемых.

Вместе с тем проведение экспертиз в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ сопровождается большими трудностями, а результаты экспертной и правоприменительной практики в этой сфере нельзя признать удовлетворительными. Во многом это связано с неудачной формулировкой самой статьи. Нет четкого толкования понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», и единого мнения специалистов на этот счет. Юридический критерий ч. 3 ст. 20 совпадает с аналогичным

критерием ч. 1 ст. 22 УК («Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости»), однако правовые последствия этих статей принципиально различны (не привлечение и привлечение к уголовной ответственности), что в определенном смысле дискриминирует подростков с психическими расстройствами. Часть 3 ст. 20 УК вообще не предусматривает каких-либо мер (воспитательных, социальных) в отношении несовершеннолетнего, а возможность направления подростков, не привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с этим положением, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа согласно Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ фактически не используется. Хотя общее число случаев не привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности на основании ч. 3 ст. 20 достаточно велико (в 2002 г. – 1047, в 2003 г. – 933), отсутствие согласованности и недостаточная разработанность экспертных критериев ведут к тому, что экспертизы в соответствии с этой правовой нормой проводятся в различных регионах Российской Федерации совершенно по-разному. Так, в некоторых регионах эта статья вообще не применяется, в других используется расширительно. В одном и том же регионе количество несовершеннолетних, не привлеченных к уголовной ответственности на основании ч. 3 ст. 20 УК, в разные годы может различаться в несколько раз. Например, по данным МВД и Прокуратуры РФ, в 2002 г. в Самарской области количество таких подростков составляло всего 2, в 2003 г. – 31, в Татарстане – 70 и 3, в Краснодарском крае – 88 и 148, в Ленинградской области – 17 и 32. Приведенные данные отражают результаты проведения экспертиз на основании ч. 3 ст. 20 УК не только сотрудниками государственных экспертных судебно-психиатрических учреждений, но и психологами – специалистами Минюста, а также психологами системы образования и другими специалистами, не являющимися государственными экспертами. Часто такие экспертизы выполняются и как комплексные психолого-психиатрические, и как однородные судебно-психологические или судебно-психиатрические.

Учитывая требования Федерального закона «О государственной судебно-экспер-

тной деятельности в Российской Федерации» от 05.06.2001 г. № 73-ФЗ к организации и производству судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (СЭУ) на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов, специалисты ГНЦ ССП им. В.П. Сербского рекомендуют проводить экспертизу на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ, опираясь на следующие методологические и организационные положения.

1. Квалификация экспертов, выполняющих экспертизы на основании ч. 3 ст. 20 УК, должна соответствовать требованиям, предъявляемым к специалистам (психиатрам, медицинским психологам) государственных СЭУ Министерства здравоохранения РФ.

2. Оптимально проведение этого вида экспертизы в государственном СЭУ в виде комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). Для констатации у несовершеннолетнего обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, необходимо вначале исключить наличие психического расстройства (компетенция эксперта-психиатра), а затем установить наличие или отсутствие непатологического отставания в психическом развитии (компетенция эксперта-психолога).

3. При невозможности организовать комплексную экспертизу в исключительных случаях допускается последовательное проведение вначале судебно-психиатрической, а затем судебно-психологической экспертизы.

4. Если в рамках КСППЭ у несовершеннолетнего обвиняемого констатируется психическое расстройство, то ч. 3 ст. 20 УК не применяется. В этом случае особенности психического развития несовершеннолетнего во время совершения общественно опасного деяния рассматриваются в связи с имеющимся у него психическим расстройством.

5. Если в результате клинического обследования, в том числе и с привлечением данных экспериментально-психологического исследования, психиатр констатирует у несовершеннолетнего отсутствие психического расстройства, психолог в рамках своей компетенции проводит исследование, направленное на выявление отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством

(возрастной личностной незрелости) либо на установление его отсутствия.

6. Категория «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», представляет собой экспертное понятие, психологическое содержание которого составляет личностная незрелость, которая выражает слабую сформированность сознательных регулятивных механизмов социального поведения подростка. Она обуславливается незавершенным развитием мотивационно-смысловой системы и проявляется в несамостоятельности подростка, подверженности его поведения влиянию внутренних непосредственных побуждений или внешних обстоятельств, других людей. Личностная незрелость может быть естественной возрастной (особенно у младших подростков) или обусловленной непатологическими факторами (социальная или сенсорная депривация, длительные соматические заболевания, особенности воспитания).

7. После выявления у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, по возможности устанавливаются вызвавшие его факторы неболезненного характера. Далее эксперт-психолог в обязательном порядке выясняет, повлияло ли это отставание (личностная незрелость) на возможность осознанной и произвольной регуляции противоправных действий несовершеннолетнего и было ли это влияние таковым, что в ситуации правонарушения он «не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». Ограничение этой возможности («не мог в полной мере...») констатируется лишь в том случае, если оно выражено существенно и может быть обосновано конкретными фактами, относящимися к деятельности несовершеннолетнего в ситуации правонарушения. Обоснование выводов экспертизы только наличием у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не может рассматриваться как достаточное.

8. Эксперт каждой специальности подписывает ту часть заключения, которая относится к его компетенции. Психологом должны быть описаны методики исследования, результаты их применения, а также представлено обоснование выводов.

9. Формулировка вопросов к экспертам КСПЭ со стороны органов, назначающих экспертизу, определяется формулой ч. 3 ст. 20 УК РФ. Рекомендуется следующий вариант:

(1) Имеется ли у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством?

(2) При наличии у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, можно ли заключить, что во время совершения общественно опасного деяния он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими?

Следует подчеркнуть, что для применения ч. 3 ст. 20 УК РФ обязательно должны быть заданы оба вопроса (на практике часто задается лишь первый из них, что недостаточно для обоснованного вывода).

10. Ответы психолога на вопрос (1) могут звучать следующим образом:

- У несовершеннолетнего не имеется отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством.

У несовершеннолетнего выявляется отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, в виде личностной незрелости, проявляющейся в ... *(далее указываются конкретные проявления этого феномена: например, неустойчивость эмоций и поведения, несформированность системы мотивов и смыслов и т.п.)*

- *(Если психиатром квалифицируется психическое расстройство.)* Выявляемое у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии, проявляющееся в ... *(указать, в чем оно проявляется)*, связано с имеющимся у него психическим расстройством.

11. Ответы на вопрос (2) могут формулироваться так:

Имеющееся у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, не является выраженным, оно не оказало существенного влияния на возможность несовершеннолетнего осознанно и произвольно руководить своими действиями в ситуации правонарушения. Несовершеннолетний мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими.

Имеющееся у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, оказало существенное влияние на его возможность осознанно и произвольно руководить своими действиями. Несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими. Это проявилось в ... *(далее указываются конкретные обстоятельства, свидетельствующие о значительном ограничении этой возможности: например, некритичное следование образцам поведения других лиц, совершение действий под влиянием непосредственных побуждений, игровой характер действий и т.п.)*

12. Вывод эксперта-психолога о том, что несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими в силу имеющегося у него отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не противоречит выводу эксперта-психиатра о том, что у несовершеннолетнего не выявляется психического расстройства, которое лишало бы его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими. Лежащий в основе решения суда о вменяемости несовершеннолетнего вывод психиатра относится к одному фактору, который может влиять на осознанность и произвольность действий субъекта, – психическому расстройству. Психолог исследует и оценивает другой фактор, способный оказывать аналогичное влияние, – отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством.

13. Вопрос о соответствии психического развития (или «психологического возраста») несовершеннолетнего его паспортному возрасту не является методологически корректным. Ответить на него точно вообще невозможно, так как в возрастной психологии нормы имеют не количественный, а качественный характер и относятся к возрастным периодам, охватывающим несколько лет (подростковый период – от 11-12 до 14-15 лет, юношеский – от 14-15 до 17-18 лет), а не к конкретным календарным возрастам внутри периода. При наличии у несовершеннолетнего

него клинически выраженного психического расстройства дать ответ на этот вопрос тем более нельзя, поскольку при психической па-

тологии психическое развитие качественно отличается от нормального и не может соответствовать каким-либо возрастным нормам.



**Секераж Татьяна Николаевна,**  
заведующая лабораторией судебной  
психологической экспертизы РФЦСЭ при Минюсте  
России, кандидат юридических наук

## **ВОПРОСЫ ДИАГНОСТИКИ «ПОРОКА ВОЛИ» В СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ (О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ СДЕЛКОСПОСОБНОСТИ)**

---

В последнее десятилетие тенденция увеличения доли споров о признании недействительными сделок с пороками воли прослеживается как в судебной, так и в экспертной практике [1, 4, 6, 10].

В праве обобщающая категория «порок воли», включенная в институт гражданско-правовых сделок и институт брака, занимает довольно весомое место в системе условий действительности правовых актов. Значимы такие особенности сделки, как законность содержания; способность физических и юридических лиц, совершающих сделку, к участию в ней; *соответствие воли и волеизъявления*; соблюдение формы сделки. Согласно этому и в зависимости от того, какое из условий нарушено или какой из элементов сделки оказался неполноценным (порочным), недействительные сделки подразделяются на сделки с пороками содержания; сделки с пороками в субъекте; *сделки с пороками воли*; сделки с пороками формы.

Предметом нашего рассмотрения являются обстоятельства, имеющие отношение к субъективной стороне сделки и объеди-

ненные понятием «порок воли». Они прямо указаны в законодательстве, согласно которому субъективная сторона сделки может быть признана неполноценной, а сделка недействительной, если она совершена: 1) гражданином хотя и дееспособным, но находившимся в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий и руководить ими (ст. 177 ГК РФ); 2) под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение (ст. 178 ГК РФ), 3) под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, стечения тяжелых обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

Поскольку данные условия связаны с состоянием субъекта, его представлением о сделке, оказываемым воздействием, т.е. предопределяются преимущественно психологическими факторами, то существует основание для использования специальных знаний в области психологии, в том числе в форме экспертизы – как судебной психологической, так и комплексной психолого-психиатрической.

Понятие воли трактуется по-разному в психологии и в юриспруденции. В области гражданского права воля агента сделки есть его желание, намерение. Мы трактуем волю в юридическом ее смысле как желание, намерение, стремление, выраженное в определенных формальных (установленных нормами права) действиях, влекущих юридические последствия. Применительно к совершению сделок это – возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Воля в сфере уголовного права охватывает мотивы деятельности, намерения субъекта и предвидение им тех последствий, которые должны или могут проистекать из совершаемых действий. В психологии сущность воли заключается в ее регулирующей функции.

Важным представляется раскрытие психологического содержания правового понятия в плане судебной экспертизы. В результате анализа явления и лежащих в его основе закономерностей, условий возникновения и их юридической значимости было сформулировано экспертное понятие порока воли [10]. Прежде чем дать его определение, обратимся к тем обстоятельствам, которые имеют юридическое значение при оспаривании сделок на основании статей 177–179 ГК РФ.

Для обозначения ряда таких обстоятельств используется еще один термин, требующий экспертной дефиниции, – заблуждение. Сам факт заблуждения является юридическим и устанавливается только судом. Задача эксперта состоит в обнаружении условий, влияющих на правильность восприятия и оценки информации, адекватность отражения внешних и внутренних связей и, в конечном итоге, на правильность представления о существовании сделки.

Целесообразным представляется объединить в одну категорию два значимых с точки зрения права обстоятельства (условия) – заблуждение (ст. 178 ГК РФ) и обман (ст. 179 ГК РФ), поскольку лицо, вступающее в сделку под влиянием как заблуждения, так и обмана, имеет неправильное представление о ее существенных элементах, обстоятельствах, значимых для заключения сделки. Сделка, совершенная под влиянием обмана, оспаривается, так как одна сторона умышленно введена другой стороной в заблуждение в целях совершения сделки, выгодной обманывающей стороне.

Существует мнение, что принятие субъектом решения при обмане вообще нельзя отнести к категории явлений, обозначаемых термином «порок воли», поскольку субъект вводится в заблуждение другой стороной умышленно. Однако важным, на наш взгляд, является именно то обстоятельство, что сделка совершена *под влиянием* обмана. Обман может относиться как к элементам самой сделки (характеру возникающих прав и обязанностей, количеству и качеству предмета сделки, виду и способу оказания услуги и т.д.), так и к обстоятельствам, сопутствующим совершению сделки, включая мотивы, влияющие на формирование воли обманутого участника. При этом не имеет значения, совершаются обманные действия в активной форме (сообщение ложных сведений) или выражаются в бездействии (умышленное умолчание о фактах, знание которых может препятствовать совершению сделки). Если не будет доказано, что действия, заключающиеся в умолчании о таких фактах, имели целью обман другой стороны, то сделка может быть признана недействительной как совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение. Обман присутствует и в случаях, когда ложные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для совершения сделки, сообщаются третьими лицами с ведома или по просьбе одной из сторон сделки. Обман является основанием для признания сделки недействительной независимо от того, привлечен обманщик к ответственности или нет. С этих позиций также не имеет значения наличие или отсутствие в действиях обманывающего корыстной цели.

Во всех случаях (умышленного и неумышленного введения в заблуждение) установлению подлежит факт, что сторона действовала в состоянии заблуждения. Законодатель разводит исследуемые обстоятельства (заблуждение и обман) по разным статьям в связи с различными последствиями признания сделки по этим основаниям недействительной. Так, в случае обмана, т.е. установленной преднамеренности действий контрагента по сделке, реальный ущерб возмещает виновная сторона.

Согласно ст. 178 ГК РФ право возбуждения спора о признании сделки недействительной принадлежит только той стороне, которая действовала под влиянием заблуждения. Отсутствие иска этой стороны может



свидетельствовать о том, что заблуждение не повлияло на ее волю к совершению сделки. При этом закон исходит из презумпции вины стороны, которая действовала под влиянием заблуждения, и связывает с этим ее дополнительную ответственность. Так, при совершении сделки под влиянием существенного заблуждения сторона, по иску которой сделка признана недействительной, вправе требовать от другой стороны возмещения причиненного ей реального ущерба лишь в том случае, если докажет, что заблуждение возникло по вине другой стороны. Если же это не доказано, то согласно п. 2 ст. 178 ГК РФ сторона, по иску которой сделка признана недействительной (т.е. заблуждавшаяся сторона), обязана возместить другой стороне по ее требованию причиненный ей реальный ущерб, даже если заблуждение возникло по обстоятельствам, не зависящим от заблуждавшейся стороны.

Таким образом, у законодателя имелись основания развести заблуждение и обман как условия недействительности сделки по разным статьям – в соответствии с их правовыми последствиями. На этом же основании в одну статью объединены такие разные (если рассматривать их психологическое содержание) условия, как обман, насилие, угроза, злонамеренное соглашение представителя одной стороны с другой стороной, стечение тяжелых обстоятельств.

В качестве экспертного понятия *заблуждение* может быть определено как неадекватное представление субъекта о цели сделки (результате действий и последствий), возникшее у него вследствие неспособности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для принятия решения, или недостаточности, недействительности либо искаженности данных

При совершении сделки под влиянием насилия, угрозы (ст. 179 ГК РФ) субъект лишен возможности принимать решение свободно и действует по принуждению. Ограничение свободы выбора цели делает неполноценным весь процесс принятия решения и его реализации [9]. Угроза имеет смысл, если она реальна и значительна. Установить эти два критерия в частном случае, применительно к конкретному лицу, без использования психологических познаний не всегда просто. Еще сложнее бывает определить, как угроза повлияла на субъекта (насколько ограничила

его волю). Следует отметить, что в отличие от насилия, которое всегда противоправно, угрожать можно совершением как противоправного, так и правомерного действия (например, взысканием алиментов, предъявлением векселей к оплате, подачей иска о возмещении вреда, заявлением о неправомерных действиях, разглашением сведений и т.д.). В задачи экспертизы входят: установление особенностей восприятия субъектом насилия или угрозы (в том числе в случаях, когда они применяются по отношению к его близким); личностной значимости психического воздействия, предполагаемых последствий угрозы; эмоционального состояния, сформированного в результате воздействия, и влияния этого состояния на принятие решения; способности субъекта противодействовать принуждению, видеть альтернативы навязываемому способу действия. Установление этих и иных имеющих значение фактов позволит решить вопрос, мог ли субъект сделки в полной мере руководить своими действиями по принятию решения о ее совершении.

Для признания недействительной сделки, совершенной субъектом вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях (ст. 179 ГК РФ), весьма важно наличие обоих факторов, а также того условия, что стечение обстоятельств вынудило совершить именно эту, крайне невыгодную, сделку. Под стечением тяжелых обстоятельств понимается, например, болезнь близкого человека, появление крупных долгов, потеря средств к существованию и т.д. Как видно, для установления и оценки влияния указанных факторов не обойтись без данных об индивидуально-психологических особенностях субъекта, значимости для него исследуемых «тяжелых» обстоятельств и степени «вынужденности» принятия кабальных условий сделки

Сделка (как соглашение сторон об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей) представляет собой акт осознанных, целенаправленных, волевых действий лиц, которые, совершая их, стремятся к достижению определенных правовых последствий. Из самого определения сделки следует, что субъект должен иметь представление о цели (результате) своей деятельности. Эта цель должна быть им осознана, определяться свободно. Должны осознаваться способы ее достиже-

ния и выбираться адекватные средства. Волевой характер действий подразумевает их осознанность, намеренность, соответствие «воле» субъекта (т.е. его желаниям и намерениям), адекватный контроль в процессе их осуществления, подчиненность действий конечной цели.

Прямой перенос в юридическую сферу психологического значения понятия воля обнаружил свою неэффективность и нецелесообразность. Анализ нормы права, юридической практики и специальной литературы показал, что по смыслу воля агента сделки является синонимом его желания, намерения. Поэтому, чтобы помочь суду в разрешении спора, экспертным путем может быть установлен психологический критерий порока воли, который в обобщенном виде представляет собой неспособность дееспособного лица при совершении сделки понимать значение своих действий или руководить ими вследствие особого состояния либо неправильного представления о цели деятельности или под влиянием внешнего воздействия (насилия, угрозы, стечения тяжелых обстоятельств).

Как экспертная категория порок воли характеризуется:

1) снижением (ограничением) возможности осознания совершаемых действий и их последствий, когда представление о цели является неправильным, неадекватным и субъект не способен понимать, в чем состоит существо сделки, либо сама цель избирается неправильно, не отвечает истинным желаниям лица (интеллектуальный компонент делкоспособности;

2) ограничением (или утратой) способности контролировать свои действия, руководить ими, т.е. нарушением волевой регуляции поведения, когда субъект вследствие своего состояния не способен руководить своими действиями при совершении сделки либо когда ограничена свобода формирования его воли (желаний, намерений) и поступков под влиянием не внутренних, а внешних причин – физического или психического воздействия (насилия, принуждения, угрозы), стечения тяжелых жизненных обстоятельств (волевой компонент делкоспособности).

В таблице отражено условное соотношение интеллектуального и волевого компонентов юридического (психологического) критерия делкоспособности в зависимости

от оснований признания сделки недействительной (вида порока воли).

Табл. 1

Статья ГК РФ	Интеллектуальный	Волевой
177	Нарушен	Нарушен
	Сохранен	Нарушен
178 (заблуждение), 179 (обман)	Нарушен	Нарушен
179	Сохранен	Нарушен

Таким образом, под влиянием определенного состояния возможно нарушение деятельности как на стадии формирования желания (выбора цели), когда порочным является интеллектуальный компонент делкоспособности, так и на стадии достижения цели (волевой компонент). При заблуждении имеет место нарушение деятельности на стадии принятия решения (в том числе выбора цели) ввиду неполноценности когнитивного компонента (субъект избирает ложную, не соответствующую его действительным желаниям и интересам цель). При этом может оставаться сохраненной относительная целесообразность действий и способность субъекта руководить ими. Применительно же к юридически значимому деянию неполноценность интеллектуального критерия влечет за собой и неполноценность волевого (согласно уровневой организации поведения и деятельности). В условиях внешнего давления происходит нарушение регуляции деятельности на стадии выбора цели ввиду неполноценности волевого компонента (имеют место вынужденность действий, навязанность цели, доминирование мотивов, не связанных прямо с предметом сделки, ее юридическими последствиями).

Особенности судебной психологической экспертизы лиц, совершивших гражданско-правовые сделки с предполагаемым «пороком воли», определяются методическими принципам, выработанными на основе теоретического анализа применения правовых норм, регулирующих споры о признании сделок недействительными, и общих научно-практических основ психологической и комплексной психолого-психиатрической экспер-

тизы.

Порок воли (как экспертное понятие) представляет собой *возникшее у субъекта гражданско-правовых отношений (вследствие особого состояния, либо неправильно-го представления о цели деятельности, либо ограничения свободы принятия решения) нарушение способности к свободному формированию или свободному выражению своего подлинного желания, намерения (осознанной цели), направленного на установление, изменение или прекращение определенного правоотношения* [10].

В качестве объекта экспертизы выступает психическая деятельность субъекта правовых отношений в период формирования у него намерения к совершению сделки, изъявления (декларации) этого намерения и фактического совершения сделки. Исследование направлено также на особенности ситуации спорного правоотношения, охватывающей весь период, в процессе которого осуществлялось правоотношение, – с момента возникновения у субъекта желания (намерения) каким-либо образом изменить свое положение (свои права) вплоть до выражения (реализации) этого намерения (фактического совершения сделки).

Цель экспертизы данного вида заключается в установлении значимых для решения спорного правоотношения обстоятельств, связанных со способностью субъекта сделки в период, относящийся к ее совершению, свободно и осознанно определять цель и принимать решение по ее достижению, влекущему изменение его правоотношений, а также со способностью руководить своими действиями по реализации принятого решения (достижению избранной цели).

Основаниями для назначения судебной психологической экспертизы данного вида являются обстоятельства, связанные с характеристиками психической деятельности и поведения субъекта сделки: устойчивыми личностными и возрастными психологическими особенностями; состоянием в период, относящийся к совершению сделки; необычным поведением в период оспаривания своих прав в судебном порядке.

Поводом для назначения экспертизы служат обоснованные сомнения в возможностях субъекта правильно понимать существенные элементы сделки при ее совершении, осознанно принимать решение и руководить

своими действиями при реализации решения. Экспертиза может быть назначена, если перед судом стоит задача установить: 1) состояние лица в период совершения сделки; 2) влияние имевшегося состояния на способность понимать значение действий или руководить ими; 3) способность лица в период совершения сделки правильно понимать существо сделки (адекватность представления о сделке); 4) способность лица в период совершения сделки свободно принимать решение об изменении своих прав и обязанностей, а также свободно осуществлять контроль над реализацией решения.

Основополагающими принципами исследования являются уровневый анализ поведения и деятельности; единство сознания и деятельности; принцип развития; взаимодействие личностных и ситуационных факторов [8].

Принцип взаимодействия личности и ситуации диктует необходимость соблюдения нескольких методологических требований. Учитывая состояние здоровья или психофизиологическое состояние субъекта сделки, следует принимать во внимание не сам факт наличия, к примеру, какого-либо соматического заболевания, а то, как это состояние переносится субъектом, какое влияние на него оказывает. При исследовании существа сделки представляются важными не только объективный анализ условий ее совершения, но и субъективная значимость цели для лица, вступающего в правовые отношения, а также индивидуальные особенности восприятия и осознания всех имеющихся условий. Учитывая такое обстоятельство, как психическое давление (угроза, насилие, тяжелые обстоятельства), наиболее важными являются: мишени воздействия (наиболее уязвимые сферы жизнедеятельности человека, его ценности, отношения и т.д.), индивидуальная значимость воздействия, оценка субъектом возможных последствий своих действий (в случае угрозы), особенности переживания сложившихся жизненных обстоятельств, наличие и «исправность» защитных механизмов, особое психическое состояние (при формировании такового). В случае заблуждения или обмана значимым является неправильное представление субъекта о сделке. Поскольку речь идет о представлении, то здесь не подлежит сомнению взаимовлияние внутренних и внешних факторов – особеннос-

тей перцепции и познавательной деятельности субъекта в целом, системы его ценностей и отношений (в связи с тем, что представление может деформироваться под влиянием установок, предвзятости и т.п.), взаимоотношений с противоположной стороной сделки, влияющих на формирование представления о существовании сделки.

Принцип взаимодействия личностных и ситуационных факторов неразрывно связан с *ретроспективным характером исследования и оценки психического состояния и психической деятельности субъекта*. Центральным методическим приемом является ретроспективный анализ деятельности субъекта в период совершения сделки по материалам дела, включающий анализ следующих обстоятельств: 1) ситуации и роли ситуационных факторов в формировании у лица, вступающего в правовые отношения, определенного психического состояния; 2) проявления индивидуально-психологических особенностей, в том числе их роли в формировании эмоционального состояния и представления о существовании сделки; 3) данных, свидетельствующих о наличии (отсутствии) определенного психического состояния; 4) психофизического состояния в период принятия решения и его реализации (наличие соматических и неврологических заболеваний, психофизиологическое состояние), влияния этого состояния на способность понимать значение своих действий и руководить ими; 5) деятельности в период, относящийся к совершению сделки (мотивосообразность, целесообразность, целенаправленность, последовательность, адекватность и пр.); 6) отношения лица к совершенному правовому акту в последующем.

Помимо соблюдения указанных общих принципов должного внимания требует изучение личностных факторов, содержания мотивационных компонентов деятельности и состояния субъекта.

Осознанное поведение характеризуется пониманием сущности явлений окружающего мира, их взаимосвязей и причинно-следственной обусловленности, полноценной регуляцией. Результатом осознания является выработка отношения к действительности, которое должно носить целесообразный характер. В правовом смысле осознанность поведения предполагает наличие определенных психических способностей, в частности, адекватно оценивать реальность, определять

перспективу собственного поведения и его выгодность для себя, устанавливать степень риска и пр. Волевое, сознательное действие характеризуется предвосхищением будущего результата действия – его цели. В качестве основных функций воли выделяют выбор мотивов и целей, регуляцию побуждения к действиям при недостаточной или избыточной их мотивации, организацию психических процессов в адекватную выполняемой человеком деятельности систему, мобилизацию физических и психических возможностей в ситуации преодоления препятствий при достижении поставленных целей. Волевое поведение включает принятие решения и его реализацию. При несовпадении цели волевого действия и актуальной потребности принятие решения часто сопровождается борьбой мотивов (актом выбора). Структура волевого акта включает такие элементы, как возникновение побуждения и постановку цели; борьбу мотивов, проблему выбора; принятие решения; выполнение действия. Волевые действия разделяются на простые: постановка цели, исполнение, – и сложные: осознание цели – влечение, желание, мотив; планирование – выбор пути (способа) и средства; исполнение – связано с преодолением препятствия.

При установлении осознанности действий особое значение имеет процесс принятия решения. Волевой акт есть действие в условиях выбора, основанное на принятии решения [4]. При сознательном волевом действии субъект осознает свои мотивы, цель и последствия, которые повлечет ее осуществление.

Согласно различным теориям принятия решений важным представляется учет ряда психологических особенностей. По теории удовлетворенности Г. Саймона, следует учитывать закономерности реальной психологической регуляции принятия решения, а не схемы, по которой человек должен действовать [6]. Рациональность стратегий выборов рассматривается не с точки зрения соответствия внешним или количественным критериям оптимальности, а с точки зрения соответствия мысленному плану, который в силу ограниченности ресурсов внимания и мышления всегда будет предполагать упрощение ситуации, недоучет каких-то деталей. Процесс принятия решения проходит три основные стадии: инициации, процессуальной детерминации и достижения результата решения. По Ю. Козелецкому, этапы де-

тельность по принятию решения включают: субъективное представление о задаче; оценку последствий альтернатив; прогнозирование условий; выбор альтернатив [2], по Д.Н. Узнадзе – подготовительный период (сбор данных); период принятия решения (речемыслительный уровень); период исполнения (уровень внешней активности) [11]. Следует иметь в виду, что существует этап подготовки выбора и этап его осуществления «здесь и теперь», когда на первый план могут выйти совершенно иные основания. Нарушение деятельности может затронуть любой этап. Принятие решения детерминируется внутренними факторами (диспозициями) – личностными и мотивационными – и субъективными координатами выбора (полезностью альтернатив, ценностью, но не величиной получаемых благ, уровнем притязаний, психологической доступностью – соотнесённостью с индивидуальным опытом). Регуляторами решения выступают разумность, полезность, справедливость, альтруистичность. В обычной жизни при принятии решений люди порой руководствуются не очевидными критериями и объективной полезностью, а совершенно противоположными. По типу и детерминации выбора решения делятся на рациональные – иррациональные; осмысленные (при наличии определенной цели) – необдуманые, в противовес очевидным критериям, решения по принципу «хозяин – барин», «что хочу, то и ворочу»; интеллектуальные (важно актуальное развитие мыслительной деятельности); эмоциональные, когда ориентирами являются эмоциональные предпочтения, критерий личного интереса («выбор сердцем»); волюнтаристские [3].

При анализе деятельности необходимым этапом является установление основной направленности действий в определенной ситуации и их психологического содержания. Волевое действие всегда осуществляется в условиях полимотивации, когда различные мотивы имеют различные аффективные знаки [4]. При этом не требуется обязательного осознания мотивов, но необходима их характеристика. Сложный вопрос представляет исследование мотива деятельности. Современной наукой не выработано психологических методов точного и однозначного выявления психологического мотива, но существует возможность установления структуры мотивационных линий и их иерархии. В отличие от

юриспруденции, где мотив всегда является социально-оценочной категорией, в психологии содержание мотива, который тоже рассматривается как побуждающий к действию фактор, раскрывается через психологические категории (структура личности, ее потребности, установки). Это дает возможность проецировать данные качества на конкретную ситуацию. К мотивационным состояниям (помимо влечения, желания, интереса, стремления) относятся установки. При изучении психической деятельности субъекта сделки наибольший интерес представляют социально-перцептивные установки (обуславливающие стереотипы восприятия социально значимых объектов) и когнитивные, познавательные установки, лежащие в основе формирования предубеждений.

В задачи экспертизы рассматриваемого вида входит установление:

- способности дееспособного лица при заключении сделки понимать значение своих действий;

- способности руководить своими действиями;

- состояния, которое могло существенно повлиять на сознание и психическую деятельность субъекта сделки;

- влияния состояния на полноценность волеизъявления в период, относящийся к совершению сделки; адекватности (правильности) представления субъекта о цели своей деятельности;

- психологических факторов, деформирующих представление о цели и последствиях ее достижения; личностной значимости для субъекта обстоятельств, при которых была заключена сделка (в том числе индивидуальной значимости насилия, угрозы и их последствий, жизненных обстоятельств);

- способности субъекта противодействовать психическому давлению (принуждению), способности видеть альтернативы навязываемому способу действия.

С учетом предмета, объекта и задач экспертизы, а также юридической значимости ответов на них к вынесению на разрешение экспертизы порока воли рекомендуются следующие вопросы:

- Находился ли субъект (сторона сделки) в период, относящийся к совершению сделки, в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими?

- Учитывая особенности познавательной сферы, состояние в момент совершения сделки, внешние условия, в которых происходило принятие решения, а также индивидуальную значимость последствий сделки, имел ли субъект адекватное (правильное) представление о существовании сделки?

- Какие факторы повлияли на формирование неадекватного (неправильного) представления о сделке?

- Какое влияние оказала угроза (насилие, стечение тяжелых обстоятельств) на процесс принятия лицом решения о совершении сделки и его реализацию? Была ли ограничена способность субъекта свободно изъяслять свои подлинные желания и намерения?

- Мог ли субъект в период, относящийся к совершению сделки, в полной мере свободно и осознанно принимать решение и руководить своими действиями по его реализации?

#### **Литература:**

1. Дмитриева Т.Б., Харитоновна Н.К., Immerman К.Л., Королева Е.В. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. – СПб., 2003. – С. 206.

2. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: Прогресс, 1979.

3. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. – М., 2003.

4. Леонтьев А.Н. Психология воли // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1993. – № 2. – С. 3–14.

5. Малкин Д.А. Экспертная оценка психического состояния лиц, совершивших сделки (в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2004.

6. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Альманах THESIS. Мир человека. – 1993. – № 5. – С. 16–37.

7. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – М., 2005. – С. 577–581.

8. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998.

9. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М., 1998. – С. 307–308.

10. Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 58–61.

11. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966.



**Бердников  
Дмитрий Валерьевич,**  
ведущий эксперт Курской  
лаборатории судебной  
экспертизы Минюста  
России, кандидат  
медицинских наук



**Калинина  
Анастасия Николаевна,**  
эксперт лаборатории  
судебной психологической  
экспертизы РФЦСЭ при  
Минюсте России, кандидат  
юридических наук



**Шипшин  
Сергей Сергеевич,**  
заместитель начальника  
Южного РЦСЭ Минюста  
России, доцент, кандидат  
психологических наук

## **ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА** *(Информационное письмо для экспертов)<sup>1</sup>*

---

В России институт компенсации морального вреда существует около 20 лет и во многих практических аспектах все еще находится в процессе своего становления. В настоящее время судебная практика свидетельствует о том, что удовлетворяется примерно треть исков о компенсации морального вреда, среди которых преобладают дела, связанные с ущербом, причиненным здоровью.

Категория морального вреда включена в гражданское (ст. 151 ГК РФ), трудовое (ст. 237 ТК РФ), уголовно-процессуальное законодательство, используется в ряде федеральных законов («Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ, «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ) и других законодательных актах.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 20 декабря 1994 г. «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» (с изменениями на 15 января 1998 г.) (далее – Постановление) моральный вред трактуется как *нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо наруша-*

---

<sup>1</sup> Утверждено секцией НМС по СПЭ (протокол №3(7) от 27.10.06)

ющими имущественные права гражданина (п. 2).

В Постановлении фактически перечисляются обстоятельства, которые обязательно должны быть установлены при разрешении дела данной категории.

Так, в п. 1. указывается, что суду необходимо также выяснить:

- (1) чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий,
- (2) при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены,
- (3) степень вины причинителя,
- (4) какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим,
- (5) в какой сумме или иной материальной форме он оценивает их компенсацию
- (6) и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

Причем установление ряда этих обстоятельств предполагает применение специальных психологических знаний, в том числе в форме судебной психологической экспертизы (СПЭ).

Определение размера компенсации морального вреда регулируется ст. 1101 ГК РФ и зависит от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. Об этом же говорится в п. 8 Постановления.

Вернемся к тому, что моральный вред трактуется как нравственные и физические страдания.

В качестве доказательства физических страданий по сложившейся практике принимаются заключения судебно-медицинской экспертизы, а также показания свидетелей о том или ином вреде здоровью, возникшем вследствие травмирующего события. Факт нравственных страданий и их степени остается порой без доказательств. Проблема применения психологических знаний при доказывании факта и степени нравственных страданий особенно актуальна, поскольку

ст. 151 ГПК РФ обязывает суд учитывать индивидуальные особенности лица, которому причинен вред, и заслуживающие внимание обстоятельства. Из Постановления следует, что моральный вред может заключаться «в нравственных переживаниях», что суду необходимы доказательства характера, объема, тяжести нравственных страданий, суд должен учесть индивидуальные особенности потерпевшего, другие конкретные обстоятельства, влияющие на негативные переживания.

Обращение законодателя к феноменам, имеющим психологическую природу, использование в законе психологической терминологии обуславливает приоритетное значение психологической и в ряде случаев психиатрической экспертизы среди прочих видов экспертиз для объективного рассмотрения и разрешения дел о компенсации морального вреда. С этим мнением согласны правоведы<sup>1</sup>.

Понимание нравственных страданий и морального вреда как «изменений психической деятельности», включающих не только изменения психического состояния (как качественной характеристики психической деятельности), но и изменения качества жизни, изменения личности (неболезненные, не выходящие на уровень психического расстройства) и процесса адаптации, находит отражение в работах специалистов, которые рассматривают данные изменения в качестве психологической составляющей нравственных страданий<sup>2</sup>. Следует уточнить, что при

<sup>1</sup> См.: Степанов М.А. Доказывание по гражданским делам о компенсации морального вреда: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тверь, 2003; Козырева Е.В. Процессуальные особенности рассмотрения судами гражданских дел о компенсации морального вреда: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тверь, 2003; Соломеина Е.А. Особенности рассмотрения судами дел о компенсации морального вреда // Российский судья. – 2000. – № 4. – С. 36; Варпаховская Е.М. Компенсация морального вреда потерпевшему в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: ПроСофт-М, 2003; Сухаревский И.А. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: ПроСофт-М, 2003; Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005; Холопова Е.Н. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального вреда в уголовном судопроизводстве. – Калининград, 2003. – 112 с.

<sup>2</sup> См.: Холопова Е.Н. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального вреда в уголовном судопроизводстве. – Калининград, 2003. – 112 с.; Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Дозорцева Е.Г. и др. Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о



защите прав граждан имеют значение наступившие *негативные* изменения психической деятельности.

Субъектом экспертизы по данной категории дел может быть как лицо, претендующее на компенсацию морального вреда – потерпевший, истец (далее – пострадавший), так и причинитель вреда – обвиняемый, ответчик.

Следуя ст. 152 ГК РФ, «при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя...». Определяя вину, суду важно установить, чем обусловлено деяние: умыслом или неосторожностью. Критериями разделения умысла и неосторожности может быть установление фактических данных, позволяющих выделить интеллектуальной и волевой компоненты вины. Психологическое содержание вины раскрывается в трудах О.Д. Ситковской<sup>3</sup>, К. Муздыбаева<sup>4</sup> и др. и не является предметом настоящего письма.

Когда объектом экспертизы является психическая деятельность пострадавшего, исследование направлено на установление психологического компонента нравственных страданий субъекта. Заключение эксперта в таком случае может служить доказательством той или иной степени нравственных страданий, определение которой необходимо для установления размера компенсации. Настоящее письмо кратко информирует о возможностях и особенностях экспертизы данного вида.

**Общим основанием** для назначения экспертизы является необходимость в специальных знаниях (ст. 195 УПК РФ, ст. 79 ГПК РФ, ст. 26.4 КоАП, ст. 82 АПК). Частным основанием назначения психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда является потребность определить психологическое содержание и степень нравственных страданий для установления размера компенсации. При наличии сомнений в психической полноценности участника процесса, претендующего на компенсацию морального вреда, назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ). Ни гражданский процессуальный кодекс, ни уго-

ловно-процессуальный не устанавливают каких-либо конкретных условий обязательного назначения такой экспертизы.

Основаниями для назначения СПЭ по делам о компенсации морального вреда является следующее.

Во-первых, это обстоятельства, указывающие на изменения в поведении, в психическом состоянии, в личности пострадавшего, которые составляют психологический аспект нравственных страданий.

Другим критерием наличия психологического компонента нравственных страданий у участника процесса является факт изменений качества жизни (изменения в семейном, социальном, психическом статусе, в сфере материального благополучия, в здоровье и др.), который может быть установлен в случае, если сферы жизни, которым нанесен урон, лично значимы.

К третьей группе обстоятельств относятся факторы, связанные с индивидуально-психологическими особенностями пострадавшего, которые обуславливают ту или иную степень нравственных страданий. Так, например, переживание одного и того же события будет индивидуальным, в зависимости, положим, от уровня устойчивости к стрессу. Следовательно, глубина, интенсивность и длительность негативных последствий могут различаться.

**Поводом** для назначения экспертизы служат:

- обоснованные сомнения в заявленной пострадавшим степени нравственных страданий;
- отсутствие достоверных данных о психологических компонентах нравственных страданий субъекта (когда исходные данные ограничены, противоречивы, недостаточны).

Поводы для назначения СПЭ базируются на представлении о том, что следует различать факты и мнения. При недостаточности свидетельских показаний и других объективных данных суд имеет дело с *мнением* пострадавшего о его негативных переживаниях. Ряд специалистов считает, что мнение пострадавшего можно считать прямым доказательством морального вреда. Другие полагают, что мнение все же следует отделять от фактов. Так, А.Л. Южанинова замечает<sup>5</sup>, что

компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы. – Сб. 43. – М.: ГНЦС и СП им. В.П. Сербского, 2005. – С. 337–347.

<sup>3</sup> См.: Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М., 1998.

<sup>4</sup> См.: Муздыбаев К. Психология ответственности. – Л., 1983.

<sup>5</sup> См.: Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. – Саратов, 2000. – С. 14.

присутствие в исковом заявлении сведений о силе страдания человека является основанием для их проверки на достоверность, поскольку эмоциональная охваченность снижает уровень реалистичности оценки происходящего. Достоверность мнения пострадавшего о степени своих страданий снижается из-за его материальной заинтересованности в исходе дела. В.В. Романов в качестве повода для проведения СПЭ рассматривает признаки сильных эмоциональных переживаний, психической травмы, о которых свидетельствует сам субъект или его близкие, иные лица, наблюдавшие за ним после причинения вреда<sup>6</sup>.

Фактическим основанием (общеправовым) является признание судом необходимости назначения СПЭ, инициатива суда или ходатайство стороны по делу, если суд сочтет его обоснованным. Юридическим основанием для назначения экспертизы служит определение (постановление) лица или органа, производящего дознание или следствие, о назначении экспертизы, чаще всего по рассматриваемой категории дел таким основанием является определение суда.

### Порядок назначения СПЭ

Особенностью назначения и производства СПЭ по делам о компенсации морального вреда в гражданском процессе является то обстоятельство, что экспертиза зачастую проводится на этапе, когда суд еще не принял решение о виновности участника процесса.

Для проведения психологического исследования необходимы различные медицинские документы (справки, медицинские карты и т.д.), показания участников процесса о случившемся, характеристики на субъектов правоотношения (истца и ответчика), их биографические данные, видео- и аудиозаписи, имеющие отношение к предмету исследования, и др. Если иск составил потерпевший по уголовному преступлению, то необходимо представить материалы не только гражданского, но и предшествовавшего ему уголовного дела (или копии обвинительного заключения, определения суда).

Как показывает экспертная практика, чаще всего экспертам приходится ходатайствовать о предоставлении медицинской до-

кументации – даже в случаях, когда причинение вреда не связано напрямую с вредом здоровью. Реже ходатайства касаются предоставления дополнительных свидетельских показаний о произошедших изменениях в состоянии и в жизни пострадавшего. В таких случаях эксперты нередко ограничиваются имеющимися, но часто недостаточными данными, восполняя информацию в ходе беседы с подэкспертным и при экспериментально-психологическом исследовании. Из анализа гражданских дел данной категории следует, что сбору свидетельских показаний в отношении нравственных страданий субъекта судьи уделяют недостаточное внимание, особенно в период после правонарушения и до вынесения определения о назначении СПЭ.

Определение или постановление суда должно содержать общее и частное основания для назначения экспертизы. Обычно в определении излагаются основные обстоятельства дела, подлежащие психологическому анализу. Эксперту важно знать, какие именно обстоятельства дела рассматриваются в качестве события причинения морального вреда. Кроме того, описание обстоятельств необходимо для определения временных и событийных рамок ситуации, имеющей юридическое значение. Случается, что нравственные страдания истца обусловлены в большей мере судебной ситуацией, нежели событием правонарушения (травмирующим событием). Поскольку экспертная задача заключается в установлении причинно-следственной связи правонарушения и психологического вреда, обстоятельства причинения вреда должны быть установлены до назначения экспертизы и описаны в определении суда о ее назначении. В компетенцию эксперта не входит определение юридически значимой ситуации, ее объективных особенностей.

Таким образом, можно определить **требования к материалам, поступающим на экспертизу**. Их перечень включает:

1. Определение суда о назначении экспертизы.
2. Письменное согласие лица, в отношении которого назначена экспертиза, пройти исследование. Если субъект экспертизы несовершеннолетний – письменное согласие его законного представителя.
3. Материалы дела и приобщенные к ним материалы (имеющие отношение к предмету экспертизы) как основные исходные

<sup>6</sup> См.: Романов В.В. Актуальные проблемы судебно-психологической экспертизы в уголовном и гражданском процессе – М.; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. – С. 11–12.

данные, содержащие сведения следующих видов:

- о ситуации спорного правоотношения, обстоятельствах причинения вреда, взаимоотношениях с причинителем вреда;
- об особенностях переживания пострадавшим последствий правонарушения;
- о соматическом и психическом состоянии, индивидуально-психологических особенностях субъекта.

Указанные исходные данные содержатся в исковом заявлении, показаниях самого пострадавшего, ответчика, свидетелей, в характеристиках, медицинской документации, видео- и аудиозаписях, имеющих отношение к делу, и прочих процессуальных документах.

**Объектом** СПЭ по делам о компенсации морального вреда является психическая деятельность лица, претендующего на компенсацию данного вреда, в юридически значимый период.

Юридически значимый период охватывает собственно ситуацию правонарушения (непосредственно травмирующую ситуацию), а также все последующие обстоятельства, связанные с переживанием пострадавшим последствий правонарушения. В связи с этим в качестве объекта исследования может выступать ситуация взаимодействия пострадавшего с причинителем вреда и прочими окружающими в течение всего юридически значимого периода.

Объект экспертизы представлен в следующих материализованных источниках информации: материалах дела, медицинской документации, иных документах, подтверждающих факт негативного воздействия на пострадавшего, протоколах экспертного исследования, поведенческих актах, а также продуктах психической деятельности. Кроме того, источником информации является сам субъект переживаний как носитель особого свойства отражения окружающего мира – психики.

Исходя из общепринятого определения, согласно которому общим предметом СПЭ являются факты, относящиеся к психической деятельности человека в юридически значимой ситуации, устанавливаемые на основании исследования и имеющие юридическое (доказательственное) значение, **предметом экспертизы** по делам о компенсации морального вреда являются фактические данные о негативных изменениях психической

деятельности пострадавшего, наступивших в результате действий (бездействия) причинителя вреда, устанавливаемые на основе специальных психологических знаний.

Общей задачей СПЭ по делам о компенсации морального вреда можно считать установление степени выраженности изменений психической деятельности (психологического вреда).

Конечные задачи исследования имеют диагностический и каузальный характер. Диагностическая задача состоит в изучении изменений, произошедших в результате установленного события (правонарушения), условий этих изменений на основе избирательного исследования свойств и состояния взаимодействующих объектов в целях определения механизмов правонарушения в целом или отдельных его фрагментов<sup>7</sup>. Применительно к рассматриваемому виду экспертизы задача эксперта состоит в установлении негативных изменений психической деятельности, произошедших из-за действий или бездействия причинителя вреда, нарушившего нематериальные, неимущественные или имущественные права субъекта, на основе изучения индивидуально-психологических особенностей, психического состояния пострадавшего, ситуации правонарушения и его последствий. Обязательными частными диагностическими задачами СПЭ данного вида является следующее:

- установление негативных изменений психической деятельности пострадавшего;
- определение степени выраженности этих изменений (в том числе их глубины, интенсивности и длительности);
- определение влияния индивидуально-психологических особенностей, на характер изменений психической деятельности;
- прогноз неблагоприятных изменений в психической деятельности субъекта.

Каузальная задача<sup>8</sup> состоит в установлении причинно-следственной связи между негативными изменениями психической деятельности пострадавшего и действиями (бездействием) причинителя вреда.

Учитывая названные выше предмет и задачи, а также основываясь на обобщении

<sup>7</sup> См.: Криминалистическая экспертная диагностика: Методическое пособие. – М., 2003. – С. 73.

<sup>8</sup> См.: Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Издательский центр ИПК РФЦСЭ, 2005. – С. 38.

экспертной практики (191 исследование, произведенное в России и Украине), выделим следующие вопросы, которые могут быть разрешены в ходе экспертизы:

1. Имеются ли у подэкспертного изменения психической деятельности в связи с действиями (бездействием) причинителя вреда, и если имеются, то каков их характер и в чем они выражаются?

2. Какова их степень, глубина, длительность?

3. Имеются ли у подэкспертного индивидуально-психологические особенности, которые могли усугубить глубину и длительность субъективного переживания им событий, ставших содержанием дела? И если имеются, то какие?

4. Каков прогноз изменений психической деятельности?

**Пределы компетенции СПЭ** обусловлены тремя универсальными критериями: юридическим, гносеологическим и этическим<sup>9</sup>.

1. Эксперт не вправе давать юридическую квалификацию деяниям участников процесса, это относится к любому виду экспертизы. Отсюда следует, что перед психологом не могут быть поставлены, а значит, и не могут быть разрешены вопросы о наличии **факта** причинения морального вреда, **факта** нравственных страданий, о размере компенсации морального вреда. Задача эксперта-психолога состоит в установлении психологической составляющей морального вреда – «негативных изменений психической деятельности». Определение физических страданий в компетенцию психолога не входит.

Также не относится к компетенции эксперта определение размера компенсации морального вреда (в его денежном выражении). Согласно п. 2 ст. 1101 ГК РФ «размер компенсации морального вреда определяется судом». Поэтому расчеты компенсации морального вреда экспертным путем неправомерны.

2. Компетенция эксперта ограничена гносеологически – уровнем развития психологической науки и ее прикладных дисциплин, в том числе психодиагностики. Специфика предмета экспертизы данного вида опреде-

<sup>9</sup> См.: Котов Д.П. Судебно-психологическая экспертиза // Социалистическая законность. – 1975. – № 8. – С. 75; Дагель П., Резниченко И. Вопросы компетенции и организации судебно-психологической экспертизы // Советская юстиция. – 1976. – № 1. – С. 8; и др.

лена тем, что под психологическими критериями нравственных страданий понимаются негативные изменения психической деятельности, нарушения адаптации, ухудшение качества жизни, личностные изменения (как в ценностно-мотивационной сфере, так и патологические изменения личности). Если адаптация пострадавшего нарушена под воздействием непатологических (психологических и социально-психологических факторов), то исследование степени дезадаптации, изменений психической деятельности, характера влияния действий или бездействия причинителя вреда находится в компетенции психолога.

3. Необходимо принять во внимание этический критерий, который предполагает, что предметом психологической экспертизы не могут быть обстоятельства социально-нравственной природы, моральная оценка личности.

**Разграничение компетенции психологов и психиатров.** В тех случаях, когда у суда возникают обоснованные сомнения в адекватности восприятия, запоминании и воспроизведении соответствующим процессуальным субъектом информации об обстоятельствах, имеющих юридическое значение, в понимании им сущности вреда, когда имеются основания полагать, что в деле участвуют лица с пограничными расстройствами, экспертиза должна проводиться в комплексной форме (КСППЭ)<sup>10</sup>.

Обобщение экспертной практики показало, что КСППЭ назначается при постановке двух вопросов: о наличии у пострадавшего психического заболевания и об изменениях психической деятельности в связи с причинением морального вреда. Первый вопрос относится к компетенции психиатра, второй – к компетенции психолога (в случае отрицательного вывода на первый вопрос) или к общей компетенции психологов и психиатров.

В КСППЭ к компетенции психиатра относится нозологическая и синдромальная

<sup>10</sup> См.: Кудрявцев И.А., Лавринович А.Н., Москаленко Е.П., Сафуанов Ф.С. Особенности патопсихологической квалификации результатов экспериментально-психологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы: Методические рекомендации. – М., 1985; Дмитриева Т.Б., Харитоновна Н.К., Иммерман К.Л., Королева Е.В. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 251 с.

(типологическая) квалификация психических расстройств и аномалий развития, оценка психопатологических особенностей интеллектуальной и эмоционально-волевой сфер, определение психопатологических влияний, которые искажают восприятие, осмысление, воспроизведение правонарушения и его последствий, содержания ситуации причинения морального вреда; оценка влияния патологических особенностей на глубину изменений психической деятельности до и после причинения вреда.

*В компетенцию психолога* входит установление особенностей психических процессов, психических свойств и состояний пострадавшего, определяющих восприятие ситуации причинения вреда и его последствий, эмоциональную реакцию на правонарушение, степени субъективной значимости для пострадавшего нарушенного права, последствий

вреда, анализ динамики психического состояния в исследуемой ситуации.

*К совместной компетенции экспертов* относится установление степени изменений психической деятельности, потенциальной способности пострадавшего противостоять стрессогенным воздействиям, причинной связи обнаруженных изменений психики с внешними факторами, в том числе с событием причинения морального вреда, а также прогноз психического состояния пострадавшего, возможности рецидива негативных изменений психической деятельности. Дополнительно могут быть определены необходимость и содержание медицинской, психотерапевтической или психологической помощи, других реабилитационных мер с целью устранения имеющих место негативных последствий морального вреда (при постановке судом соответствующих экспертных задач).



**Голощапова Татьяна Ивановна,**  
начальник отдела  
экспертно-криминалистического  
управления ФСКН РФ,  
кандидат филологических наук

## **О МЕТОДИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ РЕКЛАМУ И ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

---

В экспертной практике правоохранительных органов, в частности Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, появился новый вид экспертиз – лингвистические. Поскольку это экспертное направление еще не получило широкого распространения, но уже вызывает активный интерес всех участников судебного процесса, хотелось бы вынести на обсуждение научной общественности некоторые методологические и практические аспекты исследования текста как объекта судебной экспертизы. В настоящее время ЭКУ ФСКН России совместно с РФЦСЭ при Минюсте России разработаны методические рекомендации для экспертов, в которых предложена следующая методология.

**Лингвистическая экспертиза или исследование** (с целью решения узкой практической задачи) – это анализ текста на предмет поиска сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, информации, призванной формировать или поддерживать интерес к наркотическим средствам и способствовать реализации указанных средств и веществ.

Объектами лингвистических экспертиз и исследований становятся опубликованные тексты статей, телепередачи, а также любые другие текстовые источники, в которых в устной или письменной форме может содержаться информация, способствующая формированию интереса к наркотическим средствам и психотропным веществам и их распространению.

Лингвистическая экспертиза назначается органами дознания в рамках дел об административном правонарушении по статье 6.13 Кодекса об административных правонарушениях (№ 195-ФЗ от 30.12.01г.) «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» в соответствии со статьей 46 Федерального закона о наркотических средствах и психотропных веществах (№ 3-ФЗ с изм. и доп. От30.06.03г.) «Запрещение пропаганды и ограничение рекламы в сфере оборота НС, ПВ и их прекурсоров».

Пропаганда – деятельность физических или юридических лиц, направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их пре-

курсоров, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение в компьютерных сетях указанных сведений или совершение иных действий в этих целях.

Реклама – распространяемая в любой форме, с помощью любых средств информация о наркотических средствах, которая предназначена для неопределенного круга людей и призвана формировать или поддерживать интерес к наркотическим средствам и способствовать реализации указанных средств и веществ. Еще в XIX веке А. Веригин, один из известнейших исследователей рекламы, сказал следующее: «Реклама, как сила, совершенно безразлична к тому, чему она служит. Ее цель - обратить внимание возможно большего числа людей на тот или иной факт, на ту или иную мысль, на то или иное лицо. В зависимости от того, что именно несет реклама, к чему возбуждает внимание, что именно проповедует, и может решиться вопрос о ее пользе или вреде. В одном случае она может явиться благодеянием, в другом — бедствием, как и всякое другое орудие цивилизации». Если по результатам проведенного исследования будет признано, что в тексте имеются признаки рекламы и/или пропаганды наркотических средств, то по отношению к издателям/производителям и распространителям будут применены штрафные санкции.

Не является административным правонарушением распространение в специализированных изданиях, рассчитанных на медицинских и фармацевтических работников, сведений о разрешенных к применению в медицинских целях наркотических средств. Однако хотелось бы напомнить, что существуют наркотические средства, наркосодержащие препараты и вещества, запрещенные к употреблению и распространению, в число которых входят: гашиш (анаша, смола каннабиса), героин, каннабис (марихуана) и его производные, кокаиновый куст, кустарно изготовленные препараты из эфедрина, мак и производные, метадон, морфин и т.д. По отношению к ним любая информация, способствующая формированию интереса к данным веществам, как-то: лечебный эффект, недоказанность наносимого вреда, отсутствие привыкания и так далее, даже в специализированных изданиях, будет подпадать под действие статьи 6.13 КоАП.

Как и в любом другом виде судебных экспертиз в делах об административном правонарушении оформление заключения эксперта осуществляется в соответствии с действующими нормативными актами (права и обязанности эксперта предусмотрены статьей 25.9 КоАП РФ, ответственность за дачу заведомо ложного заключения - статьей 17.9 КоАП РФ).

При назначении лингвистической экспертизы или исследования перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы: «Имеются ли признаки рекламы и/или пропаганды наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в данной статье, книге и т.д.?»;

«Содержат ли в себе фрагменты, отмеченные следователем, информацию, которая побуждает людей к /употреблению наркотических средств / к привлечению несовершеннолетних к сбыту НС?»;

«Имеются ли в тексте слова, относящиеся к семантической группе наркотики?»;

«Определить значение сленговых выражений, относящихся к семантической группе «наркотики»».

При решении вопроса «Наличие признаков рекламы и/или пропаганды наркотических средств» эксперт проводит лингвистическое исследование на всех уровнях: лексика, синтаксис, дискурс. Обращается внимание на название анализируемого произведения, псевдоним автора, так как уже в них может содержаться определенный смысл, установка автора, ориентирующая читателя на дальнейший текст. Удачно подобранное название уже говорит о многом. Название «Пи М для народа» вызывает у читателя совершенно определенную ассоциацию с фразой знаменитого исторического деятеля. Причем формально оно не содержит никаких упоминаний о наркотике. Таким образом, при проведении анализа текста как объекта экспертизы крайне важны фоновые знания – имплицитные смыслы-знания, относящиеся к области социо-культурно-исторического наследия разных временных периодов, включая современность. Имена собственные выдающихся личностей, персонажей различных произведений, примечательные географические обозначения, названия исторических событий, памятников культуры порождают совершенно определенные имплицитные смыслы, понятные всем носителям данного языка.

Экспертное исследование включает анализ текста на лексическом уровне, то есть определяется наличие лексики семантического поля «наркотики», наличие положительно или отрицательно окрашенных лексических единиц, преобладание лексики разных стилей (сниженная, возвышенная), наличие превосходной степени прилагательных, метафорических словосочетаний, анализа формы глаголов (повелительное наклонение – открытый призыв к употреблению), оценочных суффиксов и т.п. Этот список может быть расширен до бесконечности, так как русский язык очень богат и выразителен.

Достаточно эффективным методом исследования текста является процедура проведения контент-анализа. Эта техника исследования позволяет получать объективную и систематическую количественную оценку качественного содержания коммуникативных единиц. Процедура контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним количественным характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобное предположение о его плане содержания и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях.

Процедура проведения контент-анализа заключается в следующем: из исследуемого текста выбираются единицы по заранее определенному экспертом критерию (слова семантического поля «наркотики» - нейтральные, с положительной коннотацией, с отрицательной коннотацией; возможно, предпочтение определенного вида наркотических средств из ряда упомянутых), подсчитывается количество полученных слов и словосочетаний по группам, затем определяется их процентное соотношение и делается соответствующий вывод. Например, если в тексте преобладают слова с нейтральной и положительной коннотацией, это свидетельствует о том, что ценностная ориентация автора текста определяется положительным отношением к описываемому объекту.

Следующий уровень - исследование синтаксической организации синтагм, фраз, то есть анализируются типы синтаксических конструкций, сама структура которых может нести определенную смысловую нагрузку. Это риторические вопросы, восклицания;

предложения, содержащие положительную характеристику, которая достигается путем противопоставления с негативными определениями; употребление предложений, содержащих синтаксический параллелизм через отрицание и так далее.

На заключительной фазе исследования анализируются структурные единицы текста в целом, прежде всего ссылки на авторитеты; фрагменты, формирующие положительное отношение, интерес, убеждающие в пользе наркотических средств и психотропных веществ; фрагменты художественного стиля, которые описывают положительные эмоции, возникающие при наркотическом опьянении; описание процесса приготовления и употребления наркотического средства, возможных путей приобретения. Возможно проявление признаков рекламы на композиционном уровне. Например, построение книги по принципу «миф – факт - подтверждение факта». Причем «миф» включает негативную информацию о воздействии наркотического средства, как правило, несколько строк. «Факт» противоречит «мифу», то есть рекламирует полезные свойства данного наркотика, а «подтверждение факта» содержит обширную информацию со ссылками на авторитеты в области науки, медицины, психологии о позитивном воздействии данного наркотического средства на организм человека. То есть при помощи такого композиционного построения авторы полностью отрицают потенциальный вред наркотика.

Особым авторским приемом рекламы является включение в текст фрагментов других жанров. Например, стихотворения – переделки известных легко угадываемых песен, пьеса, евангелие от Семаря-Здрахаря (Баян Ширянов «Срединный пилотаж»), сказка, ода раскумарке, винту, отходняку, банке, машине (Баян Ширянов «Верховный пилотаж»).

Учитывая то, что реклама и пропаганда являются наиболее легким и доступным средством воздействия на широкие массы, прежде всего детей и подростков, когда интерес к наркотикам формируется с использованием художественной литературы, мультфильмов, буклетов, адресованных молодежи, противодействие правоохранительных органов распространению данной информации является важным сегментом борьбы с наркопреступностью в целом.



# Методы и средства судебной экспертизы

---



**Шипшин Сергей Сергеевич,**  
заместитель начальника Южного РЦСЭ Минюста  
России, доцент, кандидат психологических наук

## ОПОСРЕДОВАННАЯ РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ДИАГНОСТИКА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ<sup>1</sup>

---

### ВВЕДЕНИЕ

Проблема экспертной диагностики психического состояния является одной из важнейших, поскольку психическое состояние как интегративная характеристика психической деятельности в конкретный определенный период времени является по существу центральным объектом судебно-психологической экспертизы. В наибольшей степени исследование психического состояния востребовано следственной и судебной практикой при расследовании преступлений, квалифицируемых по ст.ст.107 и 113 УК РФ, ч.2 ст. 28 УК РФ, а также п.п. «ж, з» ч.1 ст.61 УК РФ (когда речь идет об обвиняемых), по ст.131 УК РФ (в отношении потерпевшей), а также при выяснении вопроса о способности свидетеля адекватно воспринимать и запоминать юридически значимую информацию. Так, следствие, например, нередко испытывает затруднения при квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью, так и совершенного в состоянии аффекта, что также относится и к расследованию преступлений по факту причинения тяжкого вреда здоровью. Это связано с тем, что большинство подобных преступлений совершается на бытовой почве, т.е. в

ситуации острого межличностного конфликта. Кроме того, при аффективном насильственном деянии имеют место признаки, которые также могли бы свидетельствовать об особой жестокости. Например, на теле жертв могут иметься следы множественных ударов ножом, ногами, руками, иными предметами и это может являться следствием характерного для аффекта эмоционального и двигательного возбуждения, моторного автоматизма (М.Коченов, О.Ситковская, Ф.Сафуанов, И.Кудрявцев). В случае, когда рассматривается поведение жертв сексуального насилия, возникает вопрос о причине пассивности, которая может явиться следствием эмоционального состояния (фрустрации, психической напряженности, растерянности).

Это, наряду с ретроспективным, реконструирующим характером экспертного исследования, а также сложностью самого объекта исследования – эмоционального состояния обуславливает актуальность проблемы методов диагностики аффекта и других экстремальных юридически значимых состояний.

Для эксперта основным первичным источником информации о состоянии человека в момент совершения преступления являют-

---

<sup>1</sup> Утверждено секцией НМС по СПЭ (протокол №3(7) от 27.10.2006)

ся материалы уголовного дела, предоставляемые в его распоряжение, а также самоотчет испытуемого о происшедшем, о своем состоянии, получаемый в процессе проведения экспертизы. При этом информация, сообщаемая испытуемым в процессе экспертизы, нередко грешит неточностью и неполнотой. Это может быть связано с тем, что экстремальное эмоциональное состояние (достигающее уровня аффекта или приближающееся к нему по степени интенсивности и глубины) оказывает существенное влияние на психическую деятельность, обуславливая фрагментарность восприятия, частичную амнезию, суженность сознания или его заполненность яркими эмоциональными переживаниями. Кроме того, это может являться следствием трудности вербализации пережитого в прошлом состояния (особенно если испытуемый не обладает высоким образовательным уровнем или обнаруживает недостаток рефлексии). Не исключается, что испытуемый, стремясь избежать ответственности за совершение умышленного тяжкого преступления, искажает картину происшедшего, сознательно диссимилирует. Это свидетельствует, что экспертная диагностика требует использования «инструментальных» методов, позволяющих более полно и точно исследовать психическое состояние подэкспертного в момент совершения правонарушения.

Можно выделить несколько групп методов, позволяющих исследовать психическое состояние человека. Это, прежде всего, шкалирование. Использование шкал (САН Доскина, шкала напряжения, эмоционального тонуса, комфорта А.Курганского, СУПОС-8 и др.) позволяет оценить актуальное состояние, а также, при ретроспективной процедуре, - представление подэкспертного о его состоянии в момент совершения преступления. Однако стандартизованность шкал, а также их незащищенность от искажающего влияния со стороны испытуемого ограничивает возможности их использования в экспертном ретроспективном исследовании состояния.

В значительной степени эти недостатки снимаются методом, базирующимся на технике репертуарных решеток, предлагаемым Ф.Сафуановым (2003), позволяющим выявлять следы пережитого аффекта в специфическим образом измененной структуре личностных конструктов, что важно для диагностики аффективного состояния.

В то же время вопрос о разработке метода, который, с одной стороны, способствовал бы более полному и точному отображению внутреннего содержания состояния конкретного человека в определенный период времени, а с другой, был бы относительно прост, позволял работать с людьми различного возрастного и образовательного уровня и был достаточно защищен от осознанного или неосознанного искажающего влияния со стороны испытуемого.

### **1. Теоретические основы метода опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния (ОРДПС)**

К числу методов, отвечающих этим требованиям, можно отнести проективные методы, в которых в качестве стимульного материала используют цвет. Это связано с тем, что существует связь между цветом и эмоцией, в основе которой лежат механизмы синестезии, причем глубинный синестетический код универсален для различных культур (А.Вартанов, Э. Муньягисенья, Е.Соколов, Г.Тонквист). Например, установлено, что мифологические значения цветов архетипичны, базируются на неизменных свойствах, как природы, так и самого человека (Л.Миранова). Многочисленные исследования установили корреляцию между различными цветами и эмоциями (А.Ольшанникова, В.Семенов, Л.Смирнов, Л.Иванов, Л.Урванцев, А.Лутошкин, П.Яньшин, Б.А.Базыма и др.).

К таким методам относятся Тест выбора цвета (ТВЦ) (М.Люшер, 1948), Тест цветных пирамид (М. Пфистер, Р. Хейс, Г. Хилтман, 1952), Методика цветовых порогов (Э.Дорофеева, 1967-70), Цветовой тест отношений (ЦТО) (Е.Бажин, А.Эткинд, 1985). Как отмечает Б.А.Базыма, будучи экспресс-методами, цветовые психодиагностические методы, тем не менее, позволяют получать достаточно полную информацию о состоянии человека. Помимо этого эти методы исследования эффективны в тех случаях, когда человек настроен негативно по отношению к тестированию и рассматривает вопросные методы в качестве «опасных» для себя (что отмечается в судебно-экспертной практике). Немаловажно, что цветовые методы не обнаруживают выраженности эффекта привыкания по отношению к цветовым тес-

там, что избавляет от необходимости создания эквивалентных форм. При этом, несмотря на «чувствительность» цветовых методов исследования эмоциональных состояний к влиянию ситуации, цветоассоциативные представления человека остаются в значительной степени константными.

Наибольшее распространение в России в клинической и экспертной практике получили ТВЦ М.Люшера и ЦТО. Если рассматривать ЦТО, то его методической основой является цветоассоциативный эксперимент, базирующийся на гипотезе отражения существенных характеристик невербальных компонентов отношений к значимым другим и к самому себе в цветовых ассоциациях к ним. Следует отметить, что использование цветоассоциативного эксперимента применительно к задачам судебно-экспертной практики началось вскоре после первых публикаций о методе (С.Шипшин, 1990, 1997, И.Мамайчук, В.Смирнов, 1998).

### **1.1. Назначение метода ОРДПС и область применения**

Метод предназначен для ретроспективной, по прошествии длительного времени с момента исследуемых событий, диагностики психического состояния человека. Он позволяет; во-первых, исследовать состояние человека в динамике, на различных этапах исследуемого события; во-вторых, выявлять внутреннее содержание состояния через его «эмоциональный спектр», получаемый в процессе обработки результатов; в-третьих, соотносить получаемые результаты с другими методами, использующими цвет в качестве стимульного материала (например, ТВЦ М.Люшера).

Метод ОРДПС может быть применен в практике производства судебно-психологических экспертиз у головном процессе - в отношении обвиняемых в совершении преступлений по ст.ст. 107, 113 УК РФ, ч.2 ст. 28 УК РФ, п.п. «ж, з» ч.1 ст.61 УК РФ, в отношении потерпевших по делам против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в отношении свидетелей. Данный метод применим и при производстве экспертиз по гражданским делам – при установлении психологических признаков дееспособности (по ст.ст. 178, 179 ГК РФ), а также при экспертном исследовании истцов по делам о возмещении морального вреда.

Также метод ОРДПС может быть использован в клинике и консультативной практике.

## **2. Порядок проведения исследования с помощью метода ОРДПС**

### **2.1. Материалы и оборудование**

Для проведения исследования необходимы: основной набор из ТВЦ М.Люшера (8 цветов), лист бумаги, ручка/карандаш.

### **2.2. Процедура исследования**

Методика опосредованной ретроспективной диагностики состояния включает в себя 3 этапа.

**Первый этап.** На основе изучения материалов дела и собеседования с испытуемым выделяются ключевые стадии развития криминальной ситуации, на которых испытуемым (в его самоотчетах или в протоколах допросов) отмечалось явное изменение своего состояния либо, исходя из анализа криминальной ситуации, это изменение было бы наиболее вероятным (в тех случаях, когда испытуемый не смог или не захотел описать свое состояние). В зависимости от конкретного дела количество таких стадий может значительно варьировать, однако их не должно быть менее трех. Это связано с представлением о трехфазной динамике аффекта (фаза накопления возбуждения, фаза «эмоционального взрыва» и фаза истощения) и задачей обнаружения факта изменения состояния соответственно каждой фазе. *Первая стадия* непосредственно предшествует совершению преступлению (стадия аффектогенной ситуации). Ее признаками являются конфликтность, экстремальность, динамизм, реальность, а также - внезапность (в случае однократного сверхсильного психотравмирующего воздействия) либо очередное психотравмирующее воздействие (в случае длительной конфликтной ситуации), которое может послужить «последней каплей». *Вторая стадия* – собственно совершение преступления (нанесение ударов, ножевых ранений и т.п. на пике эмоционального и двигательного возбуждения), сопровождаемое специфическими для аффекта изменениями психической деятельности (сужение сознания, снижение восприятия, как симультанного, так и сукцессивного, явления моторного автоматизма, частичная амнезия, снижение произ-

вольности действий и поведения в целом). *Третья стадия* непосредственно следует за совершением преступления (в динамике аффекта она соответствует этапу физической и психической астении).

После этого составляется перечень, включающий эмоции, переживания и состояния, составляющие «эмоциональный спектр» таких экстремальных состояний, как аффект, фрустрация, психическая напряженность, растерянность и т.д.<sup>1</sup> Например, среди них могут быть такие эмоции и состояния, как страх, гнев, отчаяние, ярость, растерянность, безвыходность, возбуждение и т.д. В перечень в обязательном порядке включаются также те эмоции и переживания, которые были отмечены самим испытуемым в самоотчете (в процессе интервью с экспертом).

**Второй этап.** Испытуемому предлагается проранжировать 8 цветов из ТВЦ М.Люшера, описывая свое состояние, пережитое им на каждой стадии развития ситуации, начиная с цвета, который в представлении испытуемого в максимальной степени ассоциируется с этим состоянием. Таким образом, получают цветоассоциативные ряды (не менее трех), отражающие индивидуальный «образ психического состояния», присущий только определенному испытуемому, в динамике, на различных стадиях развития криминальной ситуации.

**Третий этап.** Испытуемому предлагается заранее составленный (на первом этапе) перечень эмоций, переживаний и состояний, составляющих «эмоциональный спектр» экстремальных состояний. Обычно предъявляется перечень из 16-25 эмоций и состояний (однако их количество не ограничено: при анализе сложных преступлений, совершенных в условиях неочевидности, он может включать названия 35 и более эмоций, переживаний и состояний). Испытуемый с помощью того же основного набора из ТВЦ М.Люшера описывает эти эмоции и состояния. Полученные цветоассоциативные ряды отражают свойственные только данному испытуемому цветоассоциативные представления о тех или иных эмоциях, состояниях и переживаниях. В дальнейшем они служат индивидуальными «эталонными» образами

при сравнении с цветоассоциативными рядами, описывающими состояние испытуемого в криминальной ситуации.

### 2.3. Правила обработки полученных результатов

По окончании работы с испытуемым проводится сопоставление каждого цветоассоциативного ряда, описывающего состояние испытуемого на определенной стадии развития криминальной ситуации, с индивидуальными цветоассоциативными «эталонными» образами эмоций, состояний и переживаний. Для этого используется формула вычисления коэффициента ранговой корреляции (по Спирмену):

$$r = 1 - \frac{6 \sum_i (\alpha)^2}{n(n^2 - 1)}$$

где  $\alpha$  - разность рангов,  $i$  - характеристики в ряду образа состояния испытуемого на исследуемом этапе криминальной ситуации и в «эталонном» цветоассоциативном ряду;

$n = 8$  (число рангов, соответствующих количеству используемых цветов).

Эта процедура проводится применительно к каждой стадии развития криминальной ситуации.

Полученные значения коэффициента ранговой корреляции свидетельствуют о близости образа состояния испытуемого на различных стадиях криминальной ситуации индивидуальным «эталонным эмоциональным представлениям» об эмоциях, переживаниях и состояниях, использованных в качестве параметров исследуемого состояния. Учитываются как положительные, так и отрицательные значимые коэффициенты корреляции. При анализе каждого параметра состояния в динамике, на разных стадиях развития криминальной ситуации, значения коэффициента корреляции будут различны, что может являться показателем усиления или ослабления влияния каждой составляющей «эмоционального спектра» состояния человека, что в целом отражает специфику состояния на каждой конкретной стадии.

### 3. Психологическая интерпретация

В качестве примера интерпретации рассмотрим результаты исследования обви-

<sup>1</sup> Подобный перечень был получен нами в результате ранее проведенного специального исследования, в ходе которого 132 испытуемых выбирали не менее 10 эмоций и состояний (из 61), которые соответствуют различным экстремальным состояниям.

няемого по факту совершения убийства водителя такси при отягчающих обстоятельствах.

Обвиняемый И. стремился исказить реальную картину происшествия и в процессе расследования выдвинул последовательно три версии развития событий. *Первоначально*, сразу после ареста, он утверждал, что, поссорившись с матерью из-за того, что она не оказывает ему материальной помощи и поэтому он не может устроить личную жизнь со своей подругой, взял нож, выпил немного алкоголя, упаковал в пакет подобранный на улице кирпич и сел в такси, на место позади водителя. Водителя он попросил отвезти его в соседний городок. По прибытии на место, когда по его просьбе машина остановилась в малолюдном месте, в районе фруктовых садов, ударил водителя кирпичом по голове. Поскольку удар оказался недостаточно сильным, водитель выскочил из машины и попытался убежать. Обвиняемый догнал его и ножом начал наносить ему множественные удары по телу. Оттащив потерявшего сознание водителя в кусты, преступник сел в машину и уехал к своей подруге. Машину планировал продать, однако сделать это не удалось, а потому, поездив вместе с подругой и близким другом на ней несколько дней, машину сожгли в лесу. От друзей не скрывал факта разбойного нападения и убийства водителя. Однако в дальнейшем И. выдвинул *вторую версию* о том, что в районе садов он подвергся сексуальному посягательству со стороны водителя и, будучи в состоянии аффекта, убил водителя. Согласно его же *третьей версии* развития событий, убийство совершил незнакомый ему второй пассажир такси, а сам И. оказался невольным свидетелем и пережил шок от увиденного. За обещание молчать он получил автомобиль.

Как показал анализ материалов дела, показаний И., данных им как на предварительном следствии, так в суде и в процессе экспертного исследования, несмотря на различия в них, выделяются 4 основных и неизменных этапов ситуации: 1) поиск машины, 2) убийство водителя (обвиняемый выступает либо в качестве убийцы, изначально имевшего умысел на убийство и завладение автомобилем, либо «аффективного» убийцы, либо случайного свидетеля убийства), 3) оставление места преступления на автомобиле убитого, 4) приезд к подруге и сообщение ей о случившемся.

Следует отметить, что любой из этих вариантов развития события предполагал нахождение обвиняемого в необычном, более или менее выраженном экстремальном состоянии (что также соответствовало его самоотчету). Прежде всего это относилось к

версиям сексуального посягательства, а также - неожиданного для него убийства водителя третьим лицом на его глазах.

После проведения всех этапов цветоассоциативного эксперимента были получены значения коэффициента ранговой корреляции, отражающие специфику состояния преступника на каждой из 4 вышеописанных стадий развития криминальной ситуации, образно говоря, - «эмоциональный спектр» состояния (таблица 1).

**Таблица № 1**

Параметры	1	2	3	4
Сосредоточенность	0,1	0,83	0,05	0,67
Активность	-0,02	0,69	-0,19	0,9
Гнев	0,29	-0,21	0,14	-0,14
Страх	-0,33	0,74	-0,24	0,76
Раздражение	0,19	0,17	0,26	0,1
Готовность действовать	-0,17	0,83	-0,05	0,69
Слабость	0,12	0,17	0,9	-0,07
Ярость	-0,19	0,88	0,1	0,67
Тревога	-0,29	0,69	-0,19	0,83
Растерянность	-0,55	-0,57	0,1	-0,71
Отчаяние	-0,24	-0,36	0,24	-0,14
Потребность действовать	-0,02	0,69	-0,19	0,9
Удовлетворение	0,02	0,48	0,14	0,43
Уверенность	-0,19	0,4	0,29	0,26
Напряженность	-0,19	-0,76	-0,02	0,83
Утомление	0,31	-0,26	0,71	-0,4
Безвыходность	-0,17	-0,29	-0,38	0,11
Возбуждение	-0,36	0,79	-0,1	0,74
Апатия	0,38	0,14	0,71	-0,1
Подавленность	0,38	0,14	0,71	-0,1

Оцепенение	0,05	-0,14	0,33	-0,52
Гордость	-0,12	0,83	0,14	0,79
Приподнятое настроение	-0,1	0,74	-0,24	-0,79
Раскрепощенность	-0,14	0,67	-0,31	0,88
Мобилизация	-0,17	0,88	0,19	0,71

Если проанализировать составляющие (параметры) состояния обвиняемого на первом этапе, то можно отметить, что, строго говоря, его состояние «размыто» и противоречиво. Отмечается слабая связь, как с гневом, так и астеническими переживаниями. Однако это соответствует в целом его самоотчету – «был зол, но не знал, что делать».

На второй стадии преобладающая доля значимых корреляций состояния испытуемого относится к стеничным эмоциям и состояниям (ярость, возбуждение, мобилизация, сосредоточенность, потребность и готовность действовать). Наличие страха соседствует с гордостью, раскрепощенностью, удовлетворенностью. Это можно рассматривать как своего рода иллюстрацию разрешения дилеммы в стиле Р.Раскольникова – «тварь я дрожащая или право имею?» (**Ф.Достоевский, Преступление и наказание**). При этом, как показывают наши исследования, подобный «эмоциональный спектр» состояния не характерен для стадии «эмоционального взрыва» в динамике аффекта, когда отмечаются сужение сознания и нарушение опосредованности действий и поведения, расстройство контроля действий, их импульсивность.

Астенизация, отмечаемая на третьей стадии, также объяснима (притом не с позиции стадии истощения в динамике аффекта) - испытуемому пришлось довольно долго убивать свою жертву, которая оказывала активное сопротивление, перетаскивать тело подальше от дороги, управлять автомобилем, не имея достаточных для этого навыков (последнее вытекало из материалов дела – у испытуемого не было водительских прав, необходимого опыта вождения).

Показательным является «эмоциональный спектр» состояния на последующей стадии (приезд к подруге и рассказ ей о случившемся) – высокий уровень активации (напряжение, тревога, возбуждение, мобилизация)

сочетаются с амбивалентными эмоциональными переживаниями (страх, с одной стороны, и гордость, раскрепощенность и удовлетворение, с другой).

Таким образом, результаты метода ОРДПС однозначно свидетельствуют, что состояние И., характеризующееся выявленными параметрами, отличается по своему содержанию и динамике от экстремальных состояний, которые могут наблюдаться в тех случаях, когда человек становится жертвой насилия либо невольным свидетелем такового (например, аффект, фрустрация, растерянность). В частности, отсутствуют корреляции состояния испытуемого на всех стадиях с такими эмоциями, как отчаяние, безвыходность, растерянность, оцепенение<sup>2</sup>.

Представляется интересным рассмотреть результаты исследования эмоционального состояния потерпевшей по факту группового сексуального насилия, (по данным метода ОРДПС).

Из материалов дела было известно, что П. возвращалась на поезде домой. Около четырех часов утра она была разбужена работниками милиции, сопровождавшими состав, для проверки документов. Обнаружив отсутствие штампа о прописке в паспорте, сотрудники милиции стали угрожать П. высадить ее из поезда, сдать в дежурное отделение, где ее посадят в изолятор временного содержания на трое суток и никто не узнает, где она находится и т.п. При этом, сотрудники милиции завели П. в служебное купе, где потребовали сексуальной близости, обещая после этого оставить ее в покое. Несмотря на просьбы П., сообщение о том, что она, якобы, страдает венерическим заболеванием, П. была изнасилована обвиняемыми в извращенной форме. На разрешение судебно-психологической экспертизы, помимо других, был поставлен вопрос о психическом состоянии П. в период совершения в отношении нее действий сексуального характера.

Анализ ситуации свидетельствует, что выделяются три ее ключевые стадии: 1. - воз-

<sup>2</sup> Необходимо подчеркнуть, что полученные данные соотносились с результатами шкалирования (в том числе ретроспективного) с помощью трех шкал (Самочувствие-Активность-Настроение, СУПОС-8, шкала Н.Курганского). Все эти результаты, с учетом выявленных в процессе экспертизы психологических свойств испытуемого (таких как честолюбие, эгоцентризм, импульсивность, склонность к риску, низкий самоконтроль, агрессивность, враждебность, ориентация на успех) позволили дать категоричные выводы об отсутствии у него состояния аффекта либо иного эмоционального состояния, способного существенно ограничить способность к осознано-волевой регуляции своего поведения.

никновения угрозы высадить из поезда и угрозы изнасилования; 2 - изнасилование; 3 - после случившегося.

С помощью метода ОРДПС состояние П. исследовалось на всех трех стадиях развития криминальной ситуации. Среди 25 параметров состояния, взятых в качестве эталонных, оказались наиболее информативными и показательными 15. Это - активность, опасность, апатия, тревога, готовность действовать, напряженность, слабость, отчаяние, страх, отвращение, безвыходность, спокойствие, подавленность, ужас, потрясение.

«Эмоциональный спектр» состояния П. в динамике, на трех стадиях развития криминальной ситуации отображен в таб.2. Корреляционный анализ (по Спирмену) выявил степень близости ранжировок основного набора ТВЦ, ассоциировавшихся у П. с ее состоянием на ключевых стадиях криминальной ситуации, ранжировкам, отражающим представление испытуемой относительно 15 эмоций, переживаний и состояний, выступавших в качестве параметров исследуемого состояния. В таблице № 2 приведены значения коэффициента ранговой корреляции.

Как видно из этих данных, состояние П. на первой стадии развития криминальной ситуации, когда сотрудники милиции угрожали ей арестом, требовали вступления с ними в сексуальный контакт, обнаруживало значимую корреляцию с переживанием чувства опасности, слабости, апатии. Последнее, по-видимому, следует рассматривать как показатель крайне низкого уровня активации, на что, в частности, указывает и отрицательная корреляция с активностью. (Необходимо также помнить, что П. была разбужена работниками милиции). При этом испытуемая практически утрачивает спокойствие.

На второй стадии развития ситуации, собственно в период изнасилования обвиняемыми, состояние П. тесно связано с тревогой, переживанием безвыходности, страхом, отвращением, отчаянием, переживаниями потрясения и ужаса; отмечается также и психическая напряженность.

На третьей стадии, после случившегося, состояние П. продолжает усугубляться, восприниматься как практически полностью безвыходное. (Следует упомянуть, что после случившегося П. проходила курс интенсивной психотерапии в связи с полученной психотравмой).

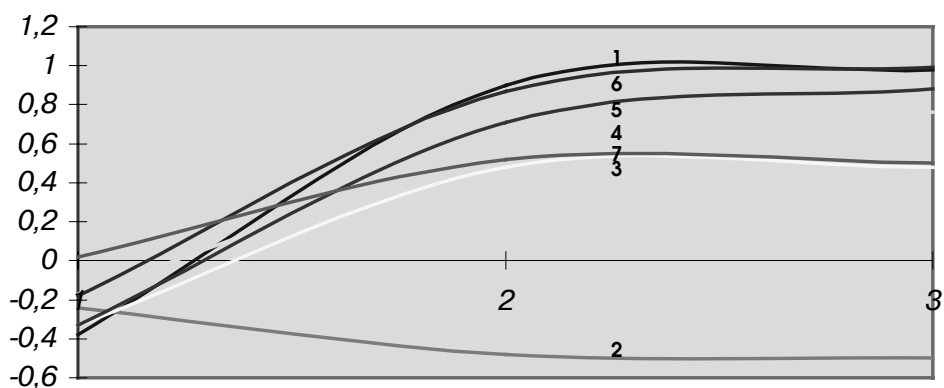
Таблица № 2

Параметры	1	2	3
активность	<b>-0.64</b>	-0.02	-0.17
опасность	<b>1.00</b>	-0.29	-0.24
апатия	<b>0.60</b>	0.05	0.36
тревога	-0.38	<b>0.90</b>	<b>0.98</b>
готовность действовать	-0.24	<b>-0.48</b>	<b>-0.50</b>
напряженность	-0.33	<b>0.48</b>	<b>0.48</b>
слабость	<b>0.40</b>	0.19	0.38
отчаяние	-0.17	<b>0.55</b>	<b>0.76</b>
страх	-0.33	<b>0.71</b>	<b>0.88</b>
Отвращение	-0.33	<b>0.71</b>	<b>0.88</b>
Безвыходность	-0.18	<b>0.87</b>	<b>0.99</b>
спокойствие	<b>-0.64</b>	-0.12	-0.19
подавленность	0.02	<b>0.52</b>	<b>0.50</b>
ужас	-0.17	<b>0.55</b>	<b>0.76</b>
потрясение	-0.17	<b>0.55</b>	<b>0.76</b>

Таким образом, ОРДПС выявляет следующую динамику состояния П. в криминальной ситуации: восприятие ситуации как предельно опасной при отсутствии адекватных уровня активации и готовности действовать, и при ощущении обессилности (близко по содержанию состоянию растерянности) → восприятие ситуации как безвыходной, вызывающей страх, отчаяние, тревогу, отвращение, потрясение (сравнимое с ужасом), высокий уровень напряженности, при утрате способности к проявлению активности (по своему содержанию данное состояние максимально приближается к фрустрации) → усугубление состояния после случившегося (что могло быть вызвано осознанием случившегося и его последствий). Очевидно, что результаты ОРДПС выявляют у П. в период



Рис.1 *Динамика основных параметров состояния П. в криминальной ситуации*



1-тревога; 2-готовность действовать; 3-напряженность; 4-отчаяние  
5-страх; 6-безвыходность; 7-подавленность.

исследуемых событий признаки состояния острой фрустрации. Ниже приводится график, наглядно иллюстрирующий динамику основных параметров, составлявших «эмоциональный спектр» состояния П. на ключевых стадиях развития ситуации (Рис. 1).

#### 4. Валидность

Для выявления того, насколько предложенный метод (ОРДПС) информативен и адекватен как объективной специфике экстремального состояния, так и самоотчету испытуемого, нами было проанализировано 280 заключений СПЭ по фактам насильственных преступлений, проведенных в Южном РЦСЭ Минюста России. Отличительной особенностью криминальной ситуации во всех случаях являлся ее аффектогенный либо стрессогенный характер.

Мы исходили из того, что на каждой из трех стадий развития криминальной ситуации метод ОРДПС будет отражать характерные для данных стадий изменения психического состояния.

Как показали результаты анализа, все-го по изучавшимся делам в качестве «эталонных» параметров испытуемым предлагался перечень из 32 состояний и эмоциональных переживаний. Нами были учтены только те эмоции и состояния, которые значимо коррелировали с образом психического состояния испытуемых на трех ключевых стадиях разви-

тия криминальной ситуации (рассматривались как положительные, так и отрицательные коэффициенты корреляции). Таким образом, был получен усредненный «эмоциональный спектр» состояния на различных стадиях развития криминальной ситуации, имеющей признаки аффектогенной.

Полученные параметры «эмоционального спектра» включали как собственно эмоции (стеничные и астеничные), так и состояния, отражающие уровень активации и характеризующиеся эмоциональной амбивалентностью (например, состояние тревоги в сложной ситуации позволяет человеку находиться в «зоне оптимального функционирования» (Ханин), минимизировать дискомфорт (Спилбергер); психическое напряжение обуславливает мобилизацию, повышение устойчивости психических и двигательных функций (Немчин, Стреляу).

Если обратиться к Рис.2, то очевидно, что на первой стадии наибольший удельный вес имеют стеничные эмоции, такие как гнев, страх, опасность, ярость, раздражение. Астеничные эмоции здесь представлены неуверенностью и подавленностью. Состояния, характеризующие уровень активации, включают психическое напряжение, тревогу, фрустрацию. Следует отметить, что для психического состояния первой стадии не характерны мобилизация, собранность, готовность действовать. Это, наряду с отмеченными неуверенностью и подавленностью, свидетель-

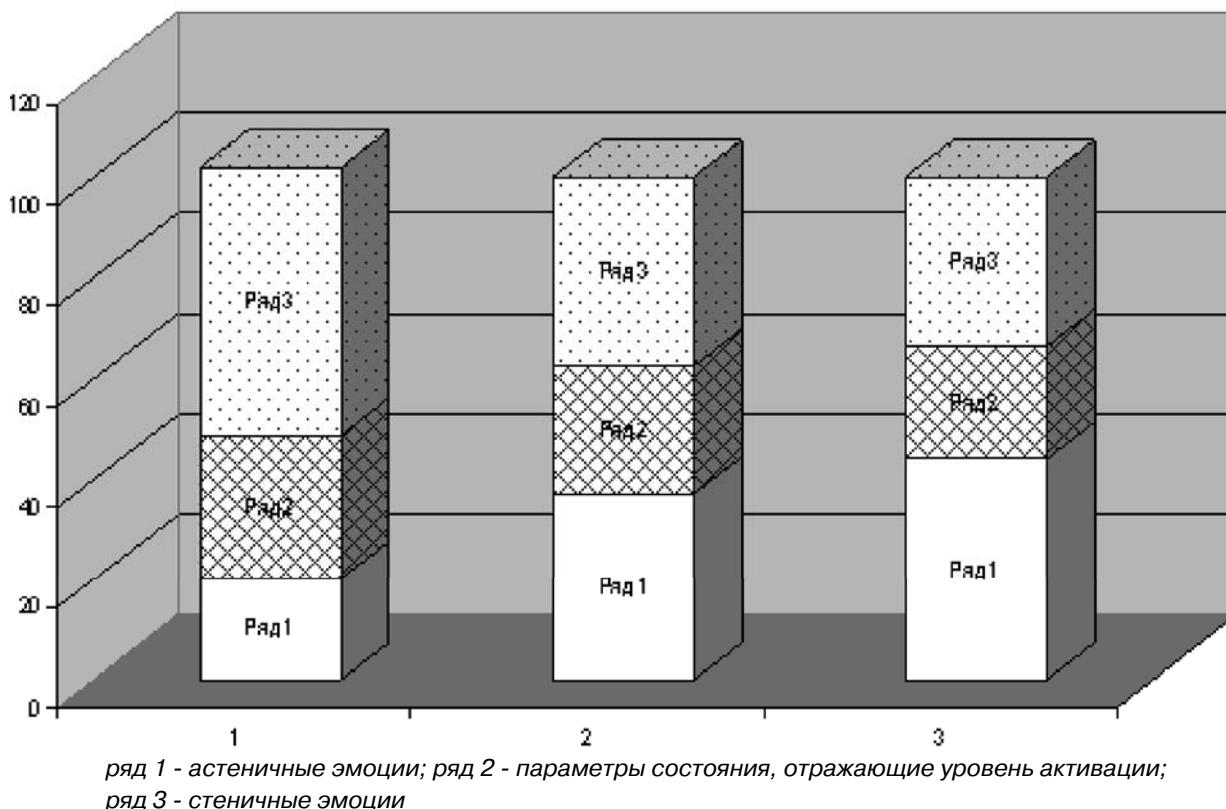
ствует, что обобщенный образ эмоционального состояния на первой (аффектогенной либо стрессогенной) стадии криминальной ситуации характеризуется отрицательной эмоциональной валентностью с выраженным «ориентировочным» компонентом в отношении сложившейся ситуации (что в условиях дефицита времени на принятие решения в ситуации острого конфликта, неготовности к подобному развитию событий, истощения совладающего потенциала личности, выхода ситуации из-под контроля приводит к преимущественно агрессивному поведению в отношении источника опасности).

Если говорить о второй стадии (непосредственного совершения насильственных действий), то состояние можно рассматривать как амбивалентное с точки зрения стеничности эмоций, но однозначно отрицательно эмоционально окрашенное. Практически в равной степени представлены страх, гнев, раздражение, ненависть, с одной стороны, и растерянность, неуверенность, усталость, с другой. Нередко проявляется переживание

внезапности, неожиданности происходящего для человека, совершающего агрессивные действия в отношении потерпевшего. Представляет интерес, что на этой стадии, наряду с фрустрацией, явно проявляется готовность действовать. Это, с учетом выраженного переживания высоко энергетически заряженных отрицательных эмоций, свидетельствует о новом качестве состояния субъекта - «включения» активности на всех уровнях, установки на действие в связи с аффектогенностью ситуации. Наличие двух противоположных тенденций (готовность действовать - растерянность) является следствием того, что «готовность действовать» в представлении многих испытуемых может сливаться с «потребностью действовать» (что не одно и то же) и тогда мы сталкиваемся с характерной для аффекта картиной, когда имеется непреодолимая потребность действовать, но отсутствует адекватная готовность к этому, в результате чего активность может носить неадекватный (крайне избыточный) характер.

Рис.2

**Удельный вес стеничных и астеничных эмоций на ключевых стадиях криминальной ситуации**



Что касается третьей стадии (посткриминальной, когда в динамике аффективного состояния проявляется физическая и психическая астения), то, как следует из полученных обобщенных данных, преобладают астенические эмоции (неуверенность, подавленность, обида, удрученность, безразличие), что не исключает сохранения отрицательного эмоционального отношения к произошедшему (нередко параллельно астеническим эмоциям сохраняются переживания гнева, ненависти). Это может являться следствием того, что психические явления (в данном случае эмоции) обладают определенной инертностью и не могут одновременно перейти в иное качество.

Также нас интересовал вопрос, насколько точно отражает цветовая символика специфику и динамику эмоционального состояния человека в криминальной ситуации. С этой целью были обобщены цветоассоциативные ранжировки (по вышеназванным 280 случаям). Попытка получения обобщенных ранжировок 8 используемых цветов соответственно состоянию человека на каждой ключевой стадии развития криминальной ситуации не привела к успеху (во всех случаях коэффициент конкордации не превышал значения, равного 0,15). Это вряд ли свидетельствует об отсутствии закономерностей, а скорее о большой вариативности как цветоассоциативных представлений об эмоциональных состояниях, так и о многообразии составляющих «эмоционального спектра». Это побудило нас к проведению частотного анализа, в ходе которого выяснялось представительство цветов, занимавших первые два ранга (т.е. соответствующих в представлении испытуемых описываемому состоянию), а также - два последних ранга (отвергаемые цвета, не соответствующие изучаемому состоянию).

Анализ ранжировок 8 цветов, характеризующих состояние **на первой (аффектогенной) стадии**, показал, что первый ранг занимали черный (39,4%) и красный (21,2%) цвета; второй ранг - синий (36,4%) и красный (18,2%) цвета. Другие цвета, занимавшие первый и второй ранги, были представлены практически равномерно. Отвергаемые цвета (7 и 8 ранги) преимущественно были представлены желтым и зеленым цветам.

Если охарактеризовать состояние с позиции символики цвета, то нахождение на первых позициях черного, красного и сине-

го цветов может свидетельствовать об экстремальном характере состояния, что выражается в протесте против существующего положения дел при готовности действовать безрассудно и опрометчиво. Так, черный цвет свидетельствует об общей тяжести психического состояния, внутреннем напряжении, дисгармонии, усилением отгороженности, неконтактности, снижении порога восприимчивости к отрицательным средовым воздействиям (П.Яньшин, 1995). Красный цвет отражает повышение уровня активации (безотносительно знака эмоций), возбуждение, экстравертированность (направленность вовне); в то же время на эмоциональном уровне красный ассоциируется с яростью, свирепостью, тревогой и враждебностью (Ч.Измайлов, Н.Волков; П.Яньшин, 1995). При этом, как отмечает F.Birren, красный цвет связан с действиями, но не связан с их вынашиванием и обдумыванием. Следует отметить также, что сочетание черного и красного цветов ассоциируется с сильной, непреодолимой болью (Г.Адашинская, Е.Мейзеров, 2001). Синий цвет связан с унынием, боязливостью, скрытностью (F.Birren); по мнению И.Гете, в качестве цвета он осуществляет энергию, однако он стоит на «отрицательной стороне».

Отвержение зеленого и желтого цветов может интерпретироваться как блокировка потребностей, стремление преодолеть препятствия, а также разочарование. По данным А.Лутошкина, нахождение этих цветов на последних местах при ранжировке может свидетельствовать об утрате спокойствия и уравновешенности, отрицательном фоне эмоций. По мнению П.Яньшина, это указывает на снижение толерантности к фрустрации.

Состояние **на второй стадии** криминальной ситуации (непосредственно агрессивных действий, а также острых эмоциональных переживаний) связана с черным и синим цветами (1-2 ранги). Наряду с реакцией протеста, готовностью действовать, синий цвет может интерпретироваться как ранимость, повышение чувствительности. К числу отвергаемых (ранги 7-8) трудно отнести определенные цвета ввиду их равномерного распределения. Однако несколько чаще отвергаются желтый и зеленый цвета.

Состояние **на третьей стадии**, равно как и на второй, описывается черным и синим цветами при отвержении желтого, зеленого и красного цветов. Отвержение красного цвета

может быть интерпретировано как физиологическое и нервное истощение.

Таким образом, динамика психического состояния, выражаемая цветовыми ассоциациями, достаточно точно отражает динамику аффективного эмоционального состояния: *фиксация на проблеме, реакция протеста, повышение уровня активации → обострение чувствительности при потребности в покое → появление признаков астенического синдрома на фоне отрицательных эмоциональных переживаний.*

## 5. Эффективность использования метода ОРДПС

1. Анализ экспертной практики свидетельствует, что более чем в 90% случаев метод ОРДПС адекватно отражает динамику аффективного или близкого к нему состояния. Судить об адекватности результатов мы можем с различных позиций:

- с точки зрения их соответствия феноменологически присущих данным состояниям содержанию и динамике;
- исходя из того, что они отражают динамику криминальной ситуации, исследуемой в процессе экспертизы;
- наличия соответствия с результатами других методов, применявшихся для изучения состояния испытуемого в конкретной криминальной ситуации (контент-анализа материалов уголовного дела, интервью с испытуемым, шкалирования);
- во взаимосвязи с устойчивыми индивидуально-психологическими особенностями испытуемого.

В результатах ретроспективного экспериментального цветоассоциативного исследования состояния отражаются как общие, присущие большинству представления о цветовой символике эмоционального состояния, так и индивидуальные представления, свойственные только определенному индивиду. Это позволяет реализовывать собственно экспертный подход к диагностике психического состояния человека в юридически значимой ситуации.

Например, как показали наши исследования, практически у всех испытуемых страх ассоциируется с черным цветом при явном отвержении желтого. Черный цвет символизирует в данном случае о восприятии ситу-

ации как крайне неприятной, оказывающей сильное давление на субъекта, превышающее его возможности. Отвержение желтого цвета может означать утрату надежды, повышение подозрительности. При этом сочетание приемлемого и отрицаемого цветов (черный-желтый) существенно повышает риск импульсивного, необдуманного поведения.

Однако если мы рассмотрим обобщенные ранжировки наших испытуемых, отражающих представление о состоянии активности, то увидим, что у большинства это состояние ассоциируется у испытуемых преимущественно с фиолетовым, красным цветами, но не с черным и серым. Мы можем понять это, исходя из символики цвета, поскольку выбор красного и фиолетового могут означать силу, энергию, живость, ориентацию на достижение успеха, потребность в оказании влияния на других людей, на ситуацию, стремление проявить себя. При этом отвергаемые черный и серый символизируют потребность в преодолении изоляции, напряженную, возможно, избыточную деятельность, вовлеченность в ситуацию. Сходные ассоциации наблюдаются в отношении таких состояний, как возбуждение, мобилизация, готовность действовать.

В то же время мы можем в процессе экспертного исследования столкнуться с тем, что испытуемый обозначает состояние активности, например, серым, коричневым цветами, отвергая красный, фиолетовый, желтый. Может возникнуть вопрос, не является ли это артефактом, следствием непонимания испытуемым смысла задания или намеренного искажения результатов? В некоторых случаях, когда при выполнении других заданий (тестов, опросников) испытуемый выявляет признаки симуляции, подобные цветовые ассоциации должны настораживать. Это должно критично оцениваться и в тех случаях, когда описывая практически любое состояние, используемое в качестве параметра (существенно отличающееся от других), испытуемый дает фактически одни и те же ранжировки. А также когда он столь же одинаково ранжирует цвета при описании своего состояния на различных стадиях динамичной конфликтной либо экстремальной ситуации. Однако если мы видим, что цвета, как правило, не ассоциируемые с активностью и иными проявлениями высокого уровня активации (серый,

черный, коричневый, синий) встречаются и при обозначении, например, мобилизации, собранности, готовности действовать (т.е. уже выявляется некоторая закономерность), необходимо проанализировать данные исследования устойчивых индивидуально-типологических свойств испытуемого. Нередко подобные результаты отмечаются у лиц со слабым типом нервной системы, преобладанием процессов торможения, сочетанием высоких сензитивности и интровертированности, тревожности.

Иными словами, метод ОРДПС отражает общее и индивидуальное, присущее только конкретному испытуемому.

Возвращаясь к продуктивности данного метода, следует остановиться на том, что примерно в 10% случаев он не дал показательных результатов. Представляется, что это является следствием ряда причин. Во-первых, не всегда испытуемый имеет четкое представление о тех эмоциях и состояниях, которые ему необходимо описать с помощью цвета. Такие испытуемые чаще выявляют низкий уровень интеллектуального развития (прежде всего, вербального интеллекта). В ряде случаев это были испытуемые с проблемами в эмоциональной сфере (эмоциональная холодность, низкий уровень эмпатии). Во-вторых, у некоторых испытуемых наблюдается вытеснение психотравмирующих воспоминаний, что может давать размытую, «стертую» картину состояния. В-третьих, это может являться следствием упоминавшегося выше нежелания испытуемого раскрываться перед экспертом: опосредованный характер изучения эмоционального состояния способен в таких случаях вызвать высокую настороженность, поскольку человек интуитивно чувствует, что теряет контроль над ситуацией. В ряде случаев испытуемые прямо говорили экспертам, что не желают «играть в игры, правила которых им неизвестны».

2. Метод опосредованной ретроспективной диагностики тем не менее достаточно защищен от намеренного искажающего влияния со стороны испытуемого. Это связано, прежде всего, с тем, что сама процедура выявления представлений об «эталонных» и об исследуемых состояниях на разных стадиях развития криминальной ситуации ведется в параллельном направлении, конечный результат не вытекает непосредственно из полученных данных, а вычисляется с помощью

методов непараметрической статистики. Несомненно, было бы наивно думать, что испытуемые не понимают конечных целей подобного исследования, однако то самое «незнание правил игры» обычно «страхует» от намеренного искажения.

Несмотря на то, что процедуры выявления цветоассоциативных образов состояния на различных стадиях развития криминальной ситуации и «эталонных» образов эмоций и состояний, используемых в качестве параметров изучаемого состояния, сходны и во времени следуют одна за другой, методически они «разрываются» друг с другом по своей смысловой, эмоциональной, темповой нагрузке. Это позволяет блокировать попытки испытуемого соотносить ранее дававшиеся им ответы (например, о специфике состояния в криминальной ситуации) с даваемыми ответами относительно различных эмоций и состояний («эталонов»).

Защищенность метода обеспечивается и его проективным и невербальным характером, что позволяет исследовать глубинные уровни эмоциональных отношений испытуемого к анализируемым событиям, а также работать с людьми различного социального, образовательного и культурного уровня, а также возраста.

3. Как и любое психическое явление, исследуемое в процессе судебно-психологической экспертизы, эмоциональное состояние изучается с позиций системного подхода, во взаимосвязи с другими уровнями функционирования психики, внешней реальностью, с применением целого комплекса методов. Это означает, что метод ОРДПС, несмотря на его достоинства и ряд преимуществ перед другими методами (например, шкалированием), не должен использоваться изолированно, в качестве единственного метода. Как показала практика, он наиболее продуктивен в комплексе с методами психологического анализа материалов уголовного дела (в том числе и контент-анализа), специально направленного интервью (беседы), шкалирования. Если говорить о шкалировании, то наиболее продуктивными проявили себя пятифакторная шкала состояния Н.Курганского и восьмифакторная шкала СУПОС-8.

Подобное многоуровневое экспертное исследование эмоционального состояния человека, совершившего тяжкое насильствен-

ное преступление (убийство, причинение тяжких телесных повреждений), позволяет, с одной стороны, ретроспективно раскрыть специфику состояния в динамике, с другой, избежать либо существенно снизить возможность экспертных ошибок, и, наконец, - избежать обвинений в субъективизме, раздающихся иной раз в адрес эксперта-психолога.

### Литература:

Айвазян Т.А., Зайцев В.П. и др. Изучение диагностических возможностей цветового теста у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями//ПЖ, 1989, т.10, № 3. – С.106-110.

Алексеева Л.В. Практикум по судебно-психологической экспертизе. – Тюмень, издательство ТГУ, 1999

Алексеева Л.В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: Автореф. дисс. канд. психол. наук. - М., 1996. – 24 с.

Бажин Е.Ф., Корнева Т.В., Эткинд А.М. Исследование образного уровня восприятия эмоций.//ПЖ, 1983, т.5, № 3. – С.81-84.

Базыма Б.А. Цвет и психика

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. - Киев: Наукова думка, 1989. – 200 с.

Вартанов А.В., Муньягисеньи Э. Полилингвистическое пространство цветовых названий//Вестник МГУ, 1994. - сер.14 - № 2. – С.32-40.

Вартанов А.В., Соколов Е.Н. Семантическое пространство цветовых названий: опыт межъязыкового исследования//ПЖ, 1994, Т.15, № 5. – С.85-93.

Васильев В.Л., Мамайчук И.И. Анализ личности несовершеннолетних жертв половых преступлений

Василюк Ф.Е. Психология переживания. - М.:МГУ 1984. – 200 с.

Гавриленко О.Н. Параметр тревожности и цветопредпочтение: Сб. Проблемы цвета в психологии. - М.:Наука, 1993. – С.144-151.

Горьковая И.А. Основы судебно-психологической экспертизы, СПб, 2003

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., СПб, 1882. - С.76

Джос В.В. Практическое руководство к тесту Люшера. - Кишинев, 1990. – 176 с.

Иванов Л.М., Урванцев Л.П., Экспериментальное исследование цветовых ассоциаций: Сб. Психологические проблемы рационализации деятельности. - Ярославль, 1978. - С.55-64

Изард К. Эмоции человека. - М.:МГУ, 1980. – 439 с.

Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. - М., 1984. – 199 с.

Леонова А.Б., Медведев В.И. Функциональные состояния человека в трудовой деятельности. - М., 1981. – 111 с.

Люшер М. Цвет Вашего характера. - М.: Вече, Персей, АСТ. – 1996. – С.11-224.

Миорова Л.Н., Семантика цвета в эволюции психики человека: Сб. Проблемы цвета в психологии. - М.: Наука, 1993. – С.172-189.

Ольшанникова А.В., Смирнов Л.М. Оценка методик, диагностирующих эмоциональность//Вопросы психологии. - 1976. - № 5. – С.103-113.

Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория. - М., 1997. – 430 с.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета//Вестник МГУ. - 1988. - сер. 14. - № 3. – С.70-82.

Плишко Н.К., О некоторых особенностях выбора цветов и сенсомоторных реакциях на световые стимулы различных модальностей при изменении эмоционального состояния: Сб. Диагностика психических состояний в норме и патологии. - Л., 1980 - С.135-140

Пуховский Н.Н. Разработка психометрической модификации 8-цветного варианта теста М.Люшера//ПЖ. - 1995. - Т. 16, № 1 – С.138-148.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. - М., 1979. – 392 с.

Руденко В.Е. Цвет - эмоции - личность: Сб. Диагностика психических состояний в норме и патологии. - Л., 1980. - С.107-115

Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза аффекта.// Медицинская и судебная психология. Курс лекций. – М., Генезис, 2004

Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. – М., Гардарика – Смысл, 1998

Сивик Л. Цветовое значение и измерение восприятия цвета: исследование цветовых образцов: Сб. Проблемы цвета в психологии. - М.; Наука, 1993. – С.95-121.

Ситковская О.Д. Аффект. Криминально-психологическое исследование. М., Юрлитинформ, 2001

Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М., Юрлитинформ, 2000

Собчик Л.Н. Модифицированный восьмицветный тест Люшера. – Речь, СПб, 2001

Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого. Пособие для врачей. Под ред. Т.Б.Дмитриевой и Е.В.Макушикина. – М., ГНЦССП, 2004

Тонквист Г. Аспекты цвета. Что они значат и как могут быть использованы: Сб. Проблемы

цвета в психологии. - М.: Наука, 1993. - С. 5-54

Цветовой тест отношений. Методическое пособие. - Л., 1983. – 20 с.

Чирикова А.Е. О применении методики зрительных представлений для диагностики аффекта в межличностных отношениях//Вопросы психологии. - 1976. - № 5. – С.114-119.

Яньшин П.В. Эмоциональный цвет. - Самара, 1995. – 218 с.



**Бердников Дмитрий Валерьевич,**  
ведущий эксперт Курской лаборатории  
судебной экспертизы Министерства юстиции  
Российской Федерации,  
кандидат медицинских наук

## МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ АКЦЕНТУАЦИЙ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА<sup>1</sup>

---

Важнейшим этапом производства любой очной судебно-психологической экспертизы является проведение экспериментально-психологического обследования. Выбор конкретных методов исследования зависит от множества факторов. Заранее подготовленного набора методик, который заведомо можно было бы применить ко всем подэкспертным лицам, не может существовать. Он каждый раз создаётся индивидуально. Выбираемые методы должны соответствовать не только всем требованиям психодиагностики, но и поставленным экспертным задачам. В данной статье вниманию экспертного сообщества представляется новый опросный метод исследования особенностей темперамента — Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ) [11].

ТАСТ — высоко информативный метод диагностики акцентуаций свойств и типов темперамента, превосходящий по своим возможностям другие широко известные тесты, в частности опросник Леонгарда – Шмишека, опросник свойств темперамента В.М. Русалова и др. В некоторых случаях он может служить альтернативой ММРІ. Несомненными достоинствами ТАСТ является его относительная краткость, скорость (до 20 минут)

и простота выполнения — 125 вопросов, требующих ответа Да/Нет. В девяти диагностических шкалах находят отражение основные характеристики темперамента, признанные большинством моделей личности. При этом интерпретации подлежат как максимальная выраженность свойства (в стенах), так и минимальная. ТАСТ защищен от установки испытуемого произвести на экспериментатора благоприятное впечатление и давать неискренние, социально желательные ответы контрольной шкалой. По результатам выполнения теста может устанавливаться акцентуация типа темперамента. Тест усилен за счет включения в него вопросов из ряда других апробированных тестов. Информативность вопросов, обоснованность норм по шкалам теста, валидность и надёжность шкал для отечественной выборки испытуемых доказана на основе обширных статистических исследований.

ТАСТ ориентирован на исследование испытуемых старше 16 лет. Следует с осторожностью применять тест к лицам с образованием ниже 8 классов, а также с интеллектуальным дефицитом различного генеза (олигофрения, органические поражения ЦНС и др.).

---

<sup>1</sup> Одобрен и рекомендован к внедрению в экспертную практику секцией НМС по СПЭ (протокол №1(5) от 14.07.2006)



Применение ТАСТ в судебно-психологической экспертизе показывает его высокую информативность и эффективность во всех случаях, когда возникает необходимость изучить свойства темперамента и глобальные черты характера. Особенно хорошо метод зарекомендовал себя в экспертизе аффекта и иных эмоциональных состояний, отражая выраженность и структуру генетически детерминированных качеств – активности и эмоциональной реактивности подэкспертного. Как показывает опыт, объективность данных повышается при использовании ТАСТ в совокупности с Индивидуально-типологическим опросником Л.Н. Собчик (ИТО). Тест был апробирован ведущими психологами и судебными экспертами России, издан в издательстве ИМАТОН, утвержден и рекомендован к внедрению в экспертную практику Научно-методическим советом РФЦСЭ при Минюсте России.

### Разработка и обоснование метода

В основу ТАСТ были положены опросники структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова [8, 9] и акцентуаций характера Леонгарда – Шмишека [1]. Логика создания ТАСТ состояла в следующем: а) На репрезентативной выборке испытуемых был проведен факторный анализ шкал ОСТ Русалова и опросника Леонгарда-Шмишека, который позволил определить состав шкал нового теста; б) С целью избежать дублирования шкал, из состава факторов отбирались шкалы максимально с ним коррелирующие. Вопросы, составляющие отобранную шкалу, рассматривались как референтные для измеряемого шкалой свойства; в) Исходное число вопросов, входящих в отобранные шкалы, было расширено до 50-70 за счет включения вопросов других тестов, направленных на измерения сходных свойств индивидуальности (ПДО А.Е. Личко, ММРІ, ПДТ Мельникова В.М. и Ямпольского Л.Т., личностной тревожности Тэйлор, методики диагностики показателей и форм агрессии Басса А. и Дарки А. и др.) [5, 7, 12]; г) Расширенные шкалы были представлены референтным группам испытуемых (по 100 человек на каждую шкалу), после чего был проведен факторный анализ результатов на уровне вопросов [5], и отобрано 12-15 вопросов, наиболее связанных с измеряемым свойством. д) Ряд шкал ОСТ В.М. Русалова, неиз-

менно входящих в один и тот же фактор, были объединены; е) Некоторые шкалы опросника Леонгарда-Шмишека, отражающие качественно различные эмоциональные свойства (возбудимость, экзальтированность, циклотимность) также неизменно оказывались в одном факторе. Общим для них была динамика эмоциональных проявлений: легкая возбудимость и интенсивность эмоциональных состояний. При этом опросник Леонгарда-Шмишека не достаточно оттенял качественное своеобразие этих эмоций: агрессия — у возбудимых личностей, счастье-тревога (страх) — у экзальтированных, радость-печаль (тоска) — у циклотимиков. В ТАСТ были усилены дифференцирующие возможности качественных особенностей указанных эмоциональных состояний; ж) Тест Леонгарда-Шмишека недостаточно чувствителен к различиям гипертимного и демонстративного типов акцентуаций, хотя клинически они различаются. Эти шкалы всегда оказывались в составе одного и того же фактора. В ТАСТ приняты меры для разведения этих двух типов акцентуаций; з) Полученный опросник был стандартизирован на репрезентативной выборке испытуемых (свыше 1000 человек), разработаны статистические нормы по шкалам отдельно для мужчин и женщин, таблицы перевода «сырых» баллов по шкалам в баллы, определены конвергентная валидность и тета-надежность шкал; и) Изучена факторная структура шкал ТАСТ, на основе которой разработана новая классификация типов акцентуаций свойств темперамента, предложены уравнения регрессии для их диагностики.

### Шкалы ТАСТ и их состав

**Гипертимность** в качестве нормально-го свойства темперамента не выделяется. В качестве акцентуаций у взрослых выделялась К. Леонгардом [1], а у подростков — А.Е. Личко [2]. Сходные черты личности измеряются также в тестах ММРІ (шкала мании), 16PF – Кеттелла (фактор гипотимии-гипертимии) и др.

Биполярный фактор *гипертимной активности – дистимной пассивности* был главным и наиболее устойчивым во всех факторных решениях. На одном полюсе размещались гипертимные личности с повышенным настроением, высоким жизненным тонусом, жаждой деятельности, оптимизмом, слово-

охотливостью, повышенной активностью, идеаторной, моторной активацией. На противоположном полюсе — личности с дистимной пассивностью: они безрадостны, застенчивы, всегда серьезны, замкнуты, пассивны, сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни, социально мало активны с идеаторной и моторной замедленностью.

С полюсом гипертимности в факторе неизменно коррелировала шкала демонстративности опросника Леонгарда – Шмишека, т.к. по внешним проявлениям поведение гипертимных и демонстративных личностей имеет сходство в проявлениях социальной гиперактивности. Однако, социальная активность демонстративных личностей по-иному, чем у гипертимов мотивирована, обусловлена иными чертами. Она является выражением беспредельного эгоизма, ненасытной жажды внимания к своей особе, желания вызвать у окружающих восхищение, удивление, сочувствие, занять лидирующее положение в референтной группе. Оптимизм демонстративных личностей, убежденность в соответствии декларируемым высоким морально-этическим принципам является результатом повышенной способности к вытеснению из сознания всех негативных данных о себе. В тоже время состав вопросов шкал гипертимности и демонстративности опросника Леонгарда-Шмишека не позволял за внешне сходными проявлениями поведения уловить значительные личностные различия при этих двух типах акцентуации [6].

**Социальная активность.** Шкалы социальной активности ОСТ В.М. Русалова (социальный темп, социальная эргичность, социальная пластичность) неизменно входили в один фактор, поэтому в ТАСТ наиболее информативные вопросы шкал ОСТ составили единую шкалу. В некоторых случаях социальная гиперактивность была детерминирована не только высоким жизненным тонусом и избытком сил гипертимных личностей, но и мотивирована как у демонстративных личностей. В ряде наблюдений социальная гиперактивность выступала как компенсаторный фактор у сенситивных, ранимых личностей.

**Энергичность.** ТАСТ полностью воспроизводит шкалу предметной эргичности ОСТ В.М. Русалова. В факторных решениях эта шкала всегда образовывала самостоятельный фактор, связанный, вероятно, со стойкой диспозицией субъектов к интенсив-

ной волевой мобилизации в процессе субъект-объектных отношений.

**Агрессивность.** При факторном анализе опросника Леонгарда – Шмишека шкалы возбудимости, циклотимности, экзальтированности неизменно оказывались в одном факторе. Качественные же особенности возникающих при этом эмоций нивелировались. Между тем, несдержанность, агрессивность, конфликтность, пренебрежение социальными нормами как самостоятельная черта выделяется практически во всех моделях личности. Имеются тесты и для изолированного измерения агрессивности.

С этой целью в шкалу возбудимости опросника Леонгарда – Шмишека были введены наиболее информативные вопросы методики диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки, шкалы агрессивности методики диагностики психических состояний Айзенка, методики диагностики темперамента Я. Стреляу, шкал импульсивности 16-PF Кеттелла, психопатии ММРІ. По результатам факторного анализа на уровне вопросов выделилась достаточно гомогенная шкала агрессивности ТАСТ.

Для усиления дифференциации **эмоциональной лабильности** в черновой вариант данной шкалы вошли вопросы шкал циклотимности и экзальтированности опросника Леонгарда-Шмишека, шкалы циклотимности ПДО А.Е. Личко, и вопросы направленные на выявление избыточной возбудимости вегетативной нервной системы в ситуациях психоэмоционального напряжения, заимствованные из различных опросников невротизма (Г. Айзенка, Л.И. Вассермана, В.Д. Менделевича и др.). При факторном анализе на уровне вопросов шкала разделилась на два фактора. Первый составили вопросы, отражающие легкую эмоциональную возбудимость и неустойчивость. Второй — вопросы, отражающие избыточную реактивность вегетативной нервной системы. Шкала экзальтированности в факторных решениях не выделялась как самостоятельная.

В связи с тем, что легкая эмоциональная возбудимость и неустойчивость сопровождается интенсивностью вегетативных проявлений, наиболее информативные вопросы двух факторов были объединены в единую шкалу эмоциональной лабильности.

**Ригидность** — психическое свойство, признаваемое практически всеми исследо-

вателями личности и измеряемое большинством тестов. В связи с тем, что в факторных решениях совместного применения опросников В.М. Русалова и Леонгарда – Шмишека ригидность связывалась с различными неоднородными шкалами, возникла необходимость разработки более гомогенной шкалы. Вопросы шкал застреваемости и педантичности опросника Леонгарда-Шмишека были объединены и дополнены информативными вопросами из других опросников: 16-PF Кеттелла, ММРІ, тест Я. Стреляу, методика самооценки психических состояний Айзенка, методики измерения ригидности и др., а затем на уровне вопросов был проведен факторный анализ. В выделившихся двух факторах один отражал психическую ригидность, а другой упорство в достижении цели, настойчивость, негибкую целеустремленность. В шкалу ригидности были выключены вопросы из обоих факторов. При высоких значениях шкала ригидности ТАСТ выявляет настойчивых, упрямых, противящихся изменениям, недоверчивых испытуемых, косных, трудно переключающихся в процессе деятельности, длительно переживающих одни и те же эмоции.

**Сенситивность.** Шкала эмотивности опросника Леонгарда-Шмишека не является однородной, т.к. в ряде факторных решений связывается со шкалой тревожной боязливости. Их роднила повышенная впечатлительность, возбудимость вегетативной нервной системы, чувствительность, неумение отстаивать свои интересы. В факторных решениях В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского в ПДТ [3] шкала сенситивности относилась к верхнему уровню, обобщающему информацию от шкал «эстетической впечатлительности». С целью усиления дифференцирующих возможностей была создана шкала сенситивности ТАСТ. При проведении факторного анализа на уровне вопросов четко выделились два фактора: 1) **сенситивности** — вопросы, отражающие ранимость, мягкосердечие, чувствительность, жалостливость, эстетическую направленность интересов; 2) **тревожности** — робость, застенчивость, стеснительность в социальных взаимодействиях. Дистимность как самостоятельный фактор не выделялась.

**Робость.** Психическое свойство тревожности весьма неоднозначно и по структуре, и по проявлениям. Выделяется личностная тревожность как предрасположенность к состояниям тревоги, реактивная тревожность

как актуально переживаемое состояние тревоги. Имеется тревожность как «сквозной» симптом неврозов, включающий психические, вегетативные, соматические проявления. Наконец, робость может проявляться как акцентуированная черта, изолированно характеризующая особенности субъект-субъектного взаимодействия: неуверенность, застенчивость, нерешительность, боязливость и т.д.

При конструировании шкалы *робость* наиболее информативные вопросы фактора тревожности были дополнены соответствующими вопросами других известных опросников (ПДО А.Е. Личко, ПДТ В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского, личностной тревожности Тейлор, личностной тревожности Спилбергера, диагностики темперамента Я. Стреляу и др.), а проведенный на уровне вопросов факторный анализ позволил отобрать 17 наиболее информативных. Вопросы этой шкалы отражали: а) переживание чувства малоценности, неуверенности в себе и б) робость, беспокойство, страх при субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях.

**Шкала контроля** ТАСТ заимствована из шкалы искренности ЕРІ Г. Айзенка.

Таким образом, ТАСТ в окончательном виде имеет 9 шкал, измеряющие биполярные свойства темперамента, а именно:

1. Гипертимность (Г) – гипотимность (дистимность).
2. Социальная активность (СА) – социальная пассивность.
3. Энергичность (Эн) – пассивность.
4. Нейротизм (Н) – психовегетативная стабильность.
5. Сенситивность (Сен) – реалистичность.
6. Робость (Роб) – социальная приспособленность.
7. Агрессивность (Агр) – эмоциональная уравновешенность.
8. Эмоциональная лабильность (ЭМЛ) – эмоциональная стабильность.
9. Ригидность (Риг) – гибкость.

#### **Классификация типов акцентуаций свойств темперамента**

С целью выявления структуры свойств темперамента был проведен факторный анализ результатов тестирования как всей группы испытуемых, так и отдельно женщин и мужчин. Установлено, что структура шкал ТАСТ по

всей группе испытуемых обусловлена тремя биполярными мета факторами, отражающими сочетания свойств темперамента в типы:

- 1) эмоционально нестабильный — эмоционально стабильный;
- 2) социальная активность — социальная пассивность;
- 3) предметная активность — предметная пассивность (интенсивность субъект-объектных взаимодействий).

Факторные решения структуры шкал ТАСТ у мужчин, женщин, и общей группы испытуемых были практически идентичными, с близкими факторными нагрузками.

Среди известных факторных моделей темперамента (трех факторная модель Г. Айзенка [14], пятифакторная модель личности Роберта Мак Крея и Пола Косты [15], и др.), выявленная нами модель почти полностью совпадает с трехкомпонентной концепцией темперамента А. Басса и Р. Пломина [13], включающей факторы социабельности, активности и эмоциональности. Этот факт может рассматриваться как подтверждение ориентации шкал ТАСТ на измерение именно темпераментальных характеристик индивидуальности, резистентных к различиям отечественной и американской выборки испытуемых.

В то же время анализ реальных профилей ТАСТ показывал, что тот или иной тип акцентуаций может быть представлен как полным набором акцентуированных шкал, входящих в его состав, так и редуцировано. Естественно было полагать, что тот или иной мета-фактор тем сильнее выражен, чем более полным набором акцентуированных шкал, его составляющих, он представлен. В связи с этим количественные показатели степени выраженности у испытуемых типа темперамента рассчитываются по формулам на основе уравнений регрессии, а полученные результаты переводятся в станы:

1. Эмоциональная стабильность — Эмоциональная нестабильность.

Для мужчин:

**ЭмСт = 0,61Н+0,78Сен+0,72Роб+0,71Агр + 0,81Эмл+0,51Риг.**

Реальные значения у конкретного испытуемого (сырые баллы) шкал нейротизма (Н), сенситивности (Сен), робости (Роб), агрессивности (Агр), эмоциональной лабильности (Эмл) и ригидности (Риг) умножаются на соответствующие коэффициенты (факторные

нагрузки по шкалам) и суммируются.

Для женщин этот тип акцентуации рассчитывается по такой же формуле, но используются коэффициенты свойственные женщинам:

**ЭмСт = 0,71Н+0,72Сен+0,65Роб+0,65Агр + 0,82Эмл.**

2. Социальная активность — Социальная пассивность.

Для мужчин: **СА = 0,67Г+0,89СА-0,50Риг.**

Для женщин: **СА = 0,74Г+0,86СА-0,50Роб-0,52Риг.**

Здесь: Г - гипертимность, СА – социальная активность, Роб – робость, Риг – ригидность.

3. Предметная активность — Предметная пассивность

Для мужчин: **ПА = 0,58Г+0,86Эн-0,44Н.**

Для женщин: **ПА = 0,46Г+0,89Эн.**

Здесь: Г - гипертимность, Эн – энергичность, Н – невротизм.

Наряду с «чистыми» типами существует большое число случаев с акцентуацией шкал ТАСТ, входящих в разные мета-факторы. Эти типы нами квалифицировались как смешанные.

### **Валидность и надежность шкал ТАСТ**

Поскольку ТАСТ направлен на диагностику свойств, существование которых признано большинством исследователей и для измерения которых предназначены специальные шкалы во многих личностных опросниках, наиболее адекватным в данном случае представлялось определение конвергентной валидности, заключающейся в корреляции показателей свойств, измеряемых ТАСТ, с показателями других тестов с известной валидностью [4]. Это позволило уточнить и психологическое содержание шкал ТАСТ.

Валидность шкал социальной активности и энергичности ТАСТ не исследовалась. Эти шкалы были заимствованы из ОСТ В.М. Русалова, их валидность была доказана автором.

Кроме того, было проведено обширное исследование конвергентной валидности шкал ТАСТ и 16-PF Кеттелла.

Считается, что тест 16-PF Кеттелла измеряет в основном конституциональные (темпераментальные) черты личности. Согласно В.М. Русалову и О.В. Гусевой только 8 шкал из 16-PF Кеттелла обладают статистически при-

**Таблица 1**  
**Конвергентная валидность шкал ТАСТ**

Шкалы ТАСТ	Шкалы других опросников	Методики	r	p
Гипертимность	Гипомания	ММРІ	0,277	>0,05
Нейротизм	а) Невротизация	ПДТ В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского	0,673	<0,001
	б) Психическая неуравновешенность		0,504	<0,001
Сенситивность	Сенситивность	ПДТ В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского	0,333	<0,01
Робость	а) Личностная тревожность	Тэйлор	0,247	>0,05
	б) Робость	ПДТ В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского	0,395	<0,01
Агрессивность	а) Вербальная агрессия	Методика А. Басса и А. Дарки	0,701	<0,001
	б) Косвенная агрессия		0,574	<0,001
	в) Раздражительность		0,794	<0,001
	г) Враждебность	Доп. шкала ММРІ	0,535	<0,001
Эмоц. лабильность	Эмоциональная нестабильность	ЕРІ Г. Айзенка	0,643	<0,001
Ригидность	Ригидность	Методика измерения ригидности	0,350	<0,01
	Гибкость	ССПМ В.И. Моросановой	-0,33	<0,001

**Таблица 2**  
**Факторный анализ шкал ТАСТ и 16-РФ Кеттелла**

Опросники	Шкалы	Факторы					
		1	2	3	4	5	6
ТАСТ	Гипертимность	0,79					
	Соц. активность	0,80					
	Энергичность				-0,58		
	Нейротизм		0,67				
	Сенситивность		0,75				
	Робость		0,77				
	Агрессивность	0,53	0,51				
	Эм. лабильность		0,77				
16-РФ Кеттелла	Ригидность					-0,58	
	А. отзывчивость-отчужденность				0,83		
	В. интеллект					-0,61	
	Е. рассудительность-беспечность	0,72					
	Ж. низкая-высокая нормативность поведения			0,79			
	І. мягкосердечие-жесткость						-0,89
	N. пронизательность-наивность						
	Q <sub>1</sub> . гибкость-ригидность					0,66	
Q <sub>9</sub> . высокий низкий самоконтроль							

емлемой гомогенностью для отечественных испытуемых [10]. Все 8 шкал 16-PF Кеттелла были сопоставлены с помощью факторного анализа со шкалами ТАСТ (см. табл. 2).

Шкалы ТАСТ обладают надежностью в основном выше средней и высокой (одноментная тета-надежность, отражающая согласованность пунктов в шкалах теста).

**Таблица 3**  
**Тета-надежность шкал ТАСТ**

№№ п/п	Шкалы ТАСТ	Надежность
1	Гипертимность	0,85
2	Нейротизм	0,68
3	Социальная активность	0,57
4	Энергичность	0,7
5	Агрессивность	0,69
6	Ригидность	0,64
7	Эмоциональная лабильность	0,63
8	Робость	0,84
9	Сенситивность	0,52

**Средненормативные данные шкал ТАСТ**

На первом этапе средненормативные данные по шкалам ТАСТ определялись на 315 студентах медицинского университета (208 женщин и 97 мужчин) в возрасте 19-25 лет. По большинству шкал ТАСТ статистически

достоверных различий в средненормативных данных между студентами и студентками не получено. Между группами были выявлены статистически достоверные различия только по двум шкалам: сенситивности ( $p < 0,001$ ) и эмоциональной лабильности ( $p < 0,05$ ). Женщины более чувствительны, ранимы, впечатлительны, у них более неустойчивы эмоциональные состояния.

На следующем этапе были сопоставлены данные по шкалам ТАСТ у студентов и пациентов соматических клиник. По большинству же шкал достоверных различий обнаружено не было.

Наконец, было изучено влияние возраста испытуемых на выполнение ТАСТ. Пациенты соматических клиник (отдельно мужчины и женщины) были разбиты на 3 возрастные группы (18-30 лет, 31-45 лет, 46-70 лет), и их результаты были сопоставлены. Ни по одной шкале между возрастными группами, ни у мужчин, ни у женщин достоверных различий обнаружено не было. Эти данные косвенно подтвердили направленность шкал ТАСТ на измерение именно свойств темперамента. Как генетически детерминированное свойство темперамент распределен примерно одинаково в разных группах испытуемых.

На последнем этапе ТАСТ был стандартизирован на 1566 испытуемых: 1137 студентах медицинского университета (360 мужчин и 777 женщин) в возрасте 19-25 лет и 429 пациентах соматических клиник (212 женщин и

**Таблица 4**  
**Нормативы по шкалам ТАСТ и таблица перевода баллов по шкалам в стены для мужчин (n=577)**

n=577	M		СТЕНЫ									
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Гипертимность	7,47	2,83	0-3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Соц. активность	6,51	2,71	0-2	3	4	5	6	7	8	9	10	11-12
Энергичность	6,51	3,38	0-1	2	3-4	5	6	7	8-9	10	11	12
Нейротизм	3,18	2,16	—	0	1	2	3	—	4	5	6	7-12
Сенситивность	5,78	2,59	0-1	2	3	4	5	6	7	8	9	10-12
Робость	5,76	4,2	0	0	1-2	3-4	5	6-7	8	9-10	11	12-17
Агрессивность	5,31	2,84	0-1	2	3	4	5	6	7	8	9	10-12
Эм. лабильность	4,89	2,77	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9-12
Ригидность	7,14	2,41	0-3	4	5	6	7	8	9	—	10	11-15

**Таблица 5**  
**Нормативы по шкалам ТАСТ и таблица перевода баллов по шкалам в стены для**  
**женщин (n=989)**

n=989	M		СТЕНЫ									
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Гипертимность	7,21	2,89	0-3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Соц. активность	7,21	2,82	0-3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Энергичность	5,94	3,53	0	1	2-3	4	5	6-7	8	9-10	11	12
Нейротизм	4,08	2,41	0	1	2	3	4	5	6	—	7	8-12
Сенситивность	8,07	2,17	0-4	5	6	7	8	—	9	10	11	12
Робость	7,75	3,93	0-1	2-3	4	5-6	7	8-9	10	11-12	13	14-17
Агрессивность	6,15	3,06	0-1	2	3	4-5	6	7	8	9	10	11-12
Эм. лабильность	6,41	2,7	0-2	3	4	5	6	7	8	9	10	11-12
Ригидность	6,88	2,37	0-3	4	5	6	7	—	8	9	10	11-15

217 мужчин) в возрасте 18-71 лет. Разработаны нормативы по шкалам теста отдельно для мужчин и женщин, таблицы перевода «сырых» значений по шкалам ТАСТ в стены.

#### Литература:

1. Леонгард К. Акцентуированные личности. Пер. с нем. Киев: «Вища школа», 1981.
2. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. –Л., 1983.
3. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности М: Просвещение, 1985.
4. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. –М.: Когито-Центр, 2004. –с. 44.
5. Общая психодиагностика. Под ред. А. А. Бодалева, В.В. Столина. -М.: МГУ, 1987.
6. Плотников В.В., Девицкий С.Б., Вахова Е.А. Психологические профили личности при ишемической болезни сердца// Проблемы психиатрии, психосоматики, наркологии. Курск, 1998, с175-178.
7. Психологические тесты. Под ред. Райгородского, Самара, 1998.
8. Русалов В.М. Опросник структуры темперамента. – М.: Институт психологии РАН, 1990.
9. Русалов В.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий: некоторые итоги и задачи системных исследований // Психол. журн., 1991, т.12, №5. С.3-17.
10. Русалов В.М., Гусева О.В. Сокращенный вариант личностного опросника Кэттелла (8PF) // Психол. Журнал. -1990.-Т.11, №1.
11. Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ): методическое руководство / В.В. Плотников, Л.А. Северьянова, Д.В. Плотников, Д.В. Бердников. – СПб: ИМАТОН, 2006. – 80с.
12. Шмелев А.Г. и др. Основы психодиагностики. Учебное пособие. Ростов-на-Дону «Феникс», 1996.
13. Buss A.H., Plomin R.A. Temperament: Early developing personality traits. Hillsdale, NJ: Erlbaum., -1984.
14. Eysenk H.J. Four ways five factors are not basic // Personality and individual differences. 1992. 12. p. 773-790.
15. Mc. Crae, R.R. Costa, P.T. Jr. Toward a new generation of Personality Theories: Theoretical context for the Five – Factor model. New York. The Juilford Press. 1996. p. 51-87.

Методика «Тест акцентуаций свойств темперамента» (ТАСТ) создана **авторским коллективом** Курского государственного медицинского университета – профессором, заведующим кафедрой психиатрии доктором медицинских наук Плотниковым В.В., профессором, заведующей кафедрой патологической физиологии доктором медицинских наук Северьяновой Л.А., профессором доктором медицинских наук Плотниковым Д.В. и ведущим экспертом ГУ Курская лаборатория судебной экспертизы Минюста России кандидатом медицинских наук Бердниковым Д.В.

Методика выпущена компанией «Иматон», имеет следующую комплектацию: Методическое руководство; Опросник; Бланки фиксации результатов; Бланковые ключи для ручной обработки; CD «Иматон» с программой тестирования, обработки и интерпретации результатов; Электронный ключ; Сертификат качества «Иматон»; Фирменная ручка «Иматон»; Коробка-футляр.





**Шипшина Ольга Сергеевна,**  
эксперт Южного РЦСЭ Минюста России

## **ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ СТРУКТУРИРОВАННОЙ ОЦЕНКИ РИСКА СОВЕРШЕНИЯ ПОВТОРНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

---

Постоянный рост детской и подростковой преступности является одной из наиболее серьезных проблем современного общества, которая актуальна не только для России, но и для зарубежных стран. В связи с этим была сформирована парадигма ювенальной юстиции, основным принципом которой является принцип воспитуемости. В рамках ювенальной юстиции предполагается, что к несовершеннолетнему будут применяться меры по его ресоциализации и реадaptации.

Однако при этом возникает вопрос о том, насколько успешными будут вышеуказанные меры, какими именно они должны быть, какова вероятность того, что несовершеннолетний не совершит повторного правонарушения?

Для этих целей за рубежом были разработаны шкалы, которые позволяют оценивать риск рецидива у несовершеннолетнего.

Одним из наиболее известных и эффективных методов, позволяющих оценить вероятность совершения несовершеннолетним

насильственного правонарушения, является методика Структурированной оценки риска насилия у подростков (Structured Assessment Of Violent Risk In Youth (SAVRY)), широко используемая за рубежом и адаптируемая в настоящее время в нашей стране. Методика позволяет оценивать три группы факторов риска, а также – защитные, блокирующие риск совершения насилия, факторы.

К группам факторов риска относятся: *факторы риска в истории жизни* (историю насилия, историю ненасильственных правонарушений, раннее начало насилия, прошлые неудачные попытки надзора или работы с подростком, историю самоповреждений или попыток суицида, насилие дома, историю жесткого обращения в детстве, криминальность родителей/опекунов, ранний отрыв от родителей или замещающих их лиц, слабую школьную успеваемость); *социально-средовые факторы риска* (делинквентность сверстников, отвержение сверстниками, стресс и плохие возможности справляться

со стрессом, плохие родительские тактики воспитания, недостаток личной/социальной поддержки, дезорганизованное окружение); *индивидуальные факторы риска* (негативные установки, рискованное или импульсивное поведение, проблемы, связанные с употреблением психоактивных веществ, проблемы совладания с гневом, психопатические черты, расстройства внимания/гиперактивность).

Также выделяются шесть факторов защиты, снижающие риск насилия: просоциальная включенность, сильная социальная поддержка, сильные привязанности и связи, положительное отношение к вмешательству и авторитетам, сильная вовлеченность в школьное обучение, адаптивные личностные черты.

Каждый из указанных факторов, кроме факторов защиты, оценивается по 3-балльной шкале: 2 балла – высокий уровень выраженности, 1 – средний и 0 – низкий.

Каким образом SAVRY может использоваться в рамках судебно-психологической экспертизы? Рассмотрим следующий случай.

Две несовершеннолетние девушки, Т. и Л., открыто похитили мобильный телефон у 11-летней Я., применив к ней насилие, которое было расценено как не опасное для жизни и здоровья.

В отношении несовершеннолетней Т. была назначена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Поскольку одним из вопросов, который интересовал суд, касался оценки риска совершения Т. повторного правонарушения в будущем, то нами было решено использовать метод SAVRY для оценки вероятности риска совершения агрессивно-насильственного преступления Т., поскольку совершенное ею правонарушение уже было сопряжено с насилием.

Были получены следующие результаты.

### 1. По факторам риска в истории жизни:

Известно, что в двенадцатилетнем возрасте Т. потеряла отца, а вскоре после этого ее мать тяжело заболела и перенесла сложную операцию. После смерти отца у Т., с ее слов, была суицидальная попытка. Через год после этого она стала уходить из дома, не ночевала, была поставлена на учет в ПНД, где ее обязали работать с психологом, но этот опыт был скорее неудачным, поскольку ей не понравилось, что «нужно было рисовать», и после двух занятий испытуемая к психологу больше

не ходила. В школе Т. пропускала занятия, училась слабо, несмотря на то, что обнаруживала средние способности. Таким образом, в соответствии с SAVRY имеющуюся информацию можно оценить следующим образом:

Фактор	Показатель
История насилия	0
История ненасильственных правонарушений	0
Раннее начало насилия	0
Прошлые неудачные попытки надзора или работы с подростком	1
История самоповреждений или попыток суицида	1
Насилие дома	0
История жесткого обращения в детстве	0
Криминальность родителей/опекунов	0
Ранний отрыв от родителей или замещающих их лиц	2
Слабая школьная успеваемость	1

### 2. По социально-средовым факторам риска:

Из представленных эксперту характеристик известно, что у Т. неровные отношения со сверстниками, она «постоянно общается со старшими по возрасту сомнительными личностями». В настоящее время мать Т. проживает отдельно, в Москве, воспитанием несовершеннолетней занимаются бабушка с дедушкой, которые не в состоянии обеспечить должный контроль за поведением испытуемой. В ходе исследования нами было установлено, что у Т. отмечается невысокий уровень стрессоустойчивости. Следовательно, социально-средовые факторы риска нами были оценены следующим образом:

Фактор	Показатель
Делинквентность сверстников	1
Отвержение сверстниками	1

Стресс или плохие возможности справиться со стрессом	2
Плохие родительские тактики воспитания	2
Недостаток личной/социальной поддержки	1
Дезорганизованное окружение	0

Проблемы, связанные с употреблением психоактивных веществ	0
Проблемы совладания с гневом	1
Психопатические черты	1
Расстройства внимания/гиперактивность	0

### 3. Индивидуальные факторы риска:

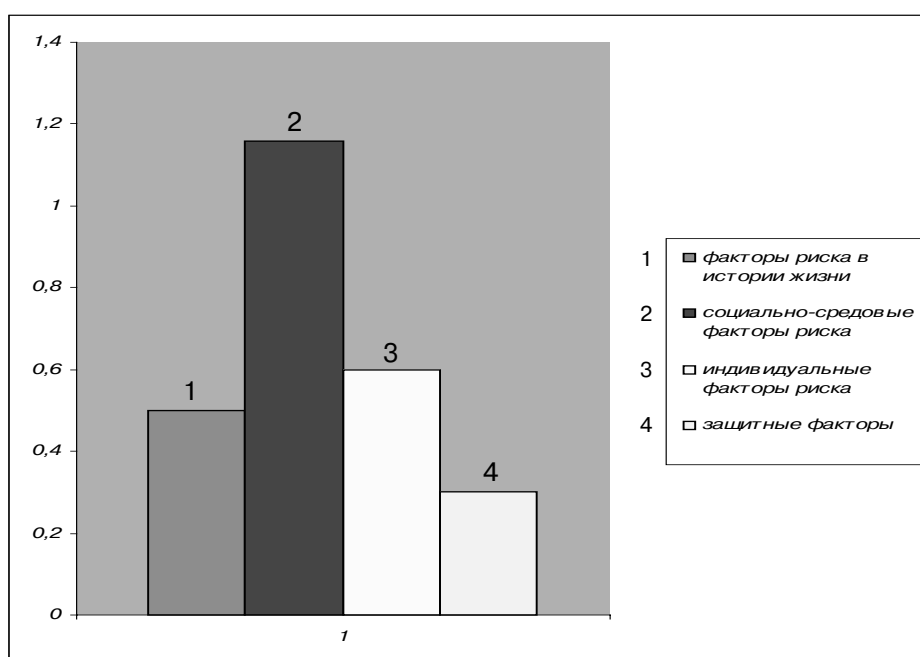
В ходе экспертно-психиатрического исследования было установлено, что Т. страдает психическим расстройством в форме «социализированного расстройства поведения». По результатам психологического исследования было установлено, что испытуемой свойственны неуравновешенность, вспыльчивость, легкомысленность, неконформность, потребность в острых ощущениях, ей свойственно искать трудности, которые можно было преодолеть. Таким образом, были оценены индивидуальные факторы риска:

Фактор	Показатель
Негативные установки	0
Рискованное или импульсивное поведение	2

### 4. Защитные (снижающие риск рецидива) факторы:

У Т. высокий адаптивный личностный потенциал. Необходимо отметить, что у нее теплые отношения с бабушкой и дедушкой, она очень сильно привязана к своей матери, которая обещает забрать испытуемую в Москву. Но, несмотря на это, в целом отмечается явный недостаток факторов защиты:

Фактор	Показатель
Просоциальная включенность	0
Сильная социальная поддержка	0
Сильные привязанности и связи	1
Положительное отношение к вмешательству и официальным авторитетам	0



Сильная вовлеченность в школьное обучение	0
Адаптивные личностные черты	1

Нами был просчитан удельный вес каждого фактора риска и защитных факторов, а на основании полученных данных составлена сводная таблица:

Из представленной выше таблицы видно явное преобладание факторов риска над факторами защиты, при этом необходимо отметить, что наиболее выраженными являются социально-средовые факторы риска.

На основании полученных результатов экспертом был сделан вывод о высокой вероятности совершения Т. в будущем агрессивно-насильственного преступления и были даны следующие рекомендации:

1. Работа с семьей, коррекция родительских установок матери и лиц, выполняющих в настоящее время роль опекунов
2. Изменение окружения
3. Работа в плане коррекции имеющихся личностных отклонений
4. Работа по просоциальной включенности и поддержке испытуемой

**Таким образом**, можно сделать вывод о том, что структурированные оценочные

шкалы риска совершения несовершеннолетними преступления, в частности, SAVRY, позволяют решать новые задачи СПЭ несовершеннолетних, которые в последнее время все чаще ставятся судом и следствием, поскольку вытекают из внедрения ювенальных технологий в правосудие в отношении несовершеннолетних.

#### Литература:

1. Воронова Е.Л. Уголовный и уголовно-процессуальный аспекты исследования личности несовершеннолетнего правонарушителя/ Судебная экспертиза в Южном федеральном округе. – №1, 2006, с. 16-20
2. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект). Автореф. на соискание ученой степени к.пс. н. – М., 2006
3. Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г. Структурированная оценка факторов риска совершения подростками агрессивно-насильственных правонарушений/ Материалы конференции по юридической психологии, посвященной памяти М.М.Коченова. ч.II. – М.: МГППУ, 2005 – с.11- 12.



**Белянин Валерий Павлович,**  
профессор кафедры общей и юридической  
психологии Калужского государственного  
педагогического университета  
им. К.Э. Циолковского, профессор,  
доктор филологических наук

## **АВТОРСКИЙ СМЫСЛ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОТМЕЧЕННОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЧНОСТИ АВТОРА**

---

Одно из достаточно полных определений текста таково: текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую направленность и прагматическую установку (Гальперин И.Р., 1981).

Понятно, что реальный текст может обладать не всеми характеристиками, и может содержать в себе элементы других семиотических систем (рисунки, параграфемные выделения). Реальные тексты бывают разного объёма – от одного слова до полного собрания сочинений. Можно ли говорить о том, что весь континуум обладает общими характеристиками? Можно, но видимо, не очень продуктивно. Именно поэтому и существует жанровый подход к тексту, который позволяет более прицельно описывать тексты разных типов.

Если говорить о возможности реконструкции личности по тексту, то понятно, что имеется континуум текстов по критерию про-

явления в них личности автора. В научном тексте личность будет проявляться в левополушарной логике высказываний, в выбранной системе мировоззренческих координат, несколько реже в выборе объекта осмысления. В публицистическом тексте (особенно в журналистском) личность журналиста будет «прикрыта» сенсационностью сообщения, броскостью подачи информации, столкновением позиций, т.е. будет как бы заведомо демонстративной и броской. Тем самым, сама же личность автора может быть скрыта за маской «возмутителя спокойствия». Или, наоборот, за маской «утверждающего ценности». Если можно так сказать, это будет скорее личность журналиста, чем личность автора.

Художественный же текст будет эмоционально и личностно отмеченным в большей степени. Несомненно, что личностное начало будет манифестироваться также и в превращённой форме (образов, метафор, типизации, обобщений, афористики, недомолвок, аллюзий, чужих слов, сюжетных ходов), но проявлений будет явно больше. Чем в большей степени текст оценочен, чем больше в нём интерпретативности, тем более он эмоционально отмечен. К числу эмоционально-отмеченных текстов всё же можно отнести

часть публицистических (журналистских), но в целом это больше относится к художественным текстам, к текстам личных посланий, текстам дневниковых записей и др. (Однако, предсмертные записки чаще оказываются стереотипными в силу деструктивного состояния автора, а тексты угроз искажёнными желанием уйти от идентификации).

Построение алгоритма описания значения эмоционально-отмеченного (в том числе и художественного) текста осложнено многозначностью и многоуровневостью литературного произведения. И тем не менее, представляется возможным выявление авторского смысла такого текста, под которым мы понимаем исходную семантическую программу порождения текста.

Авторский смысл обладает рядом особенностей. Во-первых, он имплицитен, поскольку в сознании автора он существует только в свёрнутом виде. «Мысль совершается в слове» (Л.С. Выготский), – это положение говорит ещё и о том, что замысел ненаписанного текста неэксплицитен. Во-вторых, авторский смысл динамичен, и не только потому, что он разворачивается в процессе написания текста, но и потому что он может быть противоречивым, неявно выраженным, многокомпонентным. В-третьих, он неоднороден, поскольку проявляется на нескольких уровнях смысловой организации текста (от слова до сверхфразового единства). В-четвёртых, он неполон, поскольку автор не всегда бывает уверен, что он выразил именно то, что он хотел сказать. (Последний аспект авторского замысла подтверждается наличием метатекстовых высказываний автора – комментариев к тексту после его опубликования). В-пятых, он искажён языковой формой (клише, штампы, языковыми стандартами, степенью владения языком). Он зависит от условий выражения (временных и пространственных ограничений), условий реализации и даже материала выражения (если допустим, он создан на компьютере или губной помадой на стекле туалета). Изменение состояния автора в разные периоды написания текста (или даже просто перерывы во времени исполнения) также окажет своё воздействие. Мы не говорим тут о реализации чужого замысла (о разведении автора и исполнителя), поскольку эта тема требует особого рассмотрения.

И, конечно же, авторский смысл может попадать в разные контексты восприятия. Та-

ких контекстов может быть много: контекст времени написания, времени публикации и времени прочтения; контекст ситуации в момент написания и в момент прочтения, контекст жанра, контекст источника публикации, контекст других публикаций того же плана. Языковая форма текста в силу самой природы языка как «нежёсткой системы знаков» тоже будет размывать его смысл (делать его неоднозначным). И, конечно же, многочисленные «внутренние контексты», принадлежащие реципиенту, тоже будут вносить свой вклад в «умножение сущностей», в разные интерпретации авторского смысла.

Ряд исследований (Т.Н. Ушакова, И.В. Арнольд, М. Арнаудов, А.М. Левидов и др.) позволяет утверждать, что, несмотря на множество ограничений авторский смысл эмоционально-отмеченного (в том числе художественного) текста может быть выявлен и описан.

Продуктивным тут представляется психолингвистический подход. Вот что гласит одно из самых первых определений этой дисциплины, данное Ч. Осгудом в 1954 г. «Психолингвистика изучает те процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода, и эти сигналы преобразуются в интерпретации слушающих. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояние сообщений с состоянием участников коммуникации» (цит. по Белянин В.П., 2007, с. 12)

Если говорить о психолингвистическом подходе к тексту, то реконструкция авторского смысла может быть основана на том, что смысловая модель текста должна быть соотнесена в первую очередь не с лингвистическим, литературоведческим, или культурологическим пространством, в котором текст неизбежно существует, а с психологическим. Все остальные пространства задают вполне определённые интерпретации, каждая из которых вполне объективна. Психологическое же пространство текста задаёт субъективные смыслы, они проективны, они подвижны, но и они объективны в своей субъективности.

По нашему убеждению, в художественном тексте существует некоторая доминанта, которая является ведущим психологическим конструктом. Мотивация «поступков» персонажей художественного текста обусловлена

теми «обстоятельствами», в которых они оказываются по воле автора и теми «соображениями», которые приписывает им автор. Герой художественного текста не самостоятелен в выборе своей роли-функции ни в облике, ни в поступках; он является плодом игры ума автора, точнее, его доминанты.

Ни жанр, ни стиль, ни языковой уровень реализации эмоционально-отмеченного текста в целом не случайны с позиции доминанты. Они зависят от неё и обусловлены ею. Доминантой в психологии называется господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе. Согласно А.А. Ухтомскому, она определяет направленность поведения и мышления человека, а также весь характер восприятия мира. От доминанты зависит «облик, под которым рисуется нами мир и люди», – писал он (Ухтомский А.А., 1966, с.82). Предлагая выделить в эмоционально-отмеченном тексте доминанту, мы утверждаем, что именно она является основой интегрального авторского смысла, из которого разворачивается текст на всех его уровнях.

Эмоционально-смысловая доминанта, создавая основу модели порождения текста, определяет его психологическое содержание, речевую системность и является квинтэссенцией авторского замысла. Мы полагаем, что существуют разные эмоционально-смысловые доминанты, и в основании разных эмоционально-смысловых доминант лежат разные типологические черты личности и акцентуации характера (Белянин В.П., 2006). Принятие идеи «автор как личность» расширяет процесс исследования и рассматривает не текст сам по себе, а в контексте речемыслительной деятельности автора и читательского восприятия. Вопрос об авторском смысле текста тем самым переносится в область психологии личности. А там он может быть продуктивно решён на основе типологического подхода. Опуская аргументацию (возводимую к работам Е.Кречмера, А.Одина, Дж.Нисбета, В.Штекеля и др. учёных), отметим, что при анализе личности автора художественного текста продуктивным оказывается прежде всего подход с позиции типологии акцентуированной личности (мы не вступаем в дискуссию о том, чему ближе акцентуация – норме или психопатии, считая акцентуацию выраженным («заострённым») свойством личности и особенностью характера, определяющей социальное поведение и жизнедеятельность

человека (Л.И. Вассерма, Б.Д. Карвасарский, Л.Н. Собчик)).

В том случае, если текст «нормативен», не содержит выраженной позиции, не выделяется ни в языковом, ни жанровом плане, личность автора скрыта либо за шаблонами и штампами, либо за маской (как языковой, так и не языковой). Говорить о личности автора тут сложнее. Можно говорить об авторской позиции, но не о самом авторе как личности. И лишь допущение о «нестандартности» автора позволяет увидеть его индивидуальность. Однако, это не столько допущение, сколько реальность. Автор эмоционально-отмеченного текста должен быть хотя бы немного акцентуированным (Клинический ..., 1928, В.П. Руднев). Именно соотнесение авторского смысла с моделью мира акцентуированной личности позволяет увидеть в нём системность особого плана. Подчеркнём ещё раз, что проблему смысла текста можно решить по-разному: от действительности (от содержания, от реальных событий), от текста (от его «эстетики» и языка), и от автора (от его личности и организации психики). И, конечно же, задачи экспертизы ставят задачу анализа текста «от читателя» (от того, какое воздействие он произвёл на него, как он был воспринят, понят и оценен).

Если взять за основу классификацию П.Б.Ганнушкина и идти «от личности», то можно получить следующую типологию эмоционально-отмеченных текстов: конституционально-депрессивные личности создают «печальные» типы текстов; гипертимные личности создают «весёлые» тексты; депрессивные – «печальные»; циклотимы – «печально-весёлые»; астеники – «усталые»; шизоиды – «сложные»; паранойяльные – «активные», и «светлые» (по мнению Л.Н. Собчик, он создан сензитивно-тревожной личностью); эпилептоиды – «простые», «тёмные», «сумеречные», «вязкие» и «жестокие»; истероиды – «красивые» и «эпатажные» (Репина Е.А., 2001); антисоциальные – «интенсивные». Возможно также выделение «объективных» (экстраверсия) и «субъективных» (интроверсия) текстов (Гиль О.Г., 2000). Естественно, что существует большое количество «смешанных» типов текстов, например, «агрессивные» (Репина Е.А., 2001), а очень большая часть текстов вообще не укладывается в эту типологию и/или являются неакцентуированными (как «добрые» или «сусальные»).

Реконструкция авторского смысла в рамках предлагаемой концепции основана на следующих процедурах.

1. Описание смысловой структуры текста безотносительно к контекстам его существования, в его формализованном виде.

2. Соотнесение формализованной смысловой структуры текста с определённым типом психологической структуризации мира, с некоторой «моделью мира».

3. Определение эмоционально-смысловой доминанты текста, и соотнесение с личностной доминантой или возможной доминантой акцентуированного плана.

4. Формализованное описание авторского смысла текста на основе эмоционально-смысловой доминанты текста.

Подчеркнём, что принадлежность текста к тому или иному типу определяется на основании достаточно жёстких критериев семантического и формального плана (Белянин В.П., 2006).

Предлагаемый метод анализа позволяет увидеть перспективы развития психолингвистики текста в следующем. Во-первых, могут быть описаны лексико-семантические поля с позиции выраженности в них личностных смыслов (тем самым, лексемы могут выступать своего рода предикторами акцентуаций или в целом личностных особенностей). Во-вторых, могут быть разработаны синтаксические структуры анализа текста, которые могут привести к созданию психосинтаксиса как науки о личностных коррелятах речевых

структур. В третьих, могут быть разработаны методы создания пратекста (прототекста), которые могут оказаться продуктивными для сопоставления разных интерпретаций и толкований одного и того же текста в целях определения степени их адекватности авторскому замыслу.

Подчеркнём ещё раз, что описанный выше подход не может заменить какие-либо иные, он лишь позволяет увидеть и описать некоторые грани его существования в индивидуальном сознании.

#### Литература:

1. Белянин В.П. Психологическое литературоведение.-- М.: Генезис, 2006. – 320 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика. – 4-е изд., испр., доп.- М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2007. – 232 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.– М.: Наука, 1981. – 296 с.
4. Гиль О.Г. Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000 – 20 с.
5. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатология) / Под ред. Сегалина.- Свердловск, 1925-1928.
6. Репина Е.А. Психолингвистические параметры политического текста. Автореф. ... канд. филол. наук.– М. , 2001. – 24 с.
7. Ухтомский А.А. Доминанта. – М., Л.: Наука, 1966 – 249 с.





**Липская Лариса Петровна,**  
эксперт ГУ Краснодарская лаборатория  
судебной экспертизы Министерства юстиции  
Российской Федерации, доцент кафедры  
теории и практики перевода Кубанского  
государственного университета,  
кандидат филологических наук

## ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

---

Среди многочисленных задач, ответственность за решение которых возложена на эксперта-лингвиста, отнесение того или иного высказывания к числу побудительных занимает особое место, во-первых, в связи с усилившимся вниманием государства и правоохранительных органов к различного рода проявлениям вербального экстремизма, выражающегося в том числе и в призывах к экстремистской деятельности, во-вторых (при всей изученности категории императивности в русском языке), в связи с неоднозначностью определения данной категории, с отсутствием единого подхода к описанию побудительных речевых актов и общепринятой точки зрения на систему форм, выражающих побуждение. Аспектом, на который хотелось бы обратить внимание, является несоответствие интерпретации категории императивности при помещении предмета исследования в плоскость пересечения классической грамматики и теории речевых актов. Категория побуждения в этом случае не имеет однозначной интерпретации, примером чему могут служить тексты экспертных лингвистических исследований.

Казалось бы, нет ничего проще. В русском языке в качестве наиболее частотного

средства выражения побуждения выступает повелительное наклонение, и призывы, соответственно, представляют собой вербальную конструкцию, центром которой является глагол в форме повелительного наклонения или в эквивалентной данному наклонению форме. Однако далеко не всегда призывы выражены так однозначно и далеко не всегда конструкция, содержащая в своем составе глагол в форме повелительного наклонения, является призывом.

В качестве иллюстрации приведу примеры исследования текстов на предмет выявления в них призывов к экстремистской деятельности.

Довольно часто побудительные конструкции, построенные в соответствии с правилами классической грамматики, имеют значение прямого призыва. Например, нижеприведенный фрагмент текста, содержащий глаголы в повелительном наклонении, оценивается как явно выраженный призыв и имеет экстремистскую направленность (во всех примерах сохранены пунктуационные и орфографические особенности оригинальных текстов):

**«Русские, давайте и мы достойно отметим «год Азербайджана».** А чтобы и дру-

гим незванным «братьям» обидно не было, **назовем** его «годом народностей Кавказа и Востока». И в этот год **объявим** им полный бойкот. Пусть это **причинит** нам «массу неудобств», **но давайте не покупать** у них ни булки хлеба, ни огурца, ни коробки спичек. А то ведь предаем свой народ из-за того, что лень сходить в русский магазин за два квартала... **Давайте не принимать** их на работу и **не работать** на них самих, **не иметь** с ними никаких деловых и финансовых отношений, каких бы выгод это нам ни сулило... **Давайте не проходить** мимо, а хотя бы останавливаться в случае, если у нашего соотечественника возникает с ними конфликт... **Давайте просто смотреть** на них, как на оккупантов...».

В данном случае перед нами классическое выражение директивного речевого акта, в котором имеется прямой призыв, морфологически выраженный формой повелительного наклонения глагола (императива); побудительное наклонение употреблено в категоричной форме и назван адресат призыва.

В одном из фрагментов другого текста изобилие глаголов в форме повелительного наклонения и их семантика, казалось бы, тоже не должны были вызвать сомнений в экстремистской интенции автора. Ср.: «Освещения там нет, **делай** что хошь. Например **отвинти** гайки на рельсах и под стык **закрепи** РГД. К колечку **прекрепи** верёвочку и через кустики **протяни** через дорогу. Скоростной сам **выдернет** чеку». Но грамматически явно выраженные формы повелительного наклонения глаголов реально не выражают значения побуждения в данном фрагменте.

Как известно, помимо значения волеизъявления формы повелительного наклонения в русском языке могут иметь ряд других значений: долженствования, желательности, условия, уступительности. Формы повелительного наклонения выступают при этом как носители значений различных синтаксических наклонений, в том числе синтаксического побудительного. Чаще всего форма синтаксического побудительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Кроме того, у формы побудительного наклонения сформировались такие переносные значения, в которых связь с побудительностью ослаблена или вовсе утрачена. В глагольных предложениях

внутри значения побуждения как производное выделяется значение легкой осуществимости, ничем не ограниченной возможности, полной свободы осуществления. Это значение часто связано с наличием в предложении обобщенно-мыслимого субъекта; семантика непосредственного побуждения в них оказывается ослабленной или вовсе утраченной [Краткая... 1989, с.473-478].

Таково значение морфологически явно выраженного побудительного наклонения в вышеприведенном примере. Побудительные конструкции имеют в этом случае значение легкой осуществимости, ничем не ограниченной возможности, полной свободы осуществления и выступают в качестве условных. Анализируемое высказывание, таким образом, должно восприниматься следующим образом: «Освещения там нет, **можно сделать** что хошь. Если бы кто-то (в соответствии с контекстом – террористы) захотел, он мог бы сделать так: например **отвинтил бы** гайки на рельсах и под стык **закрепил бы** РГД. К колечку **прекрепил бы** верёвочку и через кустики **протянул бы** через дорогу. Скоростной сам **выдернул бы** чеку».

Интенция автора данного текста заключается в обращении внимания адресата на легкую, ничем не ограниченную возможность совершения действий и, в соответствии с пропозицией текста, представляет собой не призыв к экстремистским действиям, а критику деятельности представителей силовых и властных структур, не учитывающих, по его мнению, эту и подобные возможности совершения террористических актов.

В экспертной практике также нередки случаи, когда высказывания, не имеющие в своей структуре грамматически выраженных форм повелительного наклонения, могут содержать побудительную модальность и квалифицироваться как призывы (см., например, работу: Е. Кара-Мурза «В помощь редакторам: эксперты-лингвисты о предвыборной информации и агитации»). В связи с этим представляется целесообразным подходить к интерпретации императивного высказывания не столько с точки зрения грамматики, сколько с прагматических позиций, с позиций теории речевых актов. Говорящий, например, может, не используя грамматических повелительных конструкций, организовать текст (целью которого является каузация действий адресата) в виде опреде-

ленной программы действий, иллюкативная сила которой в несколько раз превосходит открыто выраженный призыв. Такие призывы лингвисты называют скрытыми.

«Скрытым призывом является информация, подстрекающая к каким-либо действиям, целенаправленно формирующая у адресата желание действовать или чувство необходимости действий. Скрытый призыв нередко дает развернутую программу действий, к которым осуществляется подстрекательство, т. е. автор (в скрытой или явной форме) программирует поведение адресата речи, нередко используя методы речевого манипулирования сознанием, воздействия на психику, подсознание читателя или слушателя» [Араева, Осадчий, 2006, с 45].

К текстам-манипуляторам относятся тексты, в которых наиболее значимо суггестивное использование языка. Подобные тексты характеризуются намеренно созданной двусмысленностью, представляют информацию путем намеков, нужных ассоциаций, аргументаций и т.п., содержат синтаксические структуры с нетипичным для них денотативным значением (вопросы в значении утверждения, побудительные конструкции в значении оценки, вопросно-ответные конструкции и т.п.). В этом случае задача эксперта – выявить подлинные коммуникативные намерения автора текста и разоблачить речевую манипуляцию.

Для иллюстрации скрытого призыва приведу пример использования риторического вопроса в роли побудительной конструкции во врезке к публикации политического доклада: «*Как мы допустили, что богатства России разворовывает шайка бесстыдных жуликов, народ вымирает, а политическую власть в стане захватила еврейская мафия, состоящая из злобных русоненавистников и врагов нашей Родины?..*». Риторические вопросы в различных речевых актах могут иметь широкий спектр имплицитных значений, в том числе и значение осуждения, и значение побуждения, как в вышеприведенном высказывании. Риторический вопрос, по меткому замечанию И.Б. Шатуновского, – «это почти всегда удар, выпад или, по крайней мере, укол в адрес собеседника» [Шатуновский, 2004, с. 28]. Но часто именно наличие в риторическом вопросе осуждающего значения делает его формой речевой агрессии. Значение осуждения заложено в первой части вопроса: «*Как*

*мы допустили...?*». Автор и себя объединяет с адресатом высказывания, и на себя берет вину за случившееся (что является мощным средством воздействия на адресата) и на всем протяжении доклада разворачивает программу действий исправления создавшегося положения. В состав семантического комплекса данного риторического вопроса входит и побуждение. Это логически следует из наличия компонента осуждения, поскольку осуждение бездействия (или недостаточного, неэффективного действия) провоцирует побуждение совершать какие-то действия, чтобы изменить ситуацию.

Далее в тексте политического доклада разворачивается программа действий, направленная против «*засилья еврейской мафии*». Необходимость действий, предлагаемых в своей программе, автор обосновывает, рисуя трагическое положение России и запугивая слушателей (читателей) последствиями неисполнения этих действий. Данный текст изобилует имплицитно выраженными (скрытыми) призывами в виде развернутой программы действий по борьбе с «*еврейским засильем*», к которой осуществляется подстрекательство. Автор, таким образом, не используя классических грамматических побудительных конструкций, каузирует действия адресата, программируя его поведение, что зачастую является более эффективным способом побуждения, чем прямо выраженные призывы.

При реализации агрессивных речевых стратегий и создании текстов-манипуляторов императивной направленности довольно часто используются побудительные конструкции с перформативными глаголами (от лат. *performs* – действую). Не останавливаясь подробно на анализе побудительных конструкций с перформативными глаголами, отметим только, что большинство высказываний, относимых лингвистами как к прямым, так и к скрытым призывам, содержат перформативные глаголы, принадлежащие, согласно классификации Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1986], к следующим категориям: просьбы (*заклинать, молить, просить, умолять, ходатайствовать*); предложения и совета (*вызывать, звать (к себе), приглашать, призывать (к порядку), рекомендовать, советовать, предлагать*); предупреждения, предсказания (*предупреждать, предсказывать, предостерегать, предрекать, предвещать*);

требования, приказа (*наказывать, настаивать, поручать, приказывать, требовать, предлагать (явиться), ставить условие*).

Современные исследования, посвященные вопросу побуждения, знаменательны тем, что в фокусе внимания лингвистов оказались экстралингвистические факторы, влияющие на языковое выражение, и возникло новое понимание побуждения как особого типа речевого акта, требующего его рассмотрения и с прагматической точки зрения, что, в соответствии с мнением Дж. Юла [Yule, G., 1993, 1996], предполагает необходимость исследования текста в четырех аспектах: намерения говорящего, контекстного значения высказывания, понимания невыраженного и объема общих знаний.

Так, приказ, команду, запрещение, предписание и некоторые другие исследователи относят к жанрам с наиболее высокой степенью категоричности, определяя их как прескрептивные, комбинируя в них обязательность (обязательность) действия и приоритетность говорящего. Просьбу, мольбу, приглашение и аналогичные относят к реквестивам и характеризуют как необлигаторные и бенефактивные (от лат. *beneficium* – благодеяние) для говорящего. К суггестивным речевым актам относятся совет, предложение, предупреждение и некоторые другие, обладающие необлигаторностью и бенефактивностью для адресата (см., напр.: Бирюлин, 1985; Беляева, 1992; Храковский, 1992).

Таким образом, суть императивного высказывания в лингвистической экспертизе необходимо рассматривать сквозь призму «поверхностной и глубинной семантики» (термины А.В. Бондарко). Поверхностную семантику несложно определить посредством метода лексико-грамматического анализа,

установлением тех формально-грамматических средств и выявлением значений, при помощи которых строится та или иная побудительная конструкция. Глубинная же семантика может быть выявлена только при комплексном анализе, с учетом как грамматических, так и прагматических возможностей речевой реализации побуждения к действиям.

#### Литература:

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.45, № 3. 1986.
2. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // «Уголовный процесс», № 4 (апрель) 2006. С. 45-56.
3. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.
4. Бирюлин Л.А. Императивы в акте речи // Лингвистические исследования. Грамматические категории в разносистемных языках. М., 1985. С. 28-36.
5. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1, М., 2001. С. 4-13.
6. Кара-Мурза Е. «В помощь редакторам: эксперты-лингвисты о предвыборной информации и агитации» (<http://www.library.cjes.ru>).
7. Краткая русская грамматика. Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989.
8. Храковский В.С. Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
9. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. Сборник статей. РГГУ, Институт лингвистики, М. 2004.
10. Yule, G. Pragmatics, 1963. Yule, G. Pragmatics. Oxford UP, 1996.



**Архарова Диана Ивановна,**  
эксперт Уральского РЦСЭ  
Минюста России, кандидат  
филологических наук



**Изотова Тамара Михайловна,**  
ведущий эксперт Уральского РЦСЭ  
Минюста России

## **К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ ПОСТРОЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ**

---

Вопрос о лингвистических основаниях построения названных дефиниций является важным при проведении лингвистических экспертиз по уголовным делам, связанным с оскорблением, унижением, умалением чести, достоинства и деловой репутации истца.

Чтобы лингвистически квалифицировать исследуемые в ходе экспертизы высказывания как имеющие или не имеющие оскорбительный, унижающий и пр. характер, необходимо соотносить их языковые параметры со смысловыми компонентами дефиниции понятия оскорбление, унижение и под., построенной на основании избранной лингвистической методики, без опоры на соответствующие дефиниции УК РФ.

Это должно обеспечить чистоту («гомогенность») цели и хода аналитической части лингвистической экспертизы, т.е. необходимую референтность проводимого исследования (соблюдение его предметно-смысловых рамок, принятых с учетом постулатов достижений современного языкознания как науки)

и объективность юридически значимых выводов лингвистической экспертизы.

Опора на определения юридических понятий типа оскорбление, унижение и под., данные в УК РФ, затруднена именно их референтностью в рамках лингвистической экспертизы.

Во-первых, они включают в свой состав смысловые компоненты, экспериментальное исследование которых не входит в компетенцию лингвоэксперта. Напр., в определении понятия оскорбление лишь 5 его смысловых компонентов четко соотносены с компетенцией лингвоэксперта, 7 не обладают этой характеристикой, 3 занимают промежуточное положение.

Во-вторых, понятийная база этих определений с логико-лингвистической точки зрения является нестрогой: понятие оскорбление толкуется через понятие унижения, при этом второе становится родовым (классифицирующим) для первого; понятие моральные нормы поведения уравнивается с понятием этикетность общения.

Всё это приводит к чрезмерной прилизительности вопросов, предлагаемых эксперту для рассмотрения в ходе экспертизы, и ставит специалиста перед необходимостью их перефразировать, уточнить.

Предлагаемая нами лингвистическая методика построения определения юридического понятия позволяет получить развернутую дефиницию терминологического понятия, функционирующего в определенной предметной сфере действительности (в нашем случае – юридической), отвечающую принципам неединственности, доступности, истинности и смысловой (неформальной) информативности описания значения слова-понятия.

Но какие же достижения современного языкознания (точнее, семасиологии) и смежных с ним наук (психолингвистики, психологии, логики) мы опирались, выстраивая предлагаемую методику?

1. Человек, с гносеологических позиций исследуя предметы, явления, свойства, отношения, существующие в действительности, в реальном мире, получает знания о мире. Эти предметы (в широком смысле) и знания о них называются и описываются с помощью слов: конкретных, абстрактных, в том числе слов-понятий.

2. Понятие как философская категория есть форма абстрактного мышления, отражающая общие и существенные свойства, связи, отношения предметов и явлений.

Понятие как логическая категория есть мысль о вещи, т.е. о предметах и явлениях действительности, отображающая и интегрирующая их общие и существенные характеристики, выявленные в процессе мышления.

Понятие, названное словом, есть определенным образом интерпретированная вещь.

Понятие определено по содержанию, так как отнесено к единственному предмету.

3. Вещи (предметы, явления, качества их отношения) существующие в действительности, отражаются в сознании и номинируются в языке посредством слова. У слова есть значение (ЗС), в котором сосуществуют денотативные (собственно предметные) и сигнификативные (абстрактные) элементы, с разной полнотой отраженные в толковых и энциклопедических словарях. В последних полнее представлена денотативная часть.

4. Значение слова – это языковое знание, это часть знаний о мире.

5. ЗС избыточно, «бесконечно по своей смысловой заряженности», т.е. в его составе есть системные и асистемные, явные и скрытые, а также потенциальные и вероятностные семы, которые могут быть выявлены с помощью различных методик структурно-семантического и коммуникативного лингвистического анализа.

6. Все компоненты ЗС активны в языковом сознании носителей языка, они входят в языковую компетенцию каждого из них.

7. ЗС нелимитируемо, у него нет четких границ. Это обусловлено диффузностью абстрактных предметов, явлений и их связей в действительности, их изменчивостью, недостаточной изученностью. Семантический потенциал слова широк, в ЗС есть постоянные и вероятностные компоненты, а описание ЗС подчиняется принципу неединственности.

8. В сознании носителя языка существует единый психический объект – знание-компетенция, в котором онтологически сосуществуют содержание языковой единицы и семантическое знание о нем, т.к. язык описывает сам себя.

9. С точки зрения психолингвиста, в слове и в его значении представлена свернутая в материи языка идеальная форма существования реального предметного мира.

10. Языковое знание, или значение слова, с лингвистической точки зрения является общественно достигнутым знанием о предмете номинации.

11. На уровне знаний коллектива ЗС как языковое знание отражает общественное, общезыковое, системное, т.к. соотносится с языковой компетенцией среднего носителя языка.

12. При работе с дефиницией слова, называющего понятие, яркими становятся системные номинативные аспекты ЗС.

13. Значение слова-понятия и слова-термина может быть представлено (описано) в его дефиниции на формально-логическом и семантическом уровнях. В первом случае дефиниция будет опираться на логический (гносеологический) анализ свойств предмета в действительности и её содержание будет тождественно отражению существенных признаков предмета. Во втором случае понятие будет системой знаний, или совокупностью свернутых суждений, ядром этой совокупности будут суждения о существенных признаках предмета. Важно, что свернутую на уровне

общеязыковой компетенции носителей языка ЗС – информацию можно развернуть, оставляя в дефиниции четкое обозначение смысловых сем и варьируя лексическое оформление метаязыковых элементов, отражающих категоризацию человеческого опыта (род, вид, разновидность) (Л.А.Стернин).

При этом должен соблюдаться принцип истинности описания ЗС.

14. Семантический объем дефиниции любого слова, в том числе слова-понятия, не должен переходить грань восприятия среднего носителя языка в конкретный исторический период. Другими словами, он должен соответствовать совпадающей части языковых компетенций всех носителей языка. Это обеспечивает взаимопонимание и соблюдение принципа доступности описания ЗС.

15. Слово в дефиниции информативно. Поэтому номинативную часть значения слова, представленную в дефиниции, можно развернуть, дополнить («по части можно достроить целое» - А.Ф.Лосев).

16. Слово в дефиниции информативно, так как испытывает влияние семантики слов, стоящих рядом, и в функции означающего стремится к однозначности в контексте дефиниции как высказывания.

Эту однозначность можно интерпретировать по-разному, т.е. рассмотреть слово как означаемое в рамках выполнения словом функции порождения смысла. Высказывание, в том числе дефиниция, усиливает то, что хранится в языковом сознании всех людей: «слово посредствует между новым восприятием (и тем, что есть сейчас в сознании) и находящимся вне сознания прежним запасом мысли» (А.А.Потебня).

17. Слово информативно, так как на уровне ассоциативных смысловых связей соотносится со всеми словами данного языка.

Теперь представим лингвистическую методику построения дефиниции юридического понятия на примере слова умаление (чести, достоинства, деловой репутации).

### 1 шаг

Выписываем из Словаря русского языка (В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1981-1984: он предпочтителен как академический словарь) определение слова умаление:

умаление – от глаг. умалить (IV, 489);

умалить – 1) уменьшить; 2) снизить, приуменьшить роль, значение (там же).

### 2 шаг

Рассматриваем каждое слово, входящее в толкование лексемы умалить как полнозначное и как номинацию, свернутую в 1 слово, важного семантического признака понятия умалить / умаление. Другими словами, как сему /компонент ЗС, присутствующую в языковой компетенции среднего носителя языка и осознаваемую им, что и обусловило её присутствие в толковании слова-понятия умалить / умаление.

### 3 шаг

Делаем соответствующие выписки из Словаря:

уменьшить – 1) сделать меньше по величине ...; 2) сделать меньше по степени, силе, интенсивности (IV, 490);

снизить – 2) лишить значимости; упростить, ослабить (IV, 165);

роль – 3) мера влияния, значения, степень участия в ч-л. (III, 729);

значение – 2) важность (I, 617);

значительность – 1) важное значение (там же);

значительность – от глаг. значить (там же);

значить – 1) иметь ценность, важность, играть важную роль, быть существенным (там же).

Очевидно, что выписки из Словаря на 3 шаге не механистичны, они обусловлены референтностью исследуемого понятия с реальным миром, т.е. с содержательными рамками, заданными ситуацией лингвистической экспертизы в опоре на те компоненты юридического понятия, которые соотносимы со значением слова (ЗС) как с языковым знанием о мире. Полезным оказывается привлечение слов, однокоренных по отношению к одной из привлекаемых лексем.

### 4 шаг

В поле зрения лингвоэксперта попали новые полнозначные слова, называющие новые значимые смысловые характеристики понятия умалить / умаление. Их смысловой объем можно и нужно уточнить, развернуть, используя приемы, прокомментированные выше:

степень – 3) разряд, категория, класс; 4) уровень, ступень (IV, 261);

сила – 2) способность человека к физической или духовной деятельности; 3) мощь; 4) могущество, власть, авторитет (IV, 91);

интенсивность – от прил. интенсивный (I, 671);

интенсивный – усиленный ...// дающий наибольшую производительность (там же).

### 5 шаг

В поле зрения исследователя попадает новая группа лексем, каждая из которых номинирует важные смысловые характеристики понятия умалить / умаление.

Работа с их толкованиями продолжается до тех пор, пока в текстах толкований, привлекаемых к исследованию, не начнется повтор лексем, составляющих формулировки привлекаемых толкований.

При работе со значением слова-понятия умаление были поочередно (пошагово) рассмотрены толкования следующих слов: значимость (2), важность (1-3), ослабить, слабый (4, 6), уровень (2), ступень (2, 3), упростить (2), могущество (1, 2), авторитет, достигнуть (4), развитие и развить (4), качественное, качество, лишить, глубина (4, 5), сложность (2), примитивный (3), обедненный / обеднить, искаженный (2, 3), исказить (2), большой (2), труд (1, 2), усилие, действие (3), необходимый, напряжение, целенаправленный, подчинить [цели] (2, 3), влияние (2), покорить (1, 2), достоинство (1-3), ценность (2), соответствие, должный, долг, отнять, содержание, участие в ... (1), очаровать (2), существенный (1), особый (1-3), общепризнанный, признать.

В круглых скобках указаны порядковые варианты лексико-семантических вариантов слова, или семем, в составе толкования ЗС.

С психолингвистической точки зрения такая работа со словами, составляющими формулировку толкования слова как лексем, т.е. в наборе составляющих её семем, подобна декодированию слова-универба, присутствующего на уровне внутренней речи в языковом сознании среднего носителя и носителей языка как значение-компетенция.

### 6 шаг

В процессе описанной работы с толкованиями лексем и семем накапливаются наблюдения над повторяющимися элементами той информации, которая «проходит через руки» лингвоэксперта.

Необходимо её систематизировать на «рейтинговой» основе.

В нашем случае это упорядочивание может быть таким.

**I** смысловой блок в информационном поле «умаление» составляют слова, которые можно рассматривать как смысловые компоненты, или семы, ЗС умаление уменьшить, снизить, приуменьшить, лишить, упростить, ослабить, сделать незначительным, отнять, исказить, взять силой, т.е. вопреки желанию, [навязать примитивность, обедненность].

В квадратных скобках дана вероятностная сема.

**II** блок составляют следующие смысловые компоненты:

1) величина, степень, сила, интенсивность, т.е. некие количественные характеристики;

2) категория, класс, уровень, ступень, т.е. качественные характеристики, или характеристики состояния.

**III** блок: 1) значимость, значение, роль, мера влияния; 2) важность, ценность, ответственность, смысл; 3) мощь / мощность, могущество, власть, авторитет; 4) особый, содержательный, высокий и глубокий по смыслу, целенаправленный; 5) общепризнанный, достойный уважения, существенный, нужный, соответствующий должному; 6) участие в ...; 7) способный: а) оказывать сильное влияние, б) совершать действие, в) влиять, г) руководить, д) покорять, е) достигать, ж) добиться, з) приложить усилия, и) довести до высокого уровня; 8) способный проявиться в высокой степени путем многообразных (духовных и физических) и больших усилий (напряжений).

### 7 шаг

Формируем итоговую развернутую дефиницию (семантическое описание) понятия умаление / умалять:

Уменьшить, исказить, навязать примитивность, даже отнять против воли, т.е. покушаться на количественные и качественные характеристики человека (его свойства, отличительные признаки), которые добыты / сформированы им самим у себя ценой целенаправленных, значительных и многообразных усилий, а именно: осознание своей 1) значимости, 2) содержательности, 3) ответственности нравственным категориям «должное» и «нужное», 4) наличия авторитета в глазах окружающих вследствие способности оказывать влияние, руководить, достигать в



своей деятельности высокого уровня, который достоин уважения и общего признания.

При формировании объема этой дефиниции понятия сохраняются предварительно выявленные семы (смысловые компоненты, значимые в исследуемом информационном поле) и могут варьироваться так называемые метаязыковые («связочные») компоненты этой дефиниции.

Предлагаемая лингвистическая методика может быть названа методикой информационно-смыслового описания языкового значения слова-понятия, в частности юридического терминологического понятия.

Слова и выражения, исследуемые в ходе судебной лингвистической экспертизы на предмет их оскорбительного, порочащего и под. характера при использовании устной и / или письменной речи, можно сначала подвергнуть ситуативному анализу (анализу ситуации словоупотребления), а затем использовать предлагаемую методику информационно-смыслового описания их значения в том объеме, который значим в проанализированной ситуации. Затем полученное семантическое описание актуализированного значения накладывается на дефиницию того юридического понятия, которое введено в формулировку вопросов, предложенных для

лингвистической экспертизы. Такое наложение корректно выявляет количество совпадающих, несовпадающих и «переходных» семантических признаков, что позволяет дать обоснованный ответ на вопрос о наличии / отсутствии умаляющего, оскорбительного и под. характера слова, выражения в условиях конкретного их употребления.

### Литература:

- 1) Донец П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики: монография – Харьков: Штрих, 2001. с. 15 – 42, 78, 106-110, 150-160
- 2) Ключев Е.В. Речевая коммуникация: Учеб. Пособие для университетов. – М.: Приор, 1998, с. 6 – 2-. 30, 54 – 64, 71-76
- 3) Степанов Ю.С. Основы общего языкознания: Учеб. Пособие для студентов филологических специальностей пед. ин-тов. Изд 2-е, перераб. – М.: Просвещение, 1975, с. 7 – 26
- 4) Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985, с. 5 – 35, 86 – 127 /



# Судебная экспертиза за рубежом

---



**Секераж Татьяна Николаевна,**  
заведующая лабораторией судебной  
психологической экспертизы РФЦСЭ  
при Минюсте России, к.ю.н.

### **Сознание хулигана / The Hooligan's Mind**

J. Forensic Sci, January 2007, Vol.52, No 1, doi: 10.1111/j.15564029.2006.00315.x, Available online at: [www.blackwell-synergy.com](http://www.blackwell-synergy.com), Roberto Maniglio (секция криминологии, отделение педагогики, психологических и дидактических наук, Университет Лече, Италия.)  
Опубликовано 8 декабря 2006 г.

Футбольное хулиганство представляет собой всемирное явление и повседневную реальность. Общество затрачивает большие средства на превентивные меры и контроль этого явления. На самом деле, чтобы предвидеть хулиганские действия и предотвращать насильственное поведение, необходимо знать, что думают хулиганы. В данном материале читателям предлагается теория сознания хулигана, основанная на анализе мышления одного хулигана-итальянца, который был пациентом автора. Автор показывает, что хулиганские действия, в том числе насильственные, не бессознательны, потому что такие составляющие их мышления, как убеждения и цели эксплицитно присутствуют в их мыслях и высказываниях. Напротив, действия футбольных хулиганов (поддержка своих и физическое противостояние, драки с соперниками) запланированы, сообразны их целям, поскольку «признанное превосходство» явно представлено в их сознании как основная цель. Фактически, хулиганские действия направлены на то, чтобы быть признанными «хорошими» хулиганами – как хорошими болельщиками (фанатами), так и хорошими бойцами.

**Ключевые слова:** судебная наука, наука о поведении, преступное поведение, хулиганы, футбольный фанатизм, драка, цели, признанное превосходство.

### **Связь алкоголь-индуцированной полной и частичной амнезии с концентрацией алкоголя в крови / The Association of Alcohol-Induced Blackouts and Grayouts to Blood Alcohol Concentrations**

J Forensic Sci, July 2006, Vol.51, No 4, doi: 10.1111/j.15564029.2006.00161.x, Available online at: [www.blackwell-synergy.com](http://www.blackwell-synergy.com) / Paul J.Perry, Ph.D.; Tami R.Arfo, Pharm.D., M.S.; Mitchell J. Barnett, Pharm.D. M.S.; Jill L. Liesveld, M.D.; Barry Liskow, M.D.; Jillian M.Hernan, Pharm.D.; Michael G.Trnka, Pharm.D.; and Mary A.Brabson, Pharm.D.

Первостепенной целью этого исследования было установление связи между концентрацией алкоголя в крови и наличием и степенью амнезии (отсутствие амнезии, частичная амнезия, полная амнезия) у лиц, злоупотребляющих алкоголем. Вторая цель состояла в том, чтобы определить потенциальные факторы, помимо концентрации алкоголя крови, которые вносят

свой вклад в вызванную алкоголем потерю памяти. Было проведено интервью с лицами, впервые привлекаемыми к административной ответственности в связи с задержанием в нетрезвом виде (показатель концентрации алкоголя в крови (ВАС) превышал 0.08 g/dL<sup>1</sup> для каждого случая: пребывание в состоянии опьянения в общественном месте, управление автомобилем, потребление алкоголя в возрасте, когда это запрещено законом. Демографические факторы включали анамнез употребления алкоголя, историю семейного алкоголизма, случаи предыдущей обусловленной алкоголем потери памяти и поведение в состоянии алкогольного опьянения. Память на эпизод употребления алкоголя исследовалась с целью установления случаев вызванной алкоголем так называемой «серой» амнезии (grayouts) – частичной антероградной амнезии – или так называемой «черной» амнезии (blackouts) – полной антероградной амнезии. Различия, состоящие в (1) среднем общем количестве напитков, употребленных перед задержанием, (2) употреблении напитков залпом и (3) показателем ВАС при аресте, были установлены у тех, кто обнаруживал полную амнезию по сравнению с лицами, у которых амнезия отсутствовала, в то время как между теми, у кого отсутствовала амнезия, и теми, у кого выявлялась частичная амнезия, значимых различий в употреблении алкоголя обнаружено не было. Высокая линейная связь между показателем ВАС и предполагаемой вероятностью запоминания, особенно для случаев полной амнезии, была очевидной. Установленная зависимость клинически означает, что субъекты с концентрацией алкоголя в крови от 310 g/dL или больше имеют вероятность более 0.50 развития алкогольной амнезии.

**Ключевые слова:** судебная медицина, антероградная амнезия, концентрация алкоголя крови, частичная амнезия, полная амнезия.

**Психическая регуляция: связь между копинг-стратегиями достижения и избегания (на судебной выборке) / Psychological Adjustment in a Forensic Sample: Relationship with Approach- and Avoidance- Coping Typologies**

J Forensic Sci, May 2007, Vol.52, No 3, doi: 10.1111/j.15564029.2006.00430.x, Available online at: [www.blackwell-synergy.com](http://www.blackwell-synergy.com) / Teresa Kirchner, Ph.D.; Maria Fornis, Ph.D.; and Susanna Mohino, Ph.D.

Большинство исследований зависимости совладающего поведения (копинг-стратегии) от психологических особенностей рассматривают единственное копинг-измерение. Это означает, что интерпретация результатов недостаточно ясна и только частично верна, поскольку у субъектов при столкновении со стрессором активация копинг-стратегий различных типов происходит симультанно. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы проанализировать зависимость между копингом и психопатологией у молодых заключенных, принимая во внимание число одновременных выборов стратегии достижения и стратегии избегания. Результаты обнаружили, что лица с показателем по шкале избегания выше среднего и показателем по шкале достижения ниже среднего (Опросник копинг-стратегий – взрослая форма [CRI-A]) выявляют большую симптоматику (MMPI-2), чем лица с показателями по обеим шкалам выше среднего. Это приводит к выводу, что для связи с психопатологией не столь значимо повышенное использование стратегий избегания, нежели комбинации стратегий – частото применения избегания в сочетании с низкой представленностью стратегии достижения.

**Ключевые слова:** судебная наука, судебная психопатология, психологическое регулирование, копинг-стратегии, стратегия достижения, стратегия избегания.

**Суициды среди молодого населения Женевы (Швейцария) с 1993 по 2002 год<sup>2</sup> / Suicides in the Young people of Geneva, Switzerland, From 1993 to 2002**

J Forensic Sci, January 2007, Vol.52, No 1, doi: 10.1111/j.15564029.2006.00315.x, Available

<sup>1</sup> 1 децилитр соответствует 100 миллилитрам.

<sup>2</sup> Работа была представлена на Ежегодном заседании Американской академии судебных наук, 21-26 февраля 2005 года

online at: [www.blackwell-synergy.com](http://www.blackwell-synergy.com) / Guillaume Perret, M.D.; Abliz Abudureheman, M.D.; Maja Perret-Catipovic, M.A.; Mark Flomenbaum, M.D.; and Romano La Harpe, M.D.

Авторами были рассмотрены самоубийства среди лиц моложе 25 лет, происшедшие в Женеве с 1993 до 2002 г. Исследовались результаты ситуационных и судебно-медицинских экспертиз, результаты токсикологии, психиатрический анамнез (когда был доступен). Рассмотрено 65 случаев. Средний ежегодный показатель самоубийств был 11 к 100 000 населения. Семьдесят семь процентов составляли мужские суициды, 23 – женские. Самому молодому суициденту было 12 лет, большинству жертв – 18 лет и более (89%). Для мужчин основными способами самоубийства являлись использование огнестрельного оружия (38%), падение с высоты (16%) и утопление (10%). Для женщин падение от высоты было самым частым (40%), далее следовало использование огнестрельного оружия и передозировка медикаментов (20% каждый), повешение (13%) и утопление (7%). Токсикологический анализ был выполнен в 41% случаев и показал, что алкоголь присутствовал в 26%, наркотические средства в 67% случаев. Выявлены наиболее часто используемые наркотические средства – бензодиазепины, марихуана, кокаин.

**Ключевые слова:** судебная наука, самоубийство, молодежь, подросток

**Мотивация серийных сексуальных преступлений: секс, власть или гнев?<sup>3</sup> / The Motivation Behind Serial Sexual Homicide: Is It Sex, Power, and Control, or Anger?**

J Forensic Sci, July 2006, Vol.51, No 4, doi: 10.1111/j.15564029.2006.00168.x, Available online at: [www.blackwell-synergy.com](http://www.blackwell-synergy.com) / Wade C. Myers, M.D.; David S. Husted, M.D.; Mark E. Safarik, M.S.; Aand Mary Ellen O'Toole, Ph.D.

Как в специальной литературе, так и в общественном мнении существуют разногласия относительно того, чем мотивированы серийные сексуальные преступления. Гипотезы варьируются от поиска сексуального удовольствия в результате власти над жертвой до проявления злости (гнева), агрессии. Авторы приводят теоретические, эмпирические, эволюционные и физиологические подтверждения для аргументации того, что серийные сексуальные убийцы, прежде всего, совершают преступления, преследуя чувство садистского удовольствия. Достижение власти и контроля над жертвами, как полагают исследователи, подчинено двум вторичным целям: усилению полового возбуждения и подавлению жертвы с целью обезопасить ее поведение, сделать беспомощной. Гнев (злость) не считают ключевым компонентом мотивации этих преступников из-за его тормозящего физиологического действия на сексуальное функционирование. Напротив, уголовные расследования серийных сексуальных преступлений последовательно демонстрируют, что те имеют эротический заряд и сексуальную мотивацию, выраженную прямо или символически. Вместе с тем, гнев может быть определенным образом связан с серийными сексуальными убийствами, но лишь настолько, насколько с уголовными преступлениями вообще. Авторы полагают, что серийные сексуальные убийцы должны быть отнесены к сексуальным преступникам. Существенная часть из них страдают такими парафилиями, как сексуальный садизм. Авторами в качестве диагностического предложен новый подтип сексуального садизма, имеющий отношение ко многим из этих преступников, который они назвали «Сексуальный садизм, гомицидный тип», а также предложена модификация критериев DSM.

**Ключевые слова:** судебная наука, серийное убийство, сексуальное убийство, садизм, парафилия, агрессия, насилие, сексуальный преступник

---

<sup>3</sup> Эта работа была представлена в виде постер-доклада ФБР на симпозиуме по серийным убийствам в Сан-Антонио, Техас, 29.08.2005, а также на 36-м ежегодном заседании Американской Академии по Психиатрии и Праву в Торонто, Канада, 29.10.2005.

## **Особенности несовершеннолетних сексуальных преступников / Juvenile Sex Offenders: a Complex population**

J Forensic Sci, January 2006, Vol.51, No 1, doi: 10.1111/j.15564029.2006.00010.x, Available online at: [www.blackwell-synergy.com](http://www.blackwell-synergy.com) / Joel T. Andrade, M.S.W., LIC.S.W.; Gina M. Vincent, Ph.D.; and Fabian M. Salen, M.D.

Лица, совершающие сексуальные преступления, образуют неоднородную популяцию. Недавнее исследование позволило успешно провести категоризацию сексуальных преступников, основанную на ряде переменных, в основном связанных с типом жертвы. Например, были обнаружены различия между теми преступниками, чьими жертвами являлись взрослые лица, по сравнению с теми, чьими жертвами были дети. Однако в этой области преобладают исследования, касающиеся взрослых преступников. С ростом числа литературных источников относительно взрослых сексуальных убийц стало очевидно, что оценка и контроль риска криминального поведения, эффективность лечения зависят от указанных характеристик (возрастного статуса жертвы). К сожалению, возможность применения данных, полученных на взрослой выборке, к несовершеннолетним преступникам ограничена ввиду сложности явлений, связанных с процессом психического развития, особенно формированием личности несовершеннолетнего и спецификой развития психических расстройств. Также наиболее важными являются определение и реализация стратегий предупреждения риска криминального поведения и коррекции, эффективных для несовершеннолетних сексуальных преступников. Цель данной работы состоит в рассмотрении ряда проблем, внутренне присущих группе несовершеннолетних сексуальных преступников, особенно наиболее сложных из них: системе классификации, коморбидных парафилиях и других психических расстройствах, расстройствах адаптации.

**Ключевые слова:** судебная наука, несовершеннолетний сексуальный преступник, парафилия, психопатия, коморбидное психическое расстройство, девиантное поведение





Конференции, семинары,  
круглые столы по судебной  
экспертизе

---



**Шипшин Сергей Сергеевич,**  
заместитель начальника Южного РЦСЭ,  
доцент, кандидат психологических наук

## **ОБ УЧАСТИИ ЭКСПЕРТОВ СИСТЕМЫ СЭУ МИНЮСТА РОССИИ В РАБОТЕ IV СЪЕЗДА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

---

17 – 21 сентября 2007 года в г.Ростове-на-Дону прошел IV съезд Российского психологического общества (РПО). Съезды РПО проводятся каждые 4 года и призваны продемонстрировать психологическому сообществу состояние отечественной психологической науки, основные направления ее развития, проблемы, существующие в психологии, и пути их решения. Важно отметить, что проблемы юридической психологии и судебно-психологической экспертизы рассматриваются на каждом съезде РПО, что свидетельствует о теоретической и прикладной значимости данных направлений психологии. Не было исключением в этом и IV съезд РПО: проблемам юридической психологии была посвящена работа 8 симпозиумов. Наиболее интересными для экспертного сообщества были 3 симпозиума: «Личность в правовом пространстве», «Преступность несовершеннолетних и проблемы ювенальной юстиции» и «Судебно-психологическая экспертиза и психодиагностические методы в прикладной юридической психологии».

В рамках симпозиума «Личность в правовом пространстве» для эксперта были интересны доклады Ениколопова С.Н. («Преступления ненависти» и психологические

проблемы фанатизма), Задорожной Л.Н. (Психические страдания как предмет оценки в интересах правосудия), Михайловой О.Ю. (Криминалистическая характеристика механизма преступления и психологические аспекты его изучения), Мананниковой И.Н. (Дисгармоничность как особенность личности совершающих преступления против жизни и здоровья человека).

В связи с внедрением ювенальных технологий в отечественное судопроизводство в отношении несовершеннолетних возникает много проблем в связи с психологическим сопровождением подростков, вступивших в конфликт с законом, на различных стадиях расследования, судебного разбирательства и исполнения наказания, а также – профилактики правонарушений. На симпозиуме «Преступность несовершеннолетних и проблемы ювенальной юстиции» (сопредседатели Дозорцева Е.Н., ГНЦССП им.В.П.Сербского, Шипшин С.С., Южный РЦСЭ МЮ РФ, Михайлова О.Ю., ЮФУ) были рассмотрены как теоретические вопросы (Дозорцева Е.В. «О ювенальной юридической психологии»; Шипшина О.С. «Возможности использования методов структурированной оценки риска рецидива правонарушений у несовершеннолетних»;

Коваленко С.В. «Психологические проблемы преступного поведения несовершеннолетних»; Буханцова Е.В. «Психофизиологические детерминанты формирования криминальных стереотипов поведения»), так и различные направления практической деятельности – профилактика, ресоциализация (Михайлюк Е.Б. «Виктимологическое направление профилактики преступности несовершеннолетних»; Кацера А.А. «Образ Я беспризорных подростков: условия гармонизации»; Клейберг Ю.А. «Социально-психологическая ресоциализация девиантных подростков»).

Несомненно, особый интерес представлял симпозиум «Судебно-психологическая экспертиза и психодиагностические методы в прикладной юридической психологии» (сопредседатели Енгальчев В.Ф., КГПУ им.К.Э.Циолковского, КЛСЭ МЮ РФ; Ениколов С.Н., РЦПЗ; Алексеева Л.В., ТГУ). Это

выражалось как в большом количестве присутствовавших (более 60 человек), так и оживленности дискуссий практически по всем докладам. Был представлен широкий спектр обсуждавшихся проблем: компетентность эксперта-психолога в России и Франции (Енгальчев В.Ф.), новые задачи и возможности СПЭ несовершеннолетних (Шипшин С.С.), экспертная оценка эмоциональных состояний (Алексеева Л.В.), СПЭ в гражданском процессе по семейным спорам (Нахабедян С.А., Акопян В.Н.), экспертиза экстремистских публикаций в СМИ (Южанинова А.Л., Оселков А.А., Кисляков В.П.), СПЭ личности (Голубев О.Ю.), посмертная СПЭ и др. Активное участие в подготовке и проведении работы симпозиумов приняли эксперты-психологи Южного РЦСЭ Акопян В.Н., Голубев О.Ю., Мананникова И.Н., Нахабедян С.А., Шипшин С.С., Шипшина О.С.



**Гончаров Дмитрий Владимирович,**  
начальник Уральского РЦСЭ Министерства  
юстиции Российской Федерации

## **О ВСЕРОССИЙСКОМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ «РОЛЬ СУДЕБНО-АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ»**

Всероссийский научно-практический семинар «Роль судебно-автороведческой и лингвистической экспертизы при рассмотрении уголовных и гражданских дел» был проведен 8 - 12 октября 2007 года на базе Уральского РЦСЭ Минюста России в соответствии с планом проведения семинаров в 2007 году, утвержденным приказом Минюста России № 58 от 23 марта 2007 года.

В работе семинара участвовали 20 экспертов из 14 судебно-экспертных учреждений Минюста России, эксперт УФС по контролю за оборотом наркотиков Уральского федерального округа и эксперт Харьковского НИИСЭ им. заслуженного профессора Н.С. Бокариуса Минюста Украины.

Согласно программе проведения семинара было заслушано и обсуждено 14 докладов и сообщений по следующим направлениям:

1. Традиционная судебно-автороведческая идентификационная, классификационная и диагностическая экспертиза;
2. Лингвистическая экспертиза по исследованию продуктов речевой деятельности;
3. Комплексное лингвистическое и психологическое исследование текстов.

Кроме того, участники семинара ознакомились с практикой поведения автороведческих и лингвистических экспертиз в Уральском РЦСЭ, а также с практикой методической работы с судебно-следственными органами.

Итогом работы семинара явились единоголосно принятые рекомендации, целью которых предполагается повышение научного уровня и эффективности экспертной работы в названном виде исследований:

В целях ускорения разработки методического обеспечения предложить Приволжскому РЦСЭ, Средне-Волжскому РЦСЭ, Уральскому РЦСЭ, Южному РЦСЭ, Ярославской ЛСЭ в составе рабочей группы под руководством РФЦСЭ в рамках межлабораторного плана НИР на 2008-2010 гг. согласовать плановые позиции и приступить к подготовке методических рекомендаций по производству лингвистических экспертиз. Раздел 1 рекомендаций представить на рассмотрение секции по судебной лингвистике НМС РФЦСЭ в ноябре 2008 г.

РФЦСЭ при Минюсте России создать рабочую группу с привлечением ведущих экспер-

тов системы для определения компетенции экспертов разных специальностей при проведении психолого-лингвистических экспертиз. Отчет представить на рассмотрение методических секций в 1 полугодии 2008 года.

В целях совершенствования методического обеспечения и повышения уровня профессиональной компетентности экспертов предложить Калининградской ЛСЭ Минюста России организовать и провести научно-практический семинар (конференцию) по комплексным психолого-лингвистическим исследованиям текстов в судебной экспертизе с участием в нём экспертов-лингвистов и экспертов-психологов СЭУ (2008 г., Калининградская ЛСЭ, на бюджетной основе).

Ввести в практику проведение ежегодных совместных научно-практических семинаров для психологов и лингвистов.

РФЦСЭ при Минюсте России в установленном порядке подготовить и направить в Департамент правового регулирования, анализа и контроля деятельности подведомственных федеральных служб Минюста России предложения об организации курсов по подготовке экспертов-лингвистов с привлечением лекторов из числа ведущих специалистов в данной области.

Уральскому РЦСЭ Минюста России подготовить и направить в НМС РФЦСЭ при Минюсте России предложения по оптимизации методической работы со следователями при назначении судебных автороведческих экспертиз (по подготовке материалов для исследования) (IV квартал 2008 г.).

Уральскому РЦСЭ Минюста России подготовить и направить в НМС РФЦСЭ при Минюсте России предложения по оптимизации методической работы со следователями при назначении судебных автороведческих экспертиз (по подготовке материалов для исследования) (IV квартал 2008 г.).

## РЕКОМЕНДАЦИИ

### **Всероссийского научно-практического семинара «Роль судебно-автороведческой и лингвистической экспертизы при рассмотрении уголовных и гражданских дел» (г. Екатеринбург, 8-12 октября 2007 г.)**

#### **Проект**

Научно-практический семинар «Роль судебно-автороведческой и лингвистической экспертизы при рассмотрении уголовных и гражданских дел» организован и проведен на базе Уральского РЦСЭ Минюста России в соответствии с планом проведения всероссийских научно-практических семинаров по актуальным вопросам теории и практики судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России в 2007 году, утвержденным приказом Министерства юстиции № 58 от 23 марта 2007 года.

В работе семинара приняли участие 20 экспертов из 14 судебно-экспертных учреждений Минюста России, эксперты УФС по контролю за оборотом наркотиков Уральского федерального округа и Харьковского НИИСЭ Минюста Украины им. заслуженного профессора Н.С. Бокариуса. В подготовке докладов и сообщений приняли участие 14 человек.

На семинаре были рассмотрены вопросы современного состояния судебно-автороведческой и лингвистической экспертиз, перспективы их развития, новые подходы в

научной и практической деятельности. Были обсуждены вопросы подготовки экспертов-автороведов и экспертов-лингвистов, комплексного (психолого-лингвистического) подхода к решению экспертных задач.

Участники семинара ознакомились с практикой производства автороведческих экспертиз в Уральском РЦСЭ, практикой проведения методической работы с судебно-следственными органами.

Отмечены основные достижения, поставлены проблемы и предложены формы усовершенствования производства названных экспертиз.

В целях повышения эффективности экспертной работы в области автороведческой и лингвистической экспертиз участниками семинара приняты следующие рекомендации.

1. В целях ускорения разработки методического обеспечения предложить Приволжскому РЦСЭ, Средне-Волжскому РЦСЭ, Уральскому РЦСЭ, Южному РЦСЭ, Ярослав-

ской ЛСЭ в составе рабочей группы под руководством РФЦСЭ в рамках межлабораторного плана НИР на 2008-2010 гг. согласовать плановые позиции и приступить к подготовке методических рекомендаций по производству лингвистических экспертиз. Раздел 1 рекомендаций представить на рассмотрение секции по судебной лингвистике НМС РФЦСЭ в ноябре 2008 г.

2. РФЦСЭ при Минюсте России создать рабочую группу с привлечением ведущих экспертов системы для определения компетенции экспертов разных специальностей при проведении психолого-лингвистических экспертиз. Отчет представить на рассмотрение методических секций в 1 полугодии 2008 года.

3. В целях совершенствования методического обеспечения и повышения уровня профессиональной компетентности экспертов предложить Калининградской ЛСЭ Минюста России организовать и провести научно-практический семинар (конференцию) по комплексным психолого-лингвистическим исследованиям текстов в судебной экспертизе с участием в нём экспертов-лингвистов и

экспертов-психологов СЭУ (2008 г., Калининградская ЛСЭ, на бюджетной основе).

4. Ввести в практику проведение ежегодных совместных научно-практических семинаров для психологов и лингвистов.

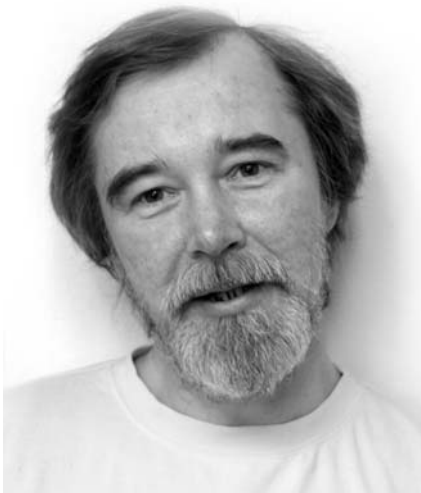
5. РФЦСЭ при Минюсте России в установленном порядке подготовить и направить в Департамент правового регулирования, анализа и контроля деятельности подведомственных федеральных служб Минюста России предложения об организации курсов по подготовке экспертов-лингвистов с привлечением лекторов из числа ведущих специалистов в данной области.

6. Уральскому РЦСЭ Минюста России подготовить и направить в НМС РФЦСЭ при Минюсте России предложения по оптимизации методической работы со следователями при назначении судебных автороведческих экспертиз (по подготовке материалов для исследования) (IV квартал 2008 г.).

Рекомендации приняты единогласно участниками научно-практического семинара «Роль судебно-автороведческой и лингвистической экспертизы при рассмотрении уголовных и гражданских дел», 8-12 октября 2007 г.



Участники семинара.  
Екатеринбург, 2007 г.



**Смирнов Андрей Анатольевич,**  
ведущий эксперт Российского Федерального  
центра судебной экспертизы при Министерстве  
юстиции Российской Федерации

### **III МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА “РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ”, МОСКВА, МГУ, 20–23 МАРТА 2007 Г.**

---

На филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 20–23 марта 2007 г. прошел очередной III Международный Конгресс исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”. Среди 27 секций и семинаров Конгресса был впервые заявлен семинар «Функционирование русского языка в юридической сфере и вопросы лингвистической экспертизы». На семинаре были представлены 15 докладов:

*Александрова Е.Н.*

Семантико-коммуникативная организация текста, представляющего судебную деятельность.

*Бардина Наталья Васильевна*

Дискурсные технологии манипуляции сознанием.

*Галяшина Елена Игоревна*

Лингвистика и речеведение в теории экспертизы спорных текстов.

*Голев Николай Данилович*

Теоретические аспекты юридического функционирования русского языка.

*Доронина Светлана Валерьевна*

Проблемы лингвистической квалификации речевого экстремизма.

*Зайцева Ю.В.*

О проблеме вычисления вероятности случайного совпадения текстов.

*Каримова Роза Ахметовна*

Семантико-коммуникативная организация текста, представляющего судебную деятельность.

*Касьянюк Т.Н.*

К вопросу о предмете лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

*Красовская Оксана Владимировна*

Судебный диалог как конвенциональная коммуникативная форма.

*Любимов Николай Александрович*

Взаимодействие языка и права в юридических текстах.

*Муравьева А.А.*

Интертекстуальность как отличительный признак текста права (на материале публикаций юридических журналов).

*Мушнина Мария Михайловна*

Русская юридическая терминология: семантика, стандартизация и перевод.

*Сайкова Наталья Владимировна*

Лингвоперсонология текста.

*Ширинкина Мария Андреевна*

Толкование закона как особый вид интерпретации.

*Шуйская Юлия Викторовна*

Общие места и прецедентные тексты в русской судебной речи.

Судя по количеству докладов, использование лингвистических знаний для решения юридических задач становится модной и востребованной обществом прикладной тематикой. По крайней мере количество желающих поучаствовать в семинаре превысило возможности предоставленной для этих целей аудитории. Не меньше участников привлек и завершивший семинар круглый стол, посвященный более узкой теме, - проблемам развития лингвистической экспертизы в государственных экспертных учреждениях и учреждениях высшей школы.

В соответствии со своей прикладной направленностью семинар собрал представителей юридической науки, лингвистики и математической статистики. Несколько докладов были посвящены изучению юридического языка. В центре этой проблематики оказался доклад Н.Д.Голева, заведующего лабораторией юрислингвистики и докумен-

товедения Кемеровского ГУ, посвященный соотношению естественного языка и юридического дискурса. Вопросы экспертного исследования оскорбительных текстов в аспекте лингвистики и психологии наиболее подробно были представлены в докладе Т.Н. Касьянюк (ЮЦСЭ при МЮ РФ, Ростов-на-Дону). Завершился семинар парадоксальным для многих сообщением Ю.В. Зайцевой (ООО Компьютерные системы ЛКС, Москва) о математических ограничениях на применение вероятностных методов при решении вопросов о спорном авторстве текста.

Круглый стол, который вели О.В. Кукушкина (МГУ) и А.А.Смирнов (РФЦСЭ, Москва), вылился в довольно бурный общий разговор о необходимости научно-методического упорядочивания экспертной деятельности и организационного объединения занимающихся ею лингвистов. Это касается не только периферийных вузов (Э.П.Лаврик, Ставропольский ГУ, Н.В. Чеснокова, Тамбовский ГУ), но и научных центров, таких как Москва или Санкт-Петербург (Е. Кара-Мурза, журфак МГУ).

С полными текстами докладов можно ознакомиться на сайте Конгресса: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/26.pdf>





**Секераж Татьяна Николаевна,**  
заведующая лабораторией судебной  
психологической экспертизы РФЦСЭ  
при Минюсте России



## О ДЕСЯТОМ ЕВРОПЕЙСКОМ КОНГРЕССЕ ПО ПСИХОЛОГИИ

---

Под эгидой Европейской Федерации Национальных Психологических Ассоциаций (EFPA) и при финансовой поддержке Международная Ассоциация Прикладной Психологии (IAAP) и Международного Психологического Союза (IUPsyS) в г. Праге (Чешская Республика) в Пражском Конгресс-центре с 3 по 6 июля 2007 года в состоялся 10-й Европейский Конгресс по Психологии (ЕСР). Конгресс был организован Союзом Психологических ассоциаций Чешской республики (UPA) и собрал более 2000 участников не только из государств-членов EFPA, но также и из многих других стран мира.

Европейской Федерации Профессиональных Ассоциаций Психологов (EFPA) была основана в Германии в 1981 году для развития сотрудничества психологов Европы и усиления их влияния в обществе. Первая Генеральная Ассамблея состоялась в Гейдельберге (1981) и с тех пор собирается каж-

дые два года. В 2007 г. заседание Генеральной Ассамблеи EFPA организовано совместно с европейским Конгрессом по Психологии. Сегодня EFPA состоит из Психологических ассоциаций 32 европейских стран и насчитывает около 200 000 членов.

10-й Конгресс был посвящен вопросам получения и применения психологический знаний в решении актуальных проблем современного общества, сближению теоретических научных исследований с прикладными отраслями психологии.

Главная цель Конгресса состояла в оптимизации связи науки и практики. В своем приветствии президент EFPA Туомо Тикканен (Tuomo Tikkanen) отметил, что в отличие от многих других профессий, психология – профессия, которая выросла из науки и продолжает развиваться бок о бок с наукой. Профессиональная успешность и состоятельность психо-

логии во многом зависят от связи науки и практики.

Научная программа имела три главных направления, отражающих состояние психологических дисциплин и социальных проблем. По каждому из направлений работали 15 параллельных секций. По первому направлению, отражающему проблемы психологических дисциплин и смежных отраслей работали, в том числе секции клинической психологии и судебной психологии. В рамках работы секции по судебной психологии (*forensic psychology*) обсуждались проблемы различных направлений судебной экспертизы, применения специальных познаний в решении многих социальных проблем, в том числе в борьбе с терроризмом, экстремизмом; вопросы подготовки кадров для экспертных учреждений, судебно-следственных органов, повышения их квалификации в соответствии с новыми научно-практическими достижениями в психологии и смежных отраслях знания. В программу были включены материалы сотрудников СЭУ Минюста России И.В. Сапрыгиной (Приморская ЛСЭ) на тему, связанную с особенностями установления признаков экстремисткой направленности изображений, публикуемых в сети Интернет, и Т.Н. Секераж (РФЦСЭ) на тему «Судебная психологическая экспертиза в гражданском процессе: возможности и перспективы». Второе направление охватывало разносторонние аспекты современного общества. Были освещены в

ряду других такие проблемы, как старение, эмоции и стресс, социальное неравенство, язык и коммуникация, психодиагностика и психометрия, качество жизни, безработица, терроризм. Третье направление отражало применение современных психологических знаний в различных сферах общества, например, учреждениях службы здравоохранения, промышленности и энергетике, науке и образовании, информационных коммуникациях, государственных структурах, судебной сфере. В рамках третьего направления обсуждались проблемы профессиональной этики, законодательства, междисциплинарного сотрудничества, профессиональной подготовки, а также был организован Форум студентов и молодых специалистов.

Следующий, 11-й Европейский Конгресс по Психологии пройдет в Норвегии, 7-10 июля 2009 года. Информация об условиях участия размещена на сайте [www.ecp2009.no](http://www.ecp2009.no).

Кроме того, в рамках сообщества планируется проведение 29-го Международного конгресса по психологии, Германия, 20-25 июля, 2008 г. Заявки на участие в Конгрессе принимаются по электронной почте до 15 февраля 2008 г. Тезисы (до 750 слов) принимаются до 15 января 2008 г. Регистрация участников проводится до 15 мая 2008 г. Полную информацию можно получить на официальном сайте Конгресса [www.icp2008.de](http://www.icp2008.de).



**Рубцова Ирина Ивановна**

Заместитель начальника отдела экспертиз документов, денежных знаков и ценных бумаг Экспертно-криминалистического центра МВД России, полковник милиции



**Ермолова Елена Игоревна**

Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории Экспертно-криминалистического центра МВД России, капитан милиции

**ПЕРВЫЙ СЕМИНАР ПО АВТОРОВЕДЕНИЮ  
«АВТОРОВЕДЕНИЕ – СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И  
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»  
(МОСКВА, ЭКЦ МВД, 25-26 ИЮЛЯ 2007**

25 – 26 июля 2007 года в Москве на базе Экспертно-криминалистического центра (ЭКЦ) МВД России состоялся 1-й семинар по автороведению на тему «Автороведение – современное состояние и перспективы развития. Теория и практика.». Кроме сотрудников ЭКЦ МВД России в нем приняли участие представители экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республик Башкортостан и Татарстан, Краснодарского края, Белгородской и Липецкой областей, г.Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также Института криминалистики ФСБ России и РФЦСЭ при Минюсте России.

С вступительным словом к участникам выступил заместитель начальника ЭКЦ МВД России, кандидат технических наук, доцент Ю.М. Дильдин, выразивший несомненную уверенность в актуальности данного семина-

ра и пожелавший успешного его проведения.

В ходе семинара были заслушаны выступления председателя оргкомитета семинара заместителя начальника отдела экспертиз документов, денежных знаков и ценных бумаг ЭКЦ МВД России И.И. Рубцовой, а также 10 докладов других участников.

Все выступающие обращали внимание на проблемы развития и совершенствования судебных автороведческих экспертиз, а также на повышение эффективности и качества их производства.

Данные сообщения получили высокую оценку всех присутствующих на семинаре специалистов. При подведении итогов семинара было выражено единодушное мнение в его практической значимости для экспертов-автороведов не только в системе МВД России, но и в других организациях, проводящих такого рода исследования.



# ДИСКУССИИ

---



**Нахабедян  
Светлана Александровна,**  
эксперт отдела судебно-  
психологических экспертиз  
Южного РЦСЭ Минюста России



**Шипшина  
Ольга Сергеевна,**  
эксперт группы лингвистических  
экспертиз Южного РЦСЭ  
Минюста России

## **КАК ДАЛЕКО МОЖЕТ ЗАВЕСТИ СПЕЦИАЛИСТА «НЕЗАВИСИМОСТЬ»? (К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ И НЕ ТОЛЬКО)**

---

Часто у суда, органов следствия возникает потребность в использовании специальных знаний в определенных сферах науки, техники, искусства или ремесла. Ст. 195, 196 УПК РФ и ст. 79, 80 ГПК РФ устанавливают общее правило, согласно которому, при возникновении необходимости в использовании таких познаний возможно привлечение эксперта или специалиста, т.е. лиц, обладающих специальными знаниями. Несомненно, заключение эксперта/специалиста является важным, а порой и решающим доказательством по делу. Однако следует учитывать, что объективность заключения зависит, прежде всего, от уровня квалификации и профессионализма привлекаемых экспертов/специалистов. Они должны обладать достаточными познаниями относительно предмета конкретного исследования, иметь представление о специфике экспертного исследования, знать

процессуальные нормы и законодательные акты. Проводя исследование эксперт/специалист не должен быть заинтересован в исходе дела, не должен находиться в какой-либо зависимости от участников процесса. Наряду с этим чрезвычайно важным компонентом профессиональной деятельности как специалиста, так и судебного эксперта (в частности речь пойдет о экспертах/специалистах-психологах) является соблюдение определенных этических принципов и норм. Этика работы психолога основывается на общечеловеческих моральных и нравственных ценностях, психолог исходит из уважения личного достоинства, прав и свобод человека, провозглашенных и гарантированных Конституцией Российской Федерации. Заключение эксперта/специалиста должно быть основано исключительно на результатах проведенных исследований в соответствии со своими спе-

циальными знаниями. Эксперт/специалист не должен допускать предвзятого отношения к участникам процесса. Субъективное впечатление, которое производит испытуемый, его социальное положение также не должны оказывать никакого влияния на выводы и действия эксперта/специалиста.

Вероятно, у читателя возникнет вопрос, зачем повторять то, что для профессионала является аксиомой? Однако с появлением в последние годы многих десятков (а в масштабах страны, вероятно, сотен) организаций, позиционирующих себя как экспертных (и в большинстве случаев «независимых») все более остро встает вопрос не только о профессиональных знаниях специалистов/экспертов, их подготовленности к столь специфичной деятельности судебного эксперта, но и профессиональной пригодности, включающей в качестве важнейшей составляющей наличие таких исключительно важных личностных качеств, как принципиальность, ответственность, порядочность. И вот здесь, как показывает экспертная практика (и особенно практика проведения повторных экспертиз после негосударственных «независимых» экспертов), возникают серьезные проблемы, которые, перефразировав, можно выразить вопросом: «А эксперты кто?».

Если мы говорим об экспертизе, заключение которой вызвало сомнения, следствие или суд могут назначить повторную экспертизу, поручив ее проведение экспертам государственного СЭУ или другим экспертам. Кроме того, в качестве одного из средств, способных гарантировать объективность заключения, является ст. 307 УК РФ, по которой предупреждаются эксперты. Однако все чаще, под видом состязательности, стороной защиты начинает использоваться так называемое «рецензирование» заключений государственного эксперта приглашенным специалистом. Несомненно, привлечение специалиста действительно способно помочь разрешить сомнения, выявить возможные ошибки (от них не застрахован даже опытный эксперт), дать возможность суду принять решение о том, нужно ли назначать повторную экспертизу или нет. Но чаще всего подобное рецензирование, направленное на дискредитацию заключения эксперта, произвольно и некорректно толкует полученные результаты, вводит в заблуждение участников процесса и не имеет ничего общего с установлением ис-

тины по делу. При этом специалист не несет никакой ответственности (ни уголовной, ни материальной, ни моральной) за свои действия, поскольку рецензия не является по существу процессуальным документом, носит внешне безобидный характер, не содержит какого-либо императива.

Высказанное выше следует проиллюстрировать конкретным примером.

Экспертом Южного РЦСЭ Минюста России в 2006 году на основании постановления старшего следователя прокуратуры была проведена экспертиза в отношении малолетней потерпевшей, 9 лет, по факту совершения с ней на протяжении почти двух лет сожителем матери действий сексуального характера. Эксперт пришла к выводам о том, что:

- у потерпевшей признаков отставания в психическом развитии не имеется;
- девочка, с учетом уровня ее психического развития, не могла понимать характер и значение совершенных с нею действий и не могла оказывать сопротивления действиям обвиняемого;
- при этом она могла правильно воспринимать важные для дела обстоятельства, сохранять их в памяти и давать о них адекватные показания;
- у потерпевшей выявлены признаки повышенной внушаемости при отсутствии признаков повышенной склонности к фантазированию;
- проведение очной ставки между потерпевшей и обвиняемым, с учетом психического состояния девочки (после получения психотравмы она в течение 8 месяцев проходила курс психотерапевтического лечения), вследствие стрессогенности подобной ситуации может привести к острой эмоциональной реакции, а потому проведение очной ставки между ними может оказать на нее психотравмирующее воздействие

В судебном заседании защитники подсудимого представили «Заключение специалиста» эксперта-психолога Е. Бюро независимой экспертизы «Версия» (г. Москва), выполненное в жанре рецензии. В этом заключении, представляется, как в призме отразились упомянутые выше проблемы (компетентности и профессиональной этики).

Остановимся на **компетентности**. Известно, что она определяется образованием, специальной подготовкой, опытом в решении экспертных задач, эвристическим мышлени-

ем. Если исходить формально, то вышеназванный специалист должна была обладать базовыми знаниями, специальной подготовкой, поскольку, как следует из ее заключения, она в течение 6 лет проработала в ГНЦССП им. В.П.Сербского. При этом речь идет не только о базовых знаниях, но и о знаниях в области процессуального законодательства, судебной экспертологии.

С чем мы столкнулись в рассматриваемом заключении специалиста. *Во-первых*, попыткой решать *вопросы правового характера* (специалист пыталась выполнять функции то прокурора, то защитника): а) о назначении экспертизы (якобы следствием неправильно была назначена психологическая экспертиза вместо обязательной в таких случаях, по мнению специалиста, психолого-сексолого-психиатрической экспертизы в отношении девочки, а также не была назначена экспертиза личности матери, поскольку последняя, по мнению специалиста, сложившегося у нее со слов защитников подсудимого, является аморальной личностью); б) об отсутствии состава преступления («акта сексуального насилия с ребенком совершено не было»), квалификацией действия обвиняемого как «неагрессивных мануальных манипуляций», в то время как органами следствия действия обвиняемого квалифицировались по ст. 132 ч. 3 п. «в» УК РФ (насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста). При этом специалист игнорирует представление о том, что «сексуальное насилие (над детьми) – это использование ребенка или подростка другим лицом для получения сексуального удовлетворения» (при этом способ получения удовлетворения не имеет значения)<sup>1</sup>; в) отнесение потерпевшей к категории несовершеннолетних – по мнению специалиста, девочка не является малолетней и «на основании этого вывод эксперта-психолога о том, что потерпевшая не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий следует считать необоснованным, психолого-педагогически безграмотным». Что касается эксперта Южного РЦСЭ, то она при написании заключения судебно-психологической экспертизы руководствовалась, с одной стороны, тем, что следователь

указал в своем постановлении о назначении судебно-психологической экспертизы, что потерпевшая является малолетней, а с другой, определением законодателя, что дети, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, считаются малолетними (по смыслу ст.82 УК РФ; ч.2 ст. 28 ГК РФ). Удивляет также, что специалист полагает, что «вывод судебного эксперта не может являться доказательством по делу»; это наводит на мысль, что она, вероятно, не знакома со ст. 80 УПК РФ, в которой говорится, что заключение эксперта (*а, следовательно и выводы, сформулированные в нем – авт.*) является самостоятельным видом доказательств по делу.

*Во-вторых*, специалист в своем заключении, представленном в суд, а также в ходе допроса в суде, допустила высказывания, которые ставят под сомнение и *уровень ее психологических познаний*. Так, специалист подвергает сомнению вывод эксперта о способности девочки адекватно воспринимать, запоминать интересующую следствие и суд информацию и давать правильные показания на основании наличия повышенной внушаемости у девочки, либо не зная, что у малолетних и несовершеннолетних лиц ограничение потенциальной способности и актуальной возможности давать показания не находится в прямой зависимости от наличия признаков повышенной внушаемости, а определяется сочетанием повышенной внушаемости с определенными индивидуально-психологическими особенностями и внешними ситуационными условиями<sup>2</sup>, либо сознательно игнорируя это. Не соглашаясь с выводами эксперта о неспособности девочки понимать характер и значение совершаемых с нею действий, обосновывая собственный противоположный вывод о способности девочки понимать характер и значение действий сексуального характера (без проведения исследования), специалист противоречит себе, указывая, что «ограничения по уровню осмысления наблюдается у малолетних на этапе полового самосознания». При этом намеренно или нет упуская, что поскольку данный этап начинается с 6-7-летнего возраста и продолжается до 10-12-летнего, потерпевшая как раз и находилась *на этапе полового самосозна-*

<sup>1</sup> Руководство по предупреждению насилия над детьми / Под ред. Н.К. Асановой. – М.: ВЛАДОС, 1997, с. 26.

<sup>2</sup> Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999, с. 386.



ния (в момент совершения в отношении нее действий сексуального характера ей было 7-9 лет), из чего следует, что она (в логической конструкции рецензента), *не могла понимать ни характера, ни значения совершаемых с нею действий.*

Далее, специалист считает, что «какие-либо неагрессивные мануальные манипуляции, совершаемые взрослыми людьми с детьми без непосредственно полового акта, не приводят к выраженным изменениям со стороны эмоциональной сферы...». Кроме того, она утверждает (будучи, как следует из заключения, специалистом в области посттравматического стрессового расстройства), что насильственные действия, которые совершал обвиняемый в отношении малолетней потерпевшей *практически ежедневно в течение двух лет*, не носили для ребенка стрессогенного характера при том, что не только половой акт, а любая форма сексуального насилия травмирует ребенка<sup>3</sup>. Последствия сексуального насилия у детей проявляются в виде страхов, ночных кошмаров, гиперактивности, появлении школьных проблем, проявления агрессии, регрессивного поведения. К тому же, как отмечает М.В. Морозова, при *длительном внутрисемейном сексуальном насилии* (имевшем место в исследуемой ситуации – прим. авторов), начавшемся в раннем возрасте, «у потерпевших возникают характерные психические расстройства с определенной динамикой, которые укладываются в рамки своеобразных психогенных и патохарактерологических развитий личности. В их основе лежит дистресс, перерастающий в депрессию с аффективным истощением, которая сопровождается формированием личностных и психосексуальных расстройств»<sup>4</sup>.

Особое внимание следует обратить на ничем не обоснованный вывод специалиста о том, что, поскольку потерпевшая в течение 2-х лет никому не рассказывала о действиях, совершаемых в отношении нее подсудимым, подобное поведение «является жесткой установкой авторитетного взрослого – матери,

и научением девочки давать подобного рода показания с целью оговора сожителя матери». Как было выявлено, факт того, что девочка подвергалась внушающему воздействию со стороны матери, не был установлен органами следствия. Кроме того, многочисленные психологические исследования, проведенные в нашей стране и за рубежом, указывают на то, что подавляющее большинство детей, оказавшихся в подобной ситуации, не рассказывают взрослым о том, что они подверглись сексуальному насилию<sup>5</sup>. Это происходит по ряду причин: дети просто смущаются обсуждать сексуальные проблемы со взрослыми; они боятся, что им не поверят или что их не защитят, или опасаются возможных последствий своего признания (поскольку склонны думать, что это их вина и именно их будут обвинять в случившемся); после того как сексуальное насилие случилось, большинство детей начинают испытывать чувство вины, страха, стыда и унижения; часто из-за того, что их учили любить и уважать тех самых взрослых, которые осуществляют насилие; они думают, что, наверное, сами в чем-то провинились и заслуживают насилия; кроме того, преступники часто запугивают детей, говоря им, что если они все расскажут, то пострадают другие члены семьи (что имело место в исследуемой ситуации) и т.д.

Мы не останавливаемся на вырванных специалистом из контекста фраз и выводах эксперта, неких неопределенных ссылок на литературу, «традиционно публикуемую в ГНЦСиСП им. В.П. Сербского» и т.п.

Перейдем к **этическим проблемам**. Во-первых, помимо того, что специалист считает беспроblemным участие девочки в следственных действиях (очных ставках, допросах и т.д.), в судебном заседании (не взирая на то, что девочка в течение 8 месяцев получает психотерапевтическое лечение), она также полагает, что указанные следственные и процессуальные действия должны проводиться «без участия ее матери» (оставляя ребенка беззащитным, поскольку мать является законным представителем ребенка). Во-вторых, без каких-либо оснований специалист предпринимает попытки очернить мать девочки, строя умозрительные, ничем не обоснованные предположения относительно

<sup>3</sup> Воронова Е.Л., Шипшин С.С. Дети – жертвы сексуального насилия. Правовые и психологические аспекты. – Ростов н/Д, Психологический центр образования, 2000, с.47.

<sup>4</sup> Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевших / Медицинская и судебная психология. Курс лекций / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – М.: Генезис, 2004. – С. 528-558.

<sup>5</sup> Руководство по предупреждению насилия над детьми / Под ред. Н.К. Асановой. – М.: ВЛАДОС, 1997. – С. 304.

личности матери потерпевшей (ее индивидуально-психологических особенностей, мотивов ее поведения в исследуемой ситуации, особенностей ее отношений с сожителем и т. д.), обвиняя ее одновременно и в том, что «она дала разрешение сожителю для самого разнообразного поведения по отношению к ее дочери», и в том, что мать потерпевшей «намеренно оговаривает его, чтобы не терять значимого для нее партнера» (?). Кроме того, специалист указывает, что в поведении матери девочки «следует усматривать либо снижение морально-этических норм и социально-приемлемых правил поведения, либо о каких-либо нарушениях со стороны психики, либо полное безразличие к психическому и физическому здоровью своего ребенка, что косвенно тоже свидетельствует о нарушениях со стороны психического здоровья», а также, что «суду следует рассмотреть целесообразность пребывания ребенка с матерью для дальнейшего воспитания» (!).

Ознакомление с подобного рода заключением оставляет тягостное впечатление – вместо стремления компетентно и непредвзято проанализировать экспертное заключение коллег, оказав действительно профессиональную помощь обратившейся стороне, имеет место более чем посредственная попытка дезинформировать суд и участников процесса, очернить потерпевшую и ее законного представителя. Даже если бы они сами каким-либо образом оказались виноваты (в бытовом понимании) в случившемся, это недопустимо, поскольку неэтично, безнравс-

твенно. Но в данном случае потерпевший – ребенок, который в течение двух лет подвергался действиям сексуального характера со стороны человека, которого должен был считать своим отцом. Ребенок, который на протяжении следствия вынужден был неоднократно рассказывать о случившемся чужим людям (оперативным работникам, следователям, врачам, экспертам и др.) о том, что с ним совершалось и как это происходило. Ребенок, который является особым объектом правовой защиты!

Представляется, что подобные заключения специалиста (а в других случаях и заключения эксперта) дискредитируют рациональную идею о том, что наряду с системой государственной судебной экспертизы может развиваться система негосударственных экспертных организаций. Дискредитируется и само определение «независимая экспертиза», поскольку возникает закономерный вопрос: независимая от чего – от закона, компетентности, норм этики и морали, ответственности? Наверное, назрела необходимость разработки кодекса этики судебного эксперта (по аналогии с кодексами, определяющими эту сферу в других видах правоохранительной и правоприменительной деятельности), которая могла бы носить универсальный характер и быть применима к различным видам судебной экспертизы, независимо от того, осуществляется экспертная деятельность в государственном учреждении, негосударственной организации, конкретным специалистом, позиционирующим свою индивидуальную деятельность как экспертную.



**Желтухина**

**Марина Ростиславовна,**

проректор по науке и международным связям Академии бизнеса и управления собственностью, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета, доктор филологических наук



**Кисляков**

**Виктор Петрович**

председатель Объединения психологов-практиков г. Волгограда, старший преподаватель кафедры психологии Волгоградского государственного педагогического университета

## **О ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДУКТОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Психоллингвистика занимается анализом процессов и продуктов восприятия и продуцирования речи, включая экспериментальное исследование психологической деятельности субъекта по усвоению и использованию языка как организованной и автономной системы. В прагматическом аспекте *речевое высказывание* рассматривается как единица коммуникации, детерминированной потребностями общения и социально-историческим контекстом функционирования языка. В когнитивной лингвистике *речь* и *речевая деятельность* понимаются как вид обработки информации, закодированной языковыми средствами, как познавательный процесс (Желтухина, 2003).

Восприятие окружающего мира, специфичное для каждой языковой группы, находит отражение в речевой деятельности коллектива и фиксируется в языке в виде концептов, понятий, представлений и мнений, выражаемых в различного рода высказываниях-суждениях. Когнитивному и прагматическому аспектам анализа речи в психоллингвистической судебной экспертизе посвящено наше исследование.

Многогранность речи как явления (внешняя и внутренняя, детская и взрослая, эмоциональная и неэмоциональная, эгоцентрическая и др.) определяют актуальность и перспективность ее исследования. Традиционно в лингвистике и психологии **речь** понимается

как явление, данность, абстракция (средства выразительности, стили, правила, грамматика, стилистика) и как выражение личности, психический процесс, нечто живое (речь и мышление, речь и сознание). Выполняя важнейшую функцию в формировании и интегрировании сознательного уровня человеческой психики, речь охватывает остальные уровни и выходит за пределы собственно психических форм мозговой деятельности. Как показывают многочисленные факты психофизиологии и нейрофизиологии, речевые сигналы проникают до самых глубинных, обменных функций человеческого организма, вызывая в них как саногенные, так и патогенные сдвиги. Именно поэтому слово выступает важнейшим фактором психотерапевтического и общетерапевтического воздействия на процессы и функции в человеческом организме и в окружающей среде.

Поскольку любое общение – это всегда воздействие, вербальное или невербальное, то одна из основных проблем современности состоит в выявлении специфики механизма его реализации в процессе коммуникации и в поиске средств противостояния такого рода воздействию. Когнитивная лингвистика, рассматривая язык как когнитивный инструмент, как систему знаков, репрезентирующих (кодирующих) и трансформирующих информацию (Кубрякова, 1996), активно занимается поиском решений данной проблемы. Представляется необходимым остановиться на основных методологических и теоретических проблемах описания речевого воздействия.

Можно выделить следующие основные факторы, обуславливающие возможность и эффективность речевого воздействия.

**1. Лингвистический** – интерпретативный фактор вариативного отражения действительности проявляется в лексической сфере, основан на механизмах вербального воздействия на сознание: квазисинонимия, намеренная двусмысленность, «идеологическая связанность», коннотативные оттенки значения и др.; эксплицитность и имплицитность плана содержания: помещение желаемого для адресата компонента смысла в имплицитный пласт высказывания (Падучева, 1996; Блакар, 1987; Вайнрих, 1987; Николева, 1988; Купина, 1995; Карасик, 2002 и др.).

**2. Экстралингвистический** – фактор социальной потребности в информации со всеми ее семиотическими, психическими, эт-

нокультурными, социальными, когнитивными и др. характеристиками жизни человека.

**1) Семиотический** – представление о значимом варьировании языковых выражений («критическая лингвистика» Р. Фаулера (Fowler, Hodge, Kress, Trew, 1979)) в соответствии с установками, притязаниями, целями, *совпадение* (одинаковое понимание адресантом и адресатом) и *несовпадение* представлений о языковых вариантах обозначения предмета или явления (осознание адресантом и неосознание адресатом, неосознание адресантом и осознание адресатом), осознание и коррекция выбора коммуникантами – речевые стратегии в диалоге.

**2) Социальный** – подбор и дозирование информации, соотношение негативных и позитивных деталей (например, похвала правдоподобна с элементами критики, критика – с позитивной оценкой), знание и учет стереотипов и мифов массового сознания, ориентация на «Мы-группу», авторитетные заявления (Поварнин, 1990; Николева, 1988; Трошина, 1990; Дмитриев, Латынов, Хлопьев, 1996; Карасик, 2002).

**3) Когнитивный** – процесс обработки информации человеком: инертность восприятия, ошибки в оценке свидетельств, восприятие ложных каузальных связей, приводит к неадекватному отображению действительности. *Речевая деятельность* – один из способов приобретения знаний, познания мира. *Языковая способность* представляет собой вершину айсберга, в основании которого расположены такие когнитивные способности, как представление образов, логический вывод на их основе, получение новых знаний на базе имеющихся, составление и выполнение планов (Иссерс, 2002). При описании базовых категорий речевого воздействия необходима экспликация связей языкового выражения со структурами знаний и процедурами их обработки. Неоднородность плана содержания обуславливает переход к линейному представлению нелинейной, упакованной (Чейф, 1983) когнитивной структуры, при котором некоторые ее части имплицитны (пресуппозиции, установки, следствия, иллюкативные компоненты и т.д.) и порождают манипуляции. Опыт стандартизации ситуаций ритуализирует мышление и поведение человека, отражается в его речевых стереотипах, позволяет прогнозировать его возможные речевые стратегии

и тактики. Поскольку суть коммуникативных правил состоит в их постоянном нарушении, нестандартные употребления и их интерпретации не как ошибок, а как специфических операций над знаниями с целью намеренного осложнения коммуникативного процесса (коммуникативная неудача, коммуникативные злоупотребления), представляют научный интерес (Падучева, 1982).

**4) Психологический** – эмоциональное речевое воздействие на адресата: а) *убеждение* (логические аргументы) – опора на сознание, разум, б) *внушение* (эмоциональные аргументы) – апелляция к эмоциям и приведение адресата в нужное для целей адресанта психологическое состояние (Аристотель, 1978). Эмоциональное воздействие объясняется сложившимися установками, неосознаваемой готовностью субъекта к определенной реакции, его модусом, целостным состоянием и влияет на создание новых установок и стереотипов как прочно укоренившихся отношений к однородным и похожим явлениям, коррекцию ценностей.

*Речевое взаимодействие* представляет собой постоянный процесс установления соответствия между интересами адресанта и адресата и интересами формирующейся общности, в ходе которого создается пространство речевой коммуникации, имеющее *вертикальные* (пристройка, доминирование, подчинение), *горизонтальные* (межличностная дистанция), *территориальные* и *временные измерения*, определяющие характер психологического коммуникативного контакта.

Выявленные факторы обуславливают психологический взгляд на **воздействие**, представляющее собой в психологии целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому (ПС, 1990). Исследование воздействия на сознание коммуникантов связано с установлением его вербальных и невербальных механизмов: «*лингвистики лжи*» (Вайнрих, 1987), *лингвистической*, или языковой, *демагогии* (Шмелев, 1996; Николева, 1988), *речевых манипуляций* (Баранов, Караулов, 1994; Сентенберг, Карасик, 1993; Китайгородская, Розанова 1995, Доценко, 2000), *речевого планирования, контроля* (Fowler, Hodge, Kress, Trew, 1979). Это позволяет адресанту ставить цели коммуникации и достигать их наиболее оптимальным способом.

Отнесенность речи к сквозным, или интегральным психическим процессам (по Веккеру) позволяет говорить о том, что по речевым проявлениям можно судить о целом ряде личностных (индивидуально-психологических) особенностей. Этот факт сегодня активно используется в судебно-психологической практике, где все более распространенной становится психолингвистическая судебная экспертиза.

Необходимость использования психологических знаний в судебной экспертизе возникла еще в начале XX века, когда встал вопрос о степени адекватности дачи информации исходя из психофизиологических и сенсорных возможностей человека. Сегодня в эпоху информационно-технических технологий проблема адекватности и достоверности информации особенно актуальна.

Специфика психолингвистической судебной экспертизы заключается в ее комплексности, в направленности ее лингвистических и психологических результатов на повышение объективности и всесторонности решения юридически значимой проблемы, следовательно, и в большей доказательности.

Психолингвистическая экспертиза назначается для исследования устной и письменной речи (мимических, пантомимических, вокалографических, графических и других признаков), помогает установить личностные качества, психические состояния и процессы, проявившиеся в речи, а также особенности авторства письменного документа.

Для установления авторства письменных документов назначается криминалистическая (почерковедческая) судебная экспертиза, выявляющая признаки, особенности и детали, характерные для письма конкретного лица. Другие параметры, относящиеся к содержанию текста документов, как письменных, так и устных (логика, характер, содержание, предмет, цель, тема и идея изложения, коммуникативные интенции и реакции, степень участия и пр.), анализирует психолингвистическая экспертиза. В отличие от экспертов-почерковедов, которые устанавливают идентичность почерков изготовителя исследуемого документа и подозреваемого, обвиняемого и т.д., эксперты-психолингвисты могут установить истинного автора письменного (рукописного, печатного), а также устного документа (видео-, аудиозаписи), эмоциональное состояние автора, его личностные и другие особенности.

В нашей психолингвистической судебно-экспертной практике основным предметом анализа становятся лингвистические и паралингвистические параметры продуктов устной или письменной речи, которые позволяют ответить на ряд вопросов следствия и суда.

Например,

- *Каковы основные темы разговоров коммуникантов?*

- *Что является предметом и целью разговоров коммуникантов?*

- *Какова степень участия коммуникантов в разговоре?*

- *Имеются ли у какого-либо участника разговора побуждения к совершению какого-либо действия (бездействия) по отношению к другому участнику разговора?*

- *Учитывая содержание разговоров коммуникантов, имеются ли психолого-лингвистические признаки скрываемых обстоятельств, если да, то какие именно?*

- *Могли ли коммуниканты своим участием в разговоре повлиять на его исход? Какие психологические и лингвистические средства для этого используются?*

В психолингвистической экспертизе выявляются следующие характеристики устной и письменной речи, значимые для следственно-судебной практики:

1) звуковые (для устной речи);

2) семантико-грамматические (характер фраз, выбор слов и конструкций, мера выразительности, правильности, организованности текста и др.);

3) категориальные (пол, возраст, социальный статус, профессия, территориальность, национальность и др.);

4) прагматические (цель, интенция, реакция и др.);

5) патологические (признаки психических заболеваний и болезненных состояний психики):

а) непрерывная речь, т.е. невозможность остановить говорящего (логорея);

б) персеверация, т.е. невозможность отойти от рассказываемого, повторение одного и того же (расстройство ассоциативного процесса);

в) разорванность, бессвязность речи, т.е. ее нарушение, отсутствие смысла, грамматических связей, наличие неологизмов, деформированных слов, обстоятельность, вязкость, резонерство, мудрствование (расстройство мышления);

г) употребление одних терминов вместо других (Корсаковский психоз);

д) замедленность, неясность, вязкость, витиеватость, уменьшительные формы (эпилепсия);

е) резонерство и обстоятельность, замена конкретных понятий абстрактными и наоборот (шизофрения);

ж) скачки идей, отвлекаемость, «телеграфный» стиль (маниакально-депрессивный психоз).

Указанные патологические особенности речи свидетельствуют не только о расстройстве определенной сферы психической деятельности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, но могут указывать на недуг, которым страдает человек.

Итак, из вышесказанного видно, что в настоящее время психолингвистическая экспертиза – активно разрабатываемое направление в юридической психологии и юридической лингвистике (юрислингвистике). Психолингвистическая судебная экспертиза для комплексного исследования устных и письменных речевых особенностей человека, проводится, как правило, с учетом данных судебно-медицинской, психиатрической, почерковедческой и др. экспертиз. Поручать ее производство можно лингвистам и психологам, психолингвистам. Актуальной становится проблема подготовки психолингвистов и переподготовки лингвистов и психологов к психолингвистической экспертной деятельности.

### Литература:

1. Fowler R., Hodge R., Kress G., Trew T. Language and Control. – L. etc.: Routledge a. Kegan Paul, 1979. – 224 p.
2. Аристотель. Тописка // Сочинения: В 4 т. Т. 2. – М., 1978б. – С. 349-533.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
4. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-125.
5. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44-88.
6. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. – М.: РОССПЭН, 1997. – 197 с.

7. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо; Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 340 с.
8. Желтухина М.Р., Кисляков В.П., Лисовенко Б.С. Психолингвистическая судебная экспертиза и проблема анализа речи // Мат-лы участ. «Ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. психологов-практиков», Москва 10-13 февр. 2005 г.: Под ред Сукманюк А.Н. – М.: «АРГО ПЛЮС», 2005. – 196 с. – С. 70-74. 18.01.2005. 500 экз.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002б. – 333 с.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002а. – 477 с.
12. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Свое» – «Чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. – М., 1995. – №1. – С. 93-116.
13. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
14. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реализации. – Екатеринбург-Пермь: ЗУУНЦ, 1995. – 143 с.
15. Николева Т.Н. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности / Ин-т языкозн. АН СССР. – М., 1988. – С. 154-165.
16. Николева Т.Н. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности / Ин-т языкозн. АН СССР. – М., 1988. – С. 154-165.
17. Падучева Е.В. Семантические исследования. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 464 с.
18. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Кэролла // Семиотика и информатика. – М., 1982. – Вып. 18. – С. 76-119.
19. Поварнин С. Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. – 1990. – №3. – С. 60-137.
20. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с. (ПС)
21. Сентенберг И.В., Карасик В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. – СПб., 1993. – С. 30-38.
22. Трошина Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 62-68.
23. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. 12. – С. 35-73.
24. Шмелев А.Д. Апелляция к реальности как демагогический прием // Московский лингвистический журнал. – М., 1996. – Т.2. – С. 405-416.
25. Аристотель. Риторика // Античные риторики. – М., 1978а. – С. 3-164.





# Диссертации по проблемам судебной экспертизы

---



**Микляева Ольга Васильевна,**  
ученый секретарь РФЦСЭ при Минюсте  
России, кандидат юридических наук

## ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

---

01 июня 2006 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась защита **кандидатской диссертации Потехиной Елены Анатольевны на тему «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения и ее применение следователями органов внутренних дел»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Соколовский В.И.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Рохлин В.И. и кандидат юридических наук, доцент Лутошкина Т.В.

Ведущая организация – Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России.

Соискатель имеет 6 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Некоторые проблемы применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых // Проблемы организации раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики: Материалы региональной научно-практи-

ческой конференции 26 мая 2004 г. Белгород: ООНИиРИД БелЮИ МВД России, 2004.

2. К вопросу о реализации принципа гуманизма в мерах пресечения при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Проблемы организации раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики: Материалы региональной научно-практической конференции 26 мая 2004 г. Белгород: ООНИиРИД БелЮИ МВД России, 2004; (в соавторстве).

3. К вопросу о мерах пресечения в отношении несовершеннолетних в российском уголовном процессе // Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 22. Ч. 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым - это предусмотренная ст.105 УПК РФ мера пресечения, сущность которой состоит в активных положительных предупредительных действиях с целью обеспечения надлежащего поведения

несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого со стороны его родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, других заслуживающих доверия лиц, а также должностных лиц специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний.

2 Меры пресечения, применяемые в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых, можно классифицировать в зависимости от степени ограничения ими свободы на следующие виды:

- мера пресечения, ограничивающая свободу подозреваемого, обвиняемого, связанная с получением его личного обязательства (подписка о невыезде и надлежащем поведении);

- меры пресечения, ограничивающие свободу подозреваемого, обвиняемого, связанные с получением обязательства другого лица (личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым);

- мера пресечения, связанная с ограничением имущественных прав подозреваемого, обвиняемого или поручившегося за него лица (залог);

- мера пресечения, связанная с ограничением свободы подозреваемого, обвиняемого под надзором контролирующих органов (домашний арест);

- мера пресечения, лишаящая свободы подозреваемого, обвиняемого (заключение под стражу).

3. Субъектами осуществления присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым могут быть: родители, усыновители, опекуны, попечители, приемные родители, другие заслуживающие доверия лица, должностные лица специализированных детских учреждений. К таким учреждениям можно отнести: специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, органов управления социальной защитой населения, образовательные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органов управления образованием; центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел; воспитательные колонии; арестные дома.

4. Обсуждение возможности отдачи не-

совершеннолетнего под присмотр, необходимое при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, должно состояться между лицом, ведущим производство по уголовному делу, защитником, законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого и самим подозреваемым или обвиняемым. Если имеется возможность отдачи несовершеннолетнего под присмотр другому заслуживающему доверия лицу, оно также должно участвовать в обсуждении. В начале обсуждения следователь или другое лицо, правомочное избрать меру пресечения, должен разъяснить сущность присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как меры пресечения. В процессе обсуждения мнение о возможности отдачи несовершеннолетнего под присмотр должны высказать все его участники. Процедура и результаты обсуждения должны быть отражены в соответствующем протоколе, бланк которого предлагается автором.

5. Производство предварительного расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в форме дознания ограничено сроком, установленным ч. 3 ст. 223 УПК РФ, составляющим 20 суток либо после продления прокурором 30 суток. Указанный срок не всегда позволяет дознавателю установить все сведения, характеризующие личность несовершеннолетнего подозреваемого, условия его жизни и воспитания, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, необходимые, в том числе, для решения вопроса об избрании меры пресечения присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Поэтому предлагается расследование уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних производить только в форме предварительного следствия.

6. Причинами недостаточно частого применения присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым следователями органов внутренних дел РФ являются: отсутствие по многим уголовным делам лиц, которым можно было бы отдать несовершеннолетнего под присмотр; необходимость затрачивать на избрание указанной меры пресечения большего количества времени; слабое знание следователями законодательства о производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и о мерах

пресечения; недостаточное проявление инициативы со стороны защитника и законного представителя несовершеннолетнего; отсутствие специальных бланков процессуальных документов, необходимых для избрания меры пресечения; убежденность многих следователей в неэффективности присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как меры пресечения; отсутствие практики применения этой меры пресечения, что является определенным психологическим барьером для следователей.

Перечисленные причины могут быть устранены путем введения специализации следователей по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних; повышения в целом качества расследования такой категории уголовных дел; более тщательного установления сведений, характеризующих несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого; обеспечения следователей необходимыми бланками процессуальных документов.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты анкетирования 140 сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания ГУВД Санкт-Петербурга и УВД Белгорода, изучения 132 архивных уголовных дел в отношении несовершеннолетних, статистические данные по результатам деятельности органов внутренних дел за 2001-2005 г., данные опросов руководителей и заместителей руководителей по воспитательной работе специализированных детских учреждений Санкт-Петербурга.

03 июня 2006 года в Кыргыско-Российском Славянском университете состоялась защита **кандидатской диссертации Шамурзаева Таалайбека Турсуновича на тему «Основания и порядок привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовно-процессуальному закону Кыргызской Республики»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – кандидат юридических наук, профессор Сманов К.Л.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Аверьянова Т.В. и кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Адилов А.Н.

Ведущая организация – оренбургский государственный университет.

Соискатель имеет 11 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Проблемы совершенствования института изменения и дополнения обвинения // Актуальные проблемы уголовной политики в Кыргызстане: Мат-лы научно-практич. конф. /ЦМАН ОП КНУ. - 2003.

2. Допрос несовершеннолетних обвиняемых по уголовно-процессуальному закону Кыргызской Республики // Вестник Оренбург. гос. ун-та. - 2004. № 3.

3. Применение мер пресечения по уголовно-процессуальному закону Кыргызской Республики // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. — 2004. - Вып.1. - Сер. 5.

К новым и существенно углубленным в теоретическом плане положениям можно отнести:

- закономерности и особенности становления и развития института привлечения в качестве обвиняемого;

- теоретико-правовую модель института по привлечению в качестве обвиняемого;

- предложения по внесению изменений и дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики;

- предложения по совершенствованию деятельности следственных органов по привлечению лица в качестве обвиняемого.

Социальная значимость диссертационного исследования заключается в том, что любые предложения и дополнения, способствующие совершенствованию процесса привлечения лица в качестве обвиняемого в Кыргызской Республике, будут влиять на эффективность работы следственных органов и обеспечат защиту прав и законных интересов граждан, привлеченных в качестве обвиняемых.

В диссертации обосновываются и выдвигаются положения, сформулированные автором в результате проведенного исследования.

К наиболее важным можно отнести:

1) дан анализ теоретико-правового развития, современного состояния и перспектив совершенствования теории и практики привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовно-процессуальному закону Кыргызской Республики;

2) дано определение понятия и сущности привлечения лица в качестве обвиняемого

го. Привлечение лица в качестве обвиняемого это решение следователя, основанное на достаточных доказательствах, которым выдвигается обвинение против определенного лица, в связи с чем, последний приобретает обязанности и права обвиняемого по делу. Данное решение формулируется в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого;

3) предлагается определение понятия и значения предмета доказывания по уголовным делам. Под предметом доказывания понимается совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию в установленном законом порядке в целях справедливого разрешения уголовного дела;

4) сформулированы рекомендации и законодательные предложения по совершенствованию процесса привлечения лица в качестве обвиняемого.

06 июня 2006 года в Байкальском государственном университете экономики и права состоялась защита **кандидатской диссертации Ханько Андрея Викторовича на тему «Методика расследования преступлений, совершаемых с использованием должностным лицом своих служебных полномочий в условиях информационной неопределенности»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент Егоров Н.Н.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Шурухнов Н.Г. и доктор юридических наук Бертовский Л.В.

Ведущая организация – Волгоградская академия МВД России.

Соискатель имеет 6 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Особенности накопления информации, необходимой для расследования преступлений, совершаемых с использованием должностным лицом своих служебных полномочий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2005. №2 (9).

2. Модели механизмов преступлений, совершаемых с использованием должностным лицом своих служебных полномочий и их значение в расследовании // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.

2006. №1 (9).

3. К вопросу о механизме преступления // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: Материалы Второго Международного симпозиума; 18-19 мая 2006 г. /под ред. С.Е. Туркулец. - Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного университета путей сообщения, 2006.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Частная криминалистическая методика по расследованию преступлений, связанных с использованием должностным лицом своих служебных полномочий, состоит из следующих структурных элементов: обстоятельств, подлежащих доказыванию; механизма преступления; особенностей первоначального, последующего и заключительного этапов расследования.

В период возбуждения уголовного дела на основе исследования следственной ситуации намечается план расследования. Информация, полученная в начальный период расследования, отличается крайней неопределенностью и влияет на выдвигание версий, планирование, последовательность проведения следственных действий, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий. Действия работников правоохранительных органов на начальном этапе расследования обозначенных преступлений должны носить наступательный характер с целью получения неопровержимых доказательств.

2. Следы совершения должностных преступлений отличаются от следов, характерных для других преступлений, направленных против государственной власти. В большинстве случаев они не носят явного характера, являются скрытыми, а их замаскированные признаки отражаются в документах не только бухгалтерского, статистического, но и других видов учета. Зачастую между моментом совершения должностного преступления и его обнаружением проходит большой промежуток времени, что нередко приводит к утрате доказательств.

Применительно к исследуемым преступлениям, доказательства можно получить при исследовании документов, подписанных (утвержденных) руководителем организации (предприятия), главным (старшим) бухгалтером или лицами, фактически выполняющими

соответствующие административно-хозяйственные или финансовые функции.

Диссертантом делается вывод о том, что местом совершения исследуемых преступлений является адрес, где расположен офис организации (учреждения, предприятия), либо иной персонал, задействованный в осуществлении административно-хозяйственной деятельности.

3. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, по исследуемым уголовным делам в криминалистическом аспекте могут быть определены, прежде всего, как система сведений о криминалистически значимых признаках преступления, отражающая закономерные связи между ними и служащая для построения и проверки следственных версий.

В круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, включается: установление события совершения преступления; время совершения исследуемых преступлений; место совершения; данные об обстановке, которая определяется условиями осуществления административно-хозяйственной деятельности должностного лица; способ подготовки, совершения и сокрытия обозначенных преступлений, под которым понимаются объективные и субъективные закономерности совокупности действий (бездействий) должностных лиц, направленных на дезорганизацию государственных органов. Исследуемые преступления совершаются только с прямым умыслом. Исходя из того, что данные преступления являются интеллектуальными, личность преступника является одним из наиболее важных аспектов в комплексе обстоятельств, подлежащих доказыванию; причины и условия исследуемых преступлений обуславливаются особым характером сферы государственно-хозяйственных отношений.

4. Обоснована возможность улучшения качества получаемой фактической информации о преступлении, совершаемым с использованием должностным лицом своих служебных полномочий.

При возбуждении уголовных дел данной категории возникают трудности законодательного и правоприменительного получения доказательственной информации, в связи с чем часть уголовных дел возбуждается преждевременно или необоснованно. В силу этого, для получения первоначальной информации и на этой основе принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо,

во-первых, диагностировать признаки совершенного преступления, во-вторых, оценить следственную ситуацию, в-третьих, выдвинуть обоснованные версии, в-четвертых, осуществить построение алгоритма следственных и процессуальных действий, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий, направленных на обнаружение и выявление лиц их совершивших, доказывание их вины или невиновности.

5. Механизм преступления, связанного с использованием должностным лицом своих служебных полномочий, - это динамическая система, определяющая содержание преступной деятельности субъекта, зависящая от следственных ситуаций и влияющая на них, служащая основой для разработки типовых программ расследования.

Механизм обозначенных преступлений состоит из следующих элементов: открытое игнорирование законодательных и других актов, регламентирующих деятельность госаппарата; изменение должностных и функциональных обязанностей в свою пользу; использование должностного положения для получения материальной или моральной выгоды; использование должностных полномочий против интересов службы; нарушение прав и законных интересов государства и граждан в виду невыполнения своих должностных и функциональных обязанностей.

Исследование механизма преступления позволяет установить обстоятельства его совершения. Кроме того, знание механизма преступления как целостной системы обстоятельств, процессов и факторов, обуславливающих особенности отражения преступления, появления материальных и нематериальных следов, обеспечивает целенаправленное выдвижение версий, планирование расследования, а в итоге, наиболее полное установление и исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию, способствует установлению объективной истины по делу.

6. При расследовании преступлений, связанных с использованием должностным лицом своих служебных полномочий, нет широкого разнообразия вариантов информационной характеристики следственных ситуаций. Типичными, как правило, являются две: в подавляющем большинстве - уголовное дело расследуется по материалам проверки, осуществляемой заинтересованными службами или ведомствами, и в редких случаях

уголовное дело расследуется по материалам оперативно-розыскной деятельности. Для успешного разрешения этих ситуаций в диссертации предлагаются типовые комплексы следственных действий, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий.

7. Деятельность по расследованию преступлений, связанных с использованием должностным лицом своих служебных полномочий, представляет собой алгоритмы действий и строится в зависимости от имеющейся информации и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, исходя из типичных следственных ситуаций.

Своевременное проведение следственных действий, оперативно-розыскных и регистрационных мероприятий, входящих в структуру алгоритма расследования, лишает лиц, совершивших обозначенные преступления, возможности скрыть или уничтожить документы и информацию, имеющие доказательственное значение. Вместе с тем, при проведении следственных действий целесообразно обеспечить участие специалиста в области экономического анализа, бухгалтерского учета и аудита, а также владеющего навыками работы с компьютерными программами. Кроме того, для более эффективного сбора и диагностирования поступившей информации рекомендуется широко использовать научно-технические средства, которые позволят получить доказательства путем восприятия конкретной обстановки преступного события с одновременным и последующим анализом результатов этого восприятия.

06 июня 2006 года в байкальском государственном университете экономики и права состоялась защита **кандидатской диссертации Пискун Олеси Александровны на тему «Истина в уголовном судопроизводстве»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Шиканов В.И.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист РФ Турчин Д.А. и доктор юридических наук, доцент Егоров Н.Н.

Ведущая организация – Красноярский государственный университет.

Соискатель имеет 5 опубликованных

работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Пискун, О.А. Проблема соотношения понятий «объективная» и «материальная» истина в уголовном судопроизводстве / Сибирские криминалистические чтения: сб. науч. тр.: вып. 21 / науч. ред. В.П. Шиканов. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. - С.73-76.

2. Пискун, О.А. Доказывание как элемент уголовно-процессуального познания / О.А. Пискун // Научное обозрение. - 2006. №2. С. 126-129.

3. О. А. Пискун, Истина в состязательном уголовном процессе / О.А. Пискун // Юридические науки. 2006. - №2.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. В уголовном судопроизводстве «процесс познания истины» и «уголовно-процессуальное доказывание» - дифференцированы, они соотносятся как часть и целое. Соответственно доказывание выступает в качестве структурного элемента процесса познания истины и при этом играет в нем ведущую роль.

2. Понятия «истина» и «правда» не тождественны, понятие «правда» является более емким по содержанию, поскольку включает в себя другие оценочные категории, например, «справедливость».

3. Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве как разновидность процесса познания подчиняется общим закономерностям, следовательно, его результат представляет собой единство объективного и субъективного. Субъект, овладевая объектом уголовно-процессуального познания в ходе определенных познавательных процессов, воспроизводит в мышлении этот объект (совершенное преступление) субъективно до тех пор, пока не постигнет ее элементов в целостности. Эта целостность и придает объективность содержанию знания об обстоятельствах, подлежащих разрешению.

4. Установление истины в условиях состязательного процесса возможно и необходимо, поскольку состязательность это демократическое начало, обеспечивающее установление искомой в судебном процессе истины. При этом на суд должна быть возложена обязанность принимать все меры к установлению истины по делу.

5. Принцип всестороннего полного и объективного исследования обстоятельств

дела, который является выражением принципа объективной истины, продолжает действовать, несмотря на отсутствие прямого указания об этом в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

6. Суждения о недостижении истины как цели доказывания в уголовном судопроизводстве не соответствуют содержанию отдельных норм УПК РФ. Поэтому для единообразного понимания смысла уголовно-процессуального закона высказано предложение об изменении редакции ст. 85 УПК РФ путем введения части второй следующего содержания: «Доказывание осуществляется с целью установления объективной истины путем всестороннего, полного и объективную исследования обстоятельств уголовного дела».

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается репрезентативностью полученных обобщенных данных, которые составили результаты социологических исследований, проведенных автором в 2004-2005 г. г. путем интервьюирования 150 сотрудников органов прокуратуры, внутренних дел, судей и адвокатов г. Иркутска и Иркутской области.

8 июня 2006 года в Московской государственной юридической академии состоялась защита **кандидатской диссертации Дворянкиной Тамары Сарминовны на тему «Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Насонов С.А.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Мельник В.В. и кандидат юридических наук, доцент Рябинина Т.К.

Ведущая организация – Уральская государственная юридическая академия.

Соискатель имеет 6 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Дворянкина Т.С. Нравственные начала надзорного производства по УПК РФ. // Сборник материалов международной научно-практической конференции (27-28 октября 2001 г.). Москва: МГЮА, 2004

2. Дворянкина Т.С. Адвокат на предва-

рительном слушании // Сборник материалов международной научно-практической конференции (13 июля 2004 г.). - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004.

3. Дворянкина Т.С. Уважение достоинства личности по УПК РФ // Сборник материалов международной научно-практической конференции (27-28 января 2005 г.). - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Изучение исторического аспекта проблемы обеспечения уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве свидетельствует, что оценка личности в зависимости от принадлежности ее к определенному сословию или классовой группе не способствовала признанию людей равными в моральном отношении, поэтому человеческое достоинство, которое человек приобретал с момента рождения, не признавалось, что не могло не отразиться на судебной процедуре и деятельности судов.

2. Конституция РФ провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, установив признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства. УПК РФ, основываясь на Конституции РФ, исходя из приоритета общепризнанных принципов и норм международного права, признает достоинство всякой личности, равенство людей в своем достоинстве, подтверждает следование уважению достоинства личности, рассматривает требование уважения достоинства личности в качестве нравственного начала российского уголовного процесса.

3. Равенство перед законом и судом неразрывно связано с правом каждого участника судебного разбирательства на уважение человеческого достоинства. Лица, в отношении которых в статье 447 УПК РФ установлены изъятия из равенства перед законом, предстают в суде с равными правами, а само судебное разбирательство не допускает исключения из равенства указанных лиц перед законом.

Конституционный принцип равенства перед законом и судом не нашел закрепления в УПК РФ, в то время как он непосредственно является выражением уважения достоинства личности в уголовном судопроизводстве. Закрепление его в УПК явилось бы



гарантией признания уважения достоинства личности. Поэтому следует в главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства» ввести статью «Равенство перед законом и судом» в следующей редакции: «Все равны перед законом и судом». В связи с этим в часть 2 статьи 448 УПК РФ предлагается внести следующее дополнение: «Неприкосновенность и особый порядок привлечения к уголовной ответственности указанных лиц не является их личной привилегией, а призван служить публичным интересам».

4. Признание достоинства личности и необходимость обеспечения его уважения означают, что не только приговор, но и другие решения, принимаемые судьей в уголовном судопроизводстве, должны отвечать требованиям справедливости. Поэтому предлагается внести в статью 7 УПК РФ изменения, сформулировав ее часть 4 следующим образом: «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными, мотивированными и справедливыми».

5. Конституционные требования охраны достоинства личности государством (ст. 21), обеспечения прав и свобод человека и гражданина правосудием (ст. 18), обязывают суд действовать активно, независимо решая все возникающие в судебном заседании вопросы, при условии, что эта деятельность не будет противоречить принципу состязательности сторон.

6. Необходимость обеспечения уважения чести и достоинства личности в судебном разбирательстве требует определенного изменения статуса судей, направленного на расширение их независимости. Поэтому предлагается изменить редакцию части 2 статьи 11 закона «О статусе судей в РФ», сформулировав ее следующим образом: «Судьи федеральных судов назначаются на должность без ограничения срока полномочий до достижения ими предельного возраста пребывания в должности судьи».

7. Ориентирование профессионального правового сознания судей на обеспечение уважения чести и достоинства личности следует осуществлять путем внедрения в программу профессиональной подготовки судей специального курса «Гарантии обеспечения уважения чести и достоинства личности в судебном разбирательстве».

8 июня 2006 года в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась защита **кандидатской диссертации Бетрозова Сослана Аркадьевича на тему «Институт реабилитации в уголовном процессе России»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, почетный профессор СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ Лукашевич В.З.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Вандышев В.В. и кандидат юридических наук, доцент Шимановский В.В.

Ведущая организация – Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ.

Соискатель имеет 3 опубликованные работы:

1. Бетрозов С.А. Реабилитация в российском уголовном процессе // Правоведение. 2004. № 4. С. 126-132.

2. Бетрозов С.А. Проблемы реабилитации и незаконного ареста в уголовном процессе России // Правоведение. 2005. №3. С. 89-100.

3. Бетрозов С.А. Самооговор, как обстоятельство, не исключающее возникновения права на возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе // Бюллетень Владикавказского Института Управления. 2006. №17.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Обосновано мнение, согласно которому вопросы реабилитации в уголовном процессе РФ решены непоследовательно и противоречиво. Так, ст. 212 УПК РФ, регламентирующая основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования указывает, что в случаях, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК, следователь или прокурор принимают предусмотренные главой 18 УПК РФ меры по реабилитации лица, то есть представляет право на реабилитацию только невиновным лицам. Именно эти основания являются единственно допустимыми для возникновения права на реабилитацию. Но ч. 8 ст. 302 УПК РФ трактует эти основания иначе. В ней говорится, что если основания прекращения уголовного дела и (или) уголов-

ного преследования, указанные в п. 1 - 3 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 3 ч. 1 ст. 27 кодекса, обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. В случаях, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27, суд постановляет оправдательный приговор, а в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 кодекса, - обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания. Как уже ранее было указано, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ содержит ссылку на п. 1-6 ч. 1 ст. 24, включающие основания, никак не сопоставимые, как с оправдательным приговором, так и с правом на реабилитацию, возникающую в случае его вынесения. Так, и ст. 302 в ч. 2 УПК РФ, утверждая четкие основания вынесения оправдательного приговора, в ч. 8 противоречит сама себе, расширяя круг лиц, в отношении которых выносятся оправдательный приговор, и, соответственно, имеющих право на возмещение ущерба в порядке реабилитации. Таким образом, УПК РФ в предварительном следствии (ст. 212 УПК РФ) предлагает одни основания для реабилитации, а в судебном разбирательстве (ст. 302 УПК РФ) - другие. Подобная неразбериха в законе не дает четких оснований для определения субъектов реабилитации и приводит к ошибочному выводу о возникновении права на реабилитацию лицам, в отношении которых уголовные дела были прекращены по основаниям, указанным в п. 1-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в полном объеме.

Также, в п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ наряду с основаниями, необходимыми для возникновения права на реабилитацию приведены также не реабилитирующие основания (п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) - истечение сроков давности уголовного преследования, смерть подозреваемого или обвиняемого и др. Внесены предложения по устранению данного противоречия. В частности, предлагается устранить данную ошибку, установив, что право на реабилитацию имеет оправданный по приговору суда (ч. 2 ст. 302 УПК РФ), или лицо, в отношении которого уголовное преследование или уголовное дело прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (ч. 2 ст. 212 УПК РФ). Предлагается также, внести изменения в ч. 8 ст. 302 УПК РФ, и привести ее в соответствие с ч. 2 указанной статьи с целью устранения разногласий в законодательстве

в отношении субъектов, имеющих право на возмещение вреда в порядке реабилитации.

2. Виновные лица, совершившие те или иные уголовно-наказуемые деяния, и изобличенные в их совершении не подлежат реабилитации, так как их реабилитация вступит в непримиримое противоречие с одним из основных принципов уголовной ответственности и наказания - неотвратимостью уголовной ответственности и наказания виновных, которых суд должен признавать виновными в приговоре и справедливо наказывать, а не реабилитировать, и в связи с этим еще возмещать вред, который они понесли в результате применения той или иной меры процессуального принуждения (например, задержания и заключения под стражу подозреваемого до предъявления ему обвинения и др.) Иными словами, институт реабилитации не должен наносить ущерб, умалять или разрушать основной принцип уголовной ответственности и наказания виновных - ее неотвратимость применительно к каждому виновному, совершившему преступление. Возмещение вреда, причиненного виновному лицу в результате проводимого расследования, раскрытия совершенного им преступления, его изобличения, назначения или его освобождения от наказания - недопустимое, абсурдное явление в уголовном процессе.

3. Применительно к лицам (подозреваемым и обвиняемым), уголовное преследование в отношении которых прекращается по не реабилитирующим основаниям в стадии предварительного следствия или дознания, УПК РФ предоставляет им право возражать против прекращения уголовного преследования по основаниям, указанным в п. 3 и 6 ч. 1 ст. 24, ст. ст. 25, 28 УПК РФ а также п. 3 и 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. В этих случаях при наличии возражений со стороны подозреваемого или обвиняемого, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке (ч. 2 ст. 27 УПК РФ) и вопрос о виновности подсудимого и его наказании решается в обвинительном или оправдательном приговоре суда. Поэтому у таких лиц есть возможность добиваться решения вопроса об их виновности или оправдании по приговору суда, и в случае их оправдания реализовать право на реабилитацию по одному из оснований, указанных в ч. 2 ст. 302 УПК РФ.

4. Обоснована позиция, согласно которой институт частичной реабилитации не со-

ответствует общим задачам и целям современного российского уголовного процесса. Так, в уголовно-процессуальной литературе предлагается выделить так называемую частичную реабилитацию. Под ней понимается прекращение уголовного преследования по одному из реабилитирующих оснований применительно к подозреваемому или обвиняемому по отдельному эпизоду преступления или по отдельному составу преступления. Поскольку речь идет о частичной реабилитации, то предполагается, что по другим эпизодам преступления или другим составам преступления виновность подозреваемого или обвиняемого полностью доказана, они изобличены собранными доказательствами и должны подлежать уголовной ответственности и справедливому наказанию по обвинительному приговору суда за совершенные ими преступления. Поэтому уголовное преследование этих лиц должно быть прекращено по одному из реабилитирующих оснований, или в суде по этому эпизоду или составу преступления должен быть вынесен оправдательный приговор, но по остальным эпизодам или составам преступления они должны нести уголовную ответственность и наказание.

Поэтому, по нашему мнению, в этих случаях, ни о какой реабилитации таких лиц не может быть речи, данные лица не имеют права на возмещение вреда в порядке реабилитации. Они не имеют права на возмещение вреда в порядке реабилитации и должны подлежать уголовной ответственности и наказанию за совершенные ими преступления.

5. Предусмотрена возможность исключительных обстоятельств, при которых допустима частичная реабилитация. Так, представляется, что исключение могут составлять случаи, когда лицо было оправдано по эпизодам большой тяжести, а осуждено в результате за незначительное преступление, и при этом срок, который лицо пребывало под стражей, окажется больше срока, предусмотренного за совершенное им преступление. Поскольку в соответствии с законодательством РФ срок заключения под стражу, срок задержания, домашнего ареста, а также время пребывания в лечебном учреждении (ч. 10 ст. 109 УПК РФ, п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ) до судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы (ч. 3 ст. 72 УК РФ), можно утверждать, что если лицо находилось под стражей (подвергалось мерам процессуального принужде-

ния) по эпизодам, впоследствии по которым оно было оправдано, и срок, который данное лицо находилось под стражей, больше срока, предусмотренного за совершенное им преступление, то это лицо также имеет право на реабилитацию по части срока, отбытого им в заключении свыше назначенного судом за доказанное преступление.

6. Исследуются положения, закрепленные в действующем УПК РФ, касающиеся понятия реабилитации и реабилитированного. Автором предлагается рассмотрение реабилитации в качестве комплексного понятия, включающего в себя правовую базу, с помощью которой лицо получает и оформляет право на реабилитацию, и сам процесс возмещения вреда, предусматривающего возмещение как имущественного, так и морального вреда, а также восстановление нарушенных прав и свобод человека.

В связи с этим предлагается авторская формулировка понятия реабилитации. В соответствии с ней, реабилитация - это комплексный процесс восстановления прав и свобод человека, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию и осуждению, и обеспечения права на возмещение причиненного ему вреда. В отношении понятия «реабilitированного», автором оспаривается определение, данное ст. 5 УПК РФ, как противоречащее понятию реабилитации, данному в той же статье. Предложено добавить в ст. 5 УПК РФ понятие «реабilitируемого», то есть лица, имеющего право на реабилитацию, но еще данное право не реализовавшего. По мнению автора, следует дополнить ст. 5 УПК РФ следующими положениями:

Под реабилитируемым лицом предлагается понимать лицо, получившее в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом право на возмещение вреда, причиненного в результате необоснованного уголовного преследования.

Реабilitированное лицо — лицо, реализовавшее в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом право на реабилитацию, и в отношении которого все меры по возмещению причиненного ему вреда были завершены в полном объеме.

7. Предложена позиция, согласно которой обязанность признания за лицом права реабилитации и возмещения причиненного ущерба в связи с незаконным привлечением

к уголовной ответственности должна исходить от правоохранительных органов и суда. Именно они должны инициировать, после признания за лицом права на возмещение вреда, и начало процедуры фактической реализации данного права.

Отрицается позиция ряда ученых, предлагающих включить обязательность возмещения вреда. В таком случае право на реабилитацию утратит свой добровольный характер, признание факта реабилитации станет в прямую жесткую зависимость от воли пострадавшего лица, то есть, если лицо откажется от права на реабилитацию, притом, что такое право ему предоставлено, то оно, тем не менее, не будет признано реабилитированным. Право на возмещение ущерба, в моральном или материальном воплощении должно носить, безусловно, добровольный характер. Это положение находит подтверждение в ряде основополагающих принципов публичного права, и в особенности тех, на которых основывается непосредственно сам институт реабилитации.

Тем не менее, представляется, что такой элемент реализации права на реабилитацию как принесение официальных извинений от имени государства (ч. 1 ст. 136 УПК РФ) лицам, признанным невиновными, должен рассматриваться как обязательный. Поддерживается мнение о необходимости установления ответственности должностных лиц за отказ принесения подобных извинений. Данные извинения должны приноситься вне зависимости от воли реабилитируемого лица, а по его требованию и публиковаться в соответствующих средствах массовой информации.

Диссертантом было изучено 245 уголовных дел, оконченных принятием решений об оправдании подсудимых или прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям. Собраны и обобщены данные Статистического Отдела Городской Прокуратуры Санкт-Петербурга, изучена количественная динамика дел, оконченных по реабилитирующим основаниям, собрана и проанализирована статистика Судебного Департамента Санкт-Петербурга по уголовным делам за 2002-2005 годы. Также изучены материалы архива Василеостровского Федерального Районного Суда г. Санкт-Петербурга и Федерального Суда Промышленного района г. Владикавказа. Исследованы материалы, определения Судебной Коллегии по уголовным

делам Верховного Суда РФ. Произведено анкетирование 37 работников Городской Прокуратуры г. Владикавказа. В своих выводах автор опирается на объективную ситуацию в современном уголовном процессе России, а также на результаты собственных эмпирических исследований и статистические данные, отражающие динамику реализации норм, связанных с реабилитацией в уголовном процессе России.

08 июня 2006 года в Академии управления МВД России состоялась защита **кандидатской диссертации Тарасик Натальи Михайловны на тему «Методика расследования хищений, совершаемых на водном транспорте»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Кустов А.М.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Сурков К.В. и кандидат юридических наук, доцент Федотов И.С.

Ведущая организация – Московский университет МВД России.

Соискатель имеет 4 опубликованные работы по теме диссертации:

В приложении к диссертации представлены программа и анализ изучения уголовных дел, статистические данные, анкеты и результаты социологического исследования.

Основные положения диссертации опубликованы в четырех научных статьях, общим объемом 0,9 п.л.:

1. Тарасик Н.М. К вопросу о способе совершения хищений на водном транспорте. №15. - М.: МГАПИ, Информационный бюллетень, 2004.

2. Тарасик Н.М. Обстановка совершения хищений на водном транспорте и некоторые типовые следственные версии, ч.2. - М.: Академия управления МВД России, Материалы межвузовской науч.-практ. конф., 2005.

3. Тарасик Н.М. К вопросу о причинах и условиях, способствующих совершению хищений на водном транспорте. - Тула: сб. материалов II международной науч.-практ. конф., 2005.

4. Тарасик Н.М. Типичные сведения о личности преступника, совершающего хищения на водном транспорте, ч. 3. - М.: Ака-

демия управления МВД России, Материалы межвузовской науч.-практ. конф., 2005.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Структура и содержание частной методики расследования хищений, совершаемых на водном транспорте. Структура состоит из следующих элементов: обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию; типичные модели механизма преступления; особенности первоначального, последующего и заключительного этапов расследования.

2. Перечень уточненных обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делам о хищениях, совершаемых на водном транспорте, включающий сведения:

о исходной информации о таких преступлениях; особенностях обстановки, в которых совершаются хищения (место, предмет и время совершения хищений); способах их подготовки, совершения и сокрытия; мотивах и целях хищения; предмете преступного посягательства;

личности обвиняемого и потерпевшего; характере и размере ущерба, причиненного хищением;

орудиях и средствах, использовавшихся при совершении хищения; местах сокрытия похищенного имущества и каналах сбыта; причинах и условиях, способствовавших совершению хищений на водном транспорте.

3. Типичные модели механизма хищений (кража, мошенничество, присвоение или растрата), совершаемых на водном транспорте, служащие основой для разработки типовых программ расследования.

4. Типичные следственные ситуации по делам рассматриваемой категории в зависимости от полноты и характера информации, имеющейся в распоряжении следователя. Типовые программы (алгоритмы) расследования по разрешению сложившихся следственных ситуаций и проверки криминалистических версий при расследовании обозначенных преступлений включают в себя: оценку исходной следственной ситуации; выдвижение версий по основным обстоятельствам расследуемого события; постановку тактических задач и планирование начала расследования; планирование и производство отдельных следственных действий и тактических операций по проверке версий, разрешению поставленных задач.

5. Особенности тактики проведения отдельных следственных действий, обусловленные специфическими обстоятельствами совершения данного вида преступления.

08 июня 2006 года в Академии управления МВД России состоялась защита **кандидатской диссертации Прошина Владимира Михайловича на тему «Методика расследования незаконного предпринимательства, сопряженного с производством, приобретением, хранением, перевозкой и сбытом немаркированной алкогольной и спиртосодержащей продукции»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Кустов А.М.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Леви А.А. и кандидат юридических наук, доцент Агафонов В.В.

Ведущая организация – Академия экономической безопасности МВД России.

Соискатель имеет 3 опубликованные работы по теме диссертации:

1. Прошин В.М. Проблемы борьбы с незаконным предпринимательством. // Информационный бюллетень. № 21. - М: МГАПИ, 2005.

2. Прошин В.М. Планирование расследования незаконного предпринимательства // Значение работ профессора С.А. Голунского в правовом и криминалистическом обеспечении расследования преступлений. - М.: Академия управления МВД России, 2005.

3. Прошин В.М. Первоначальный этап расследования незаконного предпринимательства, сопряженного с производством и сбытом немаркированной алкогольной продукции // Информационный бюллетень. № 22. - М.: МГУПИ, 2006.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Система криминалистических методик. Содержание частной криминалистической методики расследования незаконного предпринимательства, сопряженного с производством, приобретением, хранением, перевозкой или сбытом немаркированной алкогольной и спиртосодержащей продукции, и ее структура.

2. Авторское видение обстоятельств,

подлежащих установлению и доказыванию, а также уточненный предмет и пределы доказывания по уголовным делам указанной категории.

3. Авторское определение категории «криминалистическая характеристика преступлений». Данная категория автором определяется как система сведений об устойчивых и взаимосвязанных признаках, присущих преступлениям определенного вида (группы), разработанная на основе изучения и обобщения следственной и судебной практики. Криминалистическая характеристика незаконного предпринимательства, сопряженного с производством, приобретением, хранением, перевозкой или сбытом немаркированной алкогольной и спиртосодержащей продукции. Типичные модели механизма преступления данного подвида.

4. Типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном и последующих этапах расследования, и программы (алгоритмы) по их разрешению. Типичные версии, выдвигаемые следователем, и пути их проверок.

5. Особенности тактики отдельных первоначальных и последующих следственных действий по уголовным делам данной категории, а также приемы взаимодействия сотрудников правоохранительных органов в процессе расследования преступлений и методы нейтрализации противодействия расследованию.

Эмпирическую базу исследования составили:

результаты изучения и обобщения материалов 210 уголовных дел об указанных преступлениях, нашедших разрешение в суде и прекращенных производством на стадии предварительного расследования по различным основаниям в 1998-2005 гг. (Сибирского, Уральского, Центрального и Южного федеральных округов);

обобщенные данные, полученные в результате изучения 182 материалов, по которым было отказано в возбуждении уголовного дела (по тем же округам);

статистические данные ГИЦ МВД России за 1997-2005 гг. о незаконном предпринимательстве в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции; статистические данные судов о рассмотренных в 1999-2005 гг. уголовных делах об указанных преступлениях;

данные анкетирования 76 следователей, прокуроров, сотрудников (вышеуказанных округов РФ), осуществлявших оперативно-розыскную деятельность по выявлению незаконного предпринимательства в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, адвокатов, судей о причинах неэффективного расследования преступлений указанной категории и потребностях практических работников в научно-прикладных разработках по соответствующей частной криминалистической методике.

08 июня 2006 года в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась защита **кандидатской диссертации Юань И на тему «Меры процессуального принуждения по УПК КНР»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Лукашевич В.З.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Вандышев В.В. и кандидат юридических наук, доцент Шимановский В.В.

Ведущая организация – Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ.

Соискатель имеет 3 опубликованные работы по теме диссертации:

1. Юань И Задержание подозреваемого по УПК КНР // Правоведение. 2004. №4

2. Юань И Заключение под стражу по УПК КНР // Правоведение 2004. № 6.

3. Юань И Регламентация привода, личного поручительства или залога, домашнего ареста по УПК КНР // Правоведение 2005. № 5.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Определение меры процессуального принуждения по УПК КНР, под которой понимаются предусмотренные УПК КНР средства ограничения личной свободы и других прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого на определенный срок, которые применяются органом общественной безопасности, народной прокуратурой, народным судом для обеспечения проведения уголовного судопроизводства. Понятие меры процессу-

ального принуждения по УПК КНР отличается от определения меры процессуального принуждения по УПК РФ тем, что не применяется в отношении потерпевшего и свидетеля и других участников уголовного процесса.

2. Классификация мер процессуального принуждения по УПК КНР: а). В целях определения полномочия правоохранительного органа по избранию мер процессуального принуждения, разделим все меры процессуального принуждения УПК КНР на три группы. Меры процессуального принуждения первой группы избираются народным судом, народной прокуратурой и органом общественной безопасности, данная группа включает в себя три меры процессуального принуждения — привод, передача под поручительство до судебного разбирательства и наблюдение по месту жительства, органом общественной безопасности вправе избирать их в стадии предварительного следствия, народная прокуратура вправе избирать меры в стадии предъявления обвинения, народный суд вправе избирать их в стадии судебного производства. Меры процессуального принуждения второй группы избираются народной прокуратурой и органом общественной безопасности в стадии предварительного следствия, это задержание. Меры процессуального принуждения третьей группы избираются народным судом в стадии судебного производства, а также избираются народной прокуратурой в стадии предварительного следствия и предъявления обвинения. Это заключение под стражу.

б). По уровню ограничения свободы передвижения подозреваемых или обвиняемых следует разделить меры процессуального принуждения УПК КНР на две части: связанные с содержанием под стражей (задержание и заключение под стражу) и не связанные с содержанием под стражей (привод, передача под поручительство до судебного разбирательства и наблюдение по месту жительства).

3. Основные принципы применения мер процессуального принуждения по УПК КНР рассматриваются с точки зрения защиты прав человека и соблюдения обоснованности и справедливости правосудия.

4. Применение и порядок осуществления мер процессуального принуждения по УПК КНР осуществляется путем установления и исполнения норм права о мерах процессуального принуждения, в которых реализуется

предназначение института мер процессуального принуждения.

5. Действующее уголовно-процессуальное законодательство КНР, регламентирующее институт мер процессуального принуждения, нуждается в существенном уточнении и дополнении. В частности, следует:

а) в главе 6 УПК КНР предусмотреть дополнительные виды мер процессуального принуждения:

подписку о явке к следствию и суду. При избрании этой меры процессуального принуждения, подозреваемый (обвиняемый) должен в установленной форме дать свое письменное обязательство. Во-первых, без разрешения правоохранительного органа не покидать город, уезд, в котором он постоянно проживает. Во-вторых, своевременно являться по вызовам правоохранительного органа. В-третьих, не препятствовать каким-либо образом даче свидетелями показаний. В-четвертых, не уничтожать, не фальсифицировать, а также не вступать в сговор при даче показаний. Народный суд, народная прокуратура и орган общественной безопасности могут подвергнуть подписке о явке к следствию и суду в качестве меры процессуального принуждения подозреваемого (обвиняемого) при наличии следующих обстоятельств: когда лицо совершило не тяжкое преступление; когда лицо имеет постоянное место жительства и его личность установлена; когда вероятность нарушения лицом указанных законом обязательства небольшая. Главное достоинство данной новой меры процессуального принуждения для УПК КНР состоит в том, что она по сравнению с другими мерами процессуального принуждения по УПК КНР в наибольшей степени обеспечивает права и свободы человека.

- передачу несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр. «Передача несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр заключается в обеспечении его надлежащего поведения родителями, опекунами, попечителями, о чем эти лица дают письменное обязательство в установленной форме».

б) изменить нынешнее специальное условие избрания заключения под стражу, предусмотренное в ст. 60 УПК КНР — «при совершении преступления, за которое подозреваемые и обвиняемые могут быть приговорены к наказанию в виде лишения свободы» на

новую — «при совершении преступления, за которое подозреваемые и обвиняемые могут быть приговорены к наказанию в виде лишения свободы на срок свыше трех лет».

в) необходимо предоставлять подозреваемому и обвиняемому право на обжалование постановления о применении в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры процессуального принуждения в виде заключения под стражу.

г) изложить ст. 50 УПК КНР в следующей редакции: «Народный суд, народная прокуратура или орган общественной безопасности исходя из обстоятельств дела могут подвергнуть подозреваемого и обвиняемого, а также потерпевшего и свидетеля приводу в случае их неявки по вызову без уважительных причин, продолжительность перерыва между двумя приводами не должна быть менее чем 12 часов; Народный суд, народная прокуратура или орган общественной безопасности исходя из обстоятельств дела могут подвергнуть подозреваемого и обвиняемого передаче под поручительство до судебного разбирательства либо наблюдению по месту жительства».

д) изменить регламентацию статьи 51 УПК КНР, касающуюся основания и условия применения меры процессуального принуждения в виде наблюдения по месту жительства, уточнив, что наблюдение по месту жительства в качестве меры процессуального принуждения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы. В исключительных случаях эта мера процессуального принуждения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде надзора, уголовного ареста либо к лицу может быть самостоятельно применен дополнительный вид уголовного наказания, при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории КНР, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера процессуального принуждения.

б. процессуальные правила применения отдельных видов мер процессуального принуждения УПК КНР, а именно задержания, заключения под стражу, привода, передачи

под поручительство до судебного разбирательства, наблюдения по месту жительства, будут изложены в соответствующих параграфах и главах диссертации.

09 июня 2006 года в Саратовском юридическом институте МВД России состоялась защита **кандидатской диссертации Ивенского Андрея Александровича на тему «Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядке судебного разбирательства»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Громов Н.А.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Прошляков А.Д. и кандидат юридических наук, доцент Погодин С.Б.

Ведущая организация – Волгоградская академия МВД России.

Соискатель имеет 7 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Ивенский А. И. Классификация приговоров // Актуальные проблемы правоведения // Сборник Самарской государственной экономической академии. 2004.

2. Ивенский А. И. Основания и условия применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Новое в законодательстве России: проблемы теории и практики применения: Сборник научных статей. Выпуск 2. Саратов: СЮИ МВД России, 2005.

3. Ивенский А. И. О сокращенном порядке судопроизводства. // Вестник Самарской государственной экономической Академии. Специальный выпуск: Актуальные проблемы правоведения. 2005. № 1.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Дефиницию приговора, содержащуюся в п. 28 ст. 5 УПК, следует дополнить положениями: а) о необходимости приведения в приговоре формулировки обвинения, по которому подсудимый предан суду и вынесен данный приговор, б) о вынесении приговора именем Российской Федерации; в) о разре-



шении в приговоре вопроса о назначении наказания или об освобождении от такового только в отношении лица, признанного виновным, и об освобождении невиновного не от наказания, а от уголовного преследования в целом.

2. Внутренние свойства приговора: законность, обоснованность, мотивированность и справедливость - результат реализации в процессе постановления приговора предъявляемых к нему одноименных требований. При невыполнении требований приговор неправосуден и подлежит отмене.

Статью 297 УПК следует дополнить определениями законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, предложенными автором.

3. Специфика внутренних свойств приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства: а) обоснованность сужается до констатации фактов полного признания подсудимым вины и соблюдения оснований, условий и процедуры постановления приговора; б) мотивированность относится к разъяснению противоречий в материалах, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах; в) справедливость реализуется с учетом снижения на треть максимального размера наиболее строгого вида наказания.

Внешние свойства вступившего в законную силу приговора, определяющие его общественно-правовую значимость: исключительность, общеобязательность, стабильность.

Для постановленных в особом порядке судебного разбирательства приговоров характерно значительное усиление стабильности вследствие невозможности обжалования по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела.

4. Классифицировать приговоры следует по следующим критериям:

- разрешение в приговоре вопроса о виновности подсудимого;
- постановление приговора судом первой либо апелляционной инстанции,
- постановление приговора судьей единолично или коллегиальным составом суда;
- постановление приговора при различном объеме исследуемых в суде обстоятельств уголовного дела;

- порядок возможного обжалования и пересмотра постановленного приговора.

5. Особый порядок судебного разбирательства отличают от сокращенных процедур уголовного судопроизводства США, Великобритании, Франции и других государств: 1) установление при предварительном расследовании юридической истины, максимально приближенной к объективной, и полностью соответствующая ей квалификация и полное досудебное признание обвиняемым инкриминируемого преступления; 2) согласие обвинения на применение сокращенного судебного разбирательства, ходатайство защиты о том же и официальное отсутствие переговоров между государственным обвинителем и защитой; 3) активная роль суда, выражающаяся: а) в правах отказа сторонам в применении особого порядка судебного разбирательства и самостоятельного назначения наказания; б) в обязанностях установления истины и разрешения, гражданского иска.

6. Предложено изменить наименование: раздела X УПК на «Сокращенный порядок судебного разбирательства»; главы 40 УПК на «Сокращенный порядок постановления обвинительного приговора при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением».

7. Основания применения особого порядка судебного разбирательства - это формальная совокупность возникающих до начала судебного рассмотрения уголовного дела обстоятельств, необходимая и достаточная для рассмотрения судьей вопроса о возможности применения процедуры постановления обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Таковыми основаниями являются: 1) поступление в суд дела о преступлении, максимальное наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы; 2) заявление обвиняемого о согласии с предъявленным ему обвинением; 3) согласие стороны обвинения (прокурора или частного обвинителя и потерпевшего) на применение особого порядка судебного разбирательства; 4) заявленное обвиняемым после предварительной, консультации с защитником ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

8. Условия применения особого порядка судебного разбирательства - это установленные в результате произведенных судом

проверочных действий обстоятельства, при наличии полной совокупности которых суд получает право постановить обвинительный приговор в сокращенном порядке.

Перечень таких условий: 1) обвиняемому понятно предъявленное ему обвинение, и он полностью с ним согласен; 2) обвиняемый осознает характер и все правовые последствия заявленного им ходатайства о постановлении приговора в особом порядке; 3) ходатайство заявлено обвиняемым добровольно, после консультации с защитником; 4) обвинение обосновано и подтверждено материалами предварительного расследования; 5) государственным либо частным обвинителем в суде подтверждено согласие на применение особого порядка; 6) потерпевшим подтверждено в суде согласие на применение особого порядка, либо такое согласие имеется в письменном виде; 7) на основании установления комплекса предшествующих условий у судьи сложилось мнение о возможности и целесообразности применения особого порядка судебного разбирательства.

9. При особом порядке судебного разбирательства фрагментарно или не полностью, соблюдаются: состязательность, непосредственность исследования доказательств, устность и гласность судебного разбирательства, оценка доказательств судом по своему внутреннему убеждению.

9.1. Состязательность: отсутствует спор между сторонами, защита полностью согласна с обвинением. Только в отношении обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание и характеризующих личность подсудимого, возможно обсуждение и исследование при полном соблюдении принципов уголовного процесса.

9.2. Непосредственность исследования доказательств: суд может исследовать только имеющиеся в деле материальные носители информации (письменные и иные документы и вещественные доказательства) непосредственно, однако не в судебном разбирательстве, а при подготовке к нему.

9.3. Устность: отсутствуют заслушивание показаний подсудимого, потерпевшего и иных лиц, заключений эксперта, оглашение протоколов и иных документов.

9.4. Гласность: основные обстоятельства уголовного дела в суде не исследуются.

9.5. Отмеченные нарушения непосредственности и устности влекут создание

внутреннего убеждения судьи на основании материалов досудебного расследования уголовного дела, без исследования доказательств в суде, т.е. неполную самостоятельность оценки судьей доказательств по внутреннему убеждению

10. Необходимо законодательно признать судебное разбирательство, фактически проводящееся при особом порядке, регламентированном гл.40 УПК. Суду следует предоставить право при применении сокращенного порядка судебного разбирательства произвести по собственному усмотрению отдельные судебные-следственные действия (допросы подсудимого и потерпевшего и др.) в условиях полного соблюдения всех принципов уголовного судопроизводства.

09 июня 2006 года в Уральской государственной юридической академии состоялась защита **докторской диссертации Барабаша Анатолия Сергеевича на тему «Публичное начало российского уголовного процесса»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Азаров В.А., доктор юридических наук, профессор Джатиев В.С. и доктор юридических наук, профессор Смирнов А.В.

Ведущая организация – Московский университет МВД России.

Соискатель имеет 41 опубликованную работу по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Барабаш, А.С. Состязательность - ее прошлое и настоящее в теории российского уголовного процесса и в законодательстве / А.С. Барабаш // Сибирские юридические записки: ежегодник Ассоциации юридических вузов «Сибирь». Вып. 3. - Красноярск: ИЦ-КрасГУ, 2003. - С. 142-164.

2. Барабаш, А.С. Цели уголовного процесса / А.С. Барабаш // Ученые записки Юридического института Красноярского государственного университета. Вып. 2 / отв. ред. Т.В. Сахнова. - Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2003. -С. 439-457.

3. Барабаш, А.С. Уголовное преследование в стадии предварительного расследования / А.С. Барабаш // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследо-

ванием преступлений: сб. науч. трудов (в двух частях). Ч. I. - М.: Академия управления МВД России, 2005. - С. 202-205.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Работа с историческим материалом, выявление закономерностей этногенеза свидетельствуют в пользу публичного начала российского уголовного процесса. Он должен обозначаться как следственный, но не в силу существования специального органа расследования, а в силу внутренней сущности процесса, его исследовательского характера. Только такой процесс может служить к единению российского общества через реализацию публичного начала.

2. Публичность не может рассматриваться как принцип уголовного процесса в силу того, что не соответствует этому понятию. Под принципом следует понимать требование, реализация которого в уголовно-процессуальной деятельности гарантирует достижение ее целей. В публичности, впрочем как и в состязательности, нужно видеть начало, лежащее в основе соответствующей модели, которая, в свою очередь, предполагает свойственную только ей систему принципов. И то и другое начало находится за рамками процесса. Они понятия суть общественных отношений, которые сложились в рамках социума под влиянием объективных факторов. У каждого начала своя познавательная схема реализации. Именно различие познавательных схем, а не совпадения или отличия в деталях формы должны быть основанием для разграничения моделей.

3. Исходя из того, что публичность - это начало, а не принцип, ее нельзя сводить к обязанностям органов государства по установлению события преступления, изобличению лица, совершившего преступление, и т.п. Дело обстоит несколько иначе: эти обязанности вытекают из социально-политической сущности публичности, основа которой заключается в том, что государство, в лице своих органов, принимает на себя ответственность оградить граждан, общество от преступных проявлений, обязуется перед ними быть активным в деле обеспечения их защиты. Реагирование на каждый случай преступления признается не частным, а государственным делом по реализации общих интересов, в рамках которых находится также

соблюдение при расследовании и рассмотрении уголовных дел свобод, прав и законных интересов всех участвующих в уголовном судопроизводстве.

4. В современной российской уголовно-процессуальной литературе большой удельный вес придается не публичности, а состязательности в российском уголовном процессе. Анализ приводимых аргументов позволяет утверждать, что состязательность поглощается положениями, которые считаются производными от нее. В первую очередь - требованием об обеспечении равенства прав участников судебного разбирательства. Именно последнее следует рассматривать как принцип российского уголовного процесса, элементом которого является состязательность, а не наоборот.

5. Анализ УПК РСФСР и УПК РФ свидетельствует о доминировании в них публичного, а не состязательного начала. Как и раньше, состязательность в них является не действительным, а желаемым содержанием, поскольку по этим законам: а) обвинение, без которого немыслима состязательность (нет обвинения - нет иска), не является толчком к уголовно-процессуальной деятельности; б) обвинение на предварительном расследовании не может быть двигателем процесса; в) при правильном понимании механизма познавательной деятельности нельзя согласиться с утверждением, что прокурор идет в суд как обвинитель; г) спор, как суть состязательности, в рамках всего судебного разбирательства невозможен.

6. Законодатель, провозглашая в УПК РФ состязательность, не уловил общемировых тенденций развития уголовно-процессуальной формы. С каждым шагом цивилизационного развития даже в процессе, основанном на состязательном начале, все больший удельный вес приобретает публичность.

Прошлое уголовного процесса -- состязательность и розыск, будущее - публичность, как выражение интегративного свойства общества, его единства.

7. В современном процессе представлены и публичность, и состязательность, но в зависимости от исторических и культурных традиций в различных странах преобладает или то или другое начало. В уголовном процессе России - публичное. Когда необходимо познать, что и как совершено в прошлом, органы государства имеют соответствующие

права для защиты публичного интереса, при получении познавательного результата или когда необходимо принять то или иное решение, затрагивающее частные интересы, оправдано привлечение элементов состязательности.

8. Вводя в ст. 6 УПК РФ термин «назначение уголовного судопроизводства» и раскрывая, что под этим понимается, законодатель в первый раз посмотрел со стороны на уголовный процесс как на явление общественной и государственной жизни и попытался оформить те ожидания, которые связываются в обществе с реализацией его норм. Это вербализация публичного начала, но не полная. В работе предлагается редакция статьи, которая отражает это начало гораздо полнее.

9. Назначение уголовного процесса должно быть сопряжено с целями уголовно-процессуальной деятельности. Это необходимо для исключения возможного самоуправства и произвола в деятельности исполнителя, для того, чтобы добиться единого подхода к ней у всех субъектов. Назначение деятельности и цели деятельности — не совпадающие по объему понятия. Но в то же время содержание конкретных целей деятельности обусловлено назначением ее, и конструировать их нужно исходя из понимания этого.

10. Неприемлемо в качестве цели уголовного процесса рассматривать истину в силу того, что: а) невозможно в каждом конкретном случае достичь точного соответствия знаний действительности; б) до сих пор философия не получила позитивного результата по наполнению этого понятия единым содержанием; в) общим в определении истины является оценочный момент, если знание точно соответствует действительности - оно истинно, если нет - ложно. Обращает на себя внимание тот факт, что в любом случае речь идет о знании, знании о чем-то. Применительно к необходимости получения его и формулируемась цель, и когда она реализована, мы получаем знание.

11. Цели уголовно-процессуальной деятельности отражены в ст. 73 УПК РФ, где говорится об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Анализ текста статьи привел к выводу, что ее содержание не в полном объеме коррелируется со сформулированными назначениями уголовного судопроизводства и имеет недостатки редакционного плана. В диссертации пред-

лагается иное содержание и редакция статьи. Она должна служить способом перевода социального назначения уголовного судопроизводства в плоскость реальной деятельности. В предлагаемой статье формулируются обстоятельства, ранее не содержащиеся в законе. Среди них те, которые должны быть использованы для перестройки отношений между лицом, совершившим преступление и обществом. По мнению автора, установление всех предлагаемых в работе обстоятельств в их совокупности позволит в полном объеме реализовать публичное начало российского уголовного процесса.

12. Сформулированные цели могут быть достигнуты только в рамках правильно понятого и реализованного познавательного процесса. Процесс познания универсален, как универсальны объективные законы, лежащие в его основании. В этом смысле понятие «познание» не связано с конкретным актом познания и уголовно-процессуальное доказывание - такой же познавательный процесс, как любой другой. Этот процесс не может быть сведен к оперированию готовыми аргументами для получения выводного знания о событии прошлого, это и деятельность, связанная с получением информационных доказательств для этих аргументов. Исследование соотношения уголовно-процессуального доказывания и квалификации приводит к выводу, что один процесс не является составной частью другого. Процесс доказывания и процесс уточнения квалификации протекают параллельно.

13. Узлом схемы мыследеятельности при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, является объект познания. В качестве его не может выступать преступление. Неправильно и отождествлять объект со знанием о нем. Иначе, чем в философской литературе, решается вопрос о соотношении объекта познания и предмета. Если предмет, как принято считать, - основные свойства, связи и отношения объекта, выделяемые познающим субъектом для реализации определенных целей, то он не может быть частью объекта, имеющим объективно-субъективную природу. Предмет это знание, полученное в результате работы с объектами.

14. В качестве объекта, с которого начинается познавательная деятельность в уголовном процессе, нужно выделить след, оставленный совершенным преступлением,

затем таковым становится информация. Следующий объект - любые фактические данные. На основе выявленной взаимосвязи между ними мы получаем вывод более высокого уровня - об обстоятельстве, подлежащем доказыванию. И только тогда, когда знание обо всех обстоятельствах непротиворечиво ложится в одну схему, мы получим искомое - знание о совершенном в прошлом деянии. На этом уголовно-процессуальное доказывание закончено, мы получили предмет. Указанные объекты, кроме первого, являются идеальными, и только следы - реальные объекты.

15. Объекты доказывания, втянутые в работу для обеспечения возможности решения вопроса о применении к виновному мер воздействия, не отличаются от тех, о которых речь шла выше. Различие в объеме работы. При установлении деяния и лица, виновного в его совершении, доказательства формируются при работе с локальным участком действительности. Для определения меры воздействия локального участка недостаточно, связи должны устанавливаться на более обширном материале и раскрывать историю жизни лица, совершившего преступление. Вывод на их основе строится не по отношению к прошлому, а к будущему.

16. Решение вопроса об объектах доказывания позволяет оценить, насколько правильно законодателем решен вопрос о том, что является доказательством. Анализ ст. 74 УПК РФ свидетельствует о ряде серьезных недостатков, из-за которых предлагаемое понимание доказательств не соответствует схеме познавательной деятельности. Для исправления этого положения предлагается иная редакция статьи о доказательствах. Обоснование ее повлекло необходимость в разграничении доказательств и их источников (носителей).

17. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, опосредовано оценкой доказательств. Анализируя ее, автор приходит к выводу о том, что установление относимости можно рассматривать как одномоментный акт только тогда, когда мы имеем дело с прямыми доказательствами. При косвенном способе доказывания она устанавливается в рамках процесса доказывания. Установление достаточности доказательств для получения любого фактического данною в то же время фиксирует относимость используемых для этого информационных доказательств. В

силу сказанного относимость не есть неотъемлемое свойство доказательств. Достаточность должна устанавливаться не только применительно к совокупности доказательств, но и при получении информационного и логического доказательства. В том случае, когда мы располагаем системой доказательств, мы установили их достоверность. Это завершающий этап. Предположение о достоверности доказательства снимается при работе с совокупностью доказательств, но устанавливается она в рамках практической деятельности. Это утверждение позволяет определить точку пересечения достоверности с такой характеристикой совокупности доказательств, как достаточность. Узлом доказывания, связывающим достоверность и относимость, является достаточность, именно это обуславливает единство мыслительной и практической деятельности. По-настоящему неотъемлемым свойством доказательств является только допустимость. Допустимость доказательств емкое понятие, оно связано не только с самим доказательством. Из всех критериев допустимости к доказательствам относится только один, и следует отдельно говорить о допустимости источников, субъектов получения и способов получения информации. Вопрос о допустимости должен решаться не только в отношении информационных доказательств, но и логических.

18. Решение вопроса о том, кого следует рассматривать в качестве субъектов доказывания, реализующих публичное начало российского уголовного процесса, позволило разграничить по содержанию следующие понятия: «субъект процесса», «участник процесса» и «субъект уголовно-процессуальных отношений». В работе формулируется вывод, что обязанности по установлению обстоятельств, подлежащих до доказыванию возложены на органы государства в силу публичности российского уголовного процесса. Кроме того, защита охраняемых законом личных интересов граждан, участвующих в доказывании, возложенная на следователя, прокурора, суд, есть еще одно из существенных проявлений публичного начала российского уголовного процесса.

В рамках данного исследования по специально разработанной анкете был проведен опрос практических работников. Вопросы в анкете формулировались таким образом,

чтобы выявить отношение опрашиваемых к тому, какие из решений рассмотренных в работе проблем они считают более предпочтительными. Всего было опрошено 308 человек. Из них следователей - 94, прокурорских работников - 76, адвокатов - 73, судей — 65. Опрос проводился на территории Красноярского края. В ходе сбора практического материала применялся и метод скрытого интервьюирования. Было проинтервьюировано 120 сотрудников правоохранительных органов. Для выяснения того, какое начало процесса склонны в своей деятельности реализовывать следователи, было проанализировано 96 отказных материалов, 150 прекращенных уголовных дел и 100 уголовных дел, законченных составлением обвинительного заключения. Данные материалы были предоставлены прокуратурой Красноярского края и районными прокуратурами г. Красноярска.

14 июня 2006 года в Омской академии МВД России состоялась защита **кандидатской диссертации Кузембаевой Марины Михайловны на тему «Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Азаров В.А.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Николук В.В. и кандидат юридических наук Писарев А.В.

Ведущая организация – Тюменский государственный университет.

Соискатель имеет 12 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Кузембаева М.М. К вопросу о необходимости конкретизации перечня органов дознания в УПК РФ // Гуманитарные исследования Сибирского государственного университета путей сообщения: Сб. науч. тр. / Под ред. Т.А. Рубанцовой. — Новосибирск: Издательство Сибирского государственного университета путей сообщения, 2005.

2. Кузембаева М.М. Зависимость объема процессуальных полномочий дознавателя от способа их делегирования // Актуальные

проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Мат-лы Третьей междунар. науч.-практ. конф. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2005.

3. Кузембаева М.М. Обвинительная деятельность субъектов дознания на стадии предварительного расследования // Социальные конфликты в правовом контексте: анализ и проблемы регулирования: Сб. науч. тр. аспирантов и соискателей / Отв. ред. М. П. Клейменов. — Омск: Издательство Омского государственного университета, 2005.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Основой функционирования дознавателя и органа дознания в уголовном процессе является процессуальный статус названных субъектов, формирование которого происходило в рамках четырех основных этапов развития российского уголовного судопроизводства, условно поименованных автором как:

- 1) дореволюционный (1864-1917 гг.);
- 2) послереволюционный и советский (1917-1958 гг.);
- 3) поздний советский и постсоветский (1958-2001 гг.);
- 4) современный (с 2001 г. по настоящее время).

На указанных этапах развития из отдельного направления деятельности (одной из функций) полиции, реализуемой преимущественно розыскными методами, институт дознания постепенно эволюционировал в самостоятельную форму расследования.

Дознание сегодня представляет собой специфическую форму расследования, в которой могут быть выделены два автономных вида процессуального производства: дознание в полном объеме и производство неотложных следственных действий.

2. Такие участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, как орган дознания, начальник органа дознания и дознаватель, нуждаются в законодательном объединении их в самостоятельную группу — субъектов дознания, каждый из которых имеет особую, определенную законом процессуальную компетенцию. В целях оптимизации механизма правового регулирования требуется внедрение в УПК РФ категории «субъекты дознания».

3. Авторское определение понятия органа дознания формулируется через систему следующих признаков:

- объединение в дефиниции всех должностных лиц и государственных органов, осуществляющих указанные направления деятельности;
- временность наличия у отдельных государственных органов и должностных лиц процессуального статуса органа дознания;
- возможность обладания отдельными (автономными) полномочиями как по производству дознания, так и по осуществлению конкретных процессуальных действий.

4. Дознавателем, как самостоятельным участником уголовного судопроизводства, является любое должностное лицо, которому делегированы определенные процессуальные полномочия. Объем процессуальных полномочий дознавателя и продолжительность их осуществления зависят от способа их делегирования.

5. Нуждается в дополнительной нормативной регламентации уголовно-процессуальный статус начальника органа дознания как самостоятельного участника со стороны обвинения. С этой целью диссертантом предложена конструкция нормы УПК РФ, посвященной данному участнику.

6. Полномочия субъектов дознания обусловлены функциональным назначением их деятельности. Объем процессуальных полномочий каждого из субъектов дознания следует рассматривать как элемент его процессуальной компетенции, где понятия «компетенция» и «полномочия» соотносятся как целое и часть.

7. Основное предназначение деятельности субъектов дознания проявляется в единстве реализуемых ими функций, отвечающих общим целям уголовного судопроизводства и направленных на достижение конкретных задач, стоящих перед данной группой участников. Процессуальная деятельность субъектов дознания выражается в параллельной реализации функций исследования обстоятельств дела, уголовного преследования и обеспечения охраны интересов участвующих в деле лиц.

8. Функция исследования представляет собой всестороннее выяснение всех обстоятельств дела как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования.

9. Функция уголовного преследования закономерно обусловлена результатами следовательской деятельности субъектов дознания, но проявляется она лишь с возникновением процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, реализуется на стадии предварительного расследования параллельно с прочими функциями и формирует в виде правовых предпосылок «нишу» для состязательности сторон в досудебном производстве.

10. Функция обеспечения охраны интересов участвующих в деле лиц выступает средством реализации принципа охраны прав человека и гражданина при осуществлении уголовного судопроизводства и подразумевает разъяснение прав участнику процесса и, наряду с этим, предоставление реальной возможности беспрепятственно ими воспользоваться.

16 июня 2006 года в Тюменском юридическом институте МВД России состоялась защита **кандидатской диссертации Пикельного Дмитрия Сергеевича на тему «Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер процессуального принуждения в российском уголовном процессе»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Ольков С.Г.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Михайлов В.А. и кандидат юридических наук, доцент Болотин С.В.

Ведущая организация – Уфимский юридический институт МВД России

Соискатель имеет 6 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Пикельный Д.С. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер принуждения. Тюмень: НИИ АМЮ ТГНГУ-ТНЦ СО РАН, 2006.

2. Пикельный Д.С. Негативная юридическая ответственность за уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер процессуального принуждения // Уголовное право России на рубеже тысячелетий: Сб. тез. докл. и сообщ. на науч.-практ. конф. (15 ноября 2005 г.). - Тю-

мень: Тюм. Юрид. ин-т МВД России, 2006.

3. Пикельный Д.С. Дисциплинарная ответственность прокуроров и следователей // Научные исследования высшей школы: Сб. тез. докл. и сообщ. на итог, науч.-практ. конф. (8 февраля 2006 г.). - Тюмень: Тюм. Юрид. ин-т МВД России, 2006.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Уголовно-процессуальное правонарушение, связанное с применением мер процессуального принуждения - это выразившееся в нарушении норм (нормы) уголовно-процессуального права, регулирующих цели, условия и порядок применения мер уголовно-процессуального принуждения, виновное, общественно вредное (или общественно опасное - для преступлений) деяние деликтоспособного субъекта уголовно-процессуальных правовых отношений, влекущее меры восстановления правопорядка, ретроспективную юридическую ответственность и применение негативных юридических санкций как уголовно-процессуальной, так и иной отраслевой принадлежности.

2. Существующую классификацию уголовно-процессуальных правонарушений следует дополнить, с учетом нового УПК РФ, который четко разделяет всех субъектов уголовного судопроизводства на стороны (главы 6-8 УПК РФ). Соответственно следует классифицировать уголовно-процессуальные правонарушения по признаку «принадлежность к стороне уголовного судопроизводства» и выделять: 1) уголовно-процессуальные правонарушения, совершаемые субъектами стороны обвинения: прокурор (ст. 37 УПК РФ); следователь (ст. 38 УПК РФ); начальник следственного отдела (ст. 39 У) [К РФ); орган дознания (ст. 40 УПК РФ); дознаватель (ст. 41 УПК РФ); потерпевший (ст. 42 УПК РФ); частный обвинитель (ст. 43 УПК РФ); гражданский истец (ст. 44 УПК РФ): представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя (ст. 45 УПК РФ); 2) уголовно-процессуальные правонарушения, совершаемые субъектами стороны защиты: подозреваемый (ст. 46 УПК РФ); обвиняемый (ст. 47 УПК РФ): законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 48 УПК РФ); защитник (ст. 49 УПК РФ); гражданский ответчик (ст. 54 УПК РФ); представитель гражданского ответчика (ст. 55 УПК РФ); 3)

уголовно-процессуальные правонарушения, совершаемые иными участниками уголовного судопроизводства: свидетель (ст. 56 УПК РФ); эксперт (ст. 57 УПК РФ); специалист (ст. 58 УПК РФ); переводчик (ст. 59 УПК РФ); понятой (ст. 60 УПК РФ). Такое разграничение полезно не только с точки зрения соответствия действующему УПК РФ, но и в интересах исследования специфики соответствующих уголовно-процессуальных правонарушений. С учетом нового УПК РФ особым классификационным признаком уголовно-процессуальных правонарушений следует считать «связь с мерами процессуального принуждения» и выделять такие как: 1) уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с задержанием подозреваемого (могут совершаться, например, подозреваемым, лицом, осуществляющим уголовно-процессуальное задержание или лицом, незаконно вторгающимся в сферу уголовно-процессуальных правовых отношений) (глава 12 УПК РФ); 2) уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с мерами пресечения в уголовном процессе (глава 13 УПК РФ); 3) уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с иными мерами процессуального принуждения (глава 14 УПК РФ); уголовно-процессуальные правонарушения, сопряженные с производством о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ).

3. В главах 12-14 УПК РФ не приводится исчерпывающий перечень мер процессуального принуждения, а лишь содержится их некоторая часть. Кроме перечисленных в разделе IV УПК РФ мер процессуального принуждения существуют и другие меры процессуального принуждения, в частности меры уголовно-процессуальной ответственности и ответственности за уголовно-процессуальные правонарушения, меры защиты правопорядка, которые не перечислены в главах 12-14 УПК РФ, а, кроме того, существуют принудительные меры медицинского характера, реализуемые в рамках уголовно-процессуальных правовых отношений, а также профилактические принудительные процессуальные меры, например, предупреждение об уголовной ответственности за нарушение определенных процессуальных обязанностей. В статью 5 УПК РФ следовало бы добавить пункт, содержащий разъяснение понятия мер процессуального принуждения, как мер негативной юридической ответственности,



мер пресечения, мер защиты правопорядка, принудительных мер медицинского характера и профилактических принудительных процессуальных мер. В противном случае создастся иллюзия, будто меры процессуального принуждения ограничиваются только перечисленными в статьях 91, 98 и 111 УПК РФ, где идет речь только о задержании, мерах пресечения и ряде иных мер процессуального принуждения.

4. Следует различать заведомо незаконное задержание, незаконное (необоснованное) задержание и незаконные действия при производстве задержания. За заведомо незаконное задержание применяется уголовно-правовая санкция, а за необоснованное задержание и незаконные процессуальные действия при производстве задержания дисциплинарные санкции. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с уголовно-процессуальным задержанием могут совершаться, как субъектами, обеспечивающими законность в уголовном судопроизводстве, так и субъектами сферы соблюдения законности в уголовном процессе.

5. Теоретические модели конкретных составов уголовно-процессуальных правонарушений, связанных с применением уголовно-процессуального задержания.

6. Теоретические модели конкретных составов уголовно-процессуальных правонарушений, связанных с применением мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве.

7. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер процессуального принуждения, на современном этапе развития российской государственности и гражданского общества обусловлены, как общими, так и особенными факторами, которые уместно рассматривать на различных уровнях психологическом или индивидуальном, социологическом и философском (градация В.Н.Кудрявцева). Среди наиболее очевидных факторов социологического уровня, способствующих росту уголовно-процессуальных правонарушений, уместно назвать несовершенство действующего УПК РФ и различных ведомственных нормативно-правовых актов, наличие противоречий в действующем уголовно-процессуальном законодательстве; высокий уровень коррумпированности сотрудников правоохранительных органов, плохой подбор, расстановка и воспитание

кадров, реализующих уголовно-процессуальные функции, правовой нигилизм; плохое организационное и материально-техническое оснащение правоохранительных органов; недостатки в контроле за субъектами, обеспечивающими и соблюдающими законность в уголовном процессе, например, низкую требовательность в ряде следственных подразделений руководителей к подчиненным; недостатки осуществления прокурорского надзора и судебного контроля, недостатки взаимодействия между правоохранительными органами и с общественностью, снижение в общественном сознании престижа уголовно-процессуальной деятельности - следственного, прокурорского, судебного труда, недостатки, связанные с применением мер ответственности за уголовно-процессуальные правонарушения.

8) Успешная профилактика уголовно-процессуальных правонарушений, связанных с применением мер процессуального принуждения основывается на: 1) высоком качестве уголовно-процессуального кодекса и подзаконных нормативно-правовых актов, касающихся процессуальной организационной деятельности по осуществлению уголовного судопроизводства, минимизации различных противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве; 2) действенном судебном контроле и прокурорском надзоре; 3) действенном ведомственном контроле; 5) качественном подборе, расстановке и воспитании кадров, осуществляющих уголовное судопроизводство. В целях повышения качества прокурорского надзора за применением мер процессуального принуждения необходимо принять приказ Генерального прокурора РФ, закрепляющий порядок применения карт контроля качества предварительного расследования уголовных дел. В приложении к данному приказу следует привести подробную инструкцию по составлению и использованию таких контрольных карт, что позволит существенно усилить эффективность прокурорского надзора за качеством расследования в различных стадиях уголовного процесса и, прежде всего, за качеством применения и соблюдения мер уголовно-процессуального принуждения.

9. Статью 102 УПК РФ следует дополнить частью второй следующего содержания: «В случае преднамеренного нарушения подозреваемым или обвиняемым данной им

подписки о невыезде и надлежащем поведении к нему должно применяться в качестве меры пресечения заключение под стражу, о чем подозреваемому или обвиняемому должно быть объявлено при отобрании подписки».

10. В действующем УПК РФ существует явная выделенная не конкретизированная санкция, способствующая установлению ретроспективной уголовно-процессуальной ответственности ст.ст. 117-118 УПК РФ. Как следует из текста статьи 118 УПК РФ, негативная уголовно-процессуальная ответственность устанавливается за абстрактное нарушение закона, но не правонарушение. В статье 258 УПК РФ (Меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании) также установлена выделенная не конкретизированная санкция за нарушение уголовно-процессуального закона, хотя в данном случае она не столь явно выражена и просто нуждается в уточнении, поскольку термин нарушение следует заменить на термин правонарушение и уточнить процедуру установления вины. Кроме того, отдельные меры, предусмотренные статьей 258 УПК РФ, следует рассматривать, как меры восстановления правопорядка, чтобы можно было обеспечить порядок в судебном заседании и применять их не только к деликтоспособным субъектам правовых отношений, но и любым другим лицам, присутствующим в зале судебного заседания, например, малолетним.

16 июня 2006 года в Тюменском юридическом институте состоялась защита **кандидатской диссертации Кайгородовой Ольги Сергеевны на тему «Расследование грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними (по материалам Уральского и Сибирского регионов)»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Смахтин Е.В.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Лавров В.П. и кандидат юридических наук, доцент Тюнис И.О.

Ведущая организация – Алтайский государственный университет.

Соискатель имеет 9 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Кайгородова О.С. Роль следователя по предупреждению грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: Материалы всерос. науч.-практ. конф. - Тюмень: Тюм. гос. ин-т мировой экономики, управления и права (ТГИМЭУП), 2005.

2. Кайгородова О.С. Некоторые проблемы участия в следственных действиях с несовершеннолетними педагогов и психологов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. памяти д-ра юрид. наук, профессора В.И. Горобцова. Ч. 2 / Отв. ред. С.Д. Назаров. - Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2005.

3. Кайгородова О.С. Институт представительства несовершеннолетних на предварительном следствии // Первые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 12 октября 2005 года): Сб. статей: В 4 кн. Кн. 4: Проблемы уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального права, криминологии и криминалистики / Отв. ред. Б.В. Яценко. - М.: РПА МЮ РФ, 2005.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. В структуре криминалистической характеристики грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними, личность преступника выступает определяющим элементом по отношению к способу и обстановке совершения преступления, предмету преступного посягательства, личности потерпевшего.

В свою очередь, предмет преступного посягательства и личность потерпевшего зачастую выступают «провоцирующим» фактором, в результате которого формируется мотив и умысел на совершение преступления, что отличает рассматриваемый вид корыстно-насильственных посягательств от аналогичных преступлений, совершенных взрослыми.

2. Выделено наиболее значимое, с точки зрения автора, основание для классификации способов грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними - по месту совершения преступления. Так, нападения на открытой местности, в том числе на улицах, площадях, во дворах, парках, с использова-

нием фактора внезапности (рывки шапок, сумок, снятие верхней одежды) составляют 73,5 % случаев. Нападения в помещениях (магазины, подвалы, гаражи, торговые центры, лифты и т.д.) - 18,9 %. Нападения, сопряженные с проникновением в жилище. в том числе под благовидным предлогом - 5,7 %. Нападения на дорогах, в том числе на водителей такси, лиц, занимающихся частным извозом - 1,9 %.

Таким образом, в большинстве случаев грабежи и разбои совершаются несовершеннолетними на открытой местности (на улицах, во дворах, парках). Это обусловлено особенностями личности несовершеннолетних, у которых отсутствует перспективное видение последствий совершенного деяния, а сами действия носят бессистемный, хаотичный характер. Такое поведение определяет оставление большого количества следов и наличия в ряде случаев очевидцев.

3. Среди элементов, характеризующих расследование грабежей и разбоев, выявлена одна из типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования - когда лицо, совершившее преступление, скрылось. При этом задержаны лица, которые непосредственно не совершали преступление, но находились вместе с лицом, его совершившим. Такая ситуация определяется особенностями психики несовершеннолетних, когда их действиями руководит «детская» мотивация, «бравата», стремление быть лидером, затем - страх за содеянное и бегство с места происшествия. Действий, направленных на сокрытие следов, не предпринимается. При этом несовершеннолетние, находящиеся вместе с преступником, в силу возрастных особенностей, не разобравшись в ситуации, остаются на месте опять же из-за несогласованности действий, внезапного потрясения и страха.

Разработан подробный алгоритм действий следователя в этой и других типичных следственных ситуациях.

4. Типичные ситуации и версии на стадии предварительной проверки характеризуют ее особенность, заключающуюся в дефиците информации следователя о личности преступника. Сведения об одном из элементов криминалистической характеристики уже на первоначальном этапе позволяют выдвинуть версию, что преступление совершено несовершеннолетним. Так, анализ эмпири-

ческого материала показал, что в отношении потерпевших женского пола в возрасте до 18 лет во всех случаях преступления совершали лица женского пола в этом же возрасте - до 18 лет, что обуславливает обязательное выдвижение данной версии и ее проверку.

5. Выявлены особенности и предложены рекомендации по тактике допроса, проверке показаний на месте, предъявлению для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающим опознаваемого, очной ставке с учетом возраста, процессуального положения, психического состояния участвующего в соответствующем следственном действии несовершеннолетнего.

6. Личность несовершеннолетнего обуславливает участие в следственных действиях законного представителя, педагога и психолога, что также является специфичным для рассматриваемой категории дел. В связи с этим даются рекомендации по повышению эффективности участия в следственных действиях указанных лиц.

7. Частью 1 статьи 194 УПК РФ определено, что целью проведения проверки показаний на месте является установление новых обстоятельств, что, по мнению автора, не охватывает всех целей проведения данного следственного действия, ограничивая рамки его применения. В связи с этим предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 194 УПК РФ: «При необходимости проверки и уточнения имеющихся доказательств, а также установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, показания, ранее данные подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием».

В процессе подготовки диссертации были проанализированы по специальной методике материалы следственной и судебной практики, в том числе данные, полученные в ходе изучения и обобщения 363 архивных и находящихся в производстве уголовных дел на территории Тюменской, Свердловской, Томской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, проведено анкетирование 179 следователей органов внутренних дел, расследующих уголовные дела по преступлениям, совершенным несовершеннолетними. Также автором использован собственный опыт работы сле-

дователем по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними.

16 июня 2006 года в Кубанском государственном аграрном университете состоялась защита **кандидатской диссертации Гочияева Мурата Казбековича на тему «Судебное следствие как объективная основа законного и обоснованного приговора»** по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ Синигибский И.А.

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Ищенко Е.П. и кандидат юридических наук, доцент Костенко Р.В.

Ведущая организация – НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при генеральной прокуратуре РФ.

Соискатель имеет 6 опубликованных работ по теме диссертации. Наиболее значительными являются следующие работы:

1. Гочияев М.К. Процедура постановления обоснованного и мотивированного приговора // Проблемы реализации концепции устойчивого развития общества: Межвузовский сборник научно-исследовательских работ. - М.: «Учебная литература», 2005.

2. Гочияев М.К. Судебное следствие как объективная основа законного, обоснованного и справедливого приговора. - М.: «Учебная литература», 2005.

3. Гочияев М.К. Суд как самостоятельный субъект доказывания// Научное знание: новые реалии: сборник научно-исследовательских работ. Вып.2. -М.: «Учлитвуз», 2006.

Существенные результаты диссертационного исследования, определяющие ее научную и практическую значимость:

1. Принцип состязательности, получивший более полное развитие в новом УПК, не исключает необходимости всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела в ходе судебного следствия с целью установления объективной истины.

2. Суд, будучи независимым от сторон и освобожденным от выполнения каких-либо обвинительных функций, остается субъектом доказывания. Он обязан принять во внимание,

учесть и проанализировать все представленные сторонами доказательства, выслушать их доводы, дать им надлежащую оценку. Суд вправе (но не обязан) исследовать любые доказательства по собственной инициативе в целях установления объективной истины по делу.

3. На стадии судебного разбирательства суд, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного, проводит судебно-следственные действия, постановляет приговор и назначает наказание, руководствуясь принципами законности и справедливости. В приговоре или другом итоговом документе суд обязан обосновать свои выводы по делу, дать анализ исследованных в ходе судебного следствия доказательств и мотивировать принятое по делу решение.

4. Судебное следствие предполагает использование ряда методов и приемов исследования фактических обстоятельств дела, что невозможно без определенной тактики. Криминалистическая наука должна уделять внимание разработке особых тактических рекомендаций по ведению судебного следствия, учитывающих как процессуальную, так и психологическую специфику судебного рассмотрения уголовных дел.

5. Потребности судебной практики диктуют настоятельную необходимость обращаться в научных исследованиях, как к вопросам планирования судебного следствия, так и применения оправдавших себя и допустимых с точки зрения закона тактических приемов судебного следствия: организация и планирование судебного следствия, определение линии поведения лиц, осуществляющих судебное следствие и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств.

6. Научно-технические средства должны использоваться для фиксации процесса судебного разбирательства в целях последующего их использования в совещательной комнате при постановлении приговора; для изготовления протокола судебного заседания, адекватно отражающего ход судебного процесса, а также при рассмотрении уголовных дел в кассационном и надзорном производстве.

НОВЫЕ КНИГИ  
ПО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

---



**Фетисенкова Наталья Викторовна,**  
главный специалист РФЦСЭ  
при Минюсте России

## НОВЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КНИГИ ПО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

---

Рубрика «**Новые отечественные книги по судебной экспертизе**» представляет собой библиографическое пособие – *внутри-журнальный библиографический список* (далее *Список*), в котором приводятся сведения о книгах и брошюрах в данной области, опубликованных на русском языке в учетном году. Основным источником библиографической информации является Государственный библиографический указатель «Книжная летопись». Кроме того, *Список* содержит библиографические описания изданий ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, вышедших в свет в текущем квартале, а также изданий смежных организаций и ведомств, полученных по рассылке и обмену в данный период.

*Актуальные вопросы судебных инженерно-технических экспертиз* : всерос. науч.-практ. конф. 24–25 апр. 2006 г. / [редкол.: А.В. Чернов и др.]. – Иркутск : ВСИ, 2006. – 279 с. – В надзаг.: М-во внутр. дел Рос. Федерации, Вост.-Сиб. ин-т.\*<sup>1</sup>

Алесковский, С.Ю. *Основы графологии* / С.Ю. Алесковский, Я.В. Комиссарова. – М. :

<sup>1</sup> Библиографические описания, отмеченные \*, составлены на основе библиографических записей, помещенных в номерах «Книжной летописи».

Юрлитинформ, 2006. – 211 с. – (Библиотека криминалиста : БК).\*

Виницкий, Л.В. *Актуальные вопросы использования микроследов в доказывании* : монография / Л.В. Виницкий, Т.В. Попова. – Челябинск : ЧЮИ, 2006. – 215 с.\*

*Вопросы судебной экспертизы* : сб. науч. тр. / Рос. гос. ун-т им. И. Канта ; под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград : Изд-во Рос. гос. ун-та, 2006. – 70 с.\*

Гецманова, И.В. *Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе* : [учеб. пособие] / И.В. Гецманова. – М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2006. – 205 с.\*

Зинин, А.М. *Габитоскопия и портретная экспертиза* : практикум / А.М. Зинин, О.А. Косыгин, М.Н. Шухнин. – Саратов : СЮИ, 2006. – 58 с.

Зинин, А.М. *Руководство по портретной экспертизе* : учеб. пособие : [для вузов по специальности 350600 «Судеб. экспертиза»] / А.М. Зинин. – М. : Эксмо : Эксмо, 2006. – 208. : (Справочник юриста).\*

*Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с пре-*

ступностью : материалы междунар. науч.-практ. форума, 25 – 28 апр. / [редкол.: А.Г. Кузнецов и др.]. – Саратов: СЮИ, 2006. – 102 с. – Саратов. юрид. ин-т.\*

Кольчугин, А.Г. *Уголовное дело № 00264* : учеб. пособие / А.Г. Кольчугин, Н.С. Невшупа. – Краснодар : КА МВД России, 2006. – 125 с.\*

Корухов, Ю.Г. *Расследование налоговых преступлений* : лекция / Ю.Г. Корухов. – М. : Юрид. ин-т МИИТа, 2006. – 31 с.\*

Савушкин, В.В. *Выявление преступлений экономической направленности посредством анализа финансово-хозяйственной деятельности предприятия с использованием бухгалтерской документации* : лекция / В.В. Савушкин. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2006. – 34 с.\*

*Сборник примерных образцов заключений эксперта по технико-криминалистической экспертизе документов* : учеб.-метод. пособие / А.А. Волков [и др.]. – Саратов : СЮИ, 2006. – 79 с.\*

*Современное состояние и перспективы развития межрегиональных автоматизированных дактилоскопических информационных систем в правоохранительных органах Российской Федерации* : материалы семинара. – М. : ЭКЦ МВД России, 2006. – 127 с. – Эксперт.-криминалист. центр.\*

Сорокотягина, Д.А. *Судебная экспертиза* : учеб. пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 335 с. – (Серия «Высшее образование»).\*

*Указатель литературы по судебной экспертизе за 2004 г.* / : [библиограф. пособие / сост. И.С. Саклантьев ; науч. ред. А.И. Усов]. – М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2005. – 158 с.

**Аннотация:** «Указатель литературы по судебной экспертизе за 2004 г.» приводит библиографию по общим вопросам судебной экспертизы, конкретным родам (видам) экспертиз, автоматизации, информационному и математическому обеспечению судебной экспертизы и иным вопросам.

«Указатель» рассчитан на судебных экспертов и юристов, связанных по роду своей работы с проведением судебных экспертиз и ее оценкой – судей, прокуроров, следователей и адвокатов, а также на студентов и аспирантов юридических вузов.

*Экспертные методики исследования тканей и выделений человека* : учеб. пособие / М.Г. Пименов [и др.]. – М. : ЭКЦ МВД России, 2006. – 71 с.\*

Ястребо, Д.А. *Информационная безопасность в Российской Федерации* : (уголов.-правовая борьба с неправомер. доступом к компьютер. информ.) / Д.А. Ястребов, Н.В. Брянцева. – М. : Полтекс, 2006. – 196 с.\*

Ястребов, Д.А. *Неправомерный доступ к компьютерной информации* / Д.А. Ястребов ; под общ. ред. А.А. Тер-Акопова, Г.И. Загорского. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Прима-Пресс, 2006. – 200 с.\*

#### Литература:

*Книжная летопись* : гос. библиограф. указатель РФ / Рос. кн. палата ; [отв. ред. Л.А. Давыдова, коллектив сост.]. – М. : Изд-во ООО «Бук Чембер Интернэшнл», 2006. – № 27 – 39.

**Медицинская и судебная психология. Курс лекций:** Учебное пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – М.: Генезис, 2005. – 606 с.

Учебное пособие включает 4 раздела: Медицинская психология в практике судебной психиатрии; Смежные с медицинской и судебной психологией дисциплины; Общие проблемы судебных психолого-психиатрических экспертных исследований; Предметные виды комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз.

В пособие включены лекции ведущих ученых, составляющие основу курса в рамках ежегодного цикла усовершенствования для судебных психологов, проводимого ГНЦ ССП им В.П. Сербского. В лекциях отражен системный междисциплинарный подход к подготовке специалистов в области медицинской и судебной психологии.

Освещаются проблемы патопсихологии, психодиагностики, психокоррекции, психологии аномального развития, судебной психиатрии, психиатрии чрезвычайных ситуаций, наркологии, суицидологии, виктимологии, агрессиологии, сексологии, психосоматики. Особое

внимание уделено организационным, теоретическим, методологическим, этическим основам и предметным видам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в уголовном и гражданском процессах. В Приложениях даны нормативно-правовые документы по судебной психиатрической и комплексной экспертизе.

Пособие предназначено для студентов психологических факультетов (специальности «Психология», «Клиническая психология»); медицинских и юридических психологов, судебных психиатров, обучающихся в системе дополнительного послевузовского образования; судебно-психиатрических экспертов.

**Методологические основы экспертного подхода к правовой защите детей (судебно-психиатрический и судебно-психологический аспекты) /** Методические рекомендации – Москва: Министерство здравоохранения Российской Федерации Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского – 2004, 150 экз., 28 с.;

В методических рекомендациях определены компетентность, критерии и порядок проведения в рамках Семейного и Уголовного Кодексов России комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при юридически значимых ситуациях, имеющих отношение к правовой защите детей. Впервые в экспертной практике очерчены группы гражданских дел, при которых возникает необходимость проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, перечислены обстоятельства, подлежащие экспертному исследованию, и сформулированы вопросы, соответствующие его задачам.

Дана характеристика модельных ситуаций экспертного исследования применительно к судебным спорам, возникающим из брачно-семейных отношений. Выделены предикторы агрессивного поведения лиц, эмоционально значимых для ребенка и проявляющих по отношению к нему жестокость; сделан модельный анализ таких случаев для клинической и экспертной работы. Методические рекомендации определяют социально-клинические показатели, имеющие значение для правовой защиты детей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах, поэтому могут использоваться в экспертной и социальной практике.

Для судебных психиатров, судебных и медицинских психологов, детских психиатров, работников судебных и правоохранительных органов.

**Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: Пособие для врачей под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой и д.м.н. Е.В. Макушкина. Методические рекомендации.** – М.: Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского; РФЦСЭ при Минюсте России - 2007б - 37с.

В пособии впервые приводятся обоснованные единообразные критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически значимого аффекта у обвиняемых. Рассматриваются особенности диагностики аффекта у лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости; у обвиняемых, находящихся в состоянии алкогольного опьянения в период совершения правонарушения; у несовершеннолетних обвиняемых. Раскрывается методология определения аффекта в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Предназначено для судебных и медицинских психологов, судебных психиатров, юристов, преподавателей юридической психологии и судебной психиатрии. Утверждено НМС РФЦСЭ, рекомендовано к внедрению в экспертную практику.

**Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии.** – М: Смысл, 2003. – 300 с.

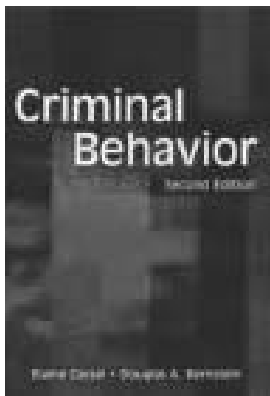
Монография посвящена теоретическим и практическим проблемам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы обвиняемых в агрессивных преступлениях. Объектом исследования автора является криминальная агрессия, рассматриваются психологи-



ческие механизмы агрессии, приводится психологическая типология криминальной агрессии. Освещается роль психических аномалий в генезе агрессивных действий. Анализируются проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы психически здоровых и лиц с психическими расстройствами, не исключая вменяемости, обвиняемых в криминально-агрессивных действиях. Приводятся разработанные автором критерии судебно-психологической экспертной оценки психического состояния обвиняемого в момент совершения преступления (аффект, ограниченная вменяемость)

Книга предназначена для психологов, психиатров, юристов, но наибольший интерес представляет для судебных психологов, экспертов.

## ЗАРУБЕЖНЫЕ КНИГИ ПО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ



**Elaine Cassel, Douglas A. Bernstein. Criminal Behavior – Lawrence Erlbaum Associates, April 3rd 2007**

**Э. Кассель, Д. Бернштейн. Криминальное поведение**

В книге «Криминальное поведение» преступление рассматривается как процесс, связанный с развитием человека от его рождения. Исследуется роль, которую юридические, политические системы и структуры уголовной юстиции играют в формировании преступного поведения. В работе рассматриваются биологические, генетические, семейные, социальные, образовательные, культурные, политические, экономические факторы, обуславливающие преступление. Приводятся фактические данные из судебной практики, подтверждающие избранные авторами принципы. Критической оценке подвергается роль криминальных структур и системы ювенальной юстиции и применяемых методов наказания в формировании преступного поведения. Исследуется влияние преступления на жертву и связь между преступлениями и особенностями жертвы и ее поведением. Изучается роль детства, психических и поведенческих расстройств в формировании преступного поведения. Проводится сопоставительный анализ особенностей правонарушителей между собой и с остальными членами общества.



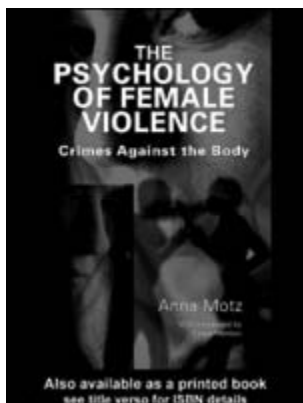
**Learning Forensic Assessment**

**Изучение судебно-экспертных оценок/ Под ред. Rebecca Jackson. Опубликовано в 2007 г. Ассоциацией Lawrence Erlbaum.**

Книга представляет собой превосходный учебник для судебных психологов и экспертов. В отличие от других книг в данной области дает молодым специалистам возможность учиться у экспертов. В книге собраны выдающиеся работы специалистов, всесторонне представлен предмет исследования. Содержание разделено на пять частей, каждая из которых охватывает широкую область исследования: разногласия профессиональных мнений, оценки в отношении несовершеннолетних, оценка в уголовном судопроизводстве, оценка в гражданском судопроизводстве, распространяющиеся проблемы – симуляция и психопатии. Написанный коллективом всемирно известных авторов и включающий дидактическую информацию, обеспечивающую возможность обсуждения практических вопросов,

связанных с принятием экспертных решений (экспертных оценок), учебник будет неоценимым для всех студентов, проходящих подготовку по судебной психологии.

Об авторе: *Rebecca Jackson* – руководитель программы сертификации судебных экспертов (*Forensic Certification Program*), заместитель директора сообщества докторов философии и докторов права Программы правовой психологии Тихоокеанской магистратуры по психологии в Пало, Калифорния.

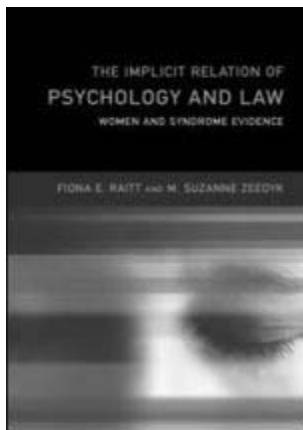


**Anna Motz. The Psychology of Female Violence Crimes Against the Body**

ISBN: 978-0-415-12675-5 (paperback)  
978-0-415-12674-8 (hardback)  
978-0-203-99561-7 (electronic)

**Анна Мотц. Психология женского насилия.**

В книге рассматривается психология женского насилия и женской преступности с точки зрения психодинамического и криминологического подходов, соответственно. Исследуется связь между детским опытом и взрослым поведением. Книга содержит богатый иллюстративный материал. Состоит из 3-х частей: 1) Насилие над детьми; 2) Насилие над собой; 3) Насилие над другими.

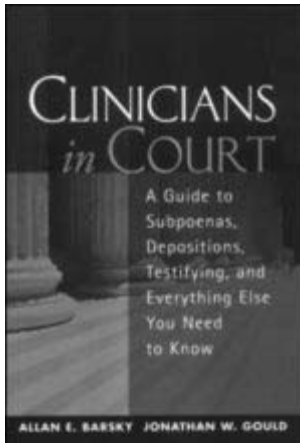


**Fiona Raitt; Suzanne Zeedyk. The Implicit Relation of Psychology and Law. Women and Syndrome Evidence, 2000**

ISBN: 978-0-415-14782-8 (hardback)  
978-0-203-13193-0 (electronic)

**Файона Рэйтт и Сюзанна Зидык. Скрытые отношения между психологией и законом. Женщины и синдром доказывания**

С позиции феминизма авторы критически рассматривают нынешнее использование психологии в правосудии и выявляют сговор в двух этих сферах, который активно используется против интересов женщин. Авторы находят аргументацию своей точки зрения в таких областях, как жестокое обращение с детьми, насилие в семье, насилие и аборт. В представленной читателям революционной по сути работе использованы и собственные исследования авторов и данные, полученные в различных странах, включая Австралию, Новую Зеландию, Канаду и Южную Африку так же как США и Великобританию. Книга содержит революционный, феминистский анализ проблематики смежных областей. Файона Рэйтт и Сюзанна Зидык исследуют учет женских психологических синдромов в судах Великобритании и США. В дополнение к явной связи между психологией и правом, авторы уверены в функционировании скрытых отношений между ними, которые существуют в области пересечения психологии и судопроизводства и ущемляют права женщин. Работа является дискуссионной, написана доступным языком, найдет своих читателей в широком диапазоне интересов, включающем психологию, судопроизводство, криминологию и исследования женской проблематики.



**Allan E. Barsky; Jonathan W. Gould.**  
**Clinicians in Court A Guide to Subpoenas,  
 Depositions, Testifying, and Everything Else You  
 Need to Know – Routledge, UK, 2002, 256 с.**

ISBN: 978-1-59385-016-6 (paperback)  
 978-1-57230-788-9 (hardback)  
 978-0-203-49325-0 (electronic)

**Алан Барски, Джонатан Гулд. Клиницисты в суде.  
 Руководство по участию в судебном заседании,  
 показаниям под присягой и все остальное, о чем  
 вы должны знать**

К специалистам (психологам и психиатрам) часто обращаются с просьбой участвовать в суде в качестве специалиста или эксперта для дачи разъяснений или проведения исследования. Интересующие суд и участников процесса вопросы относятся к широкому кругу обстоятельств. В том числе включают семейное законодательство, вопросы охраны детства, определения психического здоровья, небрежное отношение к лечению, применение запрещенных методов исследования и мн. др. Взаимодействие с юридической системой предполагает множество потенциальных сложностей, но правильная подготовка и понимание юридических процедур, терминологии могут увеличить опыт специалиста. В данной работе содержится практическая информация и основные принципы, помогающие клиницистам любого уровня подготовки понимать свою роль в судопроизводстве и участвовать в нем эффективно, соблюдая этические нормы и с минимальным напряжением. Специальные приложения содержат полезные образцы показаний под присягой, соглашения о вознаграждении и других материалов, которые могут быть полезны в собственной практике читателя.



**С.М. Вул**  
**СУДЕБНО-АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ  
 ЭКСПЕРТИЗА. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ.**  
 — Х.: ХНИИСЭ, 2007. — 64 с.

ББК 81.2-8 + 67.9(4УКР) б я 73 В 88  
 УДК 343.977.008.4:4(075.0)

В настоящем пособии для экспертов-автороведов развиваются, дополняются и уточняются положения, выведенные в указанной работе и касающиеся методики одного из видов этого рода криминалистического исследования вещественных доказательств - идентификационной судебно-автороведческой экспертизы. К ее предмету относится решение вопросов об авторстве текстов документов, осуществляемое экспертом с помощью специальных познаний путем исследования документов и других материалов уголовного или гражданского дела в соответствии с уголовно-процессуальным (гражданско-процессуальным) законодательством Украины.

В пособии дается развернутое описание:

- классификации идентификационных признаков письменной речи как важнейшего инструмента экспертного исследования, служащего основой его программирующей структуры;
- основных стадий процесса экспертной идентификации автора документа;
- требований к подготовке и оформлению материалов на экспертизу.

## **ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ**

Перечень документов и материалов, представляемых в РФЦСЭ при Минюсте России для публикации в журнале:

1. Сопроводительное письмо организации, учреждения
2. Сведения об авторах
3. Авторский оригинал статьи
4. Электронная версия авторского оригинала

Плата за публикацию рукописей не взимается

### **1. ТРЕБОВАНИЯ К СОПРОВОДИТЕЛЬНОМУ ПИСЬМУ ОРГАНИЗАЦИИ, УЧРЕЖДЕНИЯ**

Сопроводительное письмо оформляется с просьбой о публикации указанной конкретной статьи конкретного автора, подписывается в установленном в этой организации порядке. Если авторы из разных организаций, сопроводительное письмо может быть направлено от любой организации, где работает один из авторов.

### **2. ТРЕБОВАНИЯ К СВЕДЕНИЯМ ОБ АВТОРАХ**

Сведения об авторах подписываются каждым автором и включают следующие данные: имя, отчество и фамилия автора;

ученое звание, ученая степень;

должность и область профессиональных интересов;

место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта, с почтовым адресом и телефоном);

фотография, размером от 4 см x 6 см (фотография будет напечатана в начале статьи; при предоставлении цифровой фотографии разрешение должно быть 600 dpi; если авторские права на фотографию не принадлежат автору статьи, или организации, которая предоставляет статью, вместе с фотографией должно быть представлено разрешение на публикацию от владельца данных прав);

телефон;

адрес;

e-mail.

### **3. ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ СТАТЬИ**

#### **3.1. Общие требования**

Авторский оригинал статьи, включая рисунки, должен быть подписан каждым автором на каждой странице с указанием даты подписи и номера страницы.

На титульном листе должны быть указаны общее число страниц и количество иллюстраций. Автор должен вынести на левое поле номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест, в которых желательно поместить эти элементы.

В редакцию представляются два экземпляра авторского оригинала, распечатанного на одной стороне писчей бумаги формата А4 (210x297 мм) и один экземпляр авторского оригинала на электронном носителе (лазерный диск).

#### **3.2. Требования к текстовой части авторского оригинала**

Текстовая часть должна включать:

- титульный лист статьи (указывается название статьи, фамилия, имя, отчество автора (авторов); должность, ученая степень, ученое звание, область научных и экспертных интересов);
- основной текст статьи с заголовками, таблицами, формулами и т.п.;

- тексты справочного характера и дополнительные тексты (указатели, комментарии, примечания, приложения);
- библиографические списки (ссылки), даются в порядке упоминания в тексте;
- аннотация, ключевые слова (на русском и на английском языках);
- подрисуночные подписи.

Текст авторского оригинала должен быть набран с соблюдением следующих условий:

текстовый редактор	Microsoft Word
шрифт	Times New Roman
кегель	14
межстрочный интервал:	1,5
поля:	левое – 3,0 см
	правое – 1,5 см
	верхнее – 2,0 см
	нижнее – 2,0 см

Подстрочные комментарии

и замечания допускаются

Объем текста до 10 страниц

Количество иллюстраций,

в т.ч. – цветных до 3. Возможность размещения большего количества иллюстраций согласовывается с редакцией

Таблицы обозначаются арабскими цифрами. Формулы набираются с использованием встроенного редактора формул MS Word.

Ссылки на библиографические источники оформляются в виде пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ 7.1.–2000 «Библиографическая запись», ГОСТ 7.12–93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке», ГОСТ 7.80–2000 «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления», ГОСТ 7.82–2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления».

Текстовая информация предоставляется на диске в формате RTF.

### 3.3. Требования к иллюстрациям

Требования к авторским оригиналам иллюстраций:

Иллюстрации должны быть пронумерованы в последовательности, соответствующей упоминанию их в тексте и номерами привязаны к подрисуночным подписям.

На обороте каждой иллюстрации должны быть написаны фамилия автора, название статьи, а также номер иллюстрации.

Обозначения, термины, позиции, размеры и пр. на иллюстрациях должны соответствовать упоминаниям их в тексте и подрисуночных подписях.

На оборотной стороне иллюстраций должно быть четко обозначено: «верх» или «низ».

Не допускается наклеивать иллюстрации на подложку, приклеивать к иллюстрациям листки с номерами, подписями и т.п.

Копии фотографий (сканированные и распечатанные, скопированные при помощи множительной техники и т.д.) не принимаются.

Иллюстрации в обязательном порядке представляются также на электронном носителе.

Каждая иллюстрация должна быть представлена в виде отдельного файла в форматах .jpg, .tif, с разрешением 600dpi., Имя файла должно содержать фамилию и инициалы автора, ключевые слова из названия статьи и номер иллюстрации, (например, «АВ Волков Исследование холодного оружия рис. 2»). Иллюстрации могут быть как черно-белыми, так и цветными.

Если авторские права на иллюстрацию не принадлежат автору статьи, или организации, которая предоставляет статью, вместе с иллюстрацией должно быть представлено разрешение на публикацию от владельца данных прав.

# **ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ

Журнал отпечатан на копировально-множительном участке  
отдела научной информации РФЦСЭ при Минюсте России

Индекс УДК: 343 977  
Объем издания: уч. изд.л.  
Сдано в набор:  
Подписано в печать:  
Тираж 500 экз.

ISSN 1819-2785



9 771819 278003